

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№2 (57)
2006

ISSN 1990-8466

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Выпуск 5

Редакционная коллегия

д-р ист. наук **В. С. Балакин** (*отв. редактор*), канд. ист. наук **А. В. Епимахов**,
д-р филос. наук **Ф. М. Землянский**, канд. фил. наук **К. В. Киуру** (*отв. секретарь*),
канд. фил. наук **Е. В. Пономарева**, канд. филос. наук **Е. В. Миронов**,
д-р ист. наук, д-р искусствоведения **Н. П. Парфентьев**, канд. филос. наук **В. Е. Хвощев**

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	4
Теоретические и методологические проблемы социологии	
Быков А.Ю. К вопросу о понятии «информация»	6
Веселкова Н.В. Отношение к будущему: штрихи к портрету темпоральной субъектности	11
Глазырин В.А. Методологические основания изучения права в социологии	16
Комлева Н.А. Россия и Запад: отношения гомоморфизма	21
Левченко В.В. Состязательность и ее основные детерминанты	26
Маликова Н.Н. Социологическое исследование как коммуникативный процесс	30
Мансуров В.А. Социология и общество: проблемы взаимодействия	35
Масалков И.К. Возникновение клинического подхода в медицине и социологии	37
Рычков Д.А. Собственность как интегральная форма общественного и индивидуального бытия человека	42
Слюсарянский М.А. Методологические аспекты исследования социально-трудовых отношений в процессе трансформации российского общества	45

Социология политики

Зырянов С.Г. Становление нового института региональных выборов: проблемы и перспективы	48
Никонов А.И. Проблемы формирования политического процесса в современной России	54
Руденкин В.Н. Российская бюрократия: количество и качество	57
Храмцова Н. Г. Манипулятивные характеристики правового дискурса в процессе политико-правовой коммуникации (на примере предвыборной кампании в Курганской области)	62

Экономическая социология

Зырянов В.В., Желаннова Е.А. Когнитивный подход в изучении эффективности налоговых реформ	67
Иванов О.П. Национальное счастье как социальный феномен	72
Козлов В.Н. Работающая молодежь: осознание себя и общества	76
Лаврентьева И., Варнавская И.П. Социально-экономические проблемы реализации стратегии включения репродуктивного труда в экономику	80
Нестерова Н.В. Социокультурная полиаспектность предпринимательской деятельности как условие успеха	85
Носырев Н.А. Ренессанс ядерной энергетики и корпоративная система подготовки кадров для атомной промышленности	89
Разинский Г.В. К вопросу о типе управления производственным социумом (по материалам социологического исследования)	93
Уманский А.С. Функции и свойства политик предприятия в процессе реализации стратегии	95
Шайкин Д.Н. Социально-экономические проблемы молодежи на рынке труда	100

Социология духовной жизни

Антонова О.В. Динамика научных школ ЮУрГУ	104
Балакин В.С., Балакина Л.П. Наука как профессиональная коммуникация	106
Глухарев Д.С. Межкультурная коммуникация финно-угорских народов Урала	109
Зуева Н.В. Сфера культуры в контексте государственных реформ	111
Иголеви́ч Н.И., Зимина Е.Ю. Возможности использования типологических моделей профессионального образования в процессе подготовки и формирования специалиста	115
Колчинская В.Ю. Художественное творчество как способ самоидентификации	121
Кораблева Г.Б. Институциональные основы формирования профессиональных общностей	126
Коршунова Н.В. Реформы в России в последней трети XVIII — первой четверти XIX вв.: проблемы теории и практики	128
Лесняк В.И. Патриотическое воспитание в правоохранительных органах: состояние и факторы влияния	131
Липская Л.А. Антропологическая ориентация современного образования	136
Мальцева Л.П. О сотрудничестве Русской Православной церкви и вуза	141

Мионов Е.В. «Стихийное» и «организованное» начала российского общества в русской социально-политической мысли XIX века	143
Мионов Е.В., Трошкин Е.И. Политические права и ответственность граждан в социально-политической концепции Б.Н. Чичерина	146
Ольховиков К.М., Ольховикова С. В. Актуальные перспективы социологии духовной жизни	148
Попова Л.А. Гендерные отношения в современном обществе	153
Рыбцова Л.Л. Феномен советской женщины, или особенности гендерной системы советского периода	156
Сергиева Н.С. Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских	160
Тимофеев А.А. Социально-культурные последствия строительства Транссиба на Южном Урале	166
Файзуллин Ф.С., Шафиков М.Т. Особенности динамики научно-образовательного потенциала в условиях глобализации	169
Южалина Н.С. Проблема региона как социокультурного пространства	172
Прикладные аспекты социологических исследований	
Антонова Н.Л. Потребности семьи в социальных услугах	177
Бабкина Л.Ф., А.В. Власова Место благотворительности и ее форм в системе социальных ценностей	181
Ганопольский М.Г. Структура расселения как основа формирования региональной общности	185
Заборова Е.Н. Феномен города с точки зрения теории социального пространства	188
Москвичева М.Г., Бредихина Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ)	196
Паначев В.Д. Проблемы управления социальным институтом спорта	202
Петрова Л.Е. Молодые взрослые: типология стратегий совладания с жизненными трудностями	208
Придвижкин С.В. Эффективность механизмов реализации национального проекта «Доступное жилье — гражданам России»: федеральный и региональный уровень	212
Семененко М.Ю. Социально-демографические характеристики стабильности российско-казахстанского приграничья	217
Старшинова А.В. Социологические аспекты исследования процесса становления и функционирования идеологии социальной работы	224
Федюнина С.М. Восприятие процессов миграции населением и сотрудниками органов внутренних дел: по данным социологических опросов	229
Багдасарян О.Ю. Экспрессивный потенциал образов времени и пространства в драматургии «новой волны»	234
Рефераты статей	238
Summary	245
Сведения об авторах	250
Список сокращений	255

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета», в котором в рамках серии «Социально-гуманитарные науки» объединен ряд статей участников международной научно-практической конференции XVI Уральские социологические чтения: «Социальное пространство Урала в условиях глобализации — XXI век». Редакционная коллегия сочла целесообразным выделить пять рубрик.

В первом разделе «Теоретические и методологические проблемы социологии» представлены исследования о понятии «информация» (А.Ю. Быков), о темпоральной субъективности (Н.В. Веселкова), об основных детерминантах состоятельности (В.В. Левченко), об отношениях гомоморфизма между Россией и Западом (Н.А. Комлева). Противоположные тенденции взаимодействия социологии и общества проанализированы В.А. Мансуровым. Авторы исследуют теоретические вопросы изучения в социологии права (В.А. Глазырин), возникновение и роль клинического подхода (И.К. Масалков), проблему собственности как интегральной формы общественного и индивидуального бытия человека (Д.А. Рычков). М.А. Слюсарянский продолжил изучение методологических аспектов социально-трудовых отношений. В центре внимания Н.Н. Маликовой оказались коммуникативные аспекты социологического исследования.

Во втором разделе помещены исследования по социологии политики. Одному из наиболее интенсивно развивающихся направлений социологии политики — социологии выборов посвящены статьи С.Г. Зырянова и Н.Г. Храмцовой. Ключевым аспектам формирования политического процесса посвящено исследование А.И. Никонова. Государственная бюрократия, ее формирование, количество и качество привлекли внимание В.Н. Руденкина.

Социальным проблемам экономики, производства и трудовых отношений посвящены статьи третьего раздела. В.В. Зырянов и Е.А. Желаннова обосновывают роль когнитивного подхода в изучении эффективности налоговых реформ. Социально-экономические проблемы реализации стратегии включения репродуктивного труда в экономику разработаны в статье И. Лаврентьевой и И.П. Варнавской. Дискуссионность обсуждаемых вопросов отражается также в статье Г.В. Разинского, посвященной типу управления производственным социумом, в работе А.С. Уманского о функциях и свойствах политик предприятия в процессе реализации стратегии и исследовании Н.В. Нестеровой, в котором анализируются социокультурная полиаспектность предпринимательской деятельности. Статья Н.А. Носырева посвящена социальным аспектам развития ядерной энергетики. Итоги исследования социально-экономических проблем работающей молодежи нашли отражение в статьях В.Н. Козлова и Д.Н. Шайкина.

Наибольшее количество статей оказалось в четвертом разделе «Социология духовной жизни». Статьи В.С. Балакина, Л.П. Балакиной, О.В. Антоновой Н.И. Иоголевич, Е.Ю. Зиминой, Г.Б. Кораблевой, Л.А. Липской, Ф.С. Файзуллина, М.Т. Шафикова посвящены изучению актуальных проблем современного образования и науки. Преимущественно эмпи-

рическое изучение культурных коммуникаций нашло отражение в исследованиях Д.С. Глухарева, Н.В. Зуевой, В.Ю. Колчинской, Н.В. Коршуновой, В.И. Лесняка, Н.С. Сергиевой, К.М. Ольховникова, С.В. Ольховниковой, А.А. Тимофеева и Н.С. Южалиной. Е.В. Миرونнов продолжил изучение вопросов социально-политической концепции Б.Н. Чичерина. Другие участники раздела обратились к анализу гендерных отношений в современном обществе (Л.А. Попова, Л.Л. Рыбцова).

Прикладные аспекты социологических исследований нашли отражение в статьях последнего, пятого, раздела. Актуальные проблемы городского пространства рассмотрены на страницах работы Е.Н. Заборовой, исследованию населения посвящены статьи Н.Л. Антоновой, М.Г. Ганопольского, М.Г. Москвичевой, Н.В. Бредихиной, В.Д. Паначева, Л.Е. Петровой, С.В. Придвижкина, М.Ю. Семененко и С.М. Федюнина. Статьи Л.Ф. Бабкиной, А.В. Власовой и А.В. Старшиновой посвящены исследованию широкого круга вопросов благотворительности и социальной работы.

Редколлегия надеется, что данное издание будет способствовать общему повышению уровня социальных исследований, углублению междисциплинарных связей и расширению научных контактов.

Теоретические и методологические проблемы социологии

УДК 681.3 + 316.774
ББК 423: С5.В6

А.Ю. Быков

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ИНФОРМАЦИЯ»

Попыток разобраться в том, что такое информация за несколько последних десятилетий было предпринято немало. Однако сделать выбор в пользу какой-то одной концепции непросто. Можно даже сказать, что единого общепринятого определения понятия «информация» в науке на сегодняшний день нет. Данный вывод следует из знакомства с множеством источников по обсуждаемой теме. На это указывают и многие исследователи.

Так, В.В. Коштоев, занимающийся изучением информационных систем, свидетельствует, что, действительно, «в настоящее время отсутствует общепринятое, исчерпывающее определение информации»¹. Специалист в области биофизики Н.Г. Чернавский также неоднократно высказывался по поводу того, что ни одно из определений информации не является общепринятым. Ученый называл такое положение вполне естественным, поскольку «общепризнанные определения появляются в науке, когда она становится классической и перестает развиваться... о науке об информации этого, к счастью, сказать нельзя»². В совместной монографии В.Г. Пушкина и А.Д. Урсула, целенаправленно исследовавших теорию информации, развивается та же самая мысль: «В настоящее время еще не выработано единственное и общепризнанное общее определение понятия информации, а... употребляются сотни дефиниций, зачастую противоречивых и взаимоисключающих друг друга. Это выражение этапа бурного становления концепции информации в современной науке, широкого использования информационных процессов в технике и других сферах деятельности человека»³.

Многообразие дефиниций понятия информации обнаруживается уже в фундаментальных справочных пособиях — словарях и энциклопедиях — не говоря о широко представленных публикациях научного и научно-популярного характера.

¹ Коштоев, В.В. Информационные системы и феномен жизни. — Тбилиси, 1998 // www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000034 — 17.01.2006.

² Чернавский, Д.С. Синергетика и информация. — М., 2001 // www.spkurdyumov.narod.ru/Chernavskiy/ch1.htm — 17.01.2006.

³ Пушкин, В.Г., Урсул, А.Д. Информатика, кибернетика, интернет. Философские очерки. — Кишинев, 1989 // www.ihtik.lib.ru — 17.01.2006.

В «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) толкование «информации» приводится в трех самостоятельных словарных статьях.

В *первой* представлено общенаучное понимание термина: «Информация (от лат. informatio — разъяснение, изложение), первоначально — сведения, передаваемые одними людьми другим людям устным или каким-либо другим способом (например, с помощью условных сигналов, с использованием технических средств и др.), а также сам процесс передачи или получения этих сведений»⁴.

Следующая статья посвящена информации общественно-политической. Этот вид информации трактуется как «совокупность сообщений об актуальных новостях внутренней и международной жизни, распространяемых средствами массовой коммуникации и ориентирующих аудиторию в фактах, явлениях, процессах политической, экономической, научной, культурной и пр. жизни общества»⁵.

Наконец, еще одна, *третья*, статья БСЭ раскрывает интерпретацию понятия информации в кибернетике. «Центральное положение понятия информации в кибернетике объясняется тем, что кибернетика (ограничивая и уточняя интуитивное представление об информации) изучает машины и живые организмы с точки зрения их способности воспринимать определенную информацию, сохранять ее в «памяти», передавать по «каналам связи» и перерабатывать ее в «сигналы», направляющие их деятельность в соответствующую сторону»⁶. В данном случае речь идет об управленческой функции информации.

В «Философском энциклопедическом словаре» предельно лаконично указывается на четыре аспекта значения термина:

«1) сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми; 2) уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений; 3) сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик; 4) передача, отражение разно-

⁴ Большая Советская Энциклопедия (В 30 томах). Т. 10. — М.: Советская энциклопедия, 1972. — 592 с.

⁵ Там же. С. 354.

⁶ Там же.

образа в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)»¹.

Очевидно, что здесь дублируются основные положения БСЭ («сообщение», «процесс», «сообщение, связанное с управлением») и добавляются новые («уменьшаемая неопределенность», «отражение»). Эти толкования аналогичны тем, которые присутствуют в других справочниках, в том числе словарях, трактующих лексическое значение слова.

Однако это лишь малая часть описанных в гуманитарных и технических науках проявлений феномена. Если задаться целью и составить более полный список определений понятия, то вряд ли он ограничится сотней пунктов. Такое положение вещей вызывает ожидаемые сложности у специалистов-исследователей. Какое определение принять за основу? В каком направлении вести изыскания? Чем руководствоваться при объяснении природы явления?

Один из возможных путей решения этой проблемы — систематизация имеющихся знаний и выделение существенных характеристик информации. В этих целях имеет смысл разделить известные дефиниции по группам, провести их классификацию. Достаточно основательно эта работа была проделана российскими исследователями Т.Н. Сосниной и П.Н. Гончуковым². Авторы выделили более 30 исследовательских направлений, в рамках которых рассматривается феномен информации. Аналогичные попытки предпринимались и другими учеными. Здесь можно сослаться, по меньшей мере, на изыскания уже упоминавшихся исследователей В.В. Кошгоева и Д.С. Чернавского³.

Заинтересованный читатель в целях детального знакомства с научными тенденциями может обратиться к обозначенным источникам. Нам же для дальнейших рассуждений представляется необходимым рассмотреть отдельные направления информационной науки. Думается, заслуживают внимания наиболее распространенные в науке точки зрения. Требуют пояснения некоторые наиболее сложные для понимания или емкие философские трактовки, такие как «энтропия», «отражение» и др. Наконец, для нас важно охарактеризовать те смыслы, которые действительно несут в себе существенные характеристики рассматриваемого феномена.

Итак, в зависимости от того, как трактуется понятие «информация», в науке выделились несколько магистральных направлений.

¹ Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. — 815 с.

² Соснина, Т.Н., Гончуков, П.Н. Словарь трактовок понятия «информация». — Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет, 1998. — 212 с.

³ Кошгоев, В.В. Указ соч.; Чернавский, Д.С. Указ соч.

Информация — сообщение, сведения, данные, факты, суждения

Очень часто информация определяется как сообщение, или набор сообщений, либо сведения, которыми обладает кто-либо (что-либо) и которые могут передаваться.

Представление об информации как о сообщениях, о сведениях широко распространено в обыденном сознании. На бытовом уровне, как правило, употребляется термин именно в таком значении (под передачей информации обычно понимается обмен какими-то сведениями, сообщениями). С научной точки зрения это определение, конечно, требует дополнительных пояснений. Для его полноты и корректности требуется объяснение значения тех терминов, через которые определяется базовое понятие — что такое «сведения», «сообщение». При определении «информации» через «сообщение», мы не даем четкого пояснения того, что такое «сообщение», а значит не объясняем в полной мере и того, что такое «информация». Более того, само «сообщение» зачастую определяется как «информация». И получается некий замкнутый круг.

Тем не менее, получив широкое распространение, данный подход вполне имеет право на существование. Обратим внимание на то, что, понимая информацию как сообщение (сведения, данные, факты, суждения), мы можем трактовать ее также как некий носитель смысла. Или, точнее, как некий смысл, выраженный в знаковой форме. А знаки, в свою очередь, в процессе коммуникации передаются через особые каналы участникам общения.

Информация — знание

Под знанием понимают определенную форму существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Информация возникает тогда, когда мы осознаем события, явления, существование предметов и т. д. Если этого не происходит и в нашем сознании не возникает никакой реакции по поводу явлений окружающего мира, то эти явления не несут для нас никакой информации.

Во многих источниках информация соотносится со знанием. Феномен информации в таком соотношении интерпретируется следующим образом: «совокупность знаний о фактических данных и зависимостях между ними»; «новые знания, принятые, понятые и оцененные как полезные решения тех или иных задач»; «информация — это знание, но не все знание, которым располагает человечество, а лишь та часть, которая используется для ориентировки, для активного действия, для управления, то есть в целях сохранения качественной специфики, совершенствования и развития систем»⁴. Действи-

⁴ Информация. Терминологический словарь. — М., 1992.; Ясин, Е.Г. Экономическая информация. Что это такое? — М., 1976.; Афанасьев, В.Г. Информация как ресурс управления // Кибернетика. Становление информатики. — М., 1986. (Цит. по: Соснина Т.Н., Гончуков П.Н. Словарь трактовок понятия «информация». — Самара, 1998. С. 167.)

тельно, получение и обладание знаниями подразумевает некое информационное воздействие, включенность в информационные процессы.

Для возникновения знания необходимо информационное воздействие, нарушение равновесия получающей информацию системы. Информация для своего проявления обязательно должна оказать воздействие на систему, которая ее воспринимает.

Информация — отражение

Понимание информации как отражения связано с неизменным ее свойством оказывать воздействие на что-либо, изменять устоявшийся баланс.

Отражение присуще всякому взаимодействию. Взаимодействие складывается из воздействий друг на друга веществ, предметов, субстанций и т. д. Действие одной вещи на другую приводит к отражению, где действующая вещь является отражаемой, а испытываемая действие и изменяющаяся вследствие этого вещь — отражающей. Отражение представляет собой процесс возникновения новых состояний отражающего предмета. Новое состояние отражающей вещи связано со свойствами вещи отражаемой, с характером действий последней. Если на песок поставить предмет с круглым основанием, то на песке останется след именно в форме круга, а не квадрата или шестиугольника. Отражение может происходить не только в результате механического воздействия, но также быть следствием теплового, химического обмена. Так, теплота в камне, нагретом солнечными лучами, является образом светового воздействия Солнца.

Различают также биологическое, социальное отражение. Высшей, специфической человеческой формой отражения является сознание, т. е. способность идеального воспроизведения действительности в мышлении, осознание мира.

Понимая информацию как отражение, мы наделяем ее способностью воздействия на какую-либо систему, рассматриваем ее как причину возможных изменений в той системе, на которую она воздействует. Эти воздействия неизбежно нарушают сложившийся в системе баланс.

Информация — отрицательная энтропия (негэнтропия)

Понятие энтропии вошло в научный оборот, благодаря точным наукам. В теории информации оно стало использоваться для характеристики свойств информационных явлений уже с середины прошлого столетия. Можно сослаться на классическое определение Л. Бриллюэна, который одним из первых начал употреблять понятие в данном контексте: «Информация должна рассматриваться как отрицательное слагаемое энтропии системы: информация есть негэнтропия. Энтропия есть мера недостатка информации, она выражает общее количество отсутствующей информации»¹.

¹ Бриллюэн, Л. Наука и теория информации. — М. : Гос. изд-во физ.-мат. лит-ры, 1960. — 395 с.

Для понимания термина «отрицательная энтропия», или «негэнтропия» необходимо определиться со значением понятия «энтропия», которое и сегодня используется исследователями в различных науках.

Распространенное определение энтропии сводится к следующему:

«*Энтропия* (от греч. поворот, превращение), понятие, впервые введенное в термодинамике для определения меры необратимого рассеяния энергии. Энтропия широко применяется и в других областях науки: в статистической физике как мера вероятности осуществления какого-либо макроскопического состояния; в теории информации как мера неопределенности какого-либо опыта (испытания), который может иметь разные исходы»².

Введение в научный оборот термина приписывается немецкому ученому Р. Клаузиусу (1865 г.). Его разработки связаны с обменом и преобразованием энергии. Р. Клаузиус заметил, что тепловую энергию можно преобразовать в иные виды энергии — механическую, электрическую, химическую. Его наблюдения во многом перекликались с осмыслением широко известных явлений. Скажем, с тем, почему высокие остроконечные горы постепенно разрушаются и становятся более пологими, а ущелья, наоборот, заполняются. С тем, почему реки мельчают, заболачиваются, а их извилистые русла постепенно спрямляются. Иными словами, действительно ли все процессы в природе каким-то образом направлены. Чтобы оценить подобные преобразования, Р. Клаузиус ввел новую физическую величину и назвал ее энтропией.

Для всякой материальной системы энтропия — это мера близости системы к состоянию равновесия. Если система находится в состоянии равновесия, в ней невозможно движение, энтропия ее максимальна. Величина, показывающая, сколько не хватает для максимально возможного значения энтропии, и есть в определенном смысле мера способности системы совершать внутри себя работу³.

Понятие энтропии, как позднее показал Э. Шредингер (1944)⁴, существенно и для понимания явлений жизни. Живой организм с точки зрения протекающих в нём физико-химических процессов можно рассматривать как сложную открытую систему⁵, находящуюся в неравновесном, но стационарном состоянии. Для организмов характерна сбалансированность процессов, ведущих к росту энтропии, и процессов обмена, уменьшающих её.

² Зубарев Д.Н. / Электронные энциклопедии // www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/126/734.htm — 27.01.2006.

³ См.: Шилейко, А.В., Шилейко, Т.И. Информация или интуиция? — М. : Молодая гвардия, 1983. — 208 с.

⁴ Эрвин Шредингер (1887—1961) — австрийский физик, один из создателей квантовой механики.

⁵ Под открытыми системами понимаются системы, которые обмениваются с окружающей средой веществом, энергией, импульсом и т. д.

Термин «энтропия» используется и в экономике. Здесь увеличение энтропии указывает на замедление экономического развития, стагнацию экономической системы.

В теории информации энтропией называют меру неопределенности какого-либо опыта (испытания), который может иметь разные исходы. Необходимо оговориться, что теория информации — это направление математической теории информации¹ и математической статистики², где обозначается концепция информации, т. е. определенный способ трактовки информации. Энтропия является разницей между информацией, содержащейся в сообщении, и той частью информации, которая точно известна (или хорошо предсказуема) в сообщении. Информация выступает как устраненная неопределенность. Полученная информация снижает неопределенность и позволяет сделать правильный выбор из нескольких вариантов. И в этом случае информация несет в себе отрицательную энтропию (негэнтропию).

Поскольку процессы в природе направлены в сторону достижения равновесия, в сторону увеличения энтропии, то уместно допущение о том, что информация нарушает равновесие системы и уменьшает энтропию. Информация заставляет систему работать, вызывает в ней изменения.

Информация — товар, ресурс, продукт труда

Трактовка информации как товара получила широкое распространение в ходе оформления концепции информационного общества. Последователи этой теории связывают становление информационного общества с доминированием так называемого четвертого, информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг.

Возрастающее значение информации инициирует появление экономики нового типа, которая именуется информационной. «Производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности гене-

рировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях»³.

В поведении покупателей — потребителей товаров и услуг — также обнаруживается указание на то, что информация не просто является товаром, а становится все более востребованным продуктом труда. Известно, что спрос сдвигается в сторону информационных потребностей. Так, «в США за 1980—1992 гг. доля расходов на информацию возросла в совокупном потребительском спросе с 9,9 % до 16,6 %»⁴. Эти тенденции, характерные и для других государств, все более и более усиливаются. Налицо интересные последствия такой ситуации. Одним из них является изменение представлений о капитале. Раньше капиталом считались вещи, материальные предметы. К ним относились земля, здания, станки. Сейчас никого уже не удивляет, что наряду с таким «вещным» воплощением ценностей, а также их проявлением в качестве денежной массы как капитал рассматривается и информация.

Справедливость версии понимания информации как товара или продукта труда объясняется и с точки зрения теории информации. Труд (процесс опредмечивания) с позиций теории информации может рассматриваться как процесс перезаписи информации из образа продукта труда в структуру физической среды (предмета труда). По мере осуществления этого процесса физическая форма продукта труда выделяется из окружающей среды. Тело человека и средства труда выступают при этом как канал передачи информации. Информация образа продукта труда, проявляющаяся первоначально в форме целесообразной и целенаправленной трудовой деятельности преобразуется затем в покоящиеся полезные свойства продукта труда, определяемые его физической формой и структурой⁵. В результате, продукт труда предстает опредмеченной информацией, т. е. информацией, перешедшей из абстрактной формы образа в реальную форму товара или услуги. Все это имеет свою стоимость. Товары, ресурсы, продукты труда обладают стоимостью, полезностью для тех, кто в них заинтересован. Иными словами, заключенная в них информация представляет некий потенциал для своего дальнейшего проявления.

Таким образом, информация, как некий потенциал нашедшая воплощение в продукте труда, способна в дальнейшем проявляться — оказывать влияние на те системы, где эти товары, продукты, ресурсы будут применяться.

Достаточно распространенными в исследовательской литературе являются также толкования

³ Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: Государственный университет «Высшая школа экономики», 2000. — 608 с.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ См.: Луценко, Е.В. Информационный анализ процесса труда и гипотеза об информационной природе стоимости и времени // www.bezmolvie.ru/Orion/meditazi/Luzenko/inform_23.htm — 30.01.2006.

¹ Теория вероятностей — раздел математики, который изучает случайные события, случайные величины, их свойства и операции над ними. Возникновение теории вероятностей как науки относят к средним векам, считая ее началом первые попытки математического анализа азартных игр (орлянка, кости, рулетка). (Цит. по: www.ru.wikipedia.org)

² Математическая статистика — наука о математических методах систематизации и использования статистических данных для научных и практических выводов. Во многих своих разделах математическая статистика опирается на теорию вероятностей, позволяющую оценить надежность и точность выводов, делаемых на основании ограниченного статистического материала (напр., оценить необходимый объем выборки для получения результатов требуемой точности при выборочном обследовании). (Цит. по: www.ru.wikipedia.org)

информации, отождествляющее ее с энергией. *Понимание информации как особой части энергии* имеет основания в силу того, что информация и энергия обладают многими общими характеристиками, позволяющими отождествлять эти два феномена. Параллели между ними очевидны:

— информация и энергия могут передаваться от одного тела к другому, от одной системы к другой;

— информация и энергия при передаче оказывают влияние на принимающую систему (тело) и вызывают ее реакцию, изменения;

— информация и энергия могут сохраняться в системах (телах), которые ими обладают.

Под системами в данном случае понимаются механические, социальные системы, живые организмы, которые открыты для обмена информацией и энергией. Кроме того, как и энергия, «информация должна переноситься каким-то физическим процессом»¹.

Но обнаруживаются и отличия одного явления от другого. Так, при передаче энергии одно тело (система) теряет эту энергию, а другое тело (система) получает. При движении один шар, ударяясь о другой, придает ему ускорение, а сам теряет скорость. Информационные процессы не всегда соответствуют этим правилам. Скажем, человек, обладающий информацией, делится ей с другими людьми. Он не теряет ее, хотя те, с кем он поделился, приобрели точно такие же знания.

Однако и сторонники отождествления информации с энергией, и его противники рассматривают информацию в контексте ее способности воздействовать на некие системы и вызывать изменения, нарушать равновесие.

Рассмотренные направления изучения информации и информационных процессов не охватывают весь спектр представленных в науке точек зрения. Это лишь наиболее распространенные, важные позиции. Их разнообразие подтверждает мысль о том, что дать

единое определение феномену информации весьма и весьма непросто. Но рассмотренный материал позволяет выделить принципиальные положения в понимании информации. Как можно заметить, при всем многообразии определений феномена, выделяется ряд существенных функций информации:

1. Информация является носителем смысла или, точнее, смыслом, выраженным в знаковой форме. При этом информация обладает неким потенциалом, который способен в дальнейшем проявляться — оказывать влияние на системы, к которым будет обращен.

2. Информация проявляется только тогда, когда оказывает воздействие на систему, которая ее воспринимает.

3. При воздействии на систему информация является причиной возможных изменений в этой системе. Эти воздействия неизбежно нарушают сложившийся в системе баланс, равновесие, вызывают в ней изменения. Нарушение баланса, равновесия заставляет систему «работать», совершать действия, направленные на восстановление равновесия.

4. Информация уменьшает неопределенность системы в процессе воздействия, а значит, ограничивает возможные варианты ее моделей поведения. Речь в данном случае идет не о чем ином, как о функции управления.

Перечисленные функции информации, по нашим предположениям, носят универсальный характер. Они проявляются во всех сферах информационной деятельности: в живой природе (биологическом мире), в технике, в социуме. Следует также упомянуть и неживую природу, однако это положение вызывает споры и требует особого рассмотрения.

Выделенные области проявления информации совпадают со сферами коммуникативной деятельности. Данное совпадение не случайно, поскольку информация является неотъемлемой частью коммуникации, ее основой.

¹ Винер, Н. Кибернетика или, Управление и связь в животном и машине. — М.: Наука, 1968. — 340 с.

ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Мы, европейцы, всегда тяготели к будущему и верили, что там лежит главное пространство времени, которое для нас начиналось с того, что «будет», а не с того, что «было».

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс

Человека влечет овладение временем. Для европейцев время — это прежде всего отношения с будущим¹. Попытаемся рассмотреть его в деталях, взвесить различные объяснения того, что же происходит сегодня с нашим отношением к будущему. История знает два принципиально разных типа овладения будущим. Назовем их условно «мистика предсказания» и «рацио предвидения».

«Мистика предсказания». Внешний мир и будущее как его часть (когда природная, когда социальная) более сильны, чем человек. Поэтому человек пытается договориться, пытается играть с ними в их игры — по идущим извне правилам. Активностью обладает время. А человек, соблюдая правила игры, может только заглянуть в него (гадания и предсказания). Это богато обставленные ритуальные практики — хождение по границе миров, по грани дозволенного, поэтому легко оступиться — подобные практики очень опасны. «Специалист» и даже просто замеченный в отдельных действиях легко может оказаться в социальной группе отверженных — ведьм, колдуний. За счет непререкаемого превосходства будущего как части внешнего мира сохраняется неопределенность времени данного модуса.

«Рацио предвидения». Человек сильнее внешних сил — и природных, и социальных; по крайней мере, таковым он себя считает. Поэтому он не заигрывает со временем, а уверенно и последовательно его колонизирует. Магию предсказания вытесняют рациональные практики научного предви-

¹ Пожалуй, прошлое может составить серьезную конкуренцию, и даже не только в молодых обществах, которые усиленно наращивают мышцы недостающих традиций [см. 1]. К концу XX века старушка Европа ощутила натиск «тирании памяти» [см. 2; 3]; мощный импульс осмысления механизмов взаимодействия с прошлым получило в связи с 60-летием окончания II мировой войны [см., напр., 4].

Конечно, всякий модус — прошлое, настоящее, будущее — существует только в связке с другими, образуя «сплошность» (Гюйо [5]). И мы будем по мере необходимости апеллировать к другим модусам времени, но сфокусируем свой анализ на будущем.

дения, которые постепенно становятся рутинными, подобно тому как чудесный ковер-самолет стал банальным «перевозчиком» на авиалиниях.

У второго типа отношения имеются два важных следствия. Во-первых, будущее оказывается уже прожитым [см. 6]. Оно не пугает неизведанностью, но и не манит ею. Будущее как бы утратило свои специфические черты и свернулось, обратилось в настоящее. Такое псевдо-будущее-псевдо-настоящее разочаровывает суррогатным проживанием будущего заранее. (Нередко ожидая какого-либо события, человек вытягивает из будущего все соки, и, когда оно наступает, чувствует себя обманутым.)

Во-вторых, утрачена неопределенность будущего. Даже фиаско прогнозов расцениваются как отдельные досадные несовершенства работающей системы, в принципе устранимые. Чем это опасно? Дадим слово великолепному Ортега-и-Гассету: «Эпохи свершений — и в их числе девятнадцатый век — в беспечном ослеплении не опасались будущего, приписав ему законы небесной механики. И либерализм прогрессистов, и социализм Маркса равно предполагали, что желаемый, а значит, наилучший вариант будущего осуществится неукоснительно, с почти астрономической предрешенностью. Видя в этой идее свое самооправдание, они выпускали из рук руль истории, теряли бдительность, утрачивали маневренность и везучесть. И жизнь, ускользнув от них, окончательно отбилась от рук и побрела куда глаза глядят. Под личиной прогрессиста крылось равнодушие к будущему, неверие ни в какие внезапные перемены, загадки и превратности, убеждение, что мир движется по прямой, неуклонно и непреложно» [7, с. 65].

Мысль испанского философа как будто подхватывает К. Мангейм, анализируя целеустремленность политических групп. Те относятся к будущему так, «как будто они могут устранить сомнительность в становящемся и поэтому вызывающем сомнение, аподиктически предвидя будущее таким, каким они его желают видеть» [8, с. 363]. Для любой достигнута ориентированной деятельности, будь то политика или планирование поступления в вуз, такой подход сопряжен с серьезными рисками: «преимущество, связанное с ориентацией на представляющуюся желанной возможность, имеет, однако, тот недостаток, что в решающих ситуациях, когда ошибки могут оказаться очевидными, догматический политик уже не может изменить свою установку. Самокорректирование, необходимое в групповой деятельности, может быть совершено лишь ценой тяжких

спадов и больших жертв» [8, с. 363]. Прямое и конкретное последствие — выхолащивание планов. «Недаром кажется, — продолжает Ортега, — что в мире уже перевелись идеалы, предвидения и планы. Никого они не заботят» [7, с. 65]. И это было сказано в 1930 году, что же говорить о статусе предвидения и планов в наши дни!

Итак, мы имеем дело с неопределенностью будущего — то побежденной, то вновь заявляющей о себе. Какова же позиция человека, а точнее, современных молодых людей, жителей крупного города? Попробуем ответить на этот вопрос, анализируя мини-сочинения учащихся четырех 11-х классов екатеринбургской гимназии².

Отношение к неопределенности будущего

I. Будущее как продолжение настоящего. Стабильное общество предполагает устойчивые отношения между модусами времени, когда настоящее плавно перетекает в будущее. Будущее ведет себя смиренно, как потухший (или спящий?) вулкан. Сама его неопределенность подчиняется неким общим правилам, пронизывающим все социальное время [см. 8]. На такой почве «рацио предвидения» укрепляется и расцветает до такой степени, что кажется единственно верным отношением к будущему.

Укрошенная неопределенность представляется податливым пластичным материалом. А если материал сопротивляется, то только раззадоривает полных сил «творцов истории». Каждое третье сочинение содержит упоминание трудностей. При этом их соотношение с собственными шансами калькулируется таким образом, чтобы извлечь активизирующий эффект: *«Надо пробивать себе дорогу во взрослый мир. [...] я не собираюсь отказываться от своей цели из-за трудностей [с поступлением]. Наоборот, эти самые трудности меня подстегивают»* (Ж11в47).

Такова активистская, с переходом в волюнтаризм, модель П. Штомпки [9, с. 504], вполне распространенная в настроениях наших школьников, она проявляется в культе целеустремленности и уверенности в себе: *«В жизни я всего хочу добиваться сама, как бы ни было тяжело. [...] И я знаю, я уверена, что у меня все получится в жизни. Я буду идти только вперед и ни шагу назад»* (Ж11б2); *«Я уверен в себе и считаю, что успех будет преследовать меня»* (М11г25). Хотелось бы подчеркнуть, что наряду с несомненными достоинствами такой подход содержит и встроенную «бомбу замедленного действия».

² 71 сочинение на тему «Мое место в социуме»: мое жизненное кредо, как я вижу себя во взрослой жизни, написаны в течение урока в сентябре—октябре 2005 г. Имена изменены, в шифре первая буква означает пол, далее идет указание на класс и порядковый номер сочинения. Сделанные при анализе сочинений выводы в целом согласуются с полученными ранее и другими методами данными [см. 6].

Поскольку общество сохраняет множество барьеров социального неравенства, постольку далеко не все и не всегда зависит от самого индивида. Возведенная в абсолют установка на собственный активизм чревата утратой гибкости и маневренности, а «самокорригирование», действительно, может обернуться тяжкими спадами и большими жертвами.

Португальский исследователь Хосе М. Пейс такой тип отношения к неопределенности будущего, когда в него смотрят, уверенные в «твердой почве под ногами» [10, р. 122], называет «атопизацией». В условиях быстроменяющегося общества атопизация сводит будущее к заурядности настоящего — «банализирует» его. Получается, что это и не будущее вовсе, а просто расширенное настоящее. Оно подлежит индивидуальному биографическому планированию, которое, однако, обусловлено предзаданной социальной матрицей жизненного пути. Одиннадцатиклассники — с энтузиазмом или без — прорабатывают ближайший статусный эпизод данной матрицы — поступление в вуз, иногда говорят и последующих (трудоустройство, карьера, семья, пр.).

II. «Будущее как иное» — это суверенное будущее, а не такое, которое ждет — не дождется, когда же придет царь природы и начнет его осваивать и эксплуатировать [см. 11]. Суверенность конструируется благодаря признанию неопределенности как имманентной и неустранимой черты будущего. Но если не получается размахивать кувалдой (или засесть за сверхмощный компьютер, вынашивая планы всемирного господства, как изображают в импортных мультиках плохих ученых-гениев), легко может взять оторопь, ступор, «застревание» в настоящем. Неумение строить субъектные отношения с неопределенностью выливается в фатализм, свойственный и «мистике предсказания», и «рацио предвидения».

Х. Пейс нечто подобное называет «утопизацией будущего». Как всякая утопия, такое будущее в принципе не может осуществиться, оно убегает от нас, как горизонт, как бы мы ни продвигались к нему. При этом признается влияние «удивительного, неожиданного и нового, что означает также понимание его [будущего] запутанной, лабиринтообразной структуры» [10, р. 124]. Поскольку молодые люди заинтересованы в том, чтобы будущее оставалось максимально открытым, постольку они избегают любых шагов, которые могли бы изменить настоящее и таким образом внести определенность в будущее. Вместо этого они предпочитают до бесконечности растягивать настоящее — именно так Пейс интерпретирует эффект пролонгации молодости: они отсрочивают решения вступить в брак, принять на себя семейные обязанности и т. п. Когда возникает несколько рядоположенных вариантов, их прочитывают как конъюнкцию (и ... и), а не дизъюнкцию (или ... или), уходя таким образом от выбора. Сочинения наших старшекласников также пестрят

выражениями типа «поживем — увидим», «там видно будет». Но всегда ли это соответствует пассивной выжидательной позиции?

В условиях, когда неопределенность все более властно вторгается в нашу жизнь, сильная позиция действующего лица — субъектность — переносится в область настоящего. Применительно к старшекласникам это опровергает «общее место» психологии развития про будущее как «аффективный центр ранней юности»³. Темпоральная доминанта настоящего становится способом справиться с неопределенностью будущего. В научном дискурсе распространена негативная оценка доминанты настоящего, что делает наше заявление весьма рискованным. Так, У. Бек в 1986 г. [15] ввел понятие «безбудущность», что перекликается с «будущим, которое не может наступить» Н. Лумана (1976) и развитием этих идей Х. Пейсом (2003). П. Штомпка считает фокус на настоящем презентизмом, который блокирует активность в отношении будущего. Название нашумевшей книжки Т. Х. Эриксона «Тирания момента» [16] говорит само за себя. С точки зрения А. С. Панарина, за ориентацией на настоящее стоит корысть благоденствующих элит, заинтересованных в сохранении статуса-кво [17]. На наш взгляд, «реабилитировать» настоящее может эвристичность категории «субъектность» [см. 6].

Субъектность проявляется в таких вещах, как целеполагание, готовность полагаться на свои силы и действовать. Проблема в том, что старшекласники со своей целеустремленностью и самоуверенностью оказываются между двух крайностей. С одной стороны, бросается в глаза жесткость планирования (в основном — поступления в вуз), с другой — старшекласники отдают дань неопределенности будущего, при этом пытаются застраховаться от заведомо слабой, некомпетентной позиции, заявляя, что в принципе не заглядывают в будущее.

Визуальные отношения с будущим и субъектность

Характерные для изучаемых школьных работ выражения «не заглядываю», «видно будет», «поживем — увидим» и т. п. представляют собой не что иное, как вербализацию визуального отношения к будущему: можно ли уже сейчас туда заглянуть и что-нибудь увидеть?

В одном из четырех 11-х классов задание было сформулировано особым образом и содержало «двойную визуальную установку», которая задавалась, во-первых, самой темой «Как я вижу себя во взрослой жизни» и, во-вторых, просьбой нарисовать свое жизненное кредо. 10 информантов из 19 воспользовались в своих сочинениях словами «вижу» / «не вижу», предложенной формулировкой темы.

³ Эта классическая в отечественной психологии фраза Л. И. Божович, сформулированная ею в 1968 г., до сих пор кочует из учебника в учебник [напр., 12; 13, ср. с 14].

Из этих 10 двое категорически не видят себя в будущем. «Я не вижу себя в будущем. Я живу сегодняшним днем. Я не могу представить себя старым. Я никогда не загадывал наперед. Возможно, я стану архитектором. Может быть, музыкантом, а может, в армию загребуть», — пишет Игорь (М11а68). «Я никак себя не вижу во взрослой жизни. Я вообще не заглядываю в будущее. Я планирую только ближайшие предстоящие дни», — вторит ему Дмитрий (М11а61). Как и в рассуждении Игоря, «не вижу» у него соседствует с «не заглядываю» / «не загадываю». Большое количество упоминаний личного местоимения «я», казалось бы, свидетельствует о субъектности информантов. Однако добрая половина этих «я» идет в связке с отрицательной частицей «не». В высказывании Игоря трижды фигурируют вероятностные «возможно», «может», а в конце появляется указание на безличное обстоятельство явно вне зоны субъектности молодого человека («в армию загребуть»). От планирования никуда не деться — «тяжкое» наследие эпохи / культуры рационализма. Но для Дмитрия это вынужденное планирование и он стремится его минимизировать. Сочинение Игоря представляет яркий пример утопизации: называются некие точки из будущего, связь которых с настоящим принципиально не проговаривается. Таким образом они выталкиваются за пределы темпоральной субъектности. Не-видение и не-загадывание освобождают наших героев от ответственности за выбор, который и делает будущее. Такое отношение можно назвать «**утопическим профигизмом**».

По критерию отказа от ответственности (который скрывается за заклинанием «не заглядываю» / «не заглядываю») к этой компании примыкает еще один типаж — «**перестраховочный реализм**». Его представит Алла: «*Вся жизнь человека состоит из постоянных выборов. Очень часто бывает тяжело определиться, но такова жизнь и все через это проходят. [...] В выборе вуза я советуюсь с родителями, так как считаю, что такой ответственный выбор я не в состоянии решить сама. [...] Сама я собираюсь поступать в УрГЭУ (СИНХ) на финансовый факультет и иметь специальность финансы и кредит. Моя главная цель на данный момент — получить высшее образование. А дальнейшую жизнь я не загадываю. Все может еще много раз измениться*» (Ж11г22).

Жизнь сложна и Алла трезво смотрит на нее, находя способы (в приведенной фразе — дважды) снимать с себя ответственность. Сначала оправданием служит общее устройство «жизни человека», в силу чего «все проходят» через мытарства выбора. Затем, и это выход для нее, девушка делит ответственность с родителями. Показательны слова «сама я», которые как бы отделяют информантку от некой общей ситуации: вот «все» — а вот «сама я». Не избежать ассоциации с мотивом «сами мы не

местные», который устанавливает дистанцию с понижением автора высказывания относительно адресата. Однако в нашем случае, похоже, наоборот, с этих слов субъектность начинает возрастать. Поначалу почти полностью растворенная в других и в родителях, теперь субъектность набирает обороты за счет плана, в котором определен и вуз, и специальность, и «главная цель». Именно определенность представляет проблему и ценность, и она достигнута «на данный момент» — т. е. в настоящем.

Будущее весьма приземленно и рационалистично выстраивается из настоящего. Рационализм и пассивность роднят и «пофигизм», и «реализм» с «рацио предвидения». Вместе они составляют характеристики малосубъектного (или, если угодно, бессубъектного) отношения к будущему. Сущность темпоральной компетентности здесь — перестройка.

Рассмотрим теперь (более) субъектное отношение. В 8 случаях отзеркаливания темы из 10 молодые люди *видят* себя в будущем. Это ни в коем случае не означает ликвидации его неопределенности. По крайней мере в 4 из этих 8 сочинений «не» фигурирует во все тех же «не заглядываю» / «не загадываю», как, например, у Аси: «Я не заглядываю далеко в будущее, и не загадываю ничего. Я стараюсь построить надежную опору сейчас, и занимаюсь этим насколько возможно. Если у меня все получится, то я вижу себя с надежной профессией, я вижу себя мамой своего ребенка (или детей). Вижу себя спортсменкой (возможно). Я буду стараться добиваться своей цели. Создавать свое будущее нужно сейчас, потом будет уже поздно» (Ж11а54). Интересно посчитать: две частицы «не» плюс два «возможно», двойное «стараться» и одно «если» (всего 7) говорят о том, как автор пасует перед неопределенностью будущего, ну, или по меньшей мере почтительно склоняет голову. Маркеры активной субъектности — три «вижу» и пять «я» (уже 8). На эту же чашу весов следует положить и выразительную лексику деятельного, созидательного и основательного отношения к своему будущему: в основном это глаголы («построить», «занимаюсь», «добиваться», «создавать»), но также и прилагательные («надежная», «своя»). В результате получается весомый перевес в пользу субъектности.

«Вижу» относится к достаточно отдаленному будущему, что само по себе является хорошим знаком — показателем сильной позиции индивида. Есть сочинение, в котором видение будущего простирается аж до пенсионного возраста: «ближе к пенсии буду писать докторскую диссертацию и преподавать в академии» (М11а67)! Кроме того, это означает, что доминанта настоящего не отвергает работы с будущим, вот только темпоральная компетентность, которая бы их гармонично сочетала, еще (или вообще) не имеет готовых рецептов. Поэтому, сколь бы ни были отчетливы и даже возведены в ранг «сво-

их целей» образы будущего, то и дело возникают вездесущие «не заглядываю».

Принципиальное различие обусловлено тем, кто / что наделяется полномочиями позитивного деятеля. В отсутствие субъектности таковым оказывается будущее, а человеку остается избегать взаимодействия с ним и ответственности за выбор. Субъектная позиция вскрывает саму суть социального времени — это время, которое делается людьми, именно люди в их социальной жизнедеятельности — причина времени⁴.

В рассуждениях молодых людей вырисовывается образ будущего, которое не просто суверенно, но своенравно и даже коварно. Активность будущего проявляется в: а) изменчивости («все изменится»), б) вероятностной природе (многократные «может»), в) внезапности («в любой момент») вероятностной реальности. Все это исключает тотальное самоуверенное прогнозирование, но отнюдь не исключает сильной позиции человека — его темпоральной субъектности. Сила в данном случае обеспечивается отнюдь не жесткостью, но гибкостью во владении темпоральными режимами, которые включают как уверенность в себе, так и признание неопределенности, как планирование, так и мечты.

Литература

1. Лоуэнталь, Д. Прошлое — чужая страна / Пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб.: Русский остров; Владимир Даль, 2004. — 624 с.
2. Франция — память / Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М.; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Копосов. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — 328 с.
3. Рикер, П. Память, история, забвение / Пер. с франц. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
4. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 784 с.
5. Гюйо, М. Происхождение идеи времени. — СПб.: Издание Товарищества «ЗНАНИЕ», 1899. Т. 1. — 81 с.
6. Веселкова, Н. В., Прямикова, Е. В. Социальная компетентность взросления. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 290 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. — М.: Весь Мир, 2000. — 704 с.
8. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
9. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польского С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005.

⁴ Постановка вопроса о причине времени, как и методология ответа, принадлежат Г. П. Аксенову [18].

10. Pais, J. M. The Multiple Faces of the Future in the Labyrinth of Life // Journal of Youth Studies. 2003. Vol. 6, No. 2, P. 115—126.

11. Тоффлер, Э. Третья волна. / Э. Тоффлер. — М. : АСТ, 1999. — 784 с.

12. Практическая психология образования: Учебное пособие. 4-е изд. / Под ред. И. В. Дубровиной. — СПб. : Питер, 2004. — 592 с.

13. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: Учебник для вузов. — М. : Высшее образование; МГРРУ, 2006. — 460 с.

14. Регул, Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. — СПб. : Речь, 2003. — 352 с.

15. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельникова и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

16. Эриксен, Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Пер. с норв. — М.: Весь Мир, 2003. — 208 с.

17. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для студентов вузов. — М. : Алгоритм, 2002. — 352 с.

18. Аксенов, Г. П. Причина времени. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 304 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА В СОЦИОЛОГИИ

Российские социологи довольно подробно говорят о различных научно-познавательных и эмпирико-прикладных проблемах отечественной социологии. Наличие тех или иных проблем в науке — это норма её существования, поскольку их осознание и преодоление является источником развития научного знания. А вот беспроблемная наука — это нон-сенс.

Научное знание, конечно же, ценно само по себе. Однако социология не может ограничиваться областью «чистого» познания. Ей нельзя, являясь социальной наукой, быть свободной от общества, поэтому полноценное существование социологии как области научного знания едва ли возможно без её общественного признания. Иначе говоря, социологической науке кроме её научного статуса необходимо обладать позитивным публичным статусом.

Публичный статус социологии обеспечивается различными условиями и методами. Так, для поддержания достаточно высокого публичного статуса своей науки российским социологам нужно, помимо прочего, активно проводить презентации результатов прикладных исследований, научных идей, аналитических положений, концепций, прогнозов среди различных кругов общественности, в государственных структурах и средствах массовой информации. Возможно, наиболее высокая форма общественного признания социологии связана с тем, что современный немецко-канадский социолог Н. Стер назвал социологию теорией «обществ, основанных на знании» («Knowledge Societies») [1, p. 16], утверждая, что не только политики, чиновники, бизнесмены, но и учёные оказывают существенное воздействие на социальные процессы. В современных обществах научное знание, оставаясь способом интеллектуального освоения социальной реальности, также является средством её практического творения/созидания. А сообщества учёных исполняют не только функции экспертов, но и «драматургов» общественной жизни [2, с. 514].

Ожидания общественности от социальных наук, включая социологию, состоят, прежде всего, в том, чтобы ими был представлен глубокий анализ социально-экономического, политического, духовно-культурного состояния современного российского общества, показаны реальные перспективы и пути его развития в национально-государственном и глобальном измерениях.

Способы реализации этих общественных ожиданий могут быть самыми различными. Чем больший исследовательский потенциал в своей работе смогут задействовать социологи, тем будет лучше. Развивая

новейшие методологии, концепции и технологии социологического постижения общества, усиливая междисциплинарные исследования в социальных науках, не следует забывать о классических социологических стратегиях изучения общества как социальной реальности. Н. Луман справедливо пишет, что классическая социология «предложила весьма примечательное и поныне уникальное описание общества. Быть может, именно этим лучше всего объясняется то, почему классики всё ещё продолжают восхищать и очаровывать нас, почему их тексты смогли стать в строгом смысле слова как бы неподвластными времени... Поэтому стоит задать вопрос, как стал возможным такой успех» [3, с. 197 — 198].

Одно из научных направлений, позволяющих российской социологической науке соответствовать «вызовам времени» и повысить свой общественный престиж, заключается в том, чтобы в социологических исследованиях познавательный интерес акцентировался на изучении тех социальных институтов, которые конституируют различные сферы социума, являются его «несущим каркасом», обеспечивают социетальную целостность общества. К таким социобразующим основаниям общества, в частности, относится его правовая система.

Исследования права и правоотношений остаются как бы на задворках российской социологической науки. Поэтому до сих пор в отечественной социологии не сложилась устойчивая исследовательская потребность и развитая культура социологического изучения права, а социология права остаётся второстепенной отраслью социологической науки и нередко отождествляется с изучением отклоняющегося поведения и преступности, рассматривается как знание сугубо частного порядка, эксплицитно не связанное с большой социологией.

Однако это застарелое заблуждение, от которого надо избавляться. В самом деле, право является неотъемлемой частью любого общества, за исключением архаического. Современное общество не существует вне его правовых параметров и характеристик. Так, рассматривая социальную структуру общества, нельзя не обращать внимания на описание его правовой структуры. Среди совокупности социальных институтов обязательно надо выделять институты права. Составной частью процесса социализации личности является её правовая социализация. Сознание индивидов включает в себя правосознание, правовые ценности и установки. Социальный статус личности содержит характеристику её правового статуса. Видами социальных девиаций выступают правонарушения и преступные деяния.

Одним из важнейших аспектов культуры является правовая культура. Право «пронизывает» социум на макро- и микроуровнях его организации. А правовые изменения — это часть социальных изменений. Одного этого перечня правовых компонентов общества вполне достаточно, чтобы понять, что в социологии право и его институты, раскрывая определённые черты социальной реальности, являются обязательными объектами познания, знание о которых не может не быть частью базовых положений социологической теории. Знание о праве — важная фундаментальная основа социологии. В качестве подтверждения сказанного отметим слова Т. Парсонса, который, говоря о значении социоправовых идей в общесоциологическом мировоззрении М. Вебера, писал, что «сердцевина веберовской социологии заключается ни в его изучении экономических и политических проблем, ни в его социологии религии, а в его социологии права» [4, р. 40].

Можно указать на своеобразный парадокс, присущий российской социологической науке. Социология изучает социальную реальность. Её частью является правовая реальность. Но поскольку правовое пространство обычно выпадает из поля исследовательского внимания социологов, то можно ли тогда считать, что обеспечивается полнота социологического анализа общества, тем более что известно, что демократия и демократические процессы в обществе связаны, в том числе, со становлением и развитием правового государства? Конечно, нет. Но почему-то эти, в общем-то, очевидные факты социологами не замечаются. Суть рассматриваемого парадокса состоит в том, что социология, не изучая правовое поле (право и его институты) социума, тем самым из своего анализа исключает одно из субстанциональных оснований современного общества.

Правил без исключения не бывает. В социологии права был свой «золотой век». Это период классической социологии права, представленный творчеством Э. Дюркгейма, М. Вебера, Е. Эрлиха, Р. Паунда, О. Холмса, Г. Гурвича, Н. Тимашева. Каждый из них внёс свою лепту в становление правовой социологии, разработал оригинальную социоправовую концепцию. В свою очередь, в дореволюционной России в социальных науках и юриспруденции существовало мощное течение социологического подхода в изучении права. В связи с этим известный русский социолог Н.И. Кареев ввёл в научную лексику термин «юристы-социологи». К ним, в частности, относились С.М. Муромцев, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, Н.А. Гредескул, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Б.А. Кистяковский [5, с. 103 — 150].

К сожалению, позднее это научное наследие по существу было забыто. И поэтому сегодня почти все исследования, проводимые российскими учёными в рамках социологии права, осуществляются словно бы с чистого листа, без учёта концептуальных

наработок и опыта предшествующих поколений социологов.

В современной российской социологии имплицитно присутствуют три крайних мнения о роли социологических исследований правовых явлений.

В первом из них предполагается, что право изучается юриспруденцией и поэтому социологические исследования в области права вообще излишни. Исходя из этого, можно было бы сказать, что экономические, политические, демографические, этнические и иные исследования в социологии тогда тоже проводить ни к чему, так как существуют экономика, политология, демография, этнография и другие социальные науки.

Ограничивается ли правопознание юриспруденцией? Нет, не ограничивается. Стоит вспомнить хотя бы философию и энциклопедию права, энергичное развитие исследований права в экономической науке в течение последних двух десятилетий.

С социологической же точки зрения следует сказать, что юриспруденция (наука и практика) не может монополизировать исследования правовой сферы общества. Как социология не обладает исключительной научной привилегией в изучении общества, точно так же юриспруденция не имеет абсолютной прерогативы в постижении права. Социология — одна из наук об обществе, а юриспруденция — одна из наук о праве, законе, правоотношениях. В изучении права можно и даже нужно выходить в социальных исследованиях за познавательные пределы юриспруденции, используя для этого методологические и методические возможности неюридических наук. В самом деле, например, согласно ст. 1, 2, 7, 17, 18, 19, 21, 22 действующей Конституции РФ Российская Федерация является демократическим, правовым, социальным государством, основанным на признании верховенства закона, правах и свободах человека и гражданина [6, с. 5, 6, 7, 10, 11]. Данные положения российской конституции являются точной правовой констатацией юридических принципов, базовых правовых основ и правового режима, установленного в России. Важно, что положения текста Конституции РФ раскрывают содержание как собственно правовой реальности российского общества, так и описывают его определённые стороны в качестве социальной реальности. Но социальная реальность во всех её проявлениях значительно «объёмнее» норм конституционного документа. Так, например, для социальных акторов различные юридические установления, в контексте их повседневных отношений, могут приобретать отличный от официального закона смысл. А если говорить о демократии, торжестве закона, правах человека в сегодняшней России, то надо отметить, что любой непредвзятый наблюдатель отдаёт себе отчёт в том, что российскому обществу и государству предстоит долгий и нелёгкий путь для наиболее полного утверждения

этих ценностей, норм, институтов в реальных отношениях российской действительности.

Вторая точка зрения, подвергающая сомнению важность проведения социологоправовых исследований, состоит в том, что при изучении права абсолютизируется подход, при котором право рассматривается инвариантом социокультурных феноменов общества, описание которого не имеет в социологии принципиальных отличий от объяснения других социальных явлений и общественных институтов.

Комментируя эту позицию, отметим, что в европейской социальной и юридической мысли признанным является Закон Мэна — «от статуса к договору», подчёркивающий конституирующую роль права в формировании современного типа общественных отношений и цивилизации, нашедший в социологии своё отражение в знаменитых терминах Ф. Тённиса — *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Образцом социологического изучения роли права в становлении современных социальных отношений является веберовский анализ возникновения и развития западноевропейского города [7, с. 360—386].

Образование современных обществ обуславливается различными условиями и факторами, но при этом право всегда выступает обязательной движущей, конституирующей их силой, не имеющей замещающих право социокультурных инвариантов и альтернатив. Вне институтов права современное общество существовать не может. Поэтому К. Поппер, имея в виду, что человеческая цивилизация характеризуется всё в большей степени широким и разносторонним распространением договорных (контрактных) отношений, построенных на обменно-безличных социальных связях, назвал современное общество абстрактным (формально абстрактным) [8, с. 218—220].

Третий момент, подвергающий сомнению значимость социологоправовых изысканий, заключается в том, что социология права сводится к эмпирическому уровню социологических исследований. Ошибка здесь состоит в том, что нарушается единство теории и эмпирии социологического знания. Вне определённого теоретического контекста интересная, нетривиальная и оригинальная эмпирическая информация, которой располагают исследователи, нередко не позволяет им сделать серьёзных обобщений и применить их в социальной практике.

Если же говорить о юристах, то их скепсис в отношении социологических исследований права связан в первую очередь с тем, что социологи не обладают юридическим образованием, а во вторую с тем, что в юриспруденции в явном или не явном виде существует предположение, отождествляющее правоотношения с социальными отношениями. Конечно, уровень юридических знаний у социологов, изучающих социально-правовые отношения должен повышаться, но этот вопрос не связан с пониманием научного статуса социологии права, он относит-

ся к области профессиональной компетенции исследователей. Ставить же знак равенства между правоотношениями и социальными отношениями всё-таки нельзя [9, с. 10]. В самом деле, отношения между людьми и группами невозможно в полном объёме свести к официально-формальным (юридическим) отношениям между ними. Так, очевидно, что официально-нормативное администрирование — это только часть процесса управления. А супружеские отношения не равны процедуре и юридическим последствиям регистрации брака в ЗАГСе или положениям брачного контракта. Избирательная компания не тождественна нормам избирательного законодательства. Обобщая, отходя от отдельных примеров, скажем, что правовая система существует не в пустом пространстве, вакууме, а в реальном (живом, противоречивом, имеющем свою историю и культуру) социальном пространстве, частью которого она и является.

Исторический процесс становления социальной свободы, демократии и прав человека как в отдельных странах, так и в международном масштабе происходит под лозунгом, говоря словами Р. Иеринга, — «борьбы за право». В России начала XXI века борьба за право — это актуальная общественная задача. В рамках цивилизационного во многих отношениях транзита нашей страны от тоталитарной общественной системы к демократическому обществу возникает немало коллизий в системе отношений «право (закон) и общество». Как показала российская социальная практика, для их регулирования оказались «узкими» в некотором отношении юридические способы разрешения проблем законодательства, правоприменения и правовой жизни общества, осуществляемые посредством принятия новых текстов законов и внесения в них изменений. В определённой мере эта проблема была осознана на высоком государственно-политическом уровне, что нашло своё отражение в образовании Общественной палаты Российской Федерации.

Полагаем, что корректное понимание места правовых исследований в социологической науке ставит перед российскими социологами задачу разработки методологии изучения права социологии. К ключевым моментам, задающим базовые основания методологии и главные направления изучения права в социологии можно отнести ряд положений.

1. «Социологический постулат права», в общем плане означающий признание права и его институтов конститутивными компонентами любого (непервобытного) общества, социальной реальности, а социологию права значимой составной частью социологической теории. В содержательном отношении «социологический постулат права» раскрывается в следующих основных утверждениях: а) право в сфере социологического знания изучается в социальном (социокультурном) контексте; б) социология, постигая право, рассматривает его соци-

альные свойства и качества, его взаимодействие с социумом, функциональное значение права в социальной системе (обществе); в) правовознание в социологической науке — это один из познавательных потенциалов изучения социальной реальности (социальные системы и общество можно подвергать исследовательскому анализу через призму права в качестве одного из методологических направлений их изучения в социологии); г) социальное как общее атрибутивное свойство общественных явлений, связей, отношений и правовое как их важная качественная характеристика находятся во взаимообусловленных и многогранных связях. Они могут быть в адекватном или противоречивом отношении друг к другу.

2. Право в социологии может изучаться в различных методологических стратегиях, среди которых наиболее общими являются: методология «от общества к праву», методология «от права к обществу», методология «право в обществе». Эти методологии в социологических исследованиях права могут применяться как в комплексе, так и отдельно друг от друга.

3. К методологическим основаниям правовознания в социологии относится понимание объекта и предмета социологии права. Объектом правовой социологии выступает право как социальное явление (феномен). Социальные качества права проявляются в различных аспектах. Например, в том, что право существует (возникает, действует и изменяется) в обществе (социальной системе), является наблюдаемым эмпирическим фактом (в виде законодательства, функционирования правовой системы, феноменов правовой культуры, правового сознания и (или) правового нигилизма и правопослушного и (или) противоправного поведения индивидов), социальным институтом, частью социального контроля, регулятором общественных отношений, взаимодействует с экономикой, политикой, культурой как сферами общества, осуществляет своё действие на макро- и микроуровнях социума, выполняет социально значимые для общества функции. Предмет социологии права — это знание о свойствах, качествах, устойчивых связях, отношениях (закономерностях) права как социального явления. На уровне определения (учитывая, что всякая дефиниция всегда в чём-то ограничена и неполна) под социологией права понимается отрасль социологии, изучающая общие и особенные социальные качества (свойства) права, механизмы и закономерности взаимодействия общества (социальной системы) и права как его подсистемы.

4. К принципиальным основаниям изучения права в социологии относится понимание социотворческой функции права. Кратко социотворческую функцию права можно раскрыть следующим образом: а) право является социальной константой, конституирующей характеристикой современного

(Gesellschaft) общества; б) право в обществе выступает относительно независимой подсистемой в структуре социальной системы, выстраивающей социальные отношения по правилам Логике права; в) правовые инновации стимулируют и юридически обеспечивают значимые для общества социальные инновации.

5. Исследования права в социологии можно осуществлять на межпредметной основе совместно с юриспруденцией, другими социальными науками и самостоятельно, независимо от них, в предметной плоскости социологии.

6. Среди центральных тематических направлений социологоправовых исследований можно выделить: изучение правовых институтов в качестве формально-юридических показателей достигнутого обществом цивилизационного уровня развития и тенденций его изменения; постижение социальных процессов, «скрывающихся» за их формальной правовой оболочкой; познание связей между правовыми (формальными) и неформальными нормами, правилами, институтами; изучение формально-институциональных и неформальных институтов как способов регулирования социальных конфликтов; раскрытие социально-инновационного потенциала права; изучение социально-правовых противоречий в процессе общесоциальной трансформации современного российского общества.

7. Социологоправовые исследования возможно проводить в границах как макро-, так и микросоциологических исследований.

8. В структуру теоретико-методологических оснований изучения права в социологической науке следует также отнести важнейшие положения историко-социологического наследия правовой социологии. Среди них выделяются идеи классиков социологии права — Э. Дюркгейма, разработавшего методологию изучения форм общественной солидарности через системы юридических правил, М. Вебера, показавшего специфику изучения права в системе понятий понимающей социологии, Е. Эрлиха, изучавшего социальные основания правовых институтов, Н. Тимашева, являющегося пионером сравнительно-аналитического изучения социологоправовых концепций, Г. Гурвича, рассматривавшего право как институт социального контроля.

Итак, подведём итоги. Определение методологических оснований изучения права в социологии способствует систематизации исследований социальных проблем функционирования и действия права, его институтов, правовой системы, позволяет актуализировать многие направления социологических исследований современного российского общества, делает возможным не только формулировать задачу: «Какое право нам нужно?», но и отвечать на вопрос: «Какое право мы имеем?», способствует укреплению публичного статуса российской социологии.

Теоретические и методологические проблемы социологии

Литература

1. Stehr N. Knowledge Societies. — London : Sage, 1994. — 356 p.
2. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. — М.: Флинта: МПСИ, 2005. — 584 с.
3. Луман, Н. Теория общества (вариант San Foca'89) // Теория общества. Сборник. — М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. — С. 196—235.
4. Parsons, T. Value-freedom and objectivity // Max Weber and Sociology today. — N-Y.: Harper and Row, 1971. — P. 37 — 91.
5. Кареев, Н.И. Основы русской социологии. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. — 368 с.
6. Конституция Российской Федерации. — М. : ЭКСМО, 2006. — 64 с.
7. Вебер, М. История хозяйства. Город. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 576 с.
8. Поппер, К. Открытое общество и его враги. — Киев : Ника-Центр, 2005. — 800 с.
9. Казимирчук, В.П., Кудрявцев, В.Н. Современная социология права. — М. : Юрист, 1995. — 297 с.

РОССИЯ И ЗАПАД: ОТНОШЕНИЯ ГОМОМОРФИЗМА

Мир един, как доказывало не одно поколение философов, и имеет немногочисленные, но непреложные законы. Один из них — закон гомоморфизма, согласно которому развиваются многие объекты и системы в природе и обществе. Об одном из проявлений гомоморфизма — политическом гомоморфизме — пойдет речь в этой статье.

Но вначале поясним, что именно имеется в виду под явлением и понятием гомоморфизма.

Гомоморфизм — частный случай изоморфизма. Философский словарь относит понятия «изоморфизм» и «гомоморфизм» к классу логико-математических понятий. Изоморфизм — одинаковость структуры и функций неких объектов (систем, процессов и т. п.), а гомоморфизм — уподобление их другим. Изоморфные объекты тождественны по всем параметрам, гомоморфные различаются при внешнем тождестве. Гомоморфизм определяется как более слабое отношение, чем изоморфизм. Суть его в следующем: элементу системы А может соответствовать не единственный элемент системы А1, а несколько или много. При этом А и А1 соотносятся как гомоморфный образ и гомоморфный прообраз. Например: оригинал и фотография, местность и карта, речь и магнитная ее запись и т. п. «Всякий изоморфизм есть гомоморфизм, но не наоборот» [1]. Этимология слова «гомоморфизм» такова: «омос» по-гречески — один и тот же, равный, «морфэ» — форма.

Гомоморфизм в более широком, чем логико-математическое, понимании означает схожесть по форме, но различие по содержанию. Представляется возможным выделить и такое производное от гомоморфизма понятие, как «гомоморфоза», т. е. реальное проявление гомоморфизма в некоем объекте. В данном случае мы опираемся на пример О. Шпенглера, который ввел в научный оборот понятие «псевдоморфоза» для обозначения социального явления, о котором речь пойдет ниже.

Обращаясь к явлениям социальной жизни, мы замечаем присутствие гомоморфизма в целом ряде социальных феноменов. Гомоморфными являются, например, политические институты в различных цивилизационных системах и цивилизационные системы сами по себе. Так, любая цивилизация, в отличие от общества периода варварства, содержит сдерживающие нормы общественного и индивидуального поведения, запрещающие наиболее откровенные и грубые проявления биологического в человеке. В рамках христианской цивилизации это всем известные заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и т. п. Тем не менее конкретные параметры каждой локальной цивилизации

различны, в том числе и проявления общих культурных норм поведения. К примеру, христианин сочтет разрешенное в исламе многоженство формой прелюбодеяния.

В рамках политического процесса также отмечается явление, которое можно назвать политическим гомоморфизмом. Так, гомоморфными можно признать, к примеру, политические системы стран Запада и бывших республик СССР. Россия, Грузия, Казахстан и другие бывшие социалистические республики, восприняв форму политических институтов Запада, не смогли воспроизвести их суть, да и не имели базы для такого воспроизводства. Гомоморфизм не развился в изоморфизм, поскольку ни системного гражданского общества как основного контролера государства, ни диффузной частной собственности как базы его формирования в России и странах СНГ не было и быть не могло по причине различных условий формирования цивилизаций Запада и России.

Каковы же эти условия? Что именно обусловило развитие России как политической гомоморфозы?

Специфика политического процесса в России определяется особенностями исторического развития страны. Основной же особенностью исторического пути России, как представляется, является развитие через культурные катастрофы.

Что такое культурная катастрофа и почему развитие страны характеризуется именно этой чертой?

Культура в данном случае понимается как процесс творческого освоения человеком мира, в ходе которого производятся и потребляются материальные и духовные ценности (В. Межуев). Этот процесс имеет свои закономерности. В частности, любая культурная система (цивилизация) переживает моменты культурных кризисов.

Культурный кризис, как нам представляется, характеризуется следующим:

— это естественный этап культурной системы, изменения, приводящие к нему, вызывают внутри нее;

— содержанием культурного кризиса является постепенное замещение элементов одной культурной системы элементами другой;

— культурный кризис сопровождается напряжением ментального поля (споры и смена направлений в искусстве, науке), не переходя в сферу экономических и политических взаимоотношений социальных групп и классов, без физических столкновений социальных групп.

Культурная же катастрофа, по нашему мнению, отличается иными признаками:

— это насильственно проводимое политической элитой комплексное замещение одной культурной системы качественно иной, в историческом плане осуществляемое одномоментно;

— замещение сопровождается резкими взломами и потрясениями социума, множественными социальными конфликтами вплоть до гражданской войны.

Культурные катастрофы сопровождают всю историю России: к ним можно отнести крещение Руси, татаро-монгольское завоевание, реформы Петра Первого, революции 1917 г., реформы Горбачева — Ельцина. Большая часть их была вызвана попытками вестернизировать Россию, т. е. заменить ее матричную культуру западной моделью. Особенно привлекательны для политической элиты России были западные индустриальные технологии.

Постоянство присутствия культурных катастроф в истории России говорит, в частности, о том, что основной причиной этого явления служит перманентная необходимость своеобразной энергетической подпитки цивилизационной системы. Подпитка же необходима потому, что собственные источники развития «настроены на иную волну», они просто иные по качеству, и постоянное считывание чужой (западной) цивилизационной и политической матрицы обеспечивает элементарное выживание в условиях, навязываемых извне более сильной и витальной цивилизацией, каковой является цивилизация Запада.

Отчего же Россия веками смотрит на Запад, а российский политический процесс копирует преимущественно западные формы? Почему Россия является гомоморфозой именно Западной политической системы?

Во-первых, оттого, что Запад тоже христианский, слово «нехристь» для русского всегда означало человека иной культуры. Во-вторых, и это главное, не случайно правители России всегда отдавали приоритет индустриально-технической составляющей культуры Запада. Поликонфессиональная, полиэтничная, громадная по территории страна могла сохранить единство только с помощью милитаристского обруча. Необходимость развития силовых структур, прежде всего армии, вызвала к жизни и необходимость российской «догоняющей модернизации» в виде индустриализации по западному образцу при Петре, при Александре II, при Сталине, при Горбачеве.

Однако вестернизация в России принимала весьма своеобразную форму. Российская элита все время пыталась соединить принципиально несоединимые параметры: передовые индустриальные технологии и несвободу производящего индивида.

Причина несвободы производящего индивида в России коренится в формах собственности. Общинная собственность была основной для производящих социальных групп в течение длительного исторического времени. Основное средство производ-

ства, земля, принадлежало всей общине, но подвергалось регулярному переделу, часто ежегодному. Причем у крестьянина не было монолитного надела, он был разбит на «полоски». Выход из общины этим был чрезвычайно затруднен, но и уходя, общинник не мог выделить не только свой земельный пай, но и иную недвижимость — дом, поскольку он стоял на общинной земле. Дело было в том, что община была коллективным плательщиком налогов и осуществляла иные формы так называемой «круговой поруки». Следовательно, общине было крайне невыгодно терять плательщика, поскольку его платеж не отменялся, но перекладывался на оставшихся общинников, равно как и иные повинности.

Зависимость от общины, от помещика соединялась с внутрисемейной зависимостью от старшего мужчины. Патриархальная семья почти до 1917 г. была основной хозяйственной единицей в деревне. Сельское же население составляло в России в начале XX в. почти 80 % населения.

В этих условиях гражданское общество, изоморфное западному, возникнуть не может: нельзя отстаивать то, чего не осознаешь и чего реально не имеешь. Основа же формирования и функционирования гражданского общества на Западе — необходимость защиты прежде всего реальной частной собственности как базы индивидуального благополучия. Чем больше и активнее развивается мелкая и средняя частная собственность на Западе, чем более массовым становится постепенно слой среднего класса, ядром которого и является мелкий собственник, тем прочнее и влиятельнее становится гражданское общество. Собственник постепенно осознает, что для защиты одного права — права собственности — ему необходим целый комплекс прав: свободный рынок, свобода мировоззрения (конкуренция на рынке иногда принимает форму конкуренции религий, к примеру), политические права и свободы и т. п. Нет реальной частной собственности у значительной части населения (крестьян) — нет и осознания системности прав человека, как и осознанной постоянной потребности в защите этого комплекса прав, в создании и развитии структур гражданского общества.

Таким образом, в России иная цивилизационная основа, чем на Западе (община, а не парцелла, несвободный товаропроизводитель, слабость рынка и товарно-денежных отношений как естественных регуляторов экономической жизни, слабое осознание необходимости постоянной защиты индивидуальных прав). В то же время после нескольких веков вестернизации наша страна отличается от соседей с Востока большей степенью индивидуализации личности, либерализации экономической и политической жизни. Политическая система России постепенно приобретала внешние черты политической системы Запада, почти полностью позиционировал себя как западная к концу XX века.

Что общего между политическими системами Запада и России?

Плюрализм гражданского общества, парламентаризм, конституционализм, провозглашение России правовым демократическим государством в рамках Конституции РФ. Некоторые внешние черты правового государства в России присутствуют. Это формальное разделение властей, свобода информационного обмена между обществом и государством, верховенство закона и иные принципы, присущие правовому государству. Выборность власти на федеральном, региональном и местном уровне (пока не будем обсуждать, правомерна ли замена общенародного избрания глав регионов на парламентское), наличие референдумов, альтернативность выборов, всеобщее равное избирательное право, контроль над государством со стороны гражданского общества (партий, прежде всего) — это основные признаки демократического политического режима. Признаки демократии в современной России существуют, если опять-таки брать чисто внешние проявления.

Чем же отличается политическая система России от политической системы стран Запада?

При внешнем плюрализме и влиятельности гражданского общества на деле постоянно проявляется доминирование государства, а внутри него — исполнительной власти и силовых структур. Наблюдается декларативный характер законов (президент Путин в одном из своих выступлений говорил о том, что четверть российских законов постоянно не исполняются), отсутствие законопослушания, двойственность политической морали. Важнейший признак правового государства — верховенство закона — осуществляется выборочно: размер имущества и должностной ранг приоритетно определяют меру ответственности перед законом. Законодательный суверенитет парламента, ненарушимый принцип правового государства, разбивается наличием указного права президента, закрепленного Конституцией. Наконец, главный признак демократии — контроль со стороны гражданского общества над государством — реализуется очень слабо по причине явной несформированности самого по себе гражданского общества. Последнее же прямо зависит от несформированности такого социального слоя, как массовый мелкий собственник-производитель благ. Призывы облегчить долю мелкого бизнеса раздаются двадцать лет. Кое-что сделано, но перелома в положении массового мелкого производителя нет. Поэтому продукция мелкого и среднего производителя в ВВП стран Запада составляет 80 %, а в России — 11 %. Отсюда и реальный экономический и политический вес среднего класса как базы гражданского общества, отсюда и слабость самого гражданского общества и его неспособность к реальному и постоянному контролю над государством.

При слабом гражданском обществе политический режим не может не быть авторитарным, т. к.

суть этой формы политического режима — в доминировании государства над гражданским обществом. Другое дело — мягкая или жесткая форма авторитаризма существует на том или ином этапе развития страны.

Слабое гражданское общество приводит к социальной гипертрофии государства. В России это проявляется в форме государственного патернализма, т. е. стремления государства контролировать все основные параметры жизнедеятельности индивида, регламентировать все сферы общественной жизни. Государственный патернализм достиг наивысшего развития в советское время, когда ни работу, ни жилье, ни образование, ни лечение нельзя было получить иначе, чем через государственные структуры. В частности, патернализм порождал социальное иждивенчество у подвластных. В отличие от западного человека российский преимущественно ждет помощи властей в решении своих социальных и материальных проблем.

Слабость гражданского общества, неотдифференцированность интересов социальных групп ведет к слабости парламента как представительной (законодательной) ветви власти. Недаром в России парламента появляется поздно, в начале XX века, на несколько веков позже, чем в Европе, и до сих пор не имеет законодательного суверенитета.

Если нет давления на государство через гражданское общество, подвластные могут корректировать политический курс властей только одним способом — бунтом. Предупреждение и подавление социальных бунтов ведет к гипертрофии исполнительной ветви власти с ее силовыми структурами.

Доминирование исполнительной ветви государства в политической системе и политическом процессе в России определяется также следующим:

1. Евразийский характер страны, ее исключительное ресурсное изобилие породили, в частности, возникновение постоянных военных угроз ее существованию как с Запада, так и с Востока; в этих условиях государство намеренно тормозило развитие гражданского общества.

2. Сочетание громадной территории с относительно малой плотностью населения, так что, по выражению С. Соловьева, для исполнения повинностей государство хватало подданного там, где оно его находило. В то же время подданный, вместо отстаивания своих прав по западному образцу и создания защитных структур гражданского общества, всегда мог уйти (и часто уходил) от социального и политического притеснения на свободные ресурсные земли, благо территория позволяла.

3. Сам характер развития русского города (именно город — сфера возникновения гражданского общества и системной оппозиции) иной, чем в Европе: на Западе город как средоточие свободных ремесленников и торговцев противостоял феодальному замку как воплощению несвободы, в России го-

род и являлся местом пребывания феодала. Недаром на Руси ремесленники назывались посадскими, их именно насильно сажал на определенной городской территории князь. Насилие же было необходимо, поскольку ремесленники и торговцы бежали оттого, что князь произвольно изменял регулярность сбора и повышал размер податей с них. Какая же регулярная социальная защита (кроме бунтов) в условиях фактического подавления мелкого собственника как естественной базы развития гражданского общества? И как оно вообще может возникнуть в таких условиях?

4. Слабость российского рынка (вследствие неразвитости индивидуальной частной собственности в деревне), порождавшая необходимость в искусственных регуляторах экономической жизни.

Указанные факторы приводили в том числе к укреплению служилого сословия: как военного, так и гражданского. Громадный бюрократический аппарат отделил правящую элиту от населения. Отсюда коррупция — родное дитя бюрократии. Продажность, корпоративное преследование собственных интересов госаппаратом привели к тому, что в отсутствие гражданского общества подданные всегда видели в главе государства, как бы он ни назывался, избавителя от притеснений бюрократии. «Царь хорош, да окружение его плохо» — эта норма до сих пор существует в российской ментальности.

Кроме коллективного бунта, есть и еще способ корректировки политического курса при слабом гражданском обществе — теневое влияние. Временщики, фавориты, «серые кардиналы» процветают в российской политике. Сегодня прибавились и такие формы теневой власти, как лобби и мафия. Иной раз невозможно понять механизм принятия властного решения, исходя из официального функционирования политических структур. Во многом бесконтрольная, и теневая, и официальная власть имеет привилегии, под которыми мы понимаем фиксированные не законом, а подзаконными актами льготы. Привилегии именно в силу произвольности, бесконтрольности существования имеют тенденцию к постоянному расширению и росту. Привилегии способствуют «теневой управляемости» депутатского корпуса, представителей исполнительной власти, развращают судебную власть. Распределяющий привилегии теневой лидер, например, начальник общего отдела администрации некой властной структуры, фактически имеет власть большего объема, чем официальное должностное лицо выборных структур.

Рассмотрим такой элемент российского гражданского общества, как партии. В России они имеют элитарный характер, представляя интересы не широких социальных слоев (интересы эти пока не дифференцированы и у них нет мощного социального носителя — количественно преобладающего среднего класса), а интересы узких группировок экономического характера или личные взгляды груп-

пы интеллигентов. В лучшем случае социальное представительство, реализуемое нашими политическими партиями — профессиональное. Увеличивается самоизоляция политических партий от электората, т. е. его поддержка спонтанна, сиюминутна, ненадежна. Электорат же, не базирующийся экономически на диффузной форме частной собственности, т. е. не имеющий четкого представления о своих правах и способах их защиты, связывает свои смутные стремления к лучшей жизни то с той, то с другой партией по принципу «где больше дадут». В этих условиях центральные органы партий предпочитают ориентироваться на спонсоров — узкий круг экономически и политически могущественных людей. Равным образом и последние ищут партийной поддержки для обретения политического влияния или государственного поста. Поскольку все же электорат в условиях выборности органов власти необходим, то его поддержка завоевывается популистскими обещаниями и броскими предвыборными разоблачениями соперников. Несформированность социальной базы партий проявляется и в том, что партийная пропаганда лишь в редких случаях адресная, в основном же это обещания «всего для всех».

Итак, российская политическая система гомоморфна по отношению к политической системе стран Запада: сходство внешних параметров политических институтов не дополняется тождеством их функций и социальной базы. Гомоморфизм российской политической системы, как уже было сказано, определяется различными причинами, но одна из них — главная: это догоняющий характер развития общества. В свою очередь, «догоняющая модернизация» детерминирована необходимостью «занять» элементы западного индустриального производства и западной политической системы для обеспечения выживания и сохранения России как целостной социальной системы в окружении постоянно враждебных соседей, зарящихся на природные богатства страны и ее территорию.

Таким образом, современная Россия представляет собой политическую гомоморфозу: схожесть формы, но нетождественность содержания в отношении ее гомоморфного прообраза — политических систем стран Запада.

Геополитическая экспансия России как государства также является гомоморфозой геополитической экспансии стран Запада и Востока, сходной по форме, но не тождественной по содержанию. Результатом экспансии в географическом пространстве являются империи, т. е. государства, образованные методом силового захвата, управляющиеся из единого центра по единообразным законам, не признающим исключений и приспособления к местной специфике, а также эксплуатирующие (присваивающие безвозмездно) ресурсы покоренных окраин. Однако Российская, как и Советская, империя были

не таковы. Ряд территорий присоединился к Российской империи добровольно (например, Украина, Грузия, земли мордвы и т. п.). Территории имели элементы самоуправления, иногда довольно значительно развитые. Так, Финляндия имела собственный парламент, Польша — конституцию, закавказские и среднеазиатские области сохраняли национальную и религиозную специфику в управлении. Элита покоренных и присоединившихся регионов входила в состав общероссийской элиты, а ее представители занимали видные и влиятельные места в структурах не только регионального, но и общероссийского управления. В Советской империи главной отличительной чертой было то, что именно русский народ, являющийся государствообразующим и имперским народом, не столько пользовался ресурсами окраин, сколько отдавал свои ресурсы, особенно финансовые, интеллектуальные и демографические, для повышения уровня развития окраин.

Возможно, поэтому и причины, и форма, и последствия распада Российской и особенно Советской империй были качественно иные, чем при распаде западных и восточных империй. Распад на языке геополитики называется контракцией (буквально — сжатие). Логично предположить, что если экспансия (расширение) имеет ярко выраженную специфику, то и контракция (сжатие) — неизбежно ее сохранит.

Тем не менее, российская геополитическая гомоморфоза так же точно принимала вид «исторической псевдоморфозы», как ее определяет Шпенглер. «Историческими псевдоморфозами называю я случаи, когда чужая старая культура так властно тяготеет над страной, что молодая и родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не в силах создать собственные формы выражения, но даже не осознает по-настоящему себя самое. Всё вышедшее из глубин начальной душевности изливается в пустые формы чуждой жизни, юные чувства застывают в старческие произведе-

ния, и вместо свободного развертывания собственных творческих сил только ненависть к чужому насильно вырастает до гигантского размаха» [2, с. 202].

Русской псевдоморфозой Шпенглер, в частности, называет петровскую Россию, начало которой относит к основанию Петербурга. По аналогии с этим постсоветской псевдоморфозой можно, по-видимому, назвать государства постсоветского пространства, предпринимавшие ныне активные, но неуклюжие попытки освобождения от всего советского и русского.

Наконец, выскажем следующее соображение. Политическая гомоморфоза — это, в основе своей, результат цивилизационной неудачи, изначально меньшей степени выживаемости в сравнении с победителями, определяющими ход мировой истории. Подражание, уподобление — явления, вызванные необходимостью или желанием принять форму победителя, хозяина, стремление сыграть с ним на равных — но неизбежно по его правилам. Гомоморфоза — проявление слабости, стремящейся казаться силой, для того чтобы выжить и обеспечить себе оптимальные условия развития в условиях постоянной борьбы с более сильными обществами. Тем не менее, как показывает практика, бывают успешные и неуспешные варианты гомоморфоз. Успешная гомоморфоза — такая социальная и политическая система, которая на определенном этапе своего развития и функционирования сама становится хозяином, победителем, во многом определяющим ход мирового развития. Такова Россия 19 и 20 веков. Но гомоморфоза не бывает постоянно успешной именно потому, что вторична по отношению к своему гомоморфному прообразу.

Литература

1. Шпенглер, О. Закат Европы. — М. : Госиздат, 1967. — Т. 2. — 720 с.
2. Философский словарь. — М. : Советская энциклопедия. 1983. — 464 с.

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Состязательность — это особая форма реализации механизмов сравнения, валидации и регуляции субъектом своей деятельности в процессе обмена с окружающей средой, являющаяся основой изменения его активности (и появления сверхактивности) и качества взаимосвязанности с другими субъектами (отношений совместности) и представляющая собой следствие двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: свойства, выражающегося в стремлении к выделению себя (обособлению) и свойства, проявляющегося в стремлении к взаимодействию (интеграции). Субъектом состязательных отношений может быть как отдельный индивид, так и та или иная общность людей (от малой социальной группы до общества в целом). Причем состязательность охватывает все процессы, в которые включен человек, от внутриличностных до межгрупповых включительно. Состязательность пронизывает также все сферы жизнедеятельности человека: экономическую, социальную, политическую, социокультурную и др. В разрабатываемой нами теоретической схеме анализа состязательности предлагается выделять четыре основных вида (четыре оси) состязательности (конкурентность, индивидуалистичность, альтруизм, сотрудничество) с регистрацией на каждой оси в зависимости от степени их активности (реализации), диапазона видов состязательности от нулевого состояния (потенциал состязательных возможностей), через промежуточные состояния (типа вступления в состязательные отношения после «подталкивания извне»), до высшей стадии активности того или иного вида состязательности. Таким образом, нами предлагается постоянно разграничивать, по крайней мере, 12 подвидов состязательности:

1 — *«потенциальная конкурентность»* — выраженная направленность субъекта на себя при практически нулевой его активности (т. е. состояние ожидания субъекта, что его «подключат—вовлекут» в отношения конкурентности);

2 — *«пассивная конкурентность»* — вступление субъекта в отношения конкурентности после внешнего по отношению к нему подталкивания (после «толчка извне»);

3 — *«активная конкурентность»* — самостоятельное и активное вступление и участие в отношениях конкурентности;

4 — *«потенциальная индивидуалистичность»*;

5 — *«пассивная индивидуалистичность»*;

6 — *«активная индивидуалистичность»*;

7 — *«потенциальный альтруизм»* (подчинение);

8 — *«пассивный альтруизм»*;

9 — *«активный альтруизм»*;

10 — *«потенциальное сотрудничество»* (кооперация, конструктивное сотрудничество);

11 — *«пассивное сотрудничество»*;

12 — *«активное сотрудничество»*.

Исследованиями, проводившимися на базе кафедры и лаборатории социологии ПермГТУ регулярно с 1979 по 2003 гг., было охвачено около 10 000 человек. Изучались состязательные отношения в различных сферах жизнедеятельности (социально-политической, социокультурной, досуговой и др.), но основное внимание было уделено выделению особенностей состязательных отношений в трудовой сфере. Основными объектами исследований были первичные производственные группы предприятий и организаций г. Перми, Пермской области, Крымской области, г. Норильска.

Прежде всего необходимо отметить, что на протяжении более 20 лет удавалось постоянно фиксировать практически все виды состязательных отношений. Если обобщить все данные за указанный период времени, то распределение состязательных отношений в производственных группах имеет следующий вид, представленный в табл. 1.

Если анализировать конкретные изменения за данный период, то следует особо отметить: снижение уровня конкурентности (в первую очередь, потенциальной и пассивной конкурентности), определенное уменьшение пассивных форм альтруизма, некоторое повышение активного сотрудничества и достаточно резкое увеличение числа респондентов, занимающих позиции активного индивидуализма (избегания).

И еще одна тенденция изменения состязательных отношений явно бросается в глаза — значительное увеличение активных форм состязательности показана в табл. 2.

Выявленные тенденции изменения состязательных отношений уточняют и конкретизируют многие выводы о происходящих изменениях в современном российском обществе. Так, Я. Рейковский отмечает, что в современном обществе (польском, российском и других бывших стран «социалистической ориентации») намечается тенденция к полному разрушению коллективистской ориентации и прогрессу индивидуализации. «Развитие рыночных отношений, которые отрывают людей от первичных коллективов и способствуют кооперации, основанной в большей степени на выгоде, чем на эмоцио-

Таблица 1

Динамика состязательных отношений с 1979 по 2002 гг., в %

Виды состязательности	1979—85 гг.	1989—93 гг.	1994—98 гг.	1999—2002 гг.
Потенциальная конкурентность	20,3	18,1	8,2	7,6
Пассивная конкурентность	18,4	19,2	7,5	6,0
Активная конкурентность	27,3	20,4	18,3	22,0
Потенциальная индивидуалистичность	1,5	4,1	5,0	6,1
Пассивная индивидуалистичность	0,3	0,9	1,8	2,1
Активная индивидуалистичность	0,2	5,7	17,6	20,8
Потенциальный альтруизм	5,3	4,3	2,8	2,5
Пассивный альтруизм	6,3	4,0	3,0	2,3
Активный альтруизм	13,3	9,7	14,5	12,8
Потенциальное сотрудничество	2,5	1,7	1,9	1,9
Пассивное сотрудничество	2,8	2,0	2,3	3,2
Активное сотрудничество	2,0	9,7	17,2	12,8

Таблица 2

Распределение активных и пассивных форм состязательных отношений с 1979 по 2002 г., в %

Уровень активности субъектов состязательных отношений	1979—85 гг.	1989—93 гг.	1994—98 гг.	1999—2002 гг.
Активные формы состязательности	42,6	45,7	67,6	68,4
Пассивные формы состязательности	57,4	54,3	32,5	31,7

нальных связей, неизбежно ведет к прогрессу индивидуализации... Другими словами, переход к рынку и другие перемены в социальной жизни будут форсировать развитие индивидуализма». Нужно отметить, что Я. Рейковски в понятии «индивидуализация», к сожалению, смешивает (не дифференцирует) такие два типа состязательности, как конкурентность и индивидуалистичность.

Г. Э. Белицкая, в свою очередь, выделяет в современных российских условиях как преобладающий тип личностного сознания социальных проблем конкурентность («Я — субъект» — «общество — объект») и называет его «деятельным, эмпирическим, оптимальным типом» с преобладанием индивидуальных ценностей.

Результаты же исследований лаборатории социологии ПермГТУ, с одной стороны, отчасти подтверждают преобладание в современном российском обществе конкурентных отношений (но с существенным уточнением — имеет место ярко выраженная тенденция уменьшения конкурентности, особенно ее пассивных форм), сокращение («разрушение») отношений «мнимой коллективности» (альтруистических отношений), с другой стороны, уточняют основные тенденции изменений состязательных отношений — отмечаются значительный рост активных форм состязательности, существенное увеличение такой формы состязательности, как «избегание», «уход», «неопределенность» в направ-

ленности своей активности (что естественно для любого переходного периода, для этапа переструктурирования социальных отношений), постоянный рост отношений конструктивного сотрудничества (как основной тенденции прогрессивного развития состязательных отношений).

Используемый инструментарий оказался чувствительным к влиянию различных факторов макросреды не только на уровне общества в целом, но и на уровне отдельной социальной группы, т. е. состязательность выступает достаточно тонким критерием и внутригрупповой дифференциации.

Анализируя результаты исследований можно отметить, что мужчинам несколько в большей степени по сравнению с женщинами присущи такие отношения состязательности, как альтруизм и сотрудничество, а женщины чаще вступают в отношения конкурентности и индивидуалистичности (но отметим, что данные различия в большей степени проявляются в гомогенной профессиональной группе, т. к. влияние такого фактора, как профессиональная принадлежность, оказалось одним из наиболее существенных). Влияние возраста на состязательность, хотя и относительно слабое, но можно отметить преобладание у молодежи (до 30 лет) отношений активной индивидуалистичности и сотрудничества, а у респондентов старшего возраста (свыше 46 лет) — отношений альтруизма. Влияние образования имеет следующие закономерности: респон-

денты с высшим образованием значительно чаще вступают в отношения активного сотрудничества и активного альтруизма, а для работников с общим средним образованием более характерны отношения конкурентности, потенциальной индивидуалистичности и потенциального альтруизма. Влияние семейного положения еще слабее: выявлено лишь преобладание конкурентных отношений у респондентов из проблемных семей (разведенных и неполных семей).

Как отмечалось выше, социально-профессиональный статус оказывает более сильное влияние на особенности формирования отношений состязательности в трудовой сфере. Для рабочих (по сравнению со служащими, специалистами и руководителями) более характерны отношения избегания (индивидуалистичности). Служащие отличаются от других профессиональных групп более выраженными отношениями конкурентности и активного альтруизма (и наименее развитыми отношениями сотрудничества). У специалистов оказались наиболее развиты отношения сотрудничества и слабо представлены отношения конкурентности и индивидуалистичности. Руководителей же отличает более высокий уровень развития отношений сотрудничества и альтруизма и незначительное развитие отношений конкурентности и избегания, индивидуалистичности.

Участие в управлении также влияет на развитие состязательных отношений: участвующие в управлении предприятием или имеющие в своем подчинении работников отличаются более высоким уровнем развития отношений сотрудничества и альтруизма.

Своеобразное воздействие на формирование отношений состязательности оказывают жизненные ценности респондентов. Из традиционно используемого лабораторией социологии ПермГТУ набора, включающего 13—15 жизненных ценностей, лишь половина дает дифференцирующий эффект. Так, работники, ориентирующиеся прежде всего на деньги, заработок, владение собственностью, значительно чаще (по сравнению с «другими ценностными ориентациями») вступают в отношения конкуренции и реже — в отношения сотрудничества. Также более развитыми отношениями конкурентности (хотя и не так сильно, как у предыдущей ценностной ориентации) оказались у респондентов с ориентацией на семью, здоровье, участие в политике.

У работников же, ориентирующихся на квалификацию, профессию, содержание труда, чаще фиксируются отношения сотрудничества и избегания (индивидуалистичности) и реже — конкурентные отношения. Также отношения сотрудничества преобладают у опрошенных, считающих залогом жизненного успеха в современном обществе культуру и воспитание. Установка на «должность в системе управления» повышает развитие отношений конкурентности и альтруистичности. А ориентация на

«личные деловые качества» способствует развитию таких амбивалентных форм состязательности, как сотрудничество и конкурентность. Те из опрошенных, кто считает, что человек «должен полагаться прежде всего на себя, а не надеяться на государство», значительно чаще вступают в отношения сотрудничества; а респонденты, предполагающие, что «государство должно помогать людям, прежде всего, нуждающимся», чаще предпочитают отношения избегания (ухода).

Определенное влияние на развитие состязательных отношений оказывает и политическая активность личности. Приверженцы более традиционных, легитимных форм политической активности (участие в избирательных кампаниях, политической партии или движении) чаще вступают в отношения сотрудничества и альтруизма и значительно реже — в отношения конкуренции. Участники более радикальных форм политической активности (митингов, демонстраций, пикетов, забастовок, голодовок и т. п.), наоборот, чаще используют конкурентные отношения и реже — отношения сотрудничества и избегания. А вот респонденты, не участвующие в политической деятельности, значительно чаще других используют такую форму состязательности, как избегание или индивидуалистичность.

Также на формирование состязательных отношений оказывают влияние личностные качества субъектов. В нашем исследовании для выявления свойств личности использовались отдельные шкалы многофакторного личностного опросника FPI (модифицированная форма В). Полученные результаты свидетельствуют о следующих тенденциях влияния свойств личности на состязательность:

— низкий уровень «невротичности» способствует развитию отношений сотрудничества и альтруизма;

— низкий уровень «спонтанной агрессивности» повышает индивидуалистичность, а средний уровень благоприятствует развитию конкурентных отношений;

— высокая «реактивная агрессивность» снижает долю отношений сотрудничества и альтруизма;

— низкая «раздражительность» обеспечивает более высокий уровень развития отношений сотрудничества и альтруизма, а высокая «раздражительность» повышает конкурентность и снижает долю альтруистических отношений;

— высокий уровень «общительности» положительно влияет на развитие отношений конкурентности и негативно — на развитие отношений сотрудничества и альтруизма;

— высокий уровень развития «уравновешенности» более благоприятен для формирования отношений конкурентности и сотрудничества;

— респонденты с высокими оценками по шкале «маскулинность» («мужской тип психической дея-

тельности») чаще вступают в отношения сотрудничества и альтруизма и реже — в конкурентные отношения;

— опрошенные с низким уровнем «застенчивости» чаще (по сравнению с респондентами со средними и высокими оценками «застенчивости») вступают в отношения конкурентности;

— для респондентов с высоким уровнем потребности в достижении более характерны конкурентные отношения и отношения сотрудничества; и они значительно реже других вступают в отношения избегания (индивидуалистичности).

Анализ развития состязательных отношений в различных социальных группах позволяет сделать вывод о том, что состязательность можно рассматривать в качестве значимого и достаточно чувствительного к влиянию различных факторов (от факторов макросреды до внутриличностных) диффе-

ренцирующего критерия внутригруппового структурирования. Причем необходимо отметить, что наиболее существенное влияние на формирование отношений состязательности оказывают такие объективные и субъективные факторы, как: состояние широкого социального окружения на уровне общества в целом, социально-профессиональный статус (содержание труда, профессия), уровень образования, включенность во властные отношения (участие в управлении, политическая активность и т. п.), ценностные ориентации субъектов, свойства личности и некоторые другие.

Исходя из всего вышеизложенного, можно уточнить наш вывод о том, что состязательность вполне можно рассматривать (и использовать на практике) в качестве одного из наиболее точных и универсальных критериев как внутригруппового, так и межгруппового социального развития.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Социологическое исследование можно представить как процесс взаимодействия между различными социальными субъектами с целью обмена информацией. Важность такого подхода к исследованию впервые была актуализирована известнейшим американским исследователем П. Лазарсфельдом [см. Lazarsfeld, Paul F., Reitz Jeffrey G. *An Introduction to Applied Sociology*. N.-Y. Isevier Scientific Publishing Co., 1975. p. 41]. Он конструирует схему исследования в контексте взаимодействия двух групп субъектов: Профессиональный Социолог и Клиент, оговариваясь, что речь идет не об индивидуальных представителях, а о ролевых типах.

Лазарсфельд выделяет различные типы клиентов: промышленные корпорации, правительственные структуры разных уровней, общественные организации, партийные движения. Одни организации-клиенты приглашают социологов для решения конкретной проблемы, другие — имеют их в своем штате. Вариация наблюдается и относительно ролей исследователя: это может быть профессор академического учреждения (научного или учебного), консультирующий по определенному поводу, или независимая исследовательская организация.

Но роли и типы еще достаточно формальные категории. Они должны быть наполнены конкретным содержанием. Клиент имеет множество проблем: он может хотеть разобраться в каком-либо уже свершившемся действии, он может хотеть найти правильное решение существующей проблемы или заложить основы своей будущей деятельности.

Исследователь, в свою очередь, располагает самими разными ресурсами: он владеет базовым категориальным и концептуальным аппаратом, в его распоряжении находятся материалы, полученные в процессе эмпирического исследования, он технически оснащен для того, чтобы производить новые данные.

Такое взаимодействие является своеобразным видом обмена: клиент достигает своей выгоды, но довольно часто знание, полученное в процессе прикладного исследования, становится основой для дальнейшей научной теоретической разработки проблемы.

По мнению Лазарсфельда, Клиент чаще всего уже имеет определенное практическое решение, но он не уверен в его правильности и потому обращается за помощью к социологу. Социолог должен транслировать интересы Клиента в исследовательские и, опираясь на имеющиеся данные или материалы, полученные в процессе нового исследования, устранить пробел между знанием и действием. Однако Клиент, как правило, не знает, что же даль-

ше делать с этим. Вот почему трансляция полученного знания в рекомендации рассматривается Лазарсфельдом как когнитивный (познавательный) аспект этого взаимодействия.

Однако познавательная проблема находится не в социальном вакууме. Проведение всего цикла прикладного исследования не является исключительно когнитивным процессом. На каждой его стадии оно сопровождается необходимостью решения проблем социального взаимодействия между клиентом и исследователем. Огромное значение имеет, кто формулирует практическую исследовательскую проблему, кто задумывает и планирует исследовательскую процедуру, кто разрабатывает рекомендации? Концепции возможных решений организации исследовательского процесса действительно могут быть весьма разнообразны. Следует отметить, однако, что, акцентируя внимание на взаимодействии Исследователя (Коммуникатора) и Клиента (Реципиента произведенной им информации), Лазарсфельд не включил в свою схему другой уровень коммуникации, осуществляемый в процессе социологического исследования: взаимодействие Исследователя и Респондента (носителя индивидуального сознания, агрегированное выражение которых предстает как общественное мнение). Тогда как именно адекватность когнитивных и коммуникативных намерений исследователя и респондента определяет качество полученной информации.

Следовательно, эмпирическое социологическое исследование целесообразно рассматривать как своеобразную транспортировку знания: обыденное фрагментарное знание («Общественности») — теоретическое систематизированное знание (Исследователя) — профессиональное экспертное фрагментарное знание (Клиента, Потребителя информации). Искусство, профессионализм исследователя проявляются именно в обеспечении корректности всех этих процедур.

В процессе эмпирического социологического исследования (при формулировке проблемы, конструировании инструментария, разработке рекомендаций и др.) обозначенные проблемные зоны когнитивных и коммуникативных отношений разных групп субъектов трансформируются в конкретные проблемные ситуации методологического, методического, организационного характера.

Таким образом, эффективность, результативность социологического исследования обеспечивается тремя составляющими:

- профессионализмом Исследователя (Исполнителя);

● *характером взаимодействия Заказчика (как Потребителя, Пользователя искомой информации) и Исполнителя; модели поведения Заказчика;*

● *исследовательской этикой.*

Центральной (ключевой) фигурой приведенной схемы выступает профессиональный социолог. Профессиональный статус социолога может быть представлен тремя уровнями в зависимости от качества его профессиональной подготовки, опыта, арсенала имеющихся у него средств (как методологического, так и организационно-технического характера) и ресурсов (кадровых, административных, финансовых).

Социолог — Исследователь характеризуется возможностью и способностью максимального использования ресурсов эмпирического социологического исследования как для разработки конкретных управленческих решений, так и для развития теории. Довольно часто в этой своей ипостаси профессионал социолог представлен академическим исследователем, ориентированным на «дисциплинарную перспективу». Данная исследовательская модель ориентирована на прирост знания внутри дисциплины и обращена, прежде всего, к коллегам, а не к клиентам. Вместе с тем важно, что приложение теории к практическим проблемам дает ей более надежную проверку (верификацию), чем просто критика коллег.

Социолог — Консультант выступает в роли эксперта или советника, призванного в соответствующих терминах (социальных, экономических или политических) оценить возможный или конечный результат целенаправленного вмешательства в социальные процессы. Так консультант, основываясь на результатах эмпирического исследования, может разработать стратегию избирательной кампании или оценить эффективность (целесообразность) предлагаемой к внедрению социальной программы. Консультант-социолог может взаимодействовать как с правительственными структурами, так и с клиентами, представленными организациями, частными лицами — всеми теми, кто нуждается в стратегическом осмыслении своего актуального проблематива и перспектив развития. Вместе с тем его исследовательские практики представляют определенный интерес и для профессионального сообщества в той мере, в какой они способны подняться на уровень типических обобщений или, наоборот, описания инновационных процессов. В качестве специфических функций консультантов, обобщающих опыт их исследовательской деятельности, можно отметить: повышение уровня компетентности руководящих органов; стимулирование к ним общественного интереса; обеспечение руководителей или лидеров свежими идеями; «интеллектуальный арбитраж» — проверка жизнеспособности и выявление недостатков управленческих решений.

Социоинженер, технолог, создает и реализует стандартные алгоритмы для решения типовых за-

дач социально-политического управления. Это позволяет ему многократно использовать отработанные и зарекомендовавшие себя на практике методики. Как правило, эти методики просты по содержанию и употреблению, дешевле в эксплуатации, по сравнению со сложными междисциплинарными, порой довольно изысканными, методами фундаментальной академической науки.

Роль социолога в данном контексте считается главным образом технической: конкретную проблему, которую ставит перед ним Клиент (управленец, политический деятель и т. п.) он трансформирует в программу действий. Жесткая заданность проводимой работы нуждами заказчика, ориентация на него обуславливает тот факт, что Социоинженер гораздо больше, чем Исследователь или Консультант, обеспечен доступностью, прозрачностью результатов своего исследования для понимания клиенту и, если не соответствием, то хотя бы непротиворечивостью его представлениям и системе ценностей.

Таким образом, разделение труда специалистов-социологов схематично можно представить в следующем виде:

<i>Профессиональный статус</i>	<i>Задача деятельности</i>	<i>Результат деятельности</i>
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ	Анализ ситуации (прошлой, реальной, проективной)	Выводы
КОНСУЛЬТАНТ	Принятие решений	Проекты, программы
СОЦИОИНЖЕНЕР	Менеджмент	Действие

Приведенное нами разграничение диапазона профессиональных статусов профессии социолога является весьма условным и используется лишь для того, чтобы продемонстрировать различие направленности социологических исследований разного уровня и специфику их применения.

Какие формы может принимать исследовательская организация, занимающаяся проведением социологических исследований?

Прежде всего, следует отметить наступление эры коллективных форм исследовательской работы, хотя многие исследователи еще продолжают работать в одиночку, иногда привлекая к сбору информации небольшие группы студентов. Но ещё более важно, что появилось большое число исследовательских организаций, которые существуют длительное время и в которых достигнуто эффективное разделение труда между их членами.

Средства производства научного знания также претерпели изменения и стали технически более сложными. Компьютерные парки, множительная техника, современные средства связи становятся неотъемлемым компонентом исследовательского цикла, что порой становится несовместимо с творчеством одиночек. Наиболее очевидными достоинствами совместной исследовательской работы счи-

таются те, которые связаны с *коллегиальностью*: очень важным является наличие ряда коллег, разделяющих те же интересы и преследующих те же цели, которые с одной стороны, выступают в качестве благодарной аудитории, а с другой, — в качестве источника советов и идей.

Конечно, многих социальных исследователей и без организации окружают коллеги (особенно на факультетах университетов, в соответствующих институтах Академии наук). Что же может получить исследователь от организации, чего нет в академических кругах? Проблема заключается в том, что коллеги по факультету связаны друг с другом различными узами, некоторые из которых могут нарушать коллегиальность. Формирование же самостоятельной организации предполагает выделение тех уз, которые связаны с общими исследовательскими интересами, и способствует коллегиальности, обеспечивая такие условия, что общность интересов культивируется, а другие отношения (например, конкуренция) подавляются.

Следующее достоинство организации связано с *развитием активов в распределении ресурсов*. Ресурсы могут быть использованы для компьютеризации, создания специализированных помещений (для проведения фокус-групп, call-центров); на приобретение информационных материалов, обучение персонала и т. д.

Вероятно, наибольшее преимущество участия в организованном исследовании, обусловлено потенциальной эффективностью *разделения труда*, которое делает работу каждого сотрудника организации намного более эффективной, нежели если бы все функции выполнял исследователь.

В социологических исследованиях проблема разделения труда особенно часто возникает в связи с проведением массовых исследований общественного мнения, что требует скоординированного действия ряда специалистов (аналитиков, супервайзеров, управляющих большим количеством интервьюеров, специалистов по выборке и т. д.), несущих ответственность и контролирующих определенные этапы проекта.

В процессе исследования возникают также проблемы, исходящие из *внешних источников*: например, проблема финансирования. В организациях такие «внешние» проблемы отдельных исследователей решаются при помощи объединения, а следовательно, и увеличения ресурсов каждого из входящих в организацию специалистов. Считается, что исследовательская организация несет намного больше ответственности, чем индивид: индивидуальный исследователь может уйти на другую работу, а организация будет продолжать выполнять свои обязательства, привлекая к реализации проекта новый персонал. Более того, исследовательская организация намного более полно может выполнять требования и пожелания потенциальных клиентов, что

особенно важно при реализации прикладных проектов.

Словом, исследовательская организация позволяет не только объединить, но и усилить политический, харизматический, технический потенциал каждого из членов её коллектива. По этой причине сотрудники независимой исследовательской организации выигрывают по сравнению с той позицией, которую они бы занимали в академических центрах или университетах.

В любом из перечисленных качеств (исследователь, консультант, инженер; одиночка, представитель независимого исследовательского центра, сотрудник государственной, правительственной и т. п. структуры) социолог предстает как эксперт, продуцирующий определенное знание и транслирующий его в адрес самых разных субъектов, участвующих в общественной жизни.

Социальный и профессиональный статус социолога, диапазон и эффективность его исследовательских изысканий, роль в жизнедеятельности социума детерминированы совокупностью факторов как идейно-политического, так и организационно-технического характера. Значительное влияние правительственных структур и общественно-политических организаций на исследование и исследователя имеет немало примеров. И вопрос заключается в том, каким должен быть баланс между значимостью политического надзора и автономностью исследования от политического и административного вмешательства?

Возможные идеологические ограничения могут выражаться, прежде всего, в *ограничении объекта изучения*. Властные структуры или влиятельные политические и экономические группы могут попытаться ограничить свободу научного поиска. Это играет особенно большую роль, когда речь идет о политически чувствительных темах. Так, в СССР, Восточной Европе, Южной Африке, на Тайване и в других странах, исследователей ограничивали «безопасными» темами и рекомендовали к изучению темы, которые поддерживали бы официальную политику.

Другое ограничение идеологического характера, навязываемое исследователю, связано с *состоянием существующей официальной статистики*. Концептуализация переменных, а также то, каким образом была собрана информация и насколько точно — оказывает влияние на социологическое исследование, базирующееся на анализе статистических показателей. Тот или иной феномен (например, безработица, доход, социальная структура) определен в официальной статистике и обусловлен методологией, диктуемой государственной идеологией. В этой связи можно отметить отсутствие в российской статистике до 90-х годов методик, адекватно измеряющих не только показатели состояния социально-политической сферы, но и экономики страны. Многие статистические исследова-

ния (например, бюджетные), проводимые сегодня по-прежнему вызывают недоумение ввиду использования явно устаревших технологий.

К форме политического давления на исследователя можно отнести и попытки *критики результатов исследований* некоторыми политиками или журналистами только из-за того, что они *не соответствуют их социальным или политическим взглядам*. Политик или журналист могут неправильно истолковать цели проекта для того, чтобы привлечь внимание публики. Политики могут попытаться «закрыть» исследование, которое в профессиональном сообществе считается оправданным, и, наоборот, поддержать проект, не имеющий никакой ни научной, ни реальной практической ценности. Это также способствует формированию негативного имиджа социологических исследователей в глазах широкой общественности.

Поскольку политики и управленцы выступают основными потребителями, пользователями информации, предоставляемой социологами, их можно рассматривать как ее Заказчиков: либо прямых (берущих на себя финансирование исследования), либо опосредованных (через социальный заказ).

Что касается проблемы взаимодействия Заказчик — Исполнитель, необходимо признать, что она пока не нашла должного освещения в отечественной литературе и крайне редко затрагивается в работах зарубежных авторов.

Модель поведения Заказчика (Клиента, согласно терминологии, принятой в западной литературе) определяется комплексом факторов, каждый из которых имеет свой вес и векторность (направленность), способных как позитивно, так и негативно повлиять на исследовательский процесс.

Можно выделить следующие типы Заказчика в зависимости от его:

● *Социального и политического статуса:*

— правительственные структуры федерального, областного, муниципального уровня как на уровне Законодательной, так и на уровне Исполнительной ветвей власти;

— политические партии, движения, общественные организации, отдельные политические и общественные лидеры;

— средства массовой информации.

● *Уровня компетентности:*

— «сведущие», имеющие общее представление о сути социального (социологического) исследования, его возможностях и ограничениях, структуре и процедурах;

— «несведущие», неопытные в плане такого рода деятельности.

● *Характера постановки задач:*

— четкость, определенность постановки задач перед исследователем;

— расплывчатость, неопределенность понимания и постановки задач исследования.

● *Содержания задач исследования, предлагаемых Заказчиком:*

— получение информации о состоянии социальных и политических процессов, институтов, диагностика общественного мнения;

— прогнозирование перспектив их развития;

— разработка собственной программы действий или оценка ее эффективности на разных этапах внедрения;

— получение информации о способах решения конкретной проблемы;

— желание оказать воздействие на определенные социальные, политические институты, общественное мнение.

Проблема эффективного взаимодействия исследователей-социологов и политиков, представителей органов государственного управления разного уровня, общественных организаций действительно имеет важнейшее значение. Даже в США, несмотря на наличие богатых традиций взаимодействия ученых-исследователей и политиков, многие из американских экспертов весьма скептически оценивают достижения, имеющиеся в этой области. Среди факторов, препятствующих эффективному взаимодействию исследователей-социологов и политиков, управленцев называют следующие:

1. Стремление политиков и представителей органов государственного управления строить реальный политический и управленческий процессы сугубо на рациональной основе. Они зачастую предпочитают руководствоваться не столько объективными данными и советами специалистов исследователей, сколько нормами законодательства, политической конъюнктурой, расстановкой сил в высших эшелонах власти, идеологическими симпатиями и антипатиями.

2. Нерасположенность политиков принимать во внимание социальные, идеологические, культурные, гуманитарные факторы при разработке тех или иных мер, более значимыми им представляются материальные, осязаемые аргументы (финансовые выгоды, экономические последствия).

3. Оперативные чиновники зачастую превращаются в адвокатов той политики, которой они придерживаются. Социологи-аналитики выступают в роли оппонентов государственным деятелям, оценивая рациональность планируемых ими шагов. Негативное следствие такого распределения ролей — скрытая борьба между «теоретиками» и «практиками». Положительным же обстоятельством здесь становится то, что социологи-эксперты, работающие на правительственные инстанции, в отличие от своих коллег, работающих в независимых исследовательских центрах, не остаются в стороне от процесса принятия решений, а представляют собой полноправных и заинтересованных участников.

4. Одним из усложняющих факторов взаимосвязи политиков, управленцев и профессионального

Теоретические и методологические проблемы социологии

(научного) сообщества социологов выступает то, что они основываются на различных нуждах и потребностях. Например, существуют различия во времени работы политиков и исследователей политической сферы: электоральный механизм формирует у политиков краткосрочную ориентацию. Это объясняет предпочтение правительством прикладных и краткосрочных, а не теоретических исследований; очевидно, что для правительства слишком мало пользы от тех проектов, отдача от которых появится лишь через 20 лет. Из-за политической целесообразности довольно часто обрабатываются признаки проблемы, а не сама проблема.

В России проблема эффективного взаимодействия Заказчика и социолога усугубляется еще и

недоверием к результатам исследований. Такая позиция объясняется общей стереотипно низкой оценкой исследовательской культуры членов данного профессионального сообщества, наличием в нем огромного количества дилетантов и реальных фактов полной или частичной фальсификации материалов эмпирических исследований. Профессионализм и соблюдение норм профессиональной этики являются с позиций клиента равноценными качествами социолога, значимыми как при выборе исполнителя, так и оценке результатов его работы.

Литература

1. Lazarsfeld, Paul F., Reitz Jeffrey G. An Introduction to Applied Sociology. — N.Y. Isevier Scientific Publishing Co., 1975. — 148 С.

СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На протяжении всей истории существования социологии мы отмечаем её стремление изучить и объяснить причины и механизмы изменения основного объекта её исследований — общества. Однако в силу сложности и многоаспектности общества, а также его непрерывного и постоянного изменения все попытки создать единую социологическую теорию не привели к желаемому результату. Казалось бы можно отметить определённые достижения на этом пути, в виде построения нескольких социологических теорий, таких как марксизм, понимающая социология, структурный функционализм, символический интеракционизм, а также постклассические, модернистские (социологическая феноменология, этнометодология) и постмодернистские (теория самореферентных систем, структурационная социология) теоретические концепции, и всё же очевидно, что ни одна из этих теоретических систем, взятая отдельно не может претендовать на роль социологической метатеории.

Напрашивается очевидный вывод, что следует объединить возможности всех уже разработанных теорий и создать общую социологическую метатеорию, хотя, как показывает опыт, эта цель недостижима.

В настоящее время мы являемся свидетелями большого количества попыток создания современных, новых теоретических схем и концепций, в основе которых, как думают их авторы, лежат новые взгляды на новую реальность, новые подходы к уже известным явлениям и процессам, новые прочтения старого опыта.

Как показывает анализ, теоретические изыскания идут в двух противоположных, или возможно встречных, направлениях. Первое — это вписывание социологии в более широкий контекст, акцентирование внимания на всеобщей взаимосвязи социального, природного и духовного на космическом уровне. Второе — попытка найти основное, определяющее звено, базовую категорию, взаимодействие, что часто приводит к введению по форме новых понятий, новых моделей социальных явлений, попыток их анализа и объяснения с привлечением терминов и понятий других сфер знания. Очень эффективен в этом направлении проблемный подход, в рамках которого вполне естественно использовать наработки и подходы других наук.

Можно предположить, что такое разнонаправленное развитие социологии определяется особенностями её становления как науки и особенностями структуры её предмета. Отсюда постоянная двойственность в подходе к реальным социальным явлениям и процессам, рассмотрение их как части более общих систем, исходя из макросоциологиче-

ского подхода, либо акцентирование внимания на взаимодействии личностей и социальных групп, используя микросоциологический подход.

Социология как наука об обществе возникла при слиянии двух ветвей, растущих на различной почве: философии и психологии, а точнее социальной психологии. Именно эту её особенность подчёркивает Ю.Н. Давыдов, когда он анализирует историю возникновения социологии. «Парадокс доконтровского обществознания, еще не институционализировавшегося и не осознавшего себя в качестве специальной научной дисциплины, заключается в том, что на каждом новом этапе его самоутверждения, предполагающего сперва постепенное высвобождение социальной науки из материнского лоно философии, а затем ее обособление от других смежных с нею дисциплин, вновь и вновь, хотя и по-разному, вставал один и тот же вопрос о «начале» науки об обществе, который историки и теоретики социологии обязаны строго отличить от собственно философской проблемы «первоначала» как такового. Между тем как раз здесь, у истоков этой будущей научной дисциплины, ее труднее всего отграничить от философии, в материнском лоне которой она возникла и только еще начинала собственную жизнь. Единственное, на что может опереться исследователь, рассматривая как бы под микроскопом судьбоносный «момент» первоначального разграничения уже «ставшей» философии, с одной стороны, и только еще «становящегося» обществознания — с другой, — это своеобразие его предмета. Общества, взятого в качестве некоторой «эмпирической» — в то же время «сверхэмпирической» — данности, навязывающей себя каждому его обитателю, независимо от того, способен ли он дать себе отчет в том, что же, собственно, это такое, или неспособен» [1, с. 45].

Социологи всегда много внимания уделяли проблеме структуры социологического знания, функции социологии как науки. Отметим контровское деление социологии на социальную статику и социальную динамику, П. Сорокин пишет: «Теоретическая социология, изучающая социальные явления с точки зрения сущего (и должного), естественно распадается на три основных отдела: 1) на социальную аналитику (или социальную анатомию и морфологию), изучающую строение населения; 2) на социальную механику, изучающую социальные силы и социальные процессы; 3) на социальную генетику, или теорию эволюции общественной жизни отдельных её сторон, исследующую законы развития последних явлений» [2, с. 531]. Вспомним и три уровня социологии, узаконенные в СССР.

Представления о структуре социологии тесно связаны с представлениями о её функциях и значении в обществе. Самый высокий уровень, уровень общей социологической теории, необходим самой социологии, без его развития она не может существовать как наука, но этот уровень не является важным с точки зрения решения прикладных задач и поэтому в его развитии заинтересованы только сами социологи-теоретики. Значение и важность теорий среднего уровня уже очевидны для более широкого круга социологов, а теоретические концепции отраслевых социологий признаются важными и полезными не только социологами, исследующими ту или иную сферу жизнедеятельности, но и людьми, работающими в этой сфере. Этим раскладом интересов во многом и определяется развитие различных уровней социологического знания. С сожалением приходится отмечать, что в современной российской социологии сравнительно меньше сделано в развитии общей теории и методологии и в этом плане она может рассматриваться как «провинциальная». Интересно о ситуации пишет А.Г. Здравомыслов. «Возможно..., что развитие теории осуществляется “где-то там” — в сферах зарубежных и международных. Но эта посылка несостоятельна. Без разработки вопросов теоретического характера не существует национальной социологии... Вне общего теоретического контекста российская социология выступает как совокупность отраслевых направлений» [3, с. 137].

В данной статье я хотел бы представить работы российских социологов разрабатывающих различные уровни социологии и различные «проблемно-теоретические» её узлы.

Проблемам общетеоретического уровня посвящены работы Н.И. Лапина, Г.В. Немировского, С.Г. Кирдиной, Л.М. Романенко, развитию теорий среднего уровня и их применению для объяснения процессов, происходящих в России, посвятили свои исследования А.И. Кравченко, О.Н. Яницкий, интересные идеи витализма, виталистской социологии разрабатывает В.И. Григорьев, оригинальную трактовку понимания «провинциальной» социологии даёт Г.Е. Зборовский.

Показательно то, что в абсолютном большинстве социологических парадигм, утвердившихся в качестве классических, в XX веке имели место виталистские идеи, компоненты социального знания виталистского характера. И это при всем том, что собственно виталистской социологической концепции в классической социологии не сложилось. Она не стала большой социологической теорией, объясняющей важнейшие закономерности строения, развития и функционирования общества, социальных сил, защищенности человека.

Присутствие виталистских идей в социологии различается по различным группам социологических парадигм. Прежде всего это можно выявить на осно-

ве их характеристики как социоцентричных, человекоцентричных и комплексноориентированных.

Очевидно, что нас интересует концепция социальной социологии Н.И. Лапина с целым набором новых понятий и идей. Концепция социальной матрицы С.Г. Кирдиной является эффективным инструментом анализа процесса развития общества. Новая парадигма универсальной социологии В.Г. Немировского, в которой он пишет о новых моделях познания социальной реальности, используя новые понятия, тоже может быть полезной. Приведу один из его тезисов: «Диатропическая познавательная модель концентрирует внимание на общих свойствах разнообразий, независимо от природы элементов, образующих данные множества. Основным понятием диатропики, указывает Ю.В. Чайковский, является ряд, подобно тому как для опытных и наблюдательных наук это факт. И так же как факт не имеет смысла вне объясняющей схемы, так и ряд немислим для диатропики без сопоставления с другим рядом, зато ряды для сопоставления могут быть взяты из далёких областей знания. Сопоставление этих рядов — элементарная операция диатропики, причём ряд не обязательно целостная система, а нередко простая упорядоченность изучаемого множества. На основании подобного сопоставления можно выделить архетип — обобщённый образ изучаемого объекта, будь то, например, строение птицы, дерева, общества или социального института (именно генерализованным архетипом и является разработанный нами в 1991 году принцип минимального универсума. Модная в последнее время синергетика отражает скорее особенности диатропической познавательной модели, нежели системной.)» [4, с. 25].

Понятно, что социология как наука не имеет границ, но не следует забывать, что она развивается и функционирует в определённой социально-культурной среде, под влиянием научных и культурных традиций, необходимо знать, что наработали наши коллеги в других странах, для того чтобы определить возможность и границы применения их теоретических концепций в нашей стране, но не для бездумного их копирования.

Литература

1. Давыдов, Ю.Н. К проблеме становления научности доконтровского обществознания: роль Н. Макиавелли. В кн. Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX-XXI веков/ под ред. В.А. Мансурова, С.И. Григорьева. — М.; Барнаул : АзБука, 2003. — 456 с.
2. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — 598 с.
3. Здравомыслов, А.Г. О судьбах социологии в России // Социс. — 2000. — № 3. — С. 136—145.
4. Немировский, В.Г. Введение в теоретическую социологию: Учебное пособие. — Красноярск, 1991. — 122 с.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПОДХОДА В МЕДИЦИНЕ И СОЦИОЛОГИИ

В условиях глубочайшего социокультурного кризиса России одной из главных тем становится тема самоисцеления отдельного человека, отдельных социальных групп и общества в целом. Социология на фоне резкого падения уровня жизни и политической нестабильности рано или поздно примет на себя функцию оказания помощи в форме **социальной терапии**. Нам, как социологам, предстоит еще осознать сам факт и суть нашей вовлеченности в личностном и профессиональном плане в эту необычную для нас функцию. Предстоит еще определить строгим образом наши профессиональные задачи, дабы облегчить наблюдение, научную рефлексию и клиническую интервенцию.

Обращение социологов к предлагаемой тематике сопровождается растущим интересом к **клиническому подходу**, который с особой силой начал разрабатываться в последнее время прежде всего в рамках возрождаемой качественной методологии. Зарождение клинического подхода происходило прежде всего в рамках медицины как социального института, области производства как нового знания, так и новых практик, переживших несколько трансформаций своих парадигматических оснований. Периодом его становления считается конец XVIII — начало XIX веков. То, что переживала медицина в это время описывает М. Фуко в книге «Рождение клиники» [2]. До конца XVIII века медицина была глубоко метафизична. Она игнорировала временную и эволюционную размерности болезни, патологические детерминизмы. Симптомы выявлялись независимо от их органической локализации: соответствие между болезнью и телом не устанавливалось, а используемые ей средства были ограничены и сомнительны: клизмы, банки и кровопускание являлись главными атрибутами медицинской практики с элементами скрытой эзотеричности. Церковь вторгалась в качестве дополнения и конкурента: ее утверждение о неизбежности конца света подстегивало стремление к спасению души, которое является столь же сильным, как и стремление к излечению тела.

Медицинские факультеты, где процветало кумовство, представляли собой анахронизмы. Врачам не доверяли и обращались к ним только тогда, когда ничего другого сделать было нельзя. Это порождает развитие способов лечения, передающихся через семейные традиции, обращение к целителям, костоправам и колдунам.

Во время Французской революции госпиталь представляет из себя наиболее символическое место нищеты и социальной несправедливости. Эти переполненные больными «братские могилы человечества», «гнусные дома для престарелых» пред-

ставляли собой скорее очаги заражения. Госпиталь являлся прежде всего не местом оказания врачебных услуг, а местом заточения под видом благотворительности по отношению к социальным низам, представлявшим опасность. Анатомическая геометрия болезни не исследовалась, так как работа со вскрытыми телами умерших была под запретом церкви. Испытывая страх перед водой и беспомощностью врачей, люди больше надеялись на чудо и спасение души, чем на институт медицины.

В конце XVIII века раздаются призывы установить новый порядок во врачевании. Французская революция, желая смести старое общество, ликвидирует корпорации медиков. На их место пришли другие образовательные структуры, связанные с социальными экспериментами и финансируемые пожертвованиями нуворишей. Параллельно трансформируются и углубляются медицинские исследования в рамках реформы преподавания в университетах. Устанавливаются связи с госпиталями для наблюдения за больными. Появляется превентивная доктрина, принимающая в расчет условия естественной среды и образ жизни. Утверждение медицинской морали привело к общественному признанию профессии врача, к признанию за ней политической роли.

Таким образом, основная предпосылка рождения клинической медицины в конце XVIII в. — признание неэффективности классического нозографического метода диагностики и терапии в условиях значительного увеличения числа болезней и изменения форм их протекания. Эпидемии стали важной государственной проблемой.

Клинический подход заключался в том, что наиболее важную составляющую «клиники» для врача играет ощущение больного, его боли, переживания болезни. Это уже тщательное описание отдельного случая вкупе с субъективным восприятием болезни пациентом давало информацию для обобщения и классификации, оценки хода и причин развития болезни. Со временем к клиническому подходу был добавлен обязательный анализ истории болезни со слов больного, анализ биографии и психологического портрета для отделения от «нормальных» уникальных свойств его организма, влияющих на течение заболевания.

Таким образом, клиническая медицина стала появляться в Европе в условиях качественного изменения социальной политики государства, выработки иных критериев социальной справедливости, когда основными факторами заболеваний стали социальные явления и процессы. В фокусе работы врача появился страдающий индивид. Его долгом

было добросовестно сообщать врачу о своем состоянии, о патологических ощущениях, а не вмешиваться в ход «вылечивания». Клиницист — единственный, кто решает, как лечить и что делать с больным в ближайшее время. Обучение в клинической медицине традиционно осуществляется в узких отношениях наставник — ученик.

Клинический подход позволил понять, что же такое конкретная болезнь, как она развивается неотрывно от страдающего индивида, т. е. заполнить «эпистемологическую яму» доклинической медицины, в которой преимущественно рассматривались только отдельные функционально связанные симптомы болезни и «идеалистический» способ перевода организма в здоровое состояние.

Либеральная медицинская доктрина отработывалась постепенно. В 1927 г. союз профсоюзов медиков Франции ставит на голосование устав, определивший сущностные принципы клинического подхода сегодняшнего дня: свободный выбор врача больным, свободу медицинского предписания, принцип прямой договоренности между больным и врачом в плане гонораров, прямая выплата гонораров больным врачу.

Клиническая медицина определяет себя скорее как искусство, чем как наука. Наука — объективное и относительно автономное по отношению к его обладателю знание. Искусство предполагает весьма специфичные личностные качества и прежде всего интуицию, узкий круг установленных правил, вытекающих большей частью из реального, но мало систематизированного и часто мало проговариваемого опыта.

Социология как наука по замыслу ее создателей могла описывать фазы и движущие силы изменения, но сама его не производить. Ее чисто научный подход, да еще с позиций объективизма, резко сокращал возможности изменить что-либо. С другой стороны, перспектива создания общей теории и контролируемой практики человеческого изменения на уровнях от индивида до группы и общества в целом преследовала лучшие умы человечества, оставаясь вот уже не один век утопией. Не так уж и давно, а если быть точным, то в 50-х годах XX столетия, наши зарубежные коллеги с особой гражданской силой начали говорить о практике социальной интервенции. В ее основе лежала загадочная и быстро развивающаяся дисциплина, которая была названа психосоциологией.

Любое явление повседневной жизни является по своей сути психосоциальным. В основе сдвига в сознании исследователей лежит констатация, что любая социология психологична, а психология социальна. При решении любой практической проблемы и особенно задач социального действия границы между психологией и социологией исчезают. Более того, сам спор об этих границах становится стерильным. Психосоциология возникает каждый раз, когда социолог идет в жизнь.

Психосоциология родилась после Второй мировой войны в период кризиса европейской культуры и экономики, когда среди европейских социологов и психологов наметился решительный поворот к проблематике повышения эффективности промышленного производства. С одной стороны, практика стала одной из главных движущих сил нововведений, а с другой — главной разрушительной силой по отношению к оторванным от реальности теоретическим построениям в социологии и психологии. В истории развития психосоциологии мы выделяем четыре этапа: Первый латентный этап — первая половина XX века явилась, с одной стороны, периодом бурного развития качественных подходов в Чикагской школе социологии, а, с другой стороны, первые же опыты Э. Мэйно в Хотторне полностью перевернули логику Э. Дюркгейма и других социологов — позитивистов, утверждавших, что изучаемые в социологии факты — это «вещи». Новый взгляд на взаимоотношения между исследователями и изучаемыми работниками лишь формально привел к возникновению индустриальной социологии. На самом же деле речь шла о начале утверждения психосоциологии. Именно усилиями Э. Мэйно и К. Левина были созданы базовые предпосылки для ее зарождения.

Второй этап (1950—1960 годы) — этап становления. Он характеризуется появлением в послевоенное время самого термина «психосоциология» и широкомасштабной практикой использования тренинговых групп, называемых по-разному: «базовой группой», «группой развития», «диагностической группой».

Третий этап (1970—1980 годы) — этап ее применения в разных контекстах и в многообразии форм. Он отмечен интересом исследователей к политическим, экономическим, институциональным изменениям в масштабе групп и организаций.

Четвертый этап (с 1980-х годов — по настоящее время) протяженностью в двадцать с лишним лет характеризуется обращением к клинике, ее изучением и перенесением ее методов в сферу социального и психологического. Сам термин «психосоциология» становится менее употребимым. Во франкоязычных странах появляются новые названия: «клиническая социология», «социальная клиническая психология», «диалектический анализ», «социоанализ», «социопсихоанализ». [5] Психосоциология уже не концентрируется на групповых теориях и практиках, предпочитая отказаться от конкретного объекта своего исследования и определяется скорее своим интеллектуальным подходом, который назван клиническим, своей специфической эпистемологией.

Сравнительный анализ истории становления и развития психосоциологии как интересующего нас научного направления и вида практической деятельности говорит о том, что имели место параллельность и схожесть прохождения основных этапов:

1. Пребывание в годы войны многих западноевропейских социологов в США, где они приобщились к эмпирическим подходам, количественным методам обработки данных, работе с малыми группами в рамках школы «динамики групп» К. Левина, «индустриальной социологии» Э. Мэйо.

2. Послевоенное осознание в Европе правящими кругами и предпринимателями факта отставания отдельной страны по уровню развития промышленных технологий и управления от США.

3. Отсутствие в университетских и академических кругах до 50-х годов XX века связующего звена между социологией, психологией и психоанализом в виде полемики и даже диалога и констатация на определенной стадии развития социологии боязни внутридисциплинарной замкнутости — своеобразной «интеллектуальной клаустрофобии» и стремление к междисциплинарному обновлению и международному общению.

4. Ломка под влиянием идей К. Роджерса барьеров между различными видами профессиональной практики и внутри каждой из них: консультирования, преподавания, терапии.

6. Обращение взоров исследователей к частному сектору. В этом плане многие психосоциологии унаследовали модель поведения учеников К. Левина, которые, следуя примеру учителя, оставляли в последние годы своей жизни лаборатории и уходили в частные структуры, где больше свободы и финансовых ресурсов для экспериментирования и практики, чем в государственных учреждениях, чтобы практиковать «исследование действием» и прочие методологии.

Психосоциология представляет особую форму междисциплинарной интеграции, комплексности и полицентричности. Она сразу же дистанцируется от **социальной психологии** — более пожилой и признанной в академическом мире дисциплины, которая уходит своими корнями в теоретическое размышление о поведении человека в обществе. Последняя возникла по сути как экспериментальная наука, что в недалеком прошлом давало основание для того, чтобы сделать ее предпочтительной среди наук о человеке. Социальная психология только в последнее время стала развивать свои прикладные аспекты [1]. Социальную психологию в ее западном варианте можно критиковать за приверженность позитивизму с его количественными методами, а психосоциология делает акцент на качественных методах.

Психосоциология в своем западно-европейском варианте широко опирается на психоанализ, а точнее — на неопсихоанализ. Дело в том, что и социологи-качественники, и социологи-клиницисты работают с людьми, находящимися в системе социальных связей. В той или иной степени они становятся психоаналитиками, рабочим инструментом которых является их собственная личность. Если психоанализ и подводит нас к пониманию связей между осознан-

ными и бессознательными намерениями, то им дается только частичное объяснение, так как общественно-историческая размерность этих связей от него ускользает. В. Райх показал, что психоанализ позволяет понять, каким образом садистские влечения индивида вынуждают его становиться мясником, хирургом или детективом. Однако только анализ социальной и экономической траекторий позволяет с некоторой уверенностью уловить как садистские склонности смогли быть сублимированными в том или ином профессиональном качестве.

Слово «клиническая» не совсем удачно звучащее по-русски и навевающее мрачные ассоциации, на самом деле призвано обозначать близость данного подхода к практике, к изучению конкретных случаев. Этимология данного слова: наблюдать, находясь непосредственно у постели больного. Не случайно именно социологи-клиницисты придают большое значение вмешательству и социальной терапии.

Клинический подход, с особой силой заявляющийся о себе в последнее время в зарубежной социологии, с необходимостью сочетает в себе следующее:

1. Наличие реальной ситуации, связанной со страданием.

2. Обращение к социологу — клиницисту с просьбой помочь разобраться в ситуации, постигнуть смысл происходящего.

3. Концентрация исследовательского внимания не на общем и типичном, а на особенном.

4. Особый характер личностной взаимосвязи социолога — клинициста с объектом взаимодействия и его принятие обеими сторонами. При клиническом подходе мы говорим, главным образом, о мягкости методов. Любое взаимодействие исследователя и объекта имеет свои последствия. Они могут быть как положительными, так и отрицательными, как для объекта, так и для самого исследователя. Уже в качественной парадигме личность социолога становится инструментом. В терминах же психоанализа мы приближаемся к понятиям трансфера и контртрансфера.

5. Тесная взаимосвязь исследования и воздействия (интервенции).

6. Обращение к патологическому для лучшего постижения теории реального.

7. В клиническом подходе — изучаемый субъект может быть в большей мере, чем исследователь, выступает заказчиком проекта.

Клиницисты — это люди, задействованные в поле, занимающиеся практикой. Чтобы понять эти проблемы, исследователь работает в основном не в своем кабинете, а «на поле действия», поскольку ему необходимо понять не только болезнь (то есть проблему), но и больного. Когда он рассказывает о том, что он наконец познал, его аудитория — не только и не столько его коллеги-профессора, но та группа, в которой и для которой он работал.

Страдающий субъект взывает о помощи, которая может быть оказана в форме консультации, обучения или социальной терапии. Социальная интервенция как разновидность социального действия является результатом совместного обсуждения и волевых действий. Она нацелена на восстановление или программирование социальных связей. В интервенции — социальной терапии пытаются ставить задачу достижения выздоровления прежде всего за счет восстановления социальных связей. В интервенции — обучении происходит освоение ролей, необходимых для поддержания этих связей.

С помощью клинического подхода исследуются «сочетание анализа структурных взаимосвязей и порождаемых ими противоречий, конкретной практики социальных акторов и индивидуальных ответов, которые каждый человек носит в себе, пытаюсь «создать» себя, чтобы перевоплотиться в субъекта своей истории» [6]. Специфика объекта — во взаимосвязи, пересечении субъективного и объективного, психического и социального.

В историческом плане клинический подход развивался уже в начале XX века: Г. Тард столкнулся с множеством трудностей на пути признания в качестве социолога, потому что он изучал формы социального общения и лежащие в их основе психические силы, в частности, любви и желания подчинения. Тард подробно анализировал теневые зоны общества, пронизывающие его эмоциональные потоки, «коллективные галлюцинации», которые при этом испытываются, показывая нам, что эти элементы, которые редко учитываются, существенно необходимы для понимания движения самого социума.

Тард вел диалог с Г. Ле Боном, который прежде всего бросил вызов университетскому миру и из-за своих крайних политических суждений, часто не до конца продуманных. Г. Ле Бон вне всякого сомнения вдохновлял Фрейда, был одним из первых, кто развивал клиническое видение общества и исследовал эмоциональные характеристики толпы. Г. Ле Бон нашел хороших читателей в лице Муссолини, Гитлера, Ленина и Де Голля.

Дюркгейм, часто прямо обвиняемый в объективизме, в своей последней работе «Элементарные формы религиозной жизни» попытался защитить терапию социального целого. Он подчеркивал существенную роль верований и страстей в коллективной жизни.

Представитель Чикагской школы Луи Вире, активно работавший с биографическим подходом в 30-х годах, опубликовал статью «Клиническая социология». В 60-х годах в Европе произошел ренессанс биографического подхода, с которым клинический подход находится в диалектической взаимосвязи.

Клиническая социология отличается спецификой своих объектов. Для нее характерны специфические объекты и проблемы: социальное исключение, страдания, классовый невроз, власть, деньги, тело.

Она имеет возможность работать с такими сложными для социолога категориями как гордость, стыд, обида, вина, а также страдание.

Венсан де Гольжак формулирует предмет клинической социологии как «сочетание анализа структурных взаимосвязей и порождаемых ими противоречий конкретной практики социальных акторов и индивидуальных ответов, которые каждый человек носит в себе, пытаюсь «создать себя», чтобы перевоплотиться в субъекта своей истории». Клиническая социология нацелена на исследование фундаментального взаимодополнения индивидуальной психики и социальных структур, взаимопроникновения индивидуального и коллективного, аффектов и социального пространства. Интересным становится анализ социального отклонения в любую сторону: бездомные, бомжи, инвалиды, проблемные траектории женщин: проститутки, матери-одиночки, матери детей-инвалидов, предприниматели, безработные.

Говоря о клиническом подходе в сегодняшней России, следует отметить, что в ней имеют место особого вида ситуации, в которые исследователь не может не вмешаться. Имеются в виду вызывавшие или потенциально могущие вызвать травму события или ситуации. Если в психиатрии под травмой понимают длительное деструктивное влияние на личность, результатом чего являются умственные, эмоциональные нарушения, то в социальной сфере П. Штомпка связывает травму с деструктивным воздействием на социальное тело. В таком контексте травма подразумевает определенную патологию того или иного социального организма и его способности к творческому самоизменению [3, 4]. Дадим примерный список социальных травмирующих изменений различных масштабов и значимости, имевших место в России в XX веке:

- революции (буржуазно-демократическая 1905 г., буржуазная и пролетарская 1917 г.), начавшаяся в 80-х годах перестройка;
- государственные перевороты (удавшиеся или нет в 1953, 1991 и 1993 годах);
- потеря страной территорий (Аляска, спор о статусе Чечни);
- наличие притязаний со стороны соседних государств (Япония, Китай);
- мировые и гражданские войны с реальной или потенциальной иностранной оккупацией;
- неудачи геополитического плана (развал социалистического лагеря и продвижение НАТО на Восток);
- проигранные войны в Афганистане и Чечне;
- принудительная депортации социальных слоев и целых народов;
- радикальные экономические реформы (коллективизация, приватизация);
- резкая девальвация валюты и финансовые потрясения (черные четверги и вторники, обмен де-

нежных знаков в ограниченный срок, замораживание счетов физических лиц);

- крах финансовых пирамид (МММ, ГКО);
- кровавые столкновения на межэтнической почве (ингуши — осетины);
- акты криминального беспредела и терроризма;
- политические скандалы, разоблачение коррупции и отставки в высших эшелонах власти;
- открытие секретных архивов и ревизия героических событий прошлого.

Социокультурная травма проявляется на всех уровнях. На уровне социума травма проявляется прежде всего в виде ситуаций, которые Фрейд классифицировал под ярлыком «**социальный невроз**»: возвращение религиозного фанатизма, усиление национализма, ненависти к иностранному, расизм и антисемитизм, также как отклоняющееся поведение, наркомания и насилие. На индивидуальном уровне она, в частности, заявляет о себе через:

- реактивацию чувства вины;
- сильное чувство неполноценности;
- особые трудности, связанные с эдиповым комплексом, среди которых сексуальные и социальные составляющие являются предметом взаимного подкрепления;
- развитие фантазматической деятельности, создающей защитный механизм против социальной неполноценности;
- раздвоение личности, связанное с чувством быть разделенным изнутри;
- изоляцию и замыкание на себе [6].

Для клинической социологии вопрос эпистемологии ставится следующим образом: «Что представляет социология для нас, для социума, для индивидов и социологов?» Действительно, принятие получаемых результатов касается не только научного

сообщества, а захватывает более широкий круг тех людей, кто затронут проблемами, на которых завязана клиническая социология. Это не означает, что любое социологическое понятие должно быть или может быть понято каждым, это означает просто, что своим изучением социальных проблем, опытом констатации которых располагает каждый из нас, социология идет навстречу нашим чаяниям.

Анализ социально-психологических узлов считается полностью «валидным» (т.е. одновременно принятым и проверенным) лишь в том случае, если концептуализация, сделанная на его основе, соответствует жизненный опыт, которому данная гипотеза придает смысл и когерентность. Вацлав Гавел сказал в своей речи в Академии моральных и политических наук в 1992 г.: «Недостаточно описать научными терминами механизм вещей и явлений, их надо ощутить и прочувствовать в душе».

Литература

1. Введение в практическую социальную психологию. Учеб. пос. для высших учебных заведений. / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. — 2-е исправленное изд. — М.: Смысл, 1996. — 373 с.
2. Фуко, М. Рождение клиники. — М.: Смысл, 1998. — 309 с.
3. Штомпка, П. Социальное изменение как травма // СОЦИС № 1, 2001. С. 4—12.
4. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // СОЦИС № 2, 2001. — С. 4—10.
5. Aubert, N., Gaulejac, (de) V., Navridis, K. L'aventure psychosociologique. — Paris, Desclee de Brouwer, 1997.
6. Gaulejac, de V., Roy Sh. Sociologies cliniques, — Paris, Desclee de Brouwer, 1993.

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В современной научной литературе собственность чаще всего рассматривается в рамках экономики, управления и юриспруденции; в истории философии собственность рассматривается в рамках проблемы типизации обществ. Между тем, назрела необходимость фундаментальных исследований феномена собственности как основания бытия человека в контексте его собственной идентичности и познания мира.

В настоящем исследовании мы исходим из теоретического положения о том, что: собственность является основанием общественного и индивидуального бытия человека, интегральной формой его существования.

Постановка проблемы собственности как способа бытия человека и познания мира предстает как ключ для открытия, освоения и творческой разработки нового пространства философской рефлексии на отношении «Человек — Мир».

Предметным полем исследования собственности может выступить, образно говоря, философский дуэт — «одно» («Я») и «многое» (всё).

Согласно Гегелю, наивысшее, чем может обладать (иметь в своей собственности) человек, это сознание своей сущности.

Сущность, как ее определяет С.М. Шалютин, есть относительно устойчивая минимальная совокупность ее определенностей, обуславливающая ее поведение, множество ее возможных состояний. «Если рассматривать систему с точки зрения ее функционирования, то сущность детерминирует простую смену этих состояний. Сущность системы в качестве развивающейся есть минимальная совокупность ее определенностей, обуславливающая траекторию или вектор ее развития. Если, однако, учесть не однозначный, а стохастический характер такой детерминации, то разумней говорить не о траектории развития, а о множестве траекторий, заключенных в некоторой области» [9, с. 35—36]. Такое понимание сущности, с нашей точки зрения, очень хорошо применимо к человеку — роду, сообществам и индивиду (личности).

Вопрос о природе и смысле собственности, по нашему мнению, обязательно должен сводиться к более фундаментальному вопросу, а именно — о сущностном характере индивидуальной неповторимости, о сущности индивида. Выявить сущность индивида — это значит найти ту минимальную относительно устойчивую совокупность его определенностей, которая детерминирует его деятельность, выбор, решения, поступки и т. д.

«Неповторимость свойственна личности не в силу того, что она — человеческая личность, — отмечает Э.В. Ильенков, — а постольку, поскольку она

нечто единичное вообще. <...> В мире нельзя обна- ружить не только двух одинаковых личностей. <...> Известно, что современная физика исключает самую возможность существования в мире двух абсолютно тождественных микрочастиц (электронов, фотонов, протонов и т. п.). Единичное есть единичное и тут уж ничего не поделаешь» [3, с. 323—324]. На фактическую ошибочность утверждения Э.В. Ильенкова указывает С.М. Шалютин. «Запрет Паули (который, по-видимому, служит автору основанием для такого утверждения, другие основания найти невозможно), во-первых, касается не всех частиц, а только частиц с полуцелым спином, во-вторых, не их существования вообще, а их существования в определенных системах. Важнее, что с точки зрения автора сам факт неповторимости человеческой личности (и индивида) есть только частный случай соотношения класс — элемент. Такой подход ошибочен. Уравнивание соотношения общее — единичное для класса человек с этим отношением в классах иной (особенно неорганической) природы несостоятельно логически» [9, с. 33—34].

В чем состоит ошибочность подхода Э.В. Ильенкова? С точки зрения общих требований формальной логики для образования класса достаточно наличия у некоторой совокупности элементов общего признака. Собственно, это требование сохраняет силу и для класса, именуемого «человек». «Однако для него (для класса «человек» — замечание Д. Р.) не менее существенно наличие внутреннего несходства, которое в общем случае логического класса факультативно», — отмечает С.М. Шалютин. Родовая сущность человека может реализоваться лишь через разнообразие отдельных индивидов, то есть род человек — это не просто множество одинаковых экземпляров. Это класс специфических, самобытных «экземпляров». Более того, один из важнейших признаков, определяющих принадлежность «экземпляра» к классу как раз и заключается в способности этого «экземпляра» к генерированию собственной самобытности, а значит, и отличия от других. Сам класс человек был бы невозможен, если бы между его «элементами» имелось бы сходство и не было бы различий. Элементы в этом случае не были бы людьми» [9, с. 34].

Вопрос о сущности индивида в истории философии рассматривается с разных точек зрения. Согласно одной из них, специфическая внутренняя сущность индивида не усматривается и даже отвергается. Наиболее ярко данная точка зрения выражена в гегелевской системе, в которой всеобщее (в конечном счете, мировой дух) имеет безусловный примат над единичным. Гегель прекрасно видит наличие раз-

личий между индивидами. Он исследует их взаимные отношения в гражданском обществе. Однако этот индивид воплощает собою не свою сущность, не собственно себя. Гегель считает, что нравственность, нравственное (а он под ними понимал все органически присущие обществу институты — семью, гражданское общество, государство, в которых объективирован мировой дух), а также «нравственные определения суть субстанциональность, или всеобщая сущность индивидов, которые относятся к ним только как нечто акцидентальное. Есть ли индивид, объективной нравственности безразлично, она одна только есть пребывающее и сила, управляющая жизнью индивидов» [1, с. 201]. Гегель поясняет, что нравственные силы управляют жизнью индивидов и имеют в них как в своих акциденциях свое представление, являющийся образ и действительность. Таким образом, индивиды, согласно Гегелю, лишь акциденция, случайное проявление нравственности (общественных отношений — **примечание Д. Р.**), которая и является всеобщей сущностью индивидов, управляющей их жизнью. Индивид является орудием, органом социальной тотальности, в которую он, как часть в целом, включен.

Очень близкий взгляд к гегелевскому взгляду мы находим — у Э.В. Ильенкова: «Поскольку через бесконечное количество отношений каждый индивид на земном шаре связан с каждым другим, постольку индивиды — это специфические частички — «органы» одного и того же коллективного тела, одного и того же социального ансамбля — организма» [3, с. 231], совокупности общественных отношений. По сути, такой подход к пониманию сущности человека отвергает внутреннюю сущность отдельного индивида. По этому поводу интересно замечание С.М. Шалютина: «Из того, что “каждый индивид на земле связан с каждым другим”, то есть что человечество образует систему (что в качестве формулы, истинной для всех времен, само по себе, по меньшей мере, спорно) отнюдь не следует, что каждый индивид есть лишь “специфическая частичка ансамбля общественных отношений” которому принадлежит, т. е. что его бытие сводится к реализации системной функции. Степень автономии элементов (и подсистем) по отношению к охватывающей их системе весьма различна. Даже в системах самого высокого уровня целостности элементы сохраняют некоторую относительную самостоятельность и могут оказаться далеко не полностью подчиненными системе. «Организм» применительно к обществу есть метафора и не более того. И приравнение отношения “организм — орган” к отношению “общество — индивид” лишено оснований» [9, с. 134].

Согласно позиции Э.В. Ильенкова получается, что сущность отдельного человека, сущность индивида находится вне его, в ее отношении с другими. Личность, по Э.В. Ильенкову, это «телесная организация» того коллективного целого («ансамбля социальных отношений»), частичкой и «органом» которого и выступает каждый человеческий инди-

вид. Сущность индивида сводится к его роли, функции, заданной «целым», ибо индивид, понимается как орган (почти винтик) коллективного общественного целого. Таким образом, из концепции Э.В. Ильенкова следует, что специфическая сущность у индивида отсутствует. Безусловно, такой взгляд имеет своей логической основой гегелевское понимание соотношения между общим и единичным. В гегелевской трактовке единичный человек есть случайное воплощение мирового духа, реализующего в нем свою необходимость. Поэтому индивид, его сущность, жизненный путь не должны быть удостоены философского исследования. По большому счету, отрицалось право на существование философской антропологии.

Глубокой критике гегелевскую трактовку единичного человека как случайного воплощения мирового духа, реализующего в нем свою необходимость, подверг С. Киркегор и последующие представители неклассической философии.

К.Н. Любутин, отмечая, что бытие общества и образующих его социально-исторических общностей, социальных групп реализуется посредством индивидуальной материальной и духовной деятельности людей, останавливается на интерпретации замечания К. Маркса. В частности, К. Маркс писал: «Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, знают ли они это или нет» [5, с. 402—403]. К.Н. Любутин по поводу формулы К. Маркса говорит следующее: «Субъектом и объектом практического, познавательного и ценностного отношения выступает индивид, материальное существо, обладающее сознанием. Сущность индивида, как и общества, представляет собой совокупность всех общественных отношений. Речь идет именно о сущности человека. Между тем, в литературе до сих пор встречается неверное толкование формулы Маркса, заключающееся в отождествлении человека в целом с совокупностью общественных отношений. <...> Конечно, человек — творец общественных отношений. Но сказать, что человек есть совокупность человеческих отношений, значит отбросить проблему субстрата, носителя этих отношений» [4, с. 5].

Философия практики выводит сущность отдельного человека из его принадлежности к надиндивидуальной, именно к общественной системе. Она отнюдь не абстрагируется от проблемы субстрата, от того, к чему социальные отношения привязаны. «Первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе. <...> Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» [6, с. 23].

Природные основы человека шире, чем биологическое начало, которое непосредственно предшествует социальному. «Биологическое начало обра-

зует важнейшую часть человеческого материально-го субстрата, причем диалектика развития такова, что биологические процессы, предшествуя социальным, в свою очередь, испытывают «видоизменения» под влиянием социального фактора», — отмечают К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров [4, с. 5]. В этом же ключе рассуждал и К. Маркс. «Бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только в известной стадии этого процесса человек становится человеком. Но раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и предпосылкой человек является только как свой собственный продукт и результат» [5, с. 516].

По нашему мнению, сущность человека — это его социальность. Социальность есть не что иное, как способность человека к диалогу. Сама эта способность может быть актуализирована в процессе жизнедеятельности человека, а может остаться нераскрытым потенциалом.

Мы исходим не из концепции непосредственного тождества природного и социального, а их единства. Тождественности природного и социального посвящены работы Г.В. Мокроносова и А.М. Мосорова. «Среди философских идей К. Маркса и Ф. Энгельса, лежащих в основе материалистического понимания общественной жизни, есть одна очень важная и мало изученная фундаментальная идея. Это идея о тождественности (в диалектическом смысле этого слова) индивидуальной жизнедеятельности людей и содержания общественных отношений» [7, с. 5]. Авторы данного высказывания склонны к абсолютному отождествлению социального и природного. «Единство социального и природного начал в личности имеет полную слитность и лучше говорить не об их единстве, а об их непосредственном слиянии в одну всецело социальную сущность» [7, с. 5].

А.М. Мокроносов и Г.В. Мосоров полагают, что признавать «разделение социальной реальности живого человека на две половинки — биологическую, оставшуюся от какой-то, якобы, несоциальной основы личности, и личностную», значит совершать ошибку, ибо «нет в жизни человека биологической стороны, за пределами социального начала» [7, с. 5]. Человек во всех своих проявлениях — социальное и только социальное существо. Подобную точку зрения разделяет М.Б. Туровский: «Организм человека, по сути дела, никакое не биологическое образование» [7, с. 65, 83, 84].

По нашему мнению, человек существо всецело социальное в том смысле, что социальность распространяется на все в человеке, а именно — и на сущность человека, и на человека как биологического носителя этой сущности. Биологическое в человеке как бы «снимается» социальным, то есть «биологическое сохраняется в подчиненном виде» [2], соци-

ализируется. В этом отношении представляет интерес трактовка соотношения биологического и социального, предложенная В.В. Орловым. «Человек имеет не двойственную — биологическую и социальную, но интегральную социальную природу. Природа человека характеризуется многосторонними взаимодействиями и взаимосвязями ее различных уровней и на этой основе единством, которое есть социальность» [8, с. 303—304]. Данная трактовка предотвращает упрощенное понимание субстрата и сущности человека, позволяет понять сложную опосредованность социального и биологического, социального и природного. Она подтверждается выводами частных наук.

Природной основой человеческой собственности выступает творчество как специфически человеческий способ бытия, высшая форма активности человека. Смысл собственности состоит в том, чтобы через актуализацию творческого потенциала человек смог созидать свое «Я» и мир в целом. Специфика актуализации творческого потенциала состоит не только в способности человека явить (сделать собственностью) содержание мира во всей его полноте, а свое бытие, независимо от того, какая грань мира исследуется, но и привнести свое собственное бытие в бытие мира в целом. В этом отношении, автор с необходимостью обращается к диалектике собственности, которая есть суть диалог человека с миром.

Литература

1. Гегель, Г. Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 525 с.
2. Дубинин, Н.П., Шевченко, Ю.Г. — Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. — М. : Прогресс, 1976. — 328 с.
3. Ильенков, Э.В. Что же такое личность? // В сб.: «С чего начинается личность». — М. : Наука, 1984. — С. 230—324.
4. Любутин, К.И., Пивоваров, Д.В. Человеческий индивид в субъектно-объектном измерении // Основания индивидуального бытия. Серия «Философское образование» Выпуск 24. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. — С. 3—18.
5. Маркс, К., Энгельс, Ф. Собр. соч. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 26. Ч. 3. С. 516; Т. 27. С. 402—403.
6. Маркс, К., Энгельс, Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. — М. : Политиздат, 1966.
7. Мосоров, А.М., Мокроносов, Г.В., Общественные отношения и личность. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1969. — С. 3—85.
8. Орлов, В.В. Материя, развитие, человек. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1974. — 363 с.
9. Шалютин, С.М. Человек-индивид; его сущность // Основания индивидуального бытия. Серия «Философское образование». Выпуск 24. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. — С. 33—36.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Социологический анализ современного российского общества ставит вопрос о новых подходах для оценки его состояния, нахождения такого понятийного аппарата, который позволяет учесть и понять закономерности его развития и, в частности, в его важнейшей сфере — социально-трудовых отношений в условиях формирования нового рынка труда и занятости.

В этой связи в качестве категории, обобщающей и покрывающей собой возможные альтернативные результаты исследований, используется понятие «социальная трансформация».

Необходимо различать трансформации, происходящие на институциональном и деятельностном уровнях. При этом возникает серьезная проблема, связанная с возможностью существенных противоречий между институциональной формой и характером социального функционирования тех или иных общественных установлений, преобразование которых является предметом исследования социальных трансформаций. Примеров подобных противоречий можно привести довольно много в экономической, политической, культурной сферах и, в частности, в процессах функционирования рынка труда и занятости и характера социально-трудовых отношений.

Поэтому важно найти подход, который позволяет соотнести между собой нормативно-институциональные преобразования, с одной стороны, и макросоциальные изменения в функционировании соответствующих институтов, с другой. В практике социологических исследований в качестве категории, соответствующей требованиям такого соотношения, мы используем «социокультурный уровень», под которым мы понимаем доминирующие в обществе ценности, мотивации и модели социального действия.

По существу исследователь сталкивается с триадой трансформационных процессов. Во-первых, трансформации социальных институтов в их нормативном, прежде всего в правовом, описании. Во-вторых, макросоциальная трансформация, характеризующаяся сменой и изменением у доминирующих в обществе моделей и мотивов социального действия. В-третьих, интегральная характеристика трансформационных процессов, которая связана с анализом взаимоотношений и противоречий между первыми двумя предметами исследования.

В этой связи важными критериями для оценки переходного состояния современного российского общества, характера социальной трансформации являются следующие:

— роль новых и старых социокультурных групп в процессах либерализации и приватизации экономики;

— изменения в трудовых отношениях, мотивациях, поведении различных социальных групп;

— изменения в уровне и качестве жизни населения и отдельных социальных групп;

— характер социальной стратификации;

— процессы, стили и результаты адаптации к комплексу проводимых реформ.

Обозначенные методологические подходы должны быть применены в изучении динамики трудовых отношений, в степени соответствия их системным характеристикам общества рыночного типа.

Трудовые отношения в широком смысле (т. е. отношения по поводу труда и его результатов) включают в себя технологические, правовые, организационно-экономические, властные отношения и соответствующие им системы ценностей и норм поведения, необходимые для мотивации и дисциплины труда. В узком смысле (применительно к конкретной производственной ситуации на предприятии) — это реальные производственные отношения, проявляющиеся прежде всего в трудовых взаимоотношениях, основными субъектами которых являются рядовые работники, администрация и владельцы предприятий. Основное содержание трудовых отношений в таком случае будет составлять взаимодействие по горизонтали (внутри рабочей группы) и по вертикали (между работниками и администрацией, руководством), а также отношения занятости, условия и оплаты труда.

Процесс трансформации трудовых отношений складывается под влиянием как экономических, так и социокультурных преобразований в сфере экономики. Экономические преобразования, целью которых являлось формирование эффективного собственника, проводились в 1990-е годы преимущественно на основе западных моделей и технологий ведения бизнеса. Ведущими ориентирами в экономической политике новых собственников являлись: получение максимальной прибыли, завоевание рынков сбыта, формирование у работников ценностей индивидуального интереса и рационального поведения. Заимствованные технологии сочетались с традиционно господствующим в России материалистическим подходом, согласно которому поведение человека всегда соответствует правилам, заложенным в определенной социально-экономической модели труда. Предполагалось, что старые «советские» культурные нормы будут неизбежно вытесняться новыми «рыночными» как более эффективными и

что наиболее безболезненно эти процессы пройдут на новых частных предприятиях, где отсутствуют предпосылки для реставрации советской культуры труда. Однако процесс развития трудовых отношений оказался значительно сложнее. Новый трудовой кодекс был принят лишь в 2002 г., спустя более 10 лет с начала экономических реформ и утверждения многообразия собственности. И все это время значительную часть трудовых отношений регулировал советский кодекс, во многом уже не соответствовавший социально-экономическим реалиям. По ходу был принят закон о профсоюзах, о коллективных трудовых спорах.

Своеобразие национальных моделей трудовых отношений стало предметом многих исследований, результаты которых свидетельствуют о существенных различиях (региональных, отраслевых и т. п.). Об этом говорят материалы мониторинга социально-трудовой сферы, который содержит аналитические данные федерального и ведомственного уровня, статистической отчетности, результаты социологических исследований. При этом выявляются следующие тенденции:

— единообразия практик и правил трудовых отношений нет и реально быть не может (различные отрасли, центр — глубинка, этнические и региональные культуры и традиции);

— формальные (установленные законом) трудовые отношения переплетаются с неформальными, часто межличностными отношениями, между рабочими и руководством;

— работники наемного труда в значительном большинстве не видят какого-либо института, представляющего их интересы в отношениях с работодателем: массовые опросы указывают на недоверие к официальным профсоюзам;

— в конфигурации системы управления имеют место все известные ее формы: автократическая, клановая, иерархическая, бюрократическая.

В таких условиях исследовательской задачей является изучение взаимосвязи векторов движения старого и нового, поиск того, что рождается на стыке данных социокультурных ориентаций, определение характера институциональных изменений на микроуровне социально-профессиональных групп, предприятия. Рассмотрение трудовых отношений в современных условиях и предполагает анализ постоянной взаимосвязи актуальных социальных проблем труда с их социокультурными составляющими.

Наши выводы и понимание тенденций социально-трудовых отношений опираются на данные социологического исследования, проведенного на 9 предприятиях Пермского региона в 2003—04 гг. Всего опрошено 2174 респондента. Предприятия были разбиты на 3 группы: успешно функционирующие 37,9 % опрошенных, проблемные — 35 % опрошенных, кризисные — 37,1 % опрошенных. В выборку попало 52,7 % рабочих, 17,4 % руководи-

телей, 18,1 % ИТР и 9,8 % служащих. Это позволило выявить влияние различных факторов на структуру трудовых отношений, на особенности их проявления на предприятиях разных форм собственности и отраслевой структуры.

Оценивая характер трудовых отношений в группах предприятий по критерию успешности или неуспешности вхождения в рыночные отношения, мы стремились выявить их динамику и факторы, ее определяющие. Можно сказать, что последние 12—15 лет для российских предприятий прошли под знаком «выживания» и приспособления к рыночным отношениям. В связи с этим одна из задач исследования состояла в том, чтобы выяснить — различаются ли правила трудовых отношений в зависимости от степени адаптированности предприятий к требованиям рынка товаров и рабочей силы.

Исходная посылка состояла в том, что в период социально-экономических трансформаций уровень адаптированности к внешним изменениям выступает индикатором их успешности. Данное утверждение вполне справедливо и для относительно стабильного общества. Но в обществе с неустойчивой экономикой и только еще формирующимися социальными институтами, отвечающими вызовам рыночной конкуренции, когда изменения непрерывны и слабо предсказуемы, способность адаптироваться превращается в ключевой фактор. Поэтому можно в известной мере поставить знак равенства между понятиями «успешность» и «адаптированность».

Исследование показало трудности становления новых ролей и ролевых отношений. В результате приватизации, акционирования закономерно появляются новые социальные роли: собственник, наниматель, наемный управленец, акционер, наемный работник и ряд других. Проблема заключается в том, что правила рыночных отношений не были определены в самом начале реформ и сейчас еще остаются неочевидными, т.е. не совсем понятно, чему именно должны соответствовать новые конвенциональные (принятые сторонами) роли и трудовые отношения.

Исследование показывает, что и работники и администрация затрудняются в определении функционального содержания новых ролей, т.е. прав и обязанностей, которые присущи собственнику, наемному работнику, наемному управленцу и т.п. Люди выстраивают собственные «образы», наполнение которых зависит от индивидуального опыта взаимодействия с контрагентами (или мировоззренческих установок, в которых ведущей является эмоционально-оценочная составляющая).

Большинство опрошенных (65 %) ощущают себя наемными работниками, 72 % не имеют отношения к собственности (не имеют акций), 22 % — держатели небольшого количества акций, только 10 % опрошенных считают себя собственником своей рабочей силы как товара.

В этих условиях социальная идентификация идет по критерию «свой–чужой». Акционирование не решило сохозяйскую составляющую, большинство наемных работников (даже владеющие акциями) отчужденно относятся к своему статусу акционера. Совладельцами считают себя 5 % и только 3 % — партнерами, каждый пятый респондент считает себя эксплуатируемым.

Для интегральной оценки успешности можно выбрать 2 показателя: результативность адаптации предприятия к рынку и уровень социального самочувствия работников. Уровень социального самочувствия определяется комбинацией различных составляющих:

а) удовлетворенность нынешним положением (жизнь налажена, мотивы труда, удовлетворенность условиями труда, заработной платой, участие в конфликтах и т. д.);

б) уверенность в будущем (отсутствие тревожности, профессиональный рост, улучшение материального статуса, ценности);

Первое — необходимое условие, а второе — достаточное условие для успешной адаптации: это, прежде всего, возможность прогнозировать ход событий, просматривать свое будущее, что особенно важно в условиях нестабильности.

Факторный анализ — сравнение своего положения в ретроспективе — настоящий момент и перспективы позволяет получить три типа адаптационного эффекта «приобретения» как положительная динамика:

1) между оценкой сегодняшнего дня и того что было пять лет назад;

2) потери — отрицательная динамика;

3) стабильность — неизменность самооценок.

Исследование показало, что резко повышается роль материального фактора как условия реализации широкого спектра потребностей работников. При этом к низкооплачиваемым относят себя 55,7 % опрошенных, среднеоплачиваемым — 41,7 %, только 2,4 % — к высокооплачиваемым. Динамика матери-

ального статуса: более 30 % отметили изменения в худшую сторону, 14,4 % — в лучшую и более 43 % отметили, что их положение не изменилось.

Следует отметить, что велика роль такого фактора как социальная защищенность работников в системе социально-трудовых отношений. Большинство опрошенных (около 60 %) считают свою защищенность лишь частичной, а каждый пятый считает, что он вообще не защищен.

В существенной мере такое положение связано с тем, что на обследованных предприятиях недостаточно эффективно «работает» коллективный договор, регулирующий трудовые отношения, в котором оговариваются условия социального контракта между работодателем и наемным работником.

Важным направлением исследования социально-трудовых отношений выступает трудовая мобильность, ее динамика и факторы, влияющие на этот процесс.

В условиях социальной трансформации российского общества одним из наиболее значимых критериев выступает характер социальной мобильности в целом и профессиональной мобильности, в частности, в качестве конкретной формы реализации социокультурных сдвигов. Данные исследования свидетельствуют о том, что в рамках переходного процесса реальные изменения происходят не столько в структуре факторов, влияющих на социальную мобильность и положение различных профессиональных групп в социальной структуре общества, сколько в критериях оценки этого движения. Можно предположить, что в перспективе, по мере адаптации к новой системе стратифицирующих признаков, это расхождение будет сглаживаться. Социальная мобильность примет более стабильные формы.

Таким образом, проследить динамику социально-трудовых отношений в рамках трансформационного процесса можно, прежде всего, изучая поле повседневной жизни, взаимоотношений в конкретных социальных группах, характера адаптированности к изменившимся условиям среды.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ИНСТИТУТА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Выборы — важный компонент современной российской политической системы, закрепленный в Конституции РФ демократический канал представления в органах власти интересов различных общественных групп, а главное, базовый институт политического волеизъявления народа как источника власти. В настоящее время в России это, по существу, основная, если не единственная, форма влияния на власть, обеспечения её ответственности перед народом, то есть форма реального участия большинства россиян в политике. Выборы всегда связаны с голосованием. В результате выборов избранные кандидаты наделяются властными полномочиями в сфере законодательной или представительной власти.

Есть целый ряд принципиально новых моментов, характеризующих выборы депутатов Законодательного собрания области в 2005 году и позволяющих говорить о качественном изменении институтов региональных выборов. Во-первых, это новый по механизму формирования представительный орган власти, ранее депутаты в состав ЗСО избирались по мажоритарным округам, а на этих выборах применяется смешанная избирательная система: тридцать депутатских мест определены по результатам голосования за партийные списки и вторая половина — ещё тридцать, должны были определиться по одномандатным округам. Во-вторых, впервые благодаря участию партий в формировании регионального парламента в его составе заработают полноценные партийные фракции. В-третьих, новый состав ЗСО численно на 15 депутатов больше, чем предыдущий. И это теоретически может обеспечить более полное и адекватное представительство интересов населения. В-четвертых, и, пожалуй, это самое главное, новый состав регионального парламента де-юре будет иметь заметно больше властных полномочий в отношениях с исполнительной властью. Именно Законодательному собранию дано право избирать губернатора области и это ещё одна новация, способная влиять на формирование нового института региональных выборов.

Наконец, важна и чистота эксперимента — выборы депутатов законодательного собрания впервые проходили как выборы только в этот орган представительной региональной власти. За несколько месяцев до выборов было понятно, что они не будут пользоваться большим вниманием у избирателей. Данные опроса, проведенного в городе Челябинске¹, пока-

¹ Опрос проведен лабораторией прикладной политологии и социологии ЧИ УРАГС в г. Челябинске 12—13 марта 2005 года. Опрошено 1007 респондентов. Статистическая погрешность в выборке +2 %.

ли, что выборы в ЗСО в оценках значимости выборов различного ранга занимают последнее место (табл. 1).

Активность участия в выборах в представительный орган региональной власти в исходной своей фазе определяется ещё и оценкой населением области содержательной стороны выборов — носят они формальный характер, когда властвующая элита уже все решила, на уровне предварительного согласования определила победителей и приглашает избирателей подтвердить правильность своего выбора, или это будут действительно конкурентные выборы с относительно неопределенным результатом, когда голос каждого участника фактически станет решающим.

По ходу избирательной кампании дважды в начале октября² и в начале второй декады декабря³ замерялась готовность избирателей участвовать в выборах.

Прогноз явки составлял в октябре 43±5 %, в декабре 45±5 %, однако фактическая явка оказалась предельно низкой. В среднем по области проголосовал лишь каждый третий избиратель — 32 %, а в областном центре явка едва превысила допустимый порог — около 26 %.

В результате в пяти одномандатных округах явка оказалась ниже допустимых 25 % и выборы там признаны несостоявшимися, а ещё в 7 округах выборы состоялись при очень низкой явке не выше 27 %. Все случаи отмены выборов из-за низкой явки имеют место быть в крупных и средних городах — Челябинске, Златоусте, Миассе.

Логично предположить, что помимо невысокого ранга значимости данных выборов на понижение явки сработал невысокий уровень конкурентности выборов как в едином областном избирательном округе, где конкурировали политические партии (табл. 2), так и в одномандатных округах (табл. 3). И там и там были зарегистрированы настолько очевидные лидеры, пользовавшиеся системной поддержкой не случайно возникающих обстоятельств, что

² Социологическое исследование проведено 1—5 октября 2005 года ИСЦ «Зырянов и партнер» на территории Челябинской области. Опрошено 17965 респондентов. Статистическая погрешность в выборке по области в целом +2 %.

³ Социологическое исследование проведено 9—11 декабря 2005 года ИСЦ «Зырянов и партнер» на территории Челябинской области. Опрошено 1802 респондента. Статистическая погрешность в выборке по области в целом +2 %.

даже обыватель легко прогнозировал будущего победителя (см. табл. 2).

Из данных табл. 2 отчетливо видно безусловное доминирование в ходе избирательной кампании партии «Единая Россия». Рейтинг её электоральной поддержки был выше суммы рейтингов всех остальных партий, как по ходу избирательной кампании, так и по итогам голосования. Если сравнивать данные первых и вторых мест по одномандатным округам, то получается, что в 18 из 30 избирательных округов, т. е. в 60 % случаев, победитель получил в два раза больше голосов избирателей, нежели номер два в списке кандидатов.

Можно предположить, что ещё одной серьезной причиной, ставшей источником снижения явки стало отстранение от выборов региональных отделений двух партий РПП и АПР. Если судить по материалам, представленным облизбиркомом, а также опубликованным данным судебных решений¹, РПП имела нарушения процедурного характера, а АПР допустила их при подготовке документов. Получается, что для снятия их с участия в выборах были веские юридические основания, а не только, как об этом писали газеты, желание устранить сильного политического конкурента — РПП. Однако при этом не было учтено то, что сторонники этих партий потеряют возможность иметь своё политическое представительство. Они были настроены голосовать за эти партии, а при их отсутствии вынуждены делать выбор между альтернативами: идти или не идти на выборы; голосовать за какую-то другую партию или голосовать против всех (см. табл. 3).

Данные опроса фиксируют, что в случае снятия РПП растет количество избирателей готовых голосовать «против всех» (на +11,1 %, а также растет количество избирателей, затрудняющихся сделать выбор какой-либо партии (на +8,6 %) (данные приводятся по графе от голосующих). Сравнивая полученный в ходе опросов показатель готовности участвовать в выборах (сравнивались данные только по городу Челябинску), видно, что ожидаемая явка падает: в октябре этот показатель составлял 41 %, а в ноябре только 37 %.

Демонстрация населением пренебрежения своими избирательными правами — красноречивое выражение формирующегося и нарастающего недовольства складывающейся в регионе да, наверное, и в стране в целом противоречивой политической ситуацией, о которой пишет член бюро высшего совета партии «Единая Россия» О. Морозов: «Становление реальной многопартийности напрямую отвечает интересам простого человека. Сегодня он, по существу, выведен за рамки политического процесса. У него есть право быть избранным в органы власти, но нет практически никаких шансов это пра-

во реализовать. Нет речи даже и о том, чтобы хоть как-то повлиять на выдвижение тех или иных кандидатов. Единственное, что остается у человека как субъекта политики, это возможность с определенной периодичностью подходить к урне для голосования, выражая свое отношение к действующей власти»².

Третьей причиной снижения явки могло стать несоответствие повестки дня ожиданий избирателей и той повестки дня, которую на выборах предлагали политические партии и кандидаты одномандатники.

Для выяснения тем, наиболее сильно волнующих избирателей в ходе октябрьского опроса, перед респондентами был поставлен вопрос: «Какие проблемы Челябинской области, на ваш взгляд, требуют первостепенного решения?» Можно было указать не более пяти вариантов ответов. Фактически каждый опрошенный указал по 3,6 значимых проблемы³. Приведем двенадцать наиболее часто упоминаемых:

1. Рост реальных доходов населения 44,6
2. Улучшение работы коммунально-бытовых служб 32,1
3. Улучшение финансирования и работы системы здравоохранения 31,9
4. Увеличение государственной помощи пожилым и малообеспеченным 30,0
5. Обеспечение малоимущих граждан доступным жильем 27,0
6. Улучшение работы системы образования, его доступности 23,9
7. Решение проблем молодежи 22,8
8. Борьба с коррупционностью и криминализацией власти 19,9
9. Развитие с/х производства при поддержке государства 18,3
10. Развитие промышленного производства 18,3
11. Наведение чистоты и порядка на улицах, во дворах и подъездах 16,8
12. Обеспечение прав человека, предусмотренных законом 14,0

Полученные в ходе опроса ответы отчетливо продемонстрировали, что главными проблемами избирателей в рамках предстоящих выборов были низкий уровень материального обеспечения и ожидание активной, патерналистской по своей сути, государственной социальной политики по отношению как к трудоспособным гражданам, так и к тем, кто уже или еще не может обеспечить нормальное существование своим собственным трудом. Видимо, и сегодня

² Морозов, О. Правес центра. Заметки об идеологии «Единой России» — Независимая газета, 14.04.2006 г.

³ Социологическое исследование проведено 1—5 октября 2005 года ИСЦ «Зырянов и партнеры» на территории Челябинской области. Опрошено 17965 респондентов. Статистическая погрешность в выборке по области в целом +2 %.

¹ См.: Верховный Суд Российской Федерации. — Определение. — Вестник центральной избирательной комиссии № 12, 2006 г. — С. 106—110.

есть смысл в истине предвыборного лозунга начала 90-х «Сильным работу, слабым заботу». Избиратели настроены на ожидание от государственной власти конкретных финансовых и иных материальных инвестиций в человека, а не абстрактных лозунгов и обещаний о росте ВВП в два раза или точечных инъекциях в рамках национальных проектов.

Анализ итогов выборов позволяет установить, какие группы отраслевых интересов получили более серьезное представительство в новом региональном парламенте (табл. 4).

Данные, приведенные в табл. 4, позволяют говорить о двух очевидных трендах. Во-первых, в новом составе ЗСО получили большее, чем раньше, представительство машиностроительные предприятия +8,1 %, оборонная отрасль +5,8 %, нефте-газовая отрасль +3,1 %. Что касается уменьшения представительства, то оно заметно только у стройиндустрии – 3,0 %, а в остальных случаях это касается всех иных отраслей, хотя показатель их потерь незначителен. Во-вторых, произошло то, что должно было произойти с появлением партийных списков — именно в них увеличилось представительство специалистов социальной сферы (в сравнении с кандидатами по одномандатным округам) +19,2 %. Как положительный момент следует отметить ориентацию на судебно-правовой способ решения возникающих по ходу избирательной кампании проблем.

Это то, что в активе смешанной избирательной системы формирования регионального парламента, а каковы проблемы прошедших выборов?

Проблема первая: по данным социологического опроса избиратели Челябинска, прошедшие выборы, в ЗСО оценили амбивалентно — 17,1 % относятся к прошедшим выборам как к открытому, честному соперничеству и, в общем-то, чистой политической игре. В большей степени этой оценки придерживаются избиратели мужчины (+7 %); молодые избиратели (+20 %); а также те, кто имеет средний (+10 %) и выше среднего (+10 %) уровень материального обеспечения. Большая часть избирателей ход выборов в ЗСО и содержание, форму проведения избирательной кампании оценила отрицательно: 39 % увидели в выборах пустые обещания и обман, мотивированные главным желанием партий и кандидатов-одномандатников победить. Среди этой части избирателей больше людей среднего возраста (+4 %), рабочие — (+4 %), те, кто живет за гранью бедности (+7 %). Ещё одна категория избирателей (24 %) полагают, что в рамках наблюдаемых ими выборов больше кандидатов и партий, которые ведут грязную игру. В большей степени в составе этой группы представлены избиратели со средним общим и средним специальным образованием (+4 %), а также избиратели, у которых денег хватает только на питание (+5 %), т. е. уровень материального обеспечения ниже среднего¹.

¹ Опрос проведен 19—20 декабря 2005 года ИСЦ «Зырянов и партнеры» в городе Челябинске. Опрошено 1 509 респондентов. Статистическая погрешность в выборке +2 %.

Таким образом, 63 % избирателей, т. е. почти две трети, склонны придерживаться негативной оценки выборов и хода избирательной кампании в ЗСО. Следует отметить также и то, что 20 % респондентов затруднились, можно считать, отказались ответить на вопрос об оценке выборов. Доминирование отрицательных оценок выборов в ЗСО и хода избирательной кампании, безусловно, повлияло на явку избирателей в день голосования и уровень легитимности представительного органа власти Челябинской области, поскольку легитимность — это доверие.

Проблема вторая: резкое снижение явки избирателей. Проголосовало всего 32 % избирателей, в 2000 году явка составляла 50,25 %. Это самый низкий результат явки на выборы в масштабах области, начиная с 1989 года. Причины разнообразны — от низкого уровня конкурентности выборов, до готовности граждан передать самой власти право формировать состав регионального парламента, т. е. отторжения самого института выборов.

Проблема третья: стихийный или управляемый сдвиг политических интересов избирателей, зафиксированный в итогах голосования как за кандидатов, представленных в партийных списках, так и за кандидатов по одномандатным округам, о чем свидетельствует распределение 55 определившихся мандата депутатов ЗСО: «Единая Россия» — 45, КПРФ — 7, ЛДПР — 3, «Родина» — 3, независимых — 2.

Еще одной существенной проблемой электорального поведения населения на выборах по смешанной избирательной системе в ЗСО явился рост протестного голосования. По сравнению с 2003 годом при голосовании за партийные списки оно выросло в два раза — с 5,4 до 10,4 %, а в одномандатных округах расположилось в интервале от 5,7 до 22,2 %, составив в среднем 12,44 % (в 2000 г. было 12,48 %, т. е. практически не изменилось).

Итак, уроки первых выборов в региональный парламента по смешанной системе позволяют зафиксировать следующее.

Невостребованным и нереализованным на практике остается демократический принцип сменяемости власти, что явно или неявно способствует отстранению, а возможно и росту отчуждения населения от процесса формирования власти, охлаждению избирателей к влиянию на власть даже в такой простой и доступной форме как выборы. Форма политического общения власти и общества имеет все более усиливающийся монологический характер, хотя демократия это господство политического плюрализма. Ещё в 2004—2005 годах в российское избирательное законодательство были внесены изменения, направленные на обеспечение высокой степени управляемости выборами, прежде всего со стороны власти. Своими следствиями они могут иметь усиление политической монополии и несменяемости власти, а также дают возможность находящейся у власти группе интересов устранять конкурен-

тов на всех этапах избирательного процесса. Это касается и повышения до 7 % барьера для прохождения в парламент, и увеличения минимальной численности партий с 10 до 50 тысяч человек, и запрета избирательных блоков на всех уровнях, что затрудняет для оппозиции объединение усилий в борьбе с существующей политической монополией, и снижения с 25 до 10 % максимально допустимой доли погрешностей в представляемых для регистрации подписях (при том, что проверкой занимаются органы МВД, прямо подчиненные власти, «отсечь» можно любой избирательный список), и затруднения наблюдения за выборами (наблюдателями могут стать только представители участвующих в выборах партий, в то время как раньше их могли выставить любые общественные объединения)...

Скорее всего, в ближайшие годы подобное «усовершенствование» законодательства продолжится, что ещё больше усложнит жизнь оппозиции. Способы предсказать несложно: начиная от ещё большего повышения избирательного «барьера» и порога минимальной численности партии до запрета любых публичных акций после подведения и публичного объявления итогов выборов.

Подготовка и ход ведения избирательной кампании как тенденцию выявили односторонний характер применения правовых санкций. Они были направлены на то, чтобы лишить конкурирующие с партией власти партии по областному избирательному округу и определенных кандидатов на довыборах в Государственную думу присутствия в информационном пространстве и, следовательно, возможности быть представленными в бюллетенях для голосования. А вот примеров наказания чиновников судебными решениями за использование административного ресурса как не было на предыдущих выборах 2000, 2003, 2004 года, так и нет. Может быть, административный ресурс в России — это миф?

Введение смешанной избирательной системы превратило политические партии в главных игроков на региональном политическом пространстве. Однако суперигроком оказалась только одна партия «Единая Россия», которая по итогам выборов де-факто монополизировала региональный парламент, так же как монополизировала Российскую Госдуму после выборов 2003 года. Возникает серьёзная опас-

ность того, что сформированная на её основе власть не сможет своевременно и правильно артикулировать проблемы динамично усложняющегося общества, актуальные для большинства граждан. Концентрация права оценивать политическую ситуацию и права принимать решения одной партией, как правило, приводит к тому, что противоречия и конфликты политической жизни общества уходят из публичной политики в латентные каналы коммуникации, а правящая партия с неизбежностью будет решать эти противоречия внутри себя самой и подвергаться усиливающимся внутрипартийным раздорам. Сложившуюся в регионе после выборов партийную систему можно оценить как полуторапартийную систему.

Логика доминирования во власти одной партии с неизбежностью приведет к политической дистрофии другие политические партии, которые и через 2—3 десятилетия не смогут встать на ноги и пойти самостоятельно по политической жизни. Мировой опыт свидетельствует — для формирования стабильно функционирующей партийной системы полезно не усиление позиций одной партии, а формирование политической конкурентной среды. И здесь лучше использовать не запретительно-ограничительные меры, а законы, обеспечивающие поддержку и развитие слабых политических партий и структур, поощрение их активного участия в самых разных сферах жизни, как государства, так и гражданского общества.

Наконец, последний урок — стремление власти гарантировать через введение пропорциональной системы выборов в Госдуму доминирующее положение партии власти после выборов 2007 года, скорее всего, столкнется с почти очевидным для всех препятствием — по партийным спискам весьма проблематично получить простое большинство мест в Российском парламенте — 226 мандатов, т. е. 51 % голосов, а уж тем более сложно получить конституционное большинство — 75 % или 337 мандатов. Значит, в сфере избирательного законодательства, скорее всего, будут происходить ещё какие-то изменения, усиливающие возможности реализации политического курса, выработанного властвующей элитой, находящейся в настоящий момент у руля государства.

Таблица 1

Оценка значимости выборов

Ранг выборов	Оценка значимости		
	Значимо	Незначимо	Затрудняюсь ответить
Выборы президента РФ	72	21	7
Выборы главы города	69	25	6
Выборы депутата Госдумы	49	42	9
Выборы депутата городской думы	45	47	8
Выборы депутата ЗСО	45	46	9

Таблица 2

Челябинская область. Рейтинг партий и итоги голосования за партийные списки ¹

	Октябрь 2005		Декабрь 2005		Итоги голосования 25.12.2005 г.
	Опрошенные	Голосующие	Опрошенные	Голосующие	
Единая Россия	29,9	38,4	32,9	43,3	52
Российская партия пенсионеров	10,4	12,8	—	—	
КПРФ	6,8	8,2	6,4	7,7	12,6
ЛДПР	5,5	5,9	5,6	6,5	9
«Родина»	2,7	3,3	3,3	4,2	7
«Яблоко»	1,2	1,4	2,1	2,9	2,3
Социал-демократическая партия России	—	—	0,3	0,4	—
«Союз правых сил»	0,9	1,3	0,3	0,5	1,9
против всех	9,0	4,9	13,7	7,8	10,4
затрудняюсь ответить	31,7	21,9	35,4	26,8	—

Таблица 3

Динамика политических симпатий избирателей после снятия РПП

	Октябрь 2005 г. ²		Ноябрь 2005 г. ³	
	Опрошенные	Голосующие	Опрошенные	Голосующие
«Единая Россия	22,0	28,2	22,5	28,8
Российская партия пенсионеров	14,5	19,2	—	—
ЛДПР	6,0	6,0	5,3	5,1
ПРФ	5,5	6,8	5,8	6,7
«Родина»	3,4	4,4	2,9	3,5
«Яблоко»	1,5	1,7	2,4	2,7
Аграрная партия	0,8	1,1	1,4	1,9
«Союз правых сил»	1,0	1,4	0,6	0,7
Социал-демократическая партия	—	—	0,1	0,1
какую ещё, напишите	0,4	0,3	—	—
против всех	9,0	5,8	21,8	16,9
затрудняюсь ответить	36,0	25,1	37,2	33,7

¹ Социологическое исследование проведено 1—5 октября 2005 года ИСЦ «Зырянов и партнеры» на территории Челябинской области. Опрошено 17 965 респондентов. Социологическое исследование проведено 9—11 декабря 2005 года ИСЦ «Зырянов и партнеры» на территории Челябинской области. Опрошено 1802 респондента. Статистическая погрешность в выборке по области в целом +2 %.

² Социологическое исследование проведено 1—5 октября 2005 года ИСЦ «Зырянов и партнеры» на территории Челябинской области. Опрошено 17965 респондентов. Статистическая погрешность в выборке по области в целом +2 %.

³ Социологическое исследование проведено ИСЦ «Зырянов и партнеры» с 15 по 26 ноября 2005 года. Опрошено 5 077 респондентов в семи одномандатных избирательных округах. Статистическая погрешность в выборке +4 %.

Таблица 4

Представительство отраслевых интересов в новом составе ЗСО (в %)

	Депутаты, избранные				
	по партийным спискам	по одномандатным округам	Общий по ЗСО 2005 г.	Предыдущий состав 2000 г.	разность
Металлургические предприятия	13,3	29,2	20,4	22,1	-1,7
Машиностроительные	3,3	12,5	7,4	15,5	+8,1
Оборонные	3,3	12,5	7,4	13,2	+5,8
Легкая, с/х и перерабатывающая пром-ть	13,3	16,7	14,8	13,2	-1,6
Социальная сфера	23,3	4,2	14,8	13,2	-1,6
Нефтегазовая отрасль	3,3	8,3	5,6	8,8	+3,1
Стройиндустрия	10,0	4,2	7,4	4,4	-3,0
Проф. политики	6,7	4,2	5,6	4,4	-1,2
Фин. учреждения	3,3	4,17	3,7	2,0	-1,7
Автотранспорт	6,7	—	3,7	—	—
Пенсионеры	10,0	—	5,6	—	—
Энергетика, угледоб. отрасль	—	4,17	1,9	—	—

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Системный кризис 80-х годов, а потом и распад СССР привели к необходимости формирования российской государственности и выработки политики и идеологии, ориентированных на преодоление кризиса. Процесс распада СССР, хотя и был прогнозируем, произошел неожиданно быстро и застал российских реформаторов врасплох. Пришлось очень быстро в экстремальных условиях принимать решения, чтобы не допустить социального взрыва.

Временные параметры и отсутствие содержательных и глубоких знаний о состоянии страны и ее особенностях во многом определили скоропалительность принятия решений, свергнувших страну в длительный период неэффективного и бесперспективного реформирования. Подтверждением является история Германии и Японии, потерпевших поражение во Второй мировой войне, которые сумели в течение каких-нибудь десяти лет выдвинуться в число ведущих промышленно развитых стран.

Значительная доля такого успеха была обеспечена четко продуманными и тщательно разработанными, прежде всего, теоретическими концепциями и грамотным, профессиональным управлением.

Так, например, в Германии существовали три школы: фрайбургская, неолиберальная гуманистической ориентации, социал-либеральная, которые, используя исторические, социологические знания, философские, культурологические и политические идеи, заложили основы социально-рыночного хозяйства. Достоинством этих школ было то, что они сконцентрировали свое внимание на единстве политических, экономических и социальных реформ, расставив акценты и приоритеты в каждой из них.

Особый интерес представляют работы Л. Эрхарда («Благосостояние для всех», «Полвека размышлений. Речи и статьи»). В числе первоочередных мер своей антикризисной программы Л. Эрхард называет отказ от распределительной системы, либерализацию цен и восстановление жизнеспособности денежной системы, что должно в короткий срок привести к насыщению рынка и сформировать условия для стимулирования труда. Одновременно с этим создать льготный режим для быстрого роста производства потребительских товаров и жилищного строительства, где размеры инвестиций и срок оборота капитала меньше, чем в тяжелой промышленности, а «демонстрационный эффект» в глазах населения значительно выше.

Российские реформаторы как бы пошли по этому пути, предприняв ряд мер, которые способствовали насыщению рынка потребительскими товарами, но не за счет развития своего производства, а за счет импорта. Здесь проявились позиции традицион-

го либерализма, полагавшего, что свободное рыночное хозяйство не только сформируется само по себе в процессе свободной конкуренции, но и запустит систему производства. Однако стихийно формирующийся рынок внесударственного регулирования начинает приобретать антисоциальный характер. Задача государства состоит в определении правил игры (макроэкономическое регулирование методами финансовой, кредитной, таможенной, валютной, налоговой политики, созданием правовой зоны), направленных на то, чтобы каждый имел возможность получить образование, профессию, рабочее место, стимулировать сбережения и стремление обзавестись собственностью. Только обретая финансовую независимость от государства, человек превращается из «социального подданного» в свободного человека. Лишь свободный человек может проявить такие качества, как жизненная сила, инициатива, стремление к достижениям в производительности и другие нужные качества.

Любая экономическая политика, претендующая на успех, согласно Л. Эрхарду, начинается с обеспечения доверия к ней со стороны населения, поскольку именно человек является центром экономической жизни. Без доверия населения даже самая разумная политика «зависнет в воздухе».

Л. Эрхард формулирует основные требования эффективной политики переходного периода: она должна быть понятной гражданам; политики должны убедить людей в ее правильности; политика должна быть последовательной, ибо шараханье из стороны в сторону есть худшая разновидность любой политики; она должна быть открытой и честной; наконец, она должна быть правильно выстроена тактически, то есть ориентироваться не только на долговременный конечный результат, но и на убедительный демонстрационный эффект в разумные, с точки зрения ожиданий населения, временные сроки.

Реализация основных положений и принципов социального рыночного хозяйства в Германии способствовали:

- экономическому росту и экономическому прогрессу;
- распределению возникающих при этом доходов и имущества в соответствии с господствующими нормами справедливости (то есть благосостояние для всех);
- обеспечению занятости, то есть ликвидации безработицы;
- высвобождению средств для неспособных к труду, направляющихся на обеспечение их достойного уровня жизни;

— обесценению стабильной покупательской способности и сдерживанию инфляции;

— гарантиям свободы и основных прав человека.

Таким образом в Германии было сформировано социальное государство с помощью социального рыночного хозяйства. В современном мире особый интерес представляют политические, экономические и социальные реформы, осуществляемые в Китае и Индии, которые стремительно выдвигаются в число высокоразвитых стран.

Вернемся к процессу реформирования в нашей стране. Рассмотрим некоторые методологические и теоретические требования, предъявленные к формированию политического процесса.

Во-первых, структура политического процесса включает субъекты процесса (как правило, центры власти); объект, который должен быть создан или достигнут как цель процесса; средства, методы и ресурсы.

Во-вторых, организация политического процесса начинается с идеи, которая в дальнейшем получает импульс к теоретической разработке и обоснованию. Определяются его пространственные и временные характеристики (этапы, сроки исполнения, масштабы процесса). Особое значение имеет полнота и завершенность предварительного этапа, во многом определяющего успех самого процесса, поскольку здесь определяется тактика и стратегия дальнейших действий.

В-третьих, важным составляющим политического процесса является соответствие средств и методов целям (цели), согласованность действий среди субъектов политического процесса и широкая поддержка народных масс. В случае же несогласованности действий субъектов процесс разрушается или приводит к непредвиденным результатам, а без поддержки народных масс он не получит необходимого ресурса.

В-четвертых, реализация политического процесса основывается на рациональных и иррациональных, прогнозируемых и непрогнозируемых, закономерных и случайных факторах. В связи с этим субъекты политического процесса должны обладать высоким уровнем профессионализма, компетенции, большой организованностью, ответственностью и честностью.

В-пятых, постоянный контроль за ходом политического процесса, осуществление корректировки по мере необходимости, мобилизация всех необходимых ресурсов в случае появления непредвиденных проблем. Информационная открытость, гласность и доступность результатов политического процесса широким массам населения, то есть должен присутствовать постоянно «демонстрационный эффект».

В-шестых, реализация политического процесса определяется не только внутренними факторами, но и внешними. Роль последних в современном мире постоянно возрастает. Последние события в ряде

стран (Ирак, Украина, Грузия, Киргизия) показали, что ведущие и сильнейшие страны в мире задают стандарты современных требований. Сегодня уже нельзя не учитывать процессы, проходящие в современном мире, нельзя не учитывать интересы ведущих стран мира, которые все активнее вовлекаются в политические процессы других стран («оранжевые революции»).

Анализ этих требований и их соотношение с политическими процессами современной России показывает, что многие положения этих требований у нас не соблюдаются, то есть отсутствует целостный, комплексный подход к его формированию и реализации. Существуют лишь отдельные, фрагментарные элементы, подходы, локальные цели, тактические действия. Все это вместе взятое позволяет правительству разрешать только отдельные проблемы и конфликты и удерживать страну в состоянии относительной стабильности и даже некоторых подвижек в решении отдельных вопросов, но не ориентирует на перспективное стратегическое развитие, делает бесцельными и неэффективными осуществляемые реформы. Данную ситуацию (методологическую ошибку) можно сравнить с детской игрой, когда из отдельных фрагментов складывается целостная картинка. Технология изготовления этой картинки основывается на том, что сначала печатается картинка, а затем она разрезается на отдельные фрагменты, каждый из которых может занять только строго определенное место и соединиться с другими фрагментами. Абсолютно невозможно сначала сделать фрагменты, а затем из них собрать целостную картинку. Если мы обратимся к национальным программам, принятым к реализации, то увидим их локальное, фрагментарное положение, не вписанное в общий контекст реформирования.

Следующим очень важным моментом политического процесса является вопрос о власти. В России она традиционно сводится к власти государства (в советское время — к власти партии). Перестройка, разрушив тоталитарную власть, породила противоположную реакцию на ослабление роли государства, что привело к нарастанию безвластия в стране и усилению анархии и произвола. Тезис «Берите власти сколько сможете» породил массу проблем и угрожал разрушить политическую систему и государство в целом. Жизнь заставила вернуться к необходимости усиления роли государства в политической, экономической и социальной сфере (других элементов политической системы, способных решать эти проблемы, в России не было и, к сожалению, нет и сейчас).

Какая власть нужна России? На наш взгляд, есть две формы: моно- и полицентризм. Моноцентризм предполагает один центр власти, как правило, это государство. В этом случае вся политика и политический процесс будут определяться, формироваться, реализовываться и контролироваться государ-

ством. Монополия государственной власти произвольно приводит к вмешательству государства во все формы общественной жизни. Усиление властных функций государства в данной ситуации носит естественный характер. Не сталкиваясь с ограничениями, оно начинает «командовать», порождая «государственный волонтаризм». Маятник при этом отклоняется от либерального подхода к формированию политики — к государственному патернализму. Возрастает значимость распределительной функции государства, увеличивается сеть государственных структур, занятых этой работой, растет количество чиновников (идет процесс бюрократизации государственного аппарата) и расходы на их содержание. Такая политика не может быть эффективной. «Оранжевая революция» на Украине показала, что моноцентризм власти — это неустойчивая система в современном мире. В кризисный период власть может быть признана недемократичной, нелегитимной и быстро заменена (даже если она получила большинство на выборах) другой. Ситуация усугубляется еще и тем, что критерии оценки власти, о чем говорилось выше, лежат вне страны.

Полицентризм предполагает много центров власти и много степеней свободы у общества и человека: государство, олигархи, СМИ, различные общественные силы, суды, парламент и прочее. Такое представление выходит за рамки классического разделения властей и предполагает более широкий подход к определению самой сущности власти, порождая различные независимые центры, которые вынуждены не только конфликтовать, но и договариваться друг с другом, формируя эффективную политику, где каждая инстанция власти находит свой интерес и возможность реализации своих потребностей. В этом заключается основной принцип современных политических технологий: не уменьшать количество инстанций власти, а наоборот, увеличивать. Тогда создается то пространство, которое полностью контролируемо, прозрачно, люди могут в нем принимать активное участие в достижении соглашения между различными инстанциями власти. Это — действительная демократия, опирающаяся на сильное и развитое гражданское общество.

С возникновением института частной собственности в России появилась объективная возможность возникновения второго центра власти — экономического. Но российский бизнес не смог (а может, не

дают) позиционировать себя как центр власти. Не сформировав своей инстанции власти, он пытается проникнуть в чужую инстанцию власти. Претензии к государственной власти порождают столкновения бизнеса и государства.

Центр политической борьбы за власть смещается во взаимоотношения бизнеса и государства. Здесь, по сути дела, принимаются все смыслообразующие решения, здесь формируются основные тенденции деятельности государства и бизнеса. Народ (электорат) привлекает внимание только в периоды избирательных кампаний, но для того, чтобы привлечь его на свою сторону, существуют политические технологии воздействия на массовое сознание (манипуляция массовым сознанием).

Государство, ощущая слабость демократии, отсутствие выраженных подвижек в формировании гражданского общества, вынуждено предпринимать самостоятельные шаги, чтобы заполнить это место. Создание Общественной палаты и призвано выполнить эту роль. По форме — это представительная общественная организация, но по содержанию — это проправительственная структура, не имеющая четкой социальной базы (как современные политические партии), легко управляемая, поскольку большинство — это «свои люди».

Следующий шаг связан с принятием четырех национальных программ. Появление этих программ должно убедить людей в том, что государство проявляет о людях заботу, актуализируя социальную политику и направляя свою деятельность на повышение благосостояния людей. Шаг, который явно носит ярко выраженный PR-характер. Это программы, реализация которых полностью зависит от государства, стабилизационного фонда и благоприятной конъюнктуры на нефтяном рынке. Не проще ли государству создавать условия, в рамках которых человек снова бы стал решать свои проблемы, не обращаясь к государству (за исключением тех, кто сам этого сделать не может по тем или иным причинам)?

Итак, российское государство в настоящее время не располагает целостной концепцией политического процесса. Более того, государственная политика позволяет сделать вывод об отсутствии четких представлений о тактике и стратегии реформирования страны, что приводит к падению авторитета власти и доверия людей к ней.

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ: КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО

Численность чиновников в России растет с каждым годом. По данным Госкомстата, в 1995 г. в России было 1,06 млн. чиновников — работников органов государственной власти и местного самоуправления, в 1997 г. — 1,108 млн., в 2000 г. — 1,163 млн., в 2001 г. — 1,14 млн., в 2002 г. — 1,25 млн., в 2003 г. — 1,3 млн., на начало 2005 г. — 1,318 млн. В 2005 г., по оценкам специалистов, в результате реорганизации территориальных органов федеральных министерств и ведомств численность чиновников увеличится еще как минимум на 40 тыс. человек. Таким образом, за десять лет численность чиновничьего аппарата в России возросла на 300 тыс. человек, или почти на треть.

Для сравнения: в 1957 или 1963 гг. в РСФСР насчитывалось соответственно 518 и 500 тыс. управленцев всех уровней, включая судебные и юридические учреждения, т. е. в два с половиной раза меньше, чем сегодня. В 1985 г. в нашей стране было 753 тыс. чиновников. В 2002 г. в федеральных органах власти работало 404,7 тыс. человек, а к началу 2004 г. — уже 593,1 тыс. [7, 10, 15].

Рост, как видим, впечатляющий. Однако дело, конечно, не только и не столько в неуклонном росте численности управленцев. В конце концов, куда важнее качество выполнения ими своих обязанностей. А вот с этим у российских чиновников как раз большие проблемы. Возьмем, к примеру, ставший притчей во языцех закон о монетизации льгот. Правительственные чиновники не удосужились даже посчитать, сколько в стране льготников — список этих людей постоянно уточнялся! Всего на компенсации для федеральных льготников в бюджете страны на 2005 год предусматривался 171 млрд. рублей (июль 2004 г.). Однако уже в ноябре 2004 г. стало понятно, что этой суммы недостаточно, поскольку, «по уточненным данным», федеральных льготников оказалось не 12,26 миллиона, а на миллион больше. Но, как выяснилось впоследствии, и эта цифра не соответствует действительности. По словам министра здравоохранения и социального развития РФ М. Зурабова, в России 15,2 миллиона федеральных льготников (апрель 2005 г.), и на денежные компенсации в 2005 г. из федерального бюджета потребуется уже 208,6 млрд. рублей [18].

На состоявшемся 24 февраля 2005 г. заседании Правительства Российской Федерации премьер-министр М. Фрадков сделал весьма примечательное заявление. «Нам нужно понимать, что мы делаем, — сказал он. — Требуется осмысленная позиция на базе глубокого анализа... Если мы не сможем сформулировать задачи сами себе, то где мы найдем ясность?»

Еще более откровенно выразился глава Минэкономразвития РФ Г. Греф: «Ни одна из стратегий развития отраслей экономики полностью не готова». Неудивительно поэтому, что накануне заседания правительства была направлена на доработку в Минэкономразвития среднесрочная программа социально-экономического развития на 2005—2008 годы...

Вот так. Выходит, почти за год работы правительство так и не определилось с ключевыми приоритетами своей социально-экономической политики, не смогло разработать стратегию развития экономики. И стоит ли после этого удивляться, что того же Г. Грефа «настораживают некоторые тенденции»: недоверие бизнеса к власти, неэффективность мер по борьбе с коррупцией, разгул монополизма, превышение в 2004 году запланированного показателя инфляции на 1,7 процента?

Комментируя экономическую политику правительства, профессор Е. Гонтмахер констатирует в его действиях «удивительную некомпетентность, пренебрежение к умонастроению людей, а порой и просто, извините, глупость. До сих пор идут споры, какая экономическая модель лучше подходит для России. За многие годы не определились, а ведь пора бы. Кабинет министров, как ни удивительно, не имеет ясных целей: куда идем, что строим, какие стратегические задачи должны решать, как именно, какие механизмы и возможности использовать. Вот и ломаем дрова, причем всегда руководствуясь благими намерениями».

По мнению ученого, в основе большинства ошибочных решений правительства лежат «некомпетентность и незабоченность социальным самочувствием людей». А происходит это потому, что «в структуры власти пришло много случайных людей, не имеющих ни соответствующей подготовки, ни способностей, ни профессиональных качеств, необходимых для управленцев, ни знания российских реалий. Зато в избытке корыстолюбие, стремление каким угодно способом дотянуться до денежных потоков» [20].

Как решается проблема качества госаппарата в развитых странах мира? Прежде всего за счет предъявления высоких требований к кандидатам на должности высокопоставленных служащих. В Великобритании, например, главным условием поступления на кадровую гражданскую службу является письменный экзамен общего типа, который проводится по программам Оксфордского и Кембриджского университетов. Именно эти университеты являются основными поставщиками большей части кандидатов на государственные посты. Во Франции

верхний эшелон государственного управления формируется преимущественно за счет лиц, закончивших элитарное учебное заведение — Национальную школу администрации.

Большое внимание в развитых странах уделяется освоению и совершенствованию чиновниками специальных знаний и навыков. Обучение чиновников рассматривается как важный фактор изменения их организационной культуры и менталитета, как один из главных инструментов внедрения инноваций в административную систему. В министерствах Франции, например, на обучение персонала расходуется от 2 до 7 % общего фонда заработной платы [5, 3, 13, 14].

Основу эффективности чиновничьего аппарата в США составляет так называемая *merit system* — «система заслуг и достоинств», т. е. система набора и продвижения госслужащих на основе их профессиональных и деловых качеств. Принципы этой системы были положены в основу Акта 1978 г. о реформе гражданской службы. В числе этих принципов, например, — равенство возможностей кандидатов на занятие должности; требование к служащим поддерживать высокое качество своей работы; защита служащих от произвола, личного фаворитизма или принуждения политического характера, а также от преследования за законное раскрытие информации о нарушениях законов, правил и инструкций и т. д. [17].

Углубление профессионализации бюрократии — во многом следствие обострения конкуренции за право занять место в чиновничьем аппарате. Чем привлекает людей в странах Запада чиновничья карьера? Прежде всего — престижностью государственной службы, высоким уровнем правовой и социальной защищенности. Например, американские чиновники имеют большие льготы, установленные законом об обеспечении госслужащих — по оплате и покупке жилья, медицинской страховки, в получении образования их детьми, в пенсионном обеспечении. Подобные законы существуют и в других странах Запада.

Поэтому совершенно естественно, что в странах с рыночной экономикой, где существует весьма жесткая конкуренция на рынке труда, перспектива занять место в госаппарате и получить солидные правовые и социальные гарантии привлекает многих достойных людей. Быть госслужащим здесь не только выгодно, но и престижно: человек, выбравший чиновничью карьеру, имеет немалые возможности профессиональной самореализации. Да и понимание чиновником важности для общества его работы играет не последнюю роль в его мотивации.

Однако правовые и социальные гарантии чиновников — лишь одна сторона медали. Другой, не менее важной стороной, является жесткий контроль за их деятельностью, строжайшая ответственность чиновников за нарушение закона. Нанимая себе ква-

лифицированных управленцев и соглашаясь предоставить им солидные правовые и социальные гарантии, общество оставляет за собой право строго контролировать деятельность чиновников.

Бюрократия в развитых странах Запада именно вынуждена действовать под пристальным вниманием как «сверху» (со стороны законодателей), так и «снизу» (со стороны гражданского общества). Обычным делом в этих странах стала критика государственной администрации, создание комиссий по расследованию тех или иных действий высокопоставленных чиновников. Вот почему чиновники вынуждены считаться как с позицией парламентариев, так и с общественными настроениями.

Будучи гражданами демократического общества, чиновники признают правомерность и легитимность такого «двойного» контроля. В целом это позволяет достаточно эффективно удерживать чиновников в рамках законности. В ФРГ, например, в год проходит всего несколько сот уголовных процессов по взяткам, включая самые мелкие. По официальным данным, процент раскрываемости случаев коррупции составляет 98 (!) процентов [12].

В США в судебную практику вошло понятие «возмещение нанесенного ущерба»: государство, на службе которого состоял взяточник, скрупулезно подсчитывает, на какую сумму тот «облегчил» казну. Причем касается это не только конкретной суммы взятки, но и вероятных последствий для национальной экономики. Когда же суды стали удовлетворять иски величиной в 2—3 миллиона долларов, количество мздоимцев тут же пошло на убыль. Кроме того, пойманного на взятке чиновника запрещается зачислять куда бы то ни было, если организация или фирма имела отношение к государству [1].

Любопытный пример приводит в одном из своих интервью академик РАН Н. Петраков. «Как-то в Париже мы с коллегой спешили на деловую встречу и нарушили правила уличного движения. Он долго мучился, объясняя полицейскому свою правоту. “Дал бы ему “на лапу”, — посоветовал я, — быстрее бы отвязался”. “Деньги он бы не взял, — ответил приятель, — а меня бы разорил за дачу взятки”. Дело в том, что французские полицейские держатся за свое место не из-за высокой зарплаты. Важнее для них социальные блага этой профессии: большая пенсия, возможность бесплатно учить своих детей в вузах, очень низкая квартплата, дешевое лечение и санаторно-курортный отдых и так далее. Вот за что держатся капиталистические бюджетники!» [22]. Не случайно поэтому во Франции 50 % родителей посоветовали бы своему ребенку поступать на государственную службу и только 28 % — в частный сектор [19].

А вот свидетельство комиссара отдела полиции МВД Финляндии А. Седерберга: «Попробуй у нас министр, любое высокопоставленное должностное лицо назвать инспектору, остановившему его маши-

ну, скажем, за превышение скорости или нетрезвое состояние, заниженную сумму годового дохода — у нас при серьезных нарушениях штрафуют, исходя из уровня материального благосостояния виновного... Так вот, проверят, перепроверят, но на чистую воду выведут. И на следующий день данная персона предстанет во всей «красе» на первых полосах газет: вот, полюбуйтесь, как конкретный представитель власти безобразничает на дорогах да еще трусливо пытается недоплатить в казну, а она у нас на всех одна: и для ветеранов, и для пенсионеров, и для армии, и для полиции...» Не случайно поэтому А. Седербер с гордостью говорит о незамазанности финского чиновничества коррупцией и о невозможности появления в его стране феномена организованной коррупции [6].

Отношение российского чиновничества к демократическому контролю, к сожалению, остается весьма прохладным. В интервью корреспонденту «Труда» ректор РАГС В. Егоров приводит следующие данные: только 14 % опрошенных чиновников поддерживают такой демократический контроль (они же выступают за большую открытость и терпимость к «чужим» жизненным идеалам); в то же время 86 % работников государственного аппарата привержены традиционным принципам «административного государства». «Бюрократия недемократического общества оставила в головах многих чиновников глубокий след, и на перестройку сознания, восприятие новых ценностей требуется время, — подчеркивает В. Егоров. — Российское общество в целом гораздо дальше продвинулось в восприятии демократии, рыночных отношений, чем многие из тех, кто разрабатывает законы, принимает их, работает в государственном аппарате» [8].

Не знаю, как насчет российского общества в целом, но в отношении ценностных установок наших чиновников В. Егоров, безусловно, прав. Нужна, следовательно, огромная, кропотливая работа по изменению ценностных установок бюрократии, по повышению качества обучения, профессиональной подготовки и переподготовки управленческих кадров. И такая работа уже ведется, другое дело, что рассчитывать на быстрые изменения ситуации трудно — уж слишком масштабна задача, да и опыта в ее решении у нас маловато.

На «прохладное» отношение чиновников к демократическому контролю за их деятельностью накладывается слабость институтов гражданского общества, их неготовность и неспособность к осуществлению такого контроля. Пока они ведут, так сказать, «бои местного значения» с бюрократией, успех всегда будет на стороне последней. Необходим, принципиальный пересмотр стратегии и тактики взаимоотношений институтов гражданского общества с органами власти.

В частности, необходима консолидация и координация усилий, предпринимаемых институтами

гражданского общества, с целью повышения своего влияния на органы власти. Чиновников нужно приучать к тому, что они отнюдь не являются хозяевами страны, что они — нанятые обществом для выполнения определенных функций профессиональные управленцы, которые в любой момент могут быть заменены обществом на других, более профессиональных и ответственных перед ним.

Однако каким бы эффективным ни был контроль «сверху» и «снизу», он вряд ли способен дать должный эффект, если в чиновничьей среде не укоренены высокие этические стандарты, ориентация на служение обществу. Никакие, даже самые совершенные законы не дадут должного эффекта, если идеалы служения обществу не станут внутренними императивами поведения чиновника.

К сожалению, этические взгляды российских чиновников пока весьма далеки от стандартов, принятых в развитых странах. Вот любопытные данные, полученные в ходе проведенного несколько лет назад социологами РАГС опроса работников государственных органов исполнительной власти. Чиновникам предлагалось высказать свое мнение об этических ориентирах. В списке наиболее важных моральных качеств значилось 15 позиций, а выбрать из них нужно было только 3 самых приоритетных. В итоге честность в обобщенном списке приоритетов оказалась на третьем месте, принципиальность — на шестом, а неподкупность — на девятом. Первое и второе места заняли такие качества, как доброжелательность и дисциплинированность.

Комментируя эти данные, ректор РАГС В. Егоров справедливо отмечает, что «в шкале высоких моральных ценностей (особенно для чиновника) на самом верху должна стоять, конечно же, неподкупность». Только 15—20 % опрошенных чиновников назвали сразу все три главных приоритета: честность, принципиальность, неподкупность. «Но, может быть, самым неприятным «открытием» стали этические взгляды многих молодых и начинающих сотрудников. Исследование показало: чем моложе служащие и чем меньше стаж их работы в государственных органах, тем «спокойнее» относятся они к отклонениям от обязательных норм нравственности. Этот «нигилизм» может дорого стоить государству» [11, 9].

Неудивительно поэтому, что россияне крайне невысокого мнения о своих чиновниках. В ходе опроса, проведенного социологами Левада-Центра летом 2005 г., 64 % респондентов охарактеризовали чиновников следующим образом: «Это люди, озачиненные только своим материальным и карьерным благополучием» (в 2000 г. подобных ответов было в полтора раза меньше — 38 %). В октябре 2005 г., отвечая на вопрос социологов Фонда «Общественное мнение» «Какие проблемы беспокоят вас, мешают жить?», 27 % россиян назвали бюрократию,

произвол чиновников (в июне 2004 г. так ответили 22 %) [10].

Вряд ли удастся в короткие сроки утвердить в чиновничьей среде такие нормы административной морали, которые ориентировали бы российских чиновников на ответственное служение обществу. В этом смысле утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Общие принципы служебного поведения государственных служащих» — мера необходимая, но явно недостаточная. Во-первых, сформулированы они очень обтекаемо, а во-вторых, в Указе ничего не говорится о том, как их практически реализовать. Поэтому вряд ли можно всерьез рассчитывать, что рекомендации главы государства (сами по себе, безусловно, правильные) будут всерьез восприняты многочисленной армией российских чиновников.

Между тем совершенствование этики госслужащих является одним из важнейших направлений проводимых в странах Запада административных реформ. В 1998 г. Организация по экономическому сотрудничеству и развитию опубликовала «Рекомендации по совершенствованию этического поведения в государственной службе», в которых перечисляются основные принципы этического поведения и меры по его стимулированию, определяются пути формирования соответствующей политической, административной и правовой среды [14].

В новейшее время в США было принято большое число указов и законов, утверждающих конкретные правовые и морально-этические нормы поведения бюрократии. Впервые Кодекс этики государственной службы появился в 1958 г. в форме резолюции Конгресса, которая ориентировала чиновников на соблюдение моральных принципов при выполнении своих профессиональных обязанностей. Этот документ стал отправной точкой для последующих усилий в том же направлении. В 1978 г. был принят гораздо более конкретный Закон об этике служащих государственных органов. «С конца 80-х годов этические начала государственной жизни становятся объектом еще более жесткого социального контроля и регламентации, в том числе — и на законодательном уровне. Признано, что жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали» [17].

В октябре 1990 г. Закон был подкреплен исполнительным указом Президента США «Принципы этики поведения должностных лиц и служащих госаппарата», в котором отмечается, что госслужба — это сфера деятельности, из которой исключены «какие бы то ни было личные или иные финансовые интересы, препятствующие добросовестному выполнению» служебного долга. Госслужащим пред-

писывается не брать на себя никаких, выходящих за рамки их служебной деятельности, обязательств, не отдавать «предпочтений отдельным лицам или частным организациям», подчиняться духу и букве Конституции и законов США. Госслужащим категорически запрещается принимать подарки от любых лиц, «добывающихся от них совершения каких-либо официальных действий, имеющих с ними какие-либо общие дела или осуществляющих деятельность, регулируемую со стороны государственного органа, в котором работают эти служащие».

Госслужащие «не должны участвовать в финансовых операциях, при проведении которых предполагается использование закрытой правительственной информации или использование такого рода информации в личных целях». Что касается чиновников, непосредственно назначаемых Президентом США, то им вообще запрещается получать «какой бы то ни было доход» в течение всего срока службы за услуги и деятельность, выходящие за рамки непосредственных служебных обязанностей. Указ вменяет в обязанность чиновников докладывать в «соответствующие инстанции» о всех замеченных случаях разрушения собственности, обмана, злоупотреблений и коррупции [21]. За соблюдением этих принципов следит Управление по делам правительственной этики.

Но дело, конечно, не только в этических взглядах российских чиновников. Не менее важным является то, что наше законодательство вольно или невольно подталкивает чиновников на путь мздоимства. Специалисты справедливо обращают внимание на то, что многие законодательные акты имеют коррупционный оттенок, который возникает зачастую из самых благих побуждений. Например, если закон допускает широкий диапазон наказаний за одно и то же нарушение, а определение степени виновности отдается на откуп чиновнику, у последнего всегда будет искушение взять с возможного правонарушителя взятку за «смягчение» наказания. Запутанность и противоречивость законодательства нередко оборачиваются тем, что в роли его толкователя выступают сами чиновники — и опять же понятно, в чью пользу они его толкуют в этом случае...

Еще в большей степени этому способствуют неопределенность, размытость функций чиновников, а также недостаток контроля за их действиями как «сверху», так и «снизу». Об этом, в частности, неоднократно говорил Президент России В. В. Путин: «Чиновники от имени государства продолжают выполнять множество не заказанных и не нужных налогоплательщику функций — разрешительных, лицензионных, надзорных. И следствием этого становятся удушение деловой инициативы, мздоимство, злоупотребление властью... Многие разумные предложения забалтываются, заматываются, тонут в бюрократической трясине формализма и некомпетентности... Нужно сделать все, чтобы разбюрок-

ратить принимаемые решения... Ничего же невозможно добиться! На уровне кланов, я иначе это назвать не могу, все стопорится, не пускают, не дают развиваться бизнесу...».

Необходима, следовательно, масштабная инвентаризация чиновничьих функций, ликвидация тех из них, которые, как справедливо отмечает Президент страны, не заказаны налогоплательщиком и не нужны ему. А какие чиновничьи функции нужны российскому налогоплательщику? Да те же самые, которые нужны, скажем, американскому, немецкому или французскому налогоплательщику — обслуживание общества и отдельных его групп. Четко прописанные функции бюрократии и процедуры, которые она должна неукоснительно соблюдать, — одно из необходимых условий повышения профессионализма бюрократии и ее ответственности перед обществом. Если к этому добавить механизмы внешнего и внутреннего контроля, то российское общество получит шанс обрести, наконец, в лице бюрократии столь необходимую ему профессиональную корпорацию управленцев, способную эффективно решать поставленные перед ней задачи.

Литература

1. Благодаров, К. Почему они не берут? // *Деловой вторник*. № 12. 15 апреля 2003.
2. Василенко, И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2001. — 200 с.
3. Василенко, И. Административно-государственное управление: опыт Франции // *Проблемы теории и практики управления*. 1997. № 1.
4. Василенко, И. Административная реформа во Франции // *Проблемы теории и практики управления*. 2005. № 1. С. 52—56.
5. Василенко, И. Институт государственной службы в Великобритании // *Проблемы теории и практики управления*. 1997. № 6. С. 34—39.
6. Воплянский, П. Почему в Финляндии не берут взятки? // *Труд*-7. 11—17 ноября 2004.
7. Головачев, В. 600 тысяч лимузинов, или Почему нищий чиновник опасен для государства // *Труд*. 17 февраля 2004.
8. Головачев, В. Между властью и обществом // *Труд*. 21 ноября 2000.
9. Головачев, В. Невидимый спрут // *Труд*. 10 января 2002.
10. Головачев, В. Чиновников все больше. А толку? // *Труд*. 16 декабря 2005.
11. Данилкин, А. России нужны «чистые руки» // *Труд*. 23 ноября 2000.
12. Колчанов, Р. Немецкий порядок // *Труд*. 9 апреля 2004.
13. Лобанов, В. Административные реформы: вызов и решения // *Проблемы теории и практики управления*. 1998. № 1. С. 58—62.
14. Лобанов, В. Реформирование государственного аппарата: мировая практика и российские проблемы // *Проблемы теории и практики управления*. 1999. № 1. С. 29—34.
15. Лобанов, В. Уроки и перспективы административной реформы в России // *Проблемы теории и практики управления*. 2005. № 1. С. 47—51.
16. Лугвин, С. Переход к новой модели государственного управления в постиндустриальном обществе // *Проблемы теории и практики управления*. 2004. № 4. С. 34—39.
17. Оболонский, А. В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. — М.: Дело, 2002. — 272 с.
18. Полуниин, А. Езда на задней передаче // *Труд*. 13 апреля 2005.
19. Пушкарева, Г. В. Государственная бюрократия как предмет исследования // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5. С. 82—86.
20. Рукотворные бури // *Труд*. 19 января 2005.
21. Согрин, В. В. Ветви государственной власти в США: эволюция, взаимодействие, соперничество // *Общественные науки и современность*. 2001. № 1. С. 78—82.
22. Укрощение бедности // *Труд*. 9 апреля 2004.

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Под правовым дискурсом понимаются процессы информационного взаимодействия субъектов права в сфере правовой и политико-правовой коммуникации с целью установления правовых отношений.

Политик и избиратель как субъекты политико-правовых отношений выполняют в правовом дискурсе роли коммуникатора и коммуниканта. От успешности их взаимодействия зависит, в конечном счете, эффективность правового дискурса в процессе политико-правовой коммуникации.

Правовой дискурс в процессе политико-правовой коммуникации характеризуется высокой степенью манипулирования. В этом смысле важность изучения правового дискурса в процессе политико-правовой коммуникации продиктована необходимостью, с одной стороны, поиска для политиков оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с другой — правильного понимания аудиторией истинных намерений манипулятора и скрытых приемов манипулирования.

Воздействие является одной из важных целей обычного коммуникативного общения. При манипуляции же существенной целью является навязывание манипулируемому выгодного для манипулятора образа действий.

Как отмечает Н. В. Глаголев, «манипуляция строится на соответствующей психолингвистической базе, которую можно условно свести к трем факторам манипуляции» [1, с. 11]. Первый фактор — это **совокупность элементов манипулятивной базы**. В структурно-коммуникативном отношении выделяются следующие необходимые элементы: (квалифицированный) манипулятор, управляющий с помощью языка процессом принятия решения; манипулируемый, вынуждаемый / желающий принять определенное решение; сам предмет коммуникации; набор языковых приемов воздействия манипулятора на манипулируемого. Последний варьируется в зависимости от того, к какому типу принадлежит манипулируемый. Выделяются два основных типа — решительный и нерешительный. При этом приходится учитывать, что нерешительный тип так же легко принимает нужное манипулятору решение, как и отказывается от него.

Вторым фактором манипуляции можно считать имплицитную **враждебность участников коммуникативного взаимодействия**, прикрываемую маской дружелюбия. По существу это представители авторитетных статусов, то есть все те, кто пользуется реальной властью в противовес своему электорату, такой властью не обладающему. Третий фактор манипуляций, тесно связанный с предыдущим, — **психо-**

логическое преимущество манипулятора, злоупотребляющего потребностями реципиента в своих целях. На практике это выражается в оформлении и использовании особой «стратегии воздействия».

Вообще говоря, в коммуникативной стратегии выделяются два аспекта: коммуникативно-логический и коммуникативно-психологический. С точки зрения коммуникативно-логического аспекта стратегия автора речи реализуется с помощью соответствующей структуры и семантики языковых компонентов, которые используются в композиционной партитуре высказываний, образующих монолог. Состав этих компонентов определяется внутренней логикой самого предмета изложения и задачей обеспечить передачу нужной информации. С коммуникативно-психологическим аспектом дело обстоит сложнее: он более многообразен по целям, соответственно реализуется с помощью большого количества компонентов, как правило, многосоставных. Ниже приводится их перечень с доказательными примерами, почерпнутыми из материалов предвыборной кампании двух претендентов на губернаторский пост. Оба они совпадали друг с другом по применяемому коммуникативно-психологическим компонентам, поэтому указания на авторство даются лишь тогда, когда в высказываниях присутствуют сведения, неоспоримо отличающие одного кандидата в губернаторы от другого.

Популярный многосоставный компонент образуют различные **способы привлечения внимания** реципиента (в данном случае электората). По материалам предвыборной кампании выявляются следующие тактические приемы завоевания внимания избирателей.

1. Демонстрация автором речи своего авторитетного статуса. Например (здесь и далее — курсив мой. — Н. Х.):

Претендент А. «Четыре года я был *губернатором* нашей области, нашего Зауралья». «И я, как *губернатор*, должен уметь выслушать простого человека». «*Губернатор*... это такой же человек, как и любой другой».

Претендент Б. «Сегодня я работаю *директором* уверенно развивающегося предприятия...».

2. Сугубо положительная оценка своей деятельности. Например:

А. «Мы сегодня *возродили и проводим информационные конференции*».

Б. «Наше ОАО за последние 3 года стало *лидером* российской дрожжевой промышленности». «Наша продукция отмечена *золотым знаком отличия* “Сто лучших товаров России”». «Мы оказыва-

ем *помощь школам* в разных районах области». «Защитив кандидатскую диссертацию по экономике, я приступил к работе над докторской». «Спад производства удалось остановить».

3. Обеспечение такой небанальной реакции на коммуникативные действия реципиента, которая вызовет его симпатию, — например, с помощью преувеличенной самокритичности манипулятора по поводу своих промахов и явной его снисходительности к реципиенту:

А. «Да, в нашей области *не так радужно*, как хотелось бы всем нам». «Я отвечаю за все *промахи и ошибки*, допущенные во время моего служения области на посту губернатора за последние четыре года».

Б. «Я *нес и несу всю полноту ответственности* за работу ОАО».

4. Подчеркнутое внимание к реципиенту, в частности, с помощью целенаправленной лесты по отношению к его статусу и личности:

А. «Не побоюсь высоких слов, но *благополучие народа* — высшая цель». «... Я лично получил *несколько тысяч писем*. Провожу приемы по личным вопросам как в Кургане, так и в районах области».

Б. «Главное — *создать все условия*, чтобы человек смог раскрыть свои способности». «Есть желание сделать Зауралье стабильным регионом, а *жизнь своих земляков* — достойной».

5. Подчеркнутое сближение себя, своей личности с личностью реципиента — по формуле «Мы с тобой одной крови»:

А. «Мать и отец были *настоящими тружениками*... Отец прошел путь *от рабочего до начальника цеха*, мать работала *фельдшером* в заводском медпункте. Главное, *научили трудиться*. Воспитывали *жестко*». «С 10 лет отец, мать *привлекали меня к работе*. Сенокос, огород, прополка, поливка, уборка, сено скопнить, соскирдовать, вывезти, уложить». «Вспоминаю *грубые от работы руки отца*».

Б. «*Воспитывались мы в строгости*, что там говорить. Зато сизмальства усвоили главные в жизни истины: нельзя воровать, нельзя обманывать людей, особенно старших, нужно уважать». «Помню, *отец учил меня косить*».

6. Преувеличенно негативная оценка деятельности конкурента либо существующей власти:

Б. «...*Неумение* нынешней администрации *организовать работу на селе*». «Губернаторская команда проводит *деспотическую политику* “Разделяй и властвуй!”» «И когда *представители нынешней власти* говорят: “*Это невозможно — мы пытались...*”, я не верю. Возможно все, если работать! Просто *надо браться за дело* — пора уже. И *надо быть честными со своим народом*». «*Отсутствие единой ценовой политики* у областного руководства создает настоящее раздолье для спекулянтов». «*Нам кланяться, видно, не пристало, мы привыкли, чтобы нам кланялись*. Вот и сидим в нищете и грязи, а на все вопросы отвечаем — денег нет».

Более уточненным коммуникативно-психологическим компонентом стратегии речевого воздействия, помогающим манипулировать электоратом, является **снятие противоречия между истинной потребностью реципиента и фактическим намерением коммуникатора**. Намерение подается таким образом, в такой «упаковке», что у реципиента вполне может появиться надежда на удовлетворение его личной потребности или даже уверенность в решении какой-то насущной общественной проблемы. При этом совершенно не важно, будет ли потребность действительно удовлетворена, а проблема решена. Важно, что манипулятор фактически перекладывает ответственность на самого реципиента:

А. «Я считаю, что самой главной угрозой для области, и вообще для государства, является угроза наркомании (включая алкоголизм!) *Нам всем необходимо осознать* реальный масштаб этой опасности!» «Очень важна антинаркотическая пропаганда. *Нужно*, так сказать, *привить молодежи иммунитет к наркотикам*, чтобы они вызывали не любопытство, а отвращение. Но все это долговременные программы». «А первоочередные задачи здесь — *лечение уже попавших в наркозависимость и жесткий контроль за незаконным распространением наркотиков*».

Б. «*Границу охранять*. На уровне законодательства — *ужесточить уголовную ответственность за торговлю наркотиками*». «Необходимо серьезно изменить федеральное и областное законодательство в том, что касается пенсионеров. Следует *отменить несправедливое положение о неначислении пенсии по новым правилам работающим пенсионерам и уравнивать их в правах с другими категориями пенсионеров*».

Еще одним важным приемом воздействия на электорат является **активная повторяемость коммуникативного намерения**. Многократно повторяемое утверждение постепенно вызывает у реципиента готовность принять его на веру. В проанализированных материалах выявлено несколько видов повторения.

1. Простое стереотипное повторение:

А. «Тот, кто думает, что *быть губернатором легко*, тот глубоко заблуждается». «Со стороны кажется, что *управлять легко*». «*Отвечает за все губернатор*». «Я *отвечаю* за все промахи и ошибки, допущенные во время моего служения области *на посту губернатора*». «За все, что не сделали и не получилось, *отвечаю только я*».

Б. «И готов доказать в дискуссии, что *знаю*, как нужно работать в условиях затянувшегося экономического кризиса и что нужно делать, чтобы область из депрессивного, *дотационного региона превратилась в самодостаточный...*». «...*Знаю*, как эффективно управлять экономикой региона, чтобы на базе имеющегося в области потенциала совершить экономический рывок и сделать Зауралье *преуспе-*

вающей, бездотационной областью...». «Необходимо ставить задачу форсированного развития экономики региона и перехода области из дотационной в самодостаточную».

2. Развернутое повторение со ссылкой на определенное количество компетентных лиц, разделяющих точку зрения кандидата:

А. «Для этого нужен сильный и авторитетный лидер. Сейчас у нас такой лидер есть — это нынешний Президент страны».

Б. «Сегодня я работаю директором уверенно развивающегося предприятия, успехи которого неоднократно отмечались руководством самого разного уровня — от областной думы и губернатора до В.В. Путина». «На минувших президентских выборах я был доверенным лицом В.В. Путина. Мы провели в период президентской кампании огромную работу в области... Нам нужна умная, честная, достойная власть. И на федеральном уровне мы, наконец, ее получили. Теперь необходимо, чтобы то же самое произошло и на уровне субъектов федерации, в том числе и в нашей области».

3. Качественное повторение, включающее новые привлекательные сведения в информацию о манипулируемом факте:

Б. «Хочу отметить лишь два момента. Первый — отсутствие комплексного подхода к экономическим проблемам села. Вспомним пресловутый губернаторский запрет на вывоз сельхозпродукции из области». «...В нашей аграрной области на поддержку села выделяются копейки...» «Живущий на дотации край не позаботился выделить земледельцам хоть что-то из этих дотаций». «Закон о поддержке животноводства не выполняется, сельхозтоваропроизводители недофинансируются, а на содержание госуправления расходы бюджета не только увеличиваются год от года, но и финансируются всегда на все 100 %». «Не реализуются программы кооперации между сельскими и промышленными производителями области». «В Кургане реально освоить в сжатые сроки выпуск широкой номенклатуры продукции, необходимой сельскому хозяйству».

Важным элементом в системе приемов речевого воздействия на избирателя является **вовлечение в коммуникативный процесс эмоциональной сферы реципиента**. Выделяются такие пути «имплантации» эмоций в сообщения.

1. Конкретизация — рассказ о конкретном объекте может стать главным источником эмоций. Например, рассказ о конкретном лице изначально выгоднее в этом плане, чем повествование обо всем народе. В последнем случае легко соскользнуть в патетику, которая вызывает отторжение у аудитории. Один из классиков, исправляя фразу начинающего «пятак упал», написал «пятак упал, звеня и подпрыгивая». Такой конкретный объект сразу становится более наглядным:

А. «Вот простой жизненный пример: сколько барьеров прошел Гавриил Абрамович Илизаров,

величайший наш ортопед? А если бы он не смог их преодолеть — мы бы загубили величайшее открытие столетия! Открытие, которым сегодня пользуются миллионы людей практически во всех странах мира! Да много можно таких примеров приводить. Надо давать возможность людям раскрывать свой потенциал, если это соответствует законам».

Б. «Наш завод был основан курганским купцом первой гильдии Дмитрием Смолиным, которого до сих пор помнят и чтут зауральцы. Мы бережно храним реликвии, связанные с ним, создали на заводе музей. Смолин многое сделал для нашей области — строил Храм Александра Невского на свои средства, всегда оказывал помощь образованию и культуре. Мы стараемся развивать смолинские традиции меценатства и благотворительности: поддерживать школы, детсады, культурные и спортивные мероприятия».

2. «Сопереживание» — так мы обозначим подстраивание под чужую эмоцию:

А. «Всех нас объединяет неистребимое ощущение надежды на лучшие времена. А у кого есть и мечта». «Кто-то мечтает, чтобы в их селе была построена новая больница, кто-то — чтобы через их село прошел газопровод. Это понимаешь, когда читаешь письма, общаешься с людьми».

Б. «Боли мучают ужасные, когда видишь запустение в деревнях, неустроенность городов, разруху в промышленности, развал на селе. Как говорил Иоанн Кронштадский еще в 1907 году, в России цеголяют; везде предательство, везде угроза жизни и государственному имуществу; так будет всегда при слабой власти...».

3. Заимствование чужих эмоций, обычно в форме ссылки на чужие победы, которые таким образом незаметно присваиваются, делаются «своими»:

Б. «Россия, безусловно, всегда имела трудную историю, но из самых тяжелых моментов выходила обновленной, более мощной. А для этого нужен сильный и авторитетный лидер. Сейчас у нас Президент страны. Я поддерживаю стремление Владимира Владимировича Путина сделать государство более сильным». «На минувших президентских выборах я был доверенным лицом Владимира Владимировича Путина». «Это было мое первое участие в политике. Мы провели в период президентской кампании огромную работу в области по разъяснению позиции будущего президента и сделали все, чтобы он одержал убедительную победу, и это полностью характеризует мое отношение к нему. Нам нужна умная, честная, достойная власть».

4. Прием «эмоционального побуждения», который состоит в доведении избирателя до состояния сочувствия кандидату через эмоциональное воздействие на чувства избирателей.

Во-первых, избирателю можно польстить:

А. «Создайте ему (народу. — Н. Х.) нормальные условия жизни, и он покажет свой работающий и хозяйственный характер». «Люди работающие есть».

Во-вторых, избирателя можно оправдать:

Б. *«Зарплата сельхозработника в среднем по области составляет от 400 до 800 рублей. Но и этих денег крестьянин «живьем» практически не получает. С ним расплачиваются той же сельхозпродукцией. Отсюда и пьянство, и воровство. Неправда, что наш народ склонен к этому от природы».*

5. Приведение ярких примеров из личного опыта:

А. *«Провожу приемы по личным вопросам как в Кургане, так и в районах области. Приезжая из командировок, составляю и корректирую программы своих действий и своего аппарата, районных администраций».*

Б. *«Я всегда любил строить. Было построено более 400 квартир, 197-квартирная малосемейка, вставка дома по улице Савельева, около «Спартака», началось строительство дома по ул. Бурова-Петрова. Работая замом начальника налоговой инспекции области, я курировал строительство. Были введены в строй административные здания во многих районах области, в них разместились не только налоговые службы, но нередко — и почтовые отделения, магазины, отделения связи и т. д. Придя на должность директора ОАО, я начал решать вопрос сноса ветхого жилья».*

6. Обращение к проблемам тех слоев населения, чье положение в нашем обществе оставляет желать лучшего, — к проблемам больных, детей, стариков:

Б. *«... Дети умирают еще в младенчестве. Умирают от болезней, потому что у родителей нет средств на лекарства, в деревнях недостаточно врачей. Умирают от того, что матери плохо питаются».*

7. Языковые приемы создания эмоциональности. Обычно используются следующие приемы.

Во-первых, эмоционально окрашенная лексика.

А. *«Как ни взглянешь на экран — море крови, свист пуль, ножи, удары, цети».*

Б. *«Да, собственно, так и было раньше, просто угробили эту отрасль в последние годы». «На этот сложный и животрепещущий вопрос стало модным отвечать с благородным негодованием». «О чем вы говорите, что вы там “пытались”, если даже те крохи, что утверждены в областном бюджете, и те не выделяются?»*

Во-вторых, фразеологические обороты. Фразеологический оборот — это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний, обладающий целостным (реже — частично целостным) значением и сочетающийся со словами свободного употребления [2, с. 3].

А. *«Единственное, что я знаю, — сидеть в четырех стенах не смогу».*

Б. *«Это перешло все границы моего представления о политической беспринципности и человеческой нечистоплотности». «Завод начал идти на дно». «Все наши клятвы облегчить жизнь пенсионеров*

останутся пустым сотрясанием воздуха». «Вот и получается круговая порука, скрепленная заговором молчания». «Я человек старой закалки».

В-третьих, противопоставление (прием антитезы):

А. *«Но с другой стороны, вы мне объясните, это действительно так важно — как выглядит губернатор, красивый он или нет, худой или толстый, поет или танцует, где он живет и с кем...»*

Б. *«Слишком часто в ходе предвыборных баталий демагогия одерживала победу над здравым смыслом, пустые обещания — над конструктивными и продуманными предложениями, ложь и клевета — над сдержанностью и достоинством».*

В-четвертых, единоначатие (анафора) — стилистический прием, состоящий в повторении одних и тех же слов, предложений и звуков в начале смежных или близко расположенных друг к другу строк, строф или фраз; единоначатие [3, с. 37].

А. *«Губернатор, в первую очередь, это такой же человек, как и любой другой». «Губернатор не должен объяснять, кто виноват». «Губернатор должен найти выход из положения».*

Б. *«Мы живем не в вакууме». «Мы — часть огромной России».*

В-пятых, риторические вопросы и восклицания:

А. *«Разве кому-то интересно, что в бюджете не хватает денег на все запланированные социальные программы?» «Разве кому-то интересно, что Москва не смогла вовремя дать дотации на развитие здравоохранения?» «Разве кому-то интересно, что в несколько раз взлетели цены на топливо и кое-где в районе не успели подготовиться к зиме?»*

Эмоции лучше запоминаются, лучше воспринимаются, поэтому любое сообщение, несущее эмоциональную информацию, обладает более сильной способностью воздействия, убеждения.

Анализ материалов предвыборной кампании кандидатов на пост губернатора Курганской области позволил установить, что в правовом дискурсе в процессе политико-правовой коммуникации претенденты на пост губернатора области использовали элементы обычного целенаправленного общения и манипулятивные элементы.

Коммуникативная стратегия воздействия, взятая в ее коммуникативно-психологическом аспекте, включала такие компоненты, как привлечение внимания реципиента, снятие противоречия между истинной потребностью реципиента и фактическим намерением коммуникатора, активная повторяемость коммуникативного намерения, вовлечение в коммуникативный процесс эмоциональной сферы реципиента.

В системе приемов речевого воздействия наиболее часто употребляемыми приемами были привлечение внимания автора речи к себе, положительная оценка своей деятельности, самокритичность по поводу своих промахов и снисходительность к просчетам реципиента, похвала реципиенту, подчерк-

нутое внимание к нему, сближение своей личности с личностью реципиента, негативная оценка деятельности конкурента (существующей власти).

Литература

1. Глаголев, Н.В. Приемы буржуазной манипуляции потребностями реципиента // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические

проблемы. — М. : Институт языкознания АН СССР, 1986. — 247 с.

2. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров — М. : Русский язык, 1987. — 448 с.

3. Словарь русского языка . В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1981. — Т. 1. — 698 с.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВЫХ РЕФОРМ

Проблема сбора налогов остаётся для России весьма актуальной. С 2000 года в стране происходит реформирование налоговой системы: в 2000 году прогрессивная шкала подоходного налога сменилась единой ставкой в 13 %, с 2006 года для всего населения отменён налог на наследство. Ожидается объявление налоговой амнистии и упорядочение процедуры проверок юридических и физических лиц налоговыми органами. Указанные преобразования не отражают всех изменений в налоговой системе, но, поскольку по нашему мнению, это одни из ключевых новаций, остановимся на них.

В связи с происходящим преобразованием налоговой системы представляется целесообразным проанализировать возможную реакцию населения на происходящие изменения, другими словами, выделить и проанализировать социологическую составляющую эффективности этих реформ. Дело в том, что кроме экономических условий и целей реформирования, влияние на результат оказывает и такой, не часто берущийся в расчет при рассмотрении этой проблемы фактор, как менталитет, то есть особенности восприятия населением реформ и реакции на них.

Для анализа воспользуемся когнитивным подходом, в широком смысле включающим изучение проблем познания, понимания и объяснения в структуре традиционных научных методологий. Когнитивным аспектам социологических исследований большое внимание уделяли как иностранные, так и отечественные ученые. Первым когнитивные факторы, формирующие динамику общества рассмотрел П. Сорокин, близкие к когнитивному подходу идеи развил А. Шюц, в 60-е годы американский социолог Ч. Лумис применил когнитивные карты.

Система взаимоотношений «налогоплательщик — государство» резко изменилась за последние 15 лет. В недалеком прошлом в СССР проблем с уплатой налогов как таковых не было. Предприятия автоматически перечисляли налоги (на прибыль, подоходный налог с заработной платы работников и т. п.), возможности у налогоплательщика выбора: платить — не платить налоги не было, следовательно, о таком виде экономического поведения как налоговое говорить не приходилось. Схематично отношения между государством и налогоплательщиком до 90-х годов можно отразить в виде треугольника (рис. 1).

Рис. 1. Взаимоотношения «налогоплательщик — государство» в СССР

Государство спускало предприятиям планы, устанавливало ставки налогов, предприятия же перечисляли указанную сумму налогов.

В 90-х годах в России появляется плюрализм собственности. У налогоплательщиков возникает возможность уходить от уплаты налогов путем ведения двойной и тройной бухгалтерии. По своей сути налог для каждого собственника — потеря части своего дохода, своей прибыли. В то же время налогоплательщик оценивает эффект от уплаты налога. Он знает величину уплаченного налога и сравнивает его с получаемой от государства пользой.

На принятие налогоплательщиком решения платить или не платить налоги влияют следующие факторы:

— личностный стереотип поведения, как налогоплательщика (добросовестное и своевременное выполнение обязанностей, оттягивание уплаты налога, сокрытие части доходов, увод всего заработка от налогообложения);

— соотношение получаемой пользы от государства и величины уплаченных налогов;

— «правило большинства» — при массовом уклонении от уплаты налогов побуждающим фактором не платить налоги является тот факт, что так поступают все;

— соотношение риска возникновения штрафных санкций и размера получаемой выгоды;

— отсутствие прозрачности расходования средств, уплачиваемых в виде налогов и т. д.

Для осмысления характера взаимодействия субъектов налоговой системы (государства в лице налогового инспектора и налогоплательщиков — юридических или физических лиц), а также влияния факторов на эти взаимоотношения построим когнитивную карту на основе интуитивных представлений о причинности (рис. 2).

Государство устанавливает ставку налога (FA), которая определяет налоговое бремя на налогоплательщика (AB). В свою очередь человек реагирует на его изменение (дуга BA). При приемлемой налоговой нагрузке он будет платить налоги полностью, в случае чрезмерного роста ставки налога или станет субъектом теневой экономики (BD) или сменит вид деятельности (BC). Стоит отметить, что в расчет нужно принимать не только чисто экономические факторы, но и менталитет народа. Именно менталитет определяет восприятие и реакцию населения на то или иное преобразование. Тем самым налоговая система выступает фактором социальной

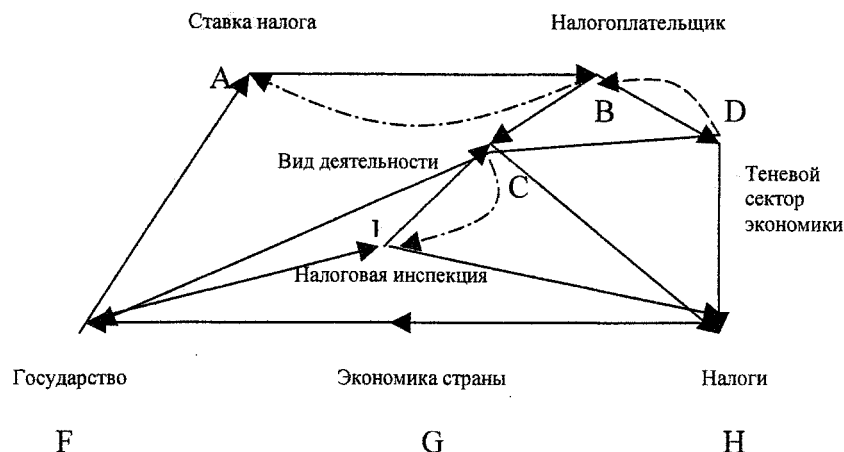

Рис. 2. Карта налоговой системы и налогового поведения налогоплательщика

стратификации. Поэтому CDH является контуром обратной связи — увеличение теневого сектора экономики ведет к уменьшению поступающих сборов (DH), равно как и смена налогоплательщиком вида деятельности (CH), а в итоге негативно влияет на экономику страны. Важно отметить, теневая экономика влечет ухудшение здоровья налогоплательщиков (DB). Из-за страха потерять работу человек не склонен уходить на «больничный». Взаимодействие факторов В и F в реальности может осложняться и другими факторами.

Стоит отметить, что при построении данной когнитивной карты мы руководствовались представлением о процессе принятия гражданами — налогоплательщиками решений об уплате подоходного налога, однако карта отражает общий принцип взаимодействия «налогоплательщик-государство».

Проследим далее предполагаемую реакцию населения на реформирование налоговой системы. Интуитивные предположения в ходе анализа были проверены и подкреплены социологическими исследованиями. Основой исследования стало анкетирование населения, которое проводилось в два этапа. В 2004 году было опрошено 250 жителей Сызрани, провинциального города, третьего в Самарской области по уровню развития промышленности. В 2005 году исследование продолжилось в трех городах Самарской губернии, относящихся по численности жителей к населенным пунктам разных категорий: Самара — город с населением свыше миллиона человек, Сызрань — крупный город, Октябрьск — малый город.

Целью исследования стали: выявление факторов, определяющих налоговое поведение россиян; поиск путей гармонизации отношений «государство — налогоплательщик». При этом мы ограничились только подоходным налогом, поскольку на примере его уплаты прослеживается налоговое поведение всех категорий граждан от работника до работодателя.

1. Введение единой ставки подоходного налога с одной стороны привело к социальной справедливости в том смысле, что независимо от уровня дохода все граждане уплачивают налог по единой став-

ке. С другой стороны, в России уровень жизни населения резко дифференцирован. По-прежнему свыше 30 % граждан живут за чертой бедности, и в абсолютном выражении та часть дохода, которая уходит на уплату налога имеет для всех разную предельную значимость. То есть, если проследить по схеме, получается, что, при уменьшении ставки налога (FA) для населения с высоким уровнем дохода, налоговая нагрузка снижается до 13 %, для большей же части населения она от прежнего уровня возрастает на 1 % (поскольку при прогрессивной шкале первой ступенью подоходного налога была ставка в 12 %) (AB). То есть происходит нарушение принципа «социальной справедливости». Эффект получается двояким: граждане с высоким уровнем дохода выходят частично из тени (DB), а налогоплательщики с низким заработком вынуждены искать подработку в теневом секторе экономики (BD), что подтверждают данные исследований. Больше 50 % респондентов трех городов убеждены в несправедливости налоговой системы.

2. В последние десятилетия наметилась тенденция к снижению ставок подоходного налога. По мнению «многих экономистов для справедливости экономической системы нужны ярко выраженные прогрессивные ставки подоходного налога, то есть богатые должны платить больший налог, чем бедные. Их оппоненты указывают на тормозящий эффект высоких ставок на прирост капитала, создание рабочих мест»¹.

Сейчас по уровню подоходного налога мы ближе к Франции, где ставка составляет 13,8 %. Самый низкий уровень подоходного налога из европейских стран в Греции 10,3 %. Но речь сейчас идет не о ставке налога, а о справедливом распределении налогового бремени на всё население.

В своем послании федеральному собранию В. Путин отметил: «В первую очередь — давайте вспомним о норме, о 13-процентном подоходном налоге. Пойдя на этот шаг, мы существенно прости-

¹ Экономика. Под ред. А. С. Булатова — М., 1997. — С. 509.

мулировали деловую активность, пополнили казну и упростили налоговую систему. И сегодня я еще раз хотел бы сказать, что это правило пересмотру не подлежит».

Однако регулирование ставки подоходного налога налоговыми вычетами сегодня является недостаточным, поскольку вычеты не превышают минимального прожиточного минимума и граждане платят подоходный налог и в том случае, если их заработок не превышает прожиточного минимума, установленного в конкретном регионе.

Власти итальянского острова Сардиния решили пойти другим путем и получать больший доход в бюджет от состоятельных людей. В 2006 году они планируют принять закон, согласно которому владельцы недвижимости на Сардинии должны дополнительно платить в бюджет. Налог будет взиматься также с яхт и частных самолетов в зависимости от размеров и количества пассажиров, а также с площади домов. Таким образом, власти намерены пополнить бюджет. Общую сумму налогов приблизительно оценивают в миллиард долларов ежегодно.

В России по подсчетам специалистов, число миллионеров растет. Примерно один человек на каждые 400 граждан относит себя к категории состоятельных людей. Правда, большинство из них работают в теневом секторе экономики, а недвижимость и прочее имущество записано на родственников. В России к введению дополнительного прямого налога на имущество состоятельных людей следует относиться осторожно. Налоговая реформа длится шестой год. И в результате опросов населения ими в качестве сдерживающих факторов вывода доходов из тени является отсутствие уверенности в том, что после декларирования доходов государство не увеличит налоговую нагрузку на них. Возможно, больший результат контроль за полной уплатой налогов может принести при отслеживании совершения крупных покупок и расходов.

3. Рассмотрим другой пример — отмену налога на наследство с января 2006 года. С одной стороны произошло уменьшение налоговой нагрузки на граждан, с другой стороны налог на дарение вместо прогрессивной шкалы устанавливается в размере 13 %. И здесь уклониться от его уплаты очень сложно. Правда сразу стоит отметить, что отмену налога на наследство государство компенсирует новым порядком взимания госпошлины — с этого года с рыночной стоимости имущества, в этой связи стоит говорить только об упрощении процедуры оформления документов. Остается и пошлина, которая берется с рыночной стоимости наследуемого имущества. Таким образом, отмена налога упрощает процедуру вступления в наследство, но что касается налогов — говорить о снижении налогового бремени нельзя.

4. Порядок проведения налоговых проверок. Из послания Президента от 24 мая 2005 года: «Необходимо реализовать ряд мер в области налогового ад-

министрирования, позволяющих обеспечить четкую регламентацию полномочий и действий налоговых органов при осуществлении ими контрольных мероприятий, включая определение порядка проведения всех видов налоговых проверок, досудебного урегулирования налоговых споров, истребования документов, установление жестких максимальных сроков проведения проверок, а также ограничений по количеству проверок налогоплательщика в течение одного года». Рассмотрим подробнее взаимоотношения налогоплательщика и налоговой инспекции.

Составим когнитивную карту взаимодействия налоговой инспекции и налогоплательщика в ходе проверки его деятельности (рис. 3).

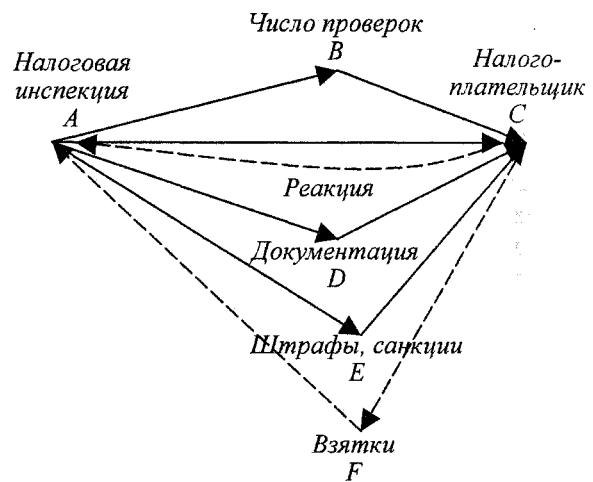

Рис. 3. Карта проведения налоговых проверок налогоплательщика

Схематично ход налоговой проверки можно отобразить следующим образом: число проверок жестко не регламентируется, поэтому вывод доходов из тени может спровоцировать налоговые проверки предприятия (AC). Для налогоплательщиков проверки всегда ассоциируются с неизбежностью штрафов и других санкций (CEA).

Причем до сих пор число проверок не регламентировалось, так же, как налоговая инспекция могла находиться на предприятии длительное время, поскольку время проверки ограничено фактическим нахождением на предприятии в рабочих днях. Налоговики могут затребовать все новые и новые документы для проверки (ADC). Такие длительные проверки ведут к тому, что предприятия стараются откупиться, избежать или уменьшить величину штрафных санкций (CFA).

В итоге у налогоплательщиков сформирован образ налоговой службы — как органа, собирающего дань, а не помогающего уплатить налоги (CA). Согласно проведенным опросам 36 % респондентов к налоговой инспекции относятся безразлично. У 64 % упоминание о ней вызывает страх и неприязнь. Большинство опрошенных уверено в невозможности роста уровня жизни при уплате всех налогов.

В последнее время часто говорится о правилах поведения и назначении чиновников. В. Путин: «Наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса. И потому задачей номер один для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление им качественных публичных услуг населению».

С реформой действия налоговых инспекторов в ходе проверок более четко регламентированы. Теперь работники налоговых органов имеют право проводить не более двух проверок налогоплательщиков в год, при этом на повторную проверку должна быть санкция ФНС. По крупным налогоплательщикам федеральная налоговая служба принимает решение о повторной проверке. Сейчас этот вопрос еще на стадии обсуждения, сами налогоплательщики ратуют за то, чтобы повторные проверки проводились только по решению суда. Что касается перечня проверяемых документов — то он закрытый. Значимость этого решения не только в спокойствии самих налогоплательщиков. На территории России около 2,5 тысяч крупных налогоплательщиков, обеспечивающих до 52 % налоговых поступлений бюджета. Бесконечные проверки могут сказаться на привлекательности предприятия для инвесторов, а значит и на притоке иностранных инвестиций в российскую экономику.

5. Из рис. 1 видно, что налогоплательщик не может проследить направления расходования уплаченных им налогов (ВА), ему доступно только сравнение размеров полезности государственных услуг (FCB) и совершенных им выплат. Причиной сокрытия налогов половина опрошенных жителей исследуемых городов назвали именно недоверие государству. Поэтому для отражения связи сумм уплаченного налога и социальных благ важно публиковать отчеты о направлениях расходования средств. Кроме того, распределение средств, аккумулированных при сборе подоходного налога, должно, на наш взгляд, быть прозрачным, т. е. налогоплательщики должны видеть направления расходования уплачиваемого ими подоходного налога — какая часть из этих 13 % идет на образование, здравоохранение и т. д.

6. Введение единой ставки подоходного налога в 13 % хотя частично способствовало выводу доходов из тени, но не привело к уменьшению теневого сектора экономики. По-прежнему остаются налогоплательщики, уклоняющиеся от уплаты налогов полностью или частично. В качестве одной из мер по стимулированию легального бизнеса государство предполагает объявление амнистии.

Заместитель министра финансов Сергей Шаталов заявил о том, что налоговую амнистию можно про-

вести «не с 1 января, а с 1 июля 2006 года». Целью такого решения должен стать вывод денег из оффшорных зон. Однако, на наш взгляд необходимо одновременное ужесточение мер за сознательное сокрытие доходов, поскольку, если сокрытие доходов, с точки зрения налогоплательщика, будет сопряжено с небольшим риском, сомнительно, что стоит ожидать легализации всех доходов. Стоит вспомнить, что введение единой ставки подоходного налога пусть и привело к росту сбора налоговых поступлений, но тенденция массового увода доходов в тень сохранилась.

На наш взгляд, в основе налогового поведения российских граждан лежит принцип экономической целесообразности. Пока уход в тень будет выгоднее уплаты налогов, доходы будут скрываться от налогообложения, а снижение ставок и предоставление льгот по налогу становится дополнительной прибылью таких предпринимателей. «Сегодня общая налоговая нагрузка на российскую экономику составляет 36,8 процента. Если мы вычтем все поступления в бюджет от высоких цен на нефть и другие энергоносители, то эта налоговая нагрузка будет значительно меньше, но все-таки остается пока очень большой для такой развивающейся экономики, как российская»¹.

Для 89 % опрошенных налогоплательщиков Сызрани и Самары частично или полностью уклоняющихся от уплаты налогов, скрывать доходы выгоднее уплаты налогов. Большинство из них риск оценивается, как: «низкий» — 22 % самарцев и 30 % сызранцев, «нулевой» — 33 % самарцев и 43 % сызранцев. В высокой вероятности возникновения штрафных санкций уверено лишь 45 % респондентов Самары и 27 % сызранцев. Причем больше половины из них в качестве причин развития теневой экономики называют отсутствие доверия государству. Свыше 50 % уверены, что уплачиваемые налоги идут не на благо государства, а на содержание чиновников. Около 30 % опрошенных отметили низкий уровень налоговой культуры граждан. Поскольку государство нацелено на дальнейшее снижение налогового бремени на население, наказание за уклонение от уплаты налогов, на наш взгляд, должно быть строже. Поэтому одной объявленной амнистии недостаточно, необходимы меры по ужесточению ответственности за сокрытие доходов, проведение разъяснительной работы, а также максимальное упрощение процедуры расчета и уплаты налогов.

К сожалению, и налоговые инспекторы видят свою цель в выявлении нарушений и взыскании штрафов, а о таком своём предназначении, как помощь в уплате налогов, вспоминают не часто. В связи с этим представляется целесообразным выделение сотрудников или дней для проведения разъяснительной работы среди налогоплательщиков об изменениях в налоговой системе.

¹ «Российская газета» от 1 февраля 2006 г. № 19.

Большое значение имеет изменение имиджа налоговой инспекции. В Соединенных штатах Америки визит налогового инспектора на дом является нормой, в России же стук в дверь инспектора вызовет у людей шок. Интересный способ повысить налоговую сознательность граждан нашли в Аргентине. Секретарь департамента налогов и сборов Буэнос-Айреса выступил с заявлением, что в канун нового года Санта Клаусы помогут гражданам встретить новый год без долгов — сотрудники департа-

мента, одетые в костюмы синего, желтого и зеленого цвета разносили декларации.

Таким образом, снижение налогового бремени, на наш взгляд, не решает всех проблем, поскольку действие экономических факторов опосредовано менталитетом населения.

Литература

1. Экономика / под ред. А. С. Булатова. — М. : Флин, 1997 — 132 с.
2. Российская газета. № 19, 1 февраля 2006.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

«Счастье — это исполнение подавленных архаических желаний; вот почему богатство приносит так мало счастья. Деньги не относятся к инфантильным желаниям»

Зигмунд Фрейд

От валового национального продукта к качеству жизни, от качества жизни к национальному счастью

Обращаясь к трудам экономистов и социологов России, а также зарубежных стран можно выявить весьма устойчивую в последние годы тенденцию перемещения акцентов в формировании национальных стратегий социально-экономического развития. Последовательность этих изменений представляет собой цепочку трансформаций базовых стратегических ориентиров: «валовой национальный продукт» — «качество жизни населения» — «национальное счастье».

Первый переход, принято считать, произошел в 1969 г., когда министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения США опубликовало результаты исследовательского проекта под названием «На пути к социальной отчетности». Исследование охватило семь основных социальных проблем общества: здоровье; социальную подвижность; окружающую среду; доход и бедность; общественный порядок и безопасность; образование, науку и искусство; участие и отчуждение населения. Это была первая попытка рассмотреть на государственном уровне накапливающиеся статистические данные, с помощью которых можно измерять социальные изменения, вызываемые программами правительства, оценивать положение нации или отдельного региона.

Основным результатом выполненных исследований явилось установление тенденций изменения в США ситуации по семи вышеуказанным социальным проблемам. Эта информация используется как основа для оценки эффективности реализуемых программ и разработки политики, обеспечивающей развитие общества. По сути дела, критерий «валовой национальный продукт» дополняется критерием «качество жизни населения» — интегральным социальным показателем, характеризующим уровень жизни населения рассматриваемого социума.

Следует обратить внимание на то, что четко и весьма точно количественно определяемый критерий ВВП дополняется гораздо более размытым и не всегда четко идентифицируемым комплексным

критерием «качество жизни», при измерении которого по ряду показателей нельзя не учитывать существенную субъективность его восприятия населением, а следовательно, и оценок. То есть от определенности по целевым критериям мы переходим не только к росту их неопределенности, но и привносим в систему критериальных характеристик «неясность», связанную с неточным описанием и плохим определением самих критериев. Решение задачи переходит в сферу теории размытых множеств. Действительно, сущностное понятие категории «качество жизни населения» формулируется как совокупность весьма сложных для измерения характеристик, например: «...качество естественной окружающей среды, ...общее благосостояние, ...гармоничное сосуществование человека и природы, ...удовлетворение социальных, экономических и иных потребностей настоящего и будущих поколений...».

Тем не менее, мониторинг и исследования по этим направлениям дают важные для принятия управленческих решений данные о тенденциях изменения социальной ситуации в рассматриваемом объекте управления и позволяют проводить оценку реализуемых социально-экономических программ, формировать обоснованную политику развития общества.

На рубеже XX и XXI столетий все более четко просматривается следующий шаг на пути решения задач управления развитием социально-экономических систем: вводится понятие «национальное счастье». В некоторой степени для многих, вероятно, неожиданным оказалось то, что пионером в развитии этого направления явилось небольшое азиатское королевство Бутан. Именно там сделана первая попытка раскрыть секрет благополучия. Для этого в королевстве Бутан понятие «валовой национальный продукт» заменено другим индикатором — «валовое национальное счастье». Эта не только теоретическая, но и практическая социальная инновация, естественно, вызвала большой интерес со стороны известных исследователей-социологов и аналитических центров всего мира.

Счастье граждан — центр стратегии развития королевства Бутан

Мы видим, что сложно идентифицируемая категория «качество жизни населения» заменена на еще более сложное для идентификации и менее ясное по критериальному определению понятие «национальное счастье». Однако, несмотря на трудности в

измерении и классификации, концепция социального развития Бутана включает в себя множество факторов: от защиты природных ресурсов до пропаганды национальной культуры и обеспечения демократического правления. Именно это и было призвано заложить основу счастья граждан королевства.

По мнению директора GPI Atlantic, канадской некоммерческой организации, изучающей качество жизни, Рона Коулмана: «Бутан — очень редкий, может быть, единственный в мире, пример страны, поставившей счастье в центр стратегии своего развития. Они жертвуют ближайшей выгодой ради долгосрочного социального здоровья».

Карен Мазуркевич в своей статье «Богатые счастьем» пишет: «Бутан не единственный ставит под сомнение осмысленность оценки материального благосостояния без учета более всеобъемлющего чувства свершения. В прошлом году World Values Survey, организация социологов из разных стран, опубликовала доклад, где государствам были присвоены рейтинги счастья. Исследование, в котором анализируется влияние ценностей и верований на политическую и общественную жизнь через серию вопросников, приводит, опять-таки, к неожиданному выводу, что самой счастливой страной мира является Нигерия — возможно, из-за того, что ее жители склонны описывать свои эмоциональные взлеты в превосходной степени. В этом же рейтинге США заняли 16-е место».

В качестве основных факторов, определяющих «счастье нации», или, как пишет К. Мазуркевич, «столпов счастья» в королевстве Бутан, рассматриваются: устойчивое экономическое развитие, охрана окружающей среды, пропаганда национальной культуры и хорошее правление. Эти факторы создают условия, «в которых каждый человек сможет добиваться счастья, имея возможность добиться успеха».

Каковы же результаты? С 1985 года средняя продолжительность жизни граждан королевства Бутан увеличилась с 48 до 66 лет, детская смертность снизилась со 142 смертей на тысячу до 61. Уровень грамотности среди населения вырос с 23 % до 54 %. Кроме того, количество учреждений здравоохранения выросло с 65 до 155. При этом экономические показатели также улучшились: ВВП вырос примерно на 45 %, с 445 млн. долларов в 1999 году до 645 млн. долларов в 2003.

Таким образом, казалось бы, эфемерное понятие «счастье нации», поставленное в качестве фундаментального ориентира развития государства, обеспечило стране рост многих важнейших социально-экономических показателей. При этом, задача развития решается как бы наоборот: не от роста материального благосостояния к духовному росту личности, а от создания условий для развития личности к развитию духовного капитала страны и далее к росту материального благосостояния.

По сути дела, именно в этом заключается социальный феномен королевства Бутан. Что полезного может извлечь для себя Россия из этого примера? Королевство Бутан — это 828 тыс. человек, по численности населения с Россией несопоставимо. Однако, полагаю, в этой ситуации важны не столько количественные показатели, сколько принципы и подходы к решению актуальнейшей задачи управления развитием нашей страны.

Задача сделать основную массу россиян счастливыми людьми, казалось бы, задача непосильная, утопическая. В ближайшей перспективе — это так. Но все это не аргумент, оправдывающий отказ от постановки такой задачи в стратегическом плане.

Вопрос и проблемы в том, какие критерии, целевые ориентиры при этом необходимо использовать? Как проводить их измерение и оценивать меру продвижения к желаемому результату? Ясно, что существующие в настоящее время базовые статистические показатели социально-экономического развития России недостаточны, а, не имея необходимого пакета статистических данных и целевых критериев, эффективное управление процессами развития страны невозможно, ни на федеральном, ни на региональном или муниципальном уровне.

В чем и как измеряется счастье человека? Эти вопросы, конечно же, являются предметом социологических и психологических исследований. Наверное, можно говорить о том, что абсолютное счастье каждого и всех одновременно — объективно невозможно. Как, например, в этом отношении рассматривать здоровье, любовь и т. д.? С этой гипотезой можно согласиться.

Однако наша задача состоит не в том, чтобы каждого и всех россиян сделать абсолютно счастливыми людьми, причем, сразу. Задача заключается в том, чтобы создать условия, в которых принципиально возможна реализация потенциала и интересов человека, как материальных, так и духовных. Но акцент следует переместить на духовную составляющую, так как именно она, в конечном счете, и предопределяет наши материальные потребности и наше самоощущение счастья. Примеров тому достаточно в русских поговорках, пусть и утрированных, но все-таки.

Профессор Винховен измерил счастье народов мира

В январе 2006 г. в европейской печати был опубликован ежегодный выпуск World Database of Happiness (Всемирный Индекс Счастья). «Всемирный индекс счастья» и методика его определения были разработаны голландским профессором Рутом Винховеном из Роттердамского университета Эрасмуса на основании исследований в течение нескольких лет. По результатам опросов порядка 100 тысяч человек различных групп населения в 90 разных

странах исследователи пытались узнать совокупное общественное мнение по многим важным жизненным пунктам, определяющим самосознание человеком личного счастья.

Использованная Винхеном методика измерения и расчета индекса построена на основе прямого опроса и оценки по десятибалльной шкале уровня собственного ощущения счастья различными группами населения исследуемых стран.

Необходимо подчеркнуть, что с Россией у профессора Винхена особые отношения. Около двух лет назад он опубликовал монографию с «говорящим» названием «Действительно ли русские так несчастны, как они об этом говорят?». Основным выводом монографии явилось утверждение «У русских твердая репутация несчастного народа».

Результаты исследования интересны прежде всего тем, что вносят новизну в наше устоявшееся представление о том, насколько могут быть счастливы народы тех или иных стран. Например: 74 % опрошенных мальтийских граждан сказали, что они счастливы, и это первое место в мире. Далее следуют жители Дании, Швейцарии, Колумбии (73 %), Исландии (72 %), Ирландии и Нидерландов (71 %). Завершают мировую десятку самых счастливых стран Швеция (69 %), Канада (69 %), Финляндия (69 %) и Гана (69 %).

Для полноты картины представим еще ряд лидирующих по этому индексу стран: Люксембург (68 %), Норвегия, США, Гватемала (67 %), Австралия, Мексика, Новая Зеландия (66 %), Бельгия (65 %), Германия, Англия (64 %), Австрия (62 %), Италия (61%), Уругвай (59 %), Япония (55 %).

Россия в этом списке также присутствует, и только 35 % живущих в России россиян считают себя счастливым народом. Для сравнения: в Узбекистане 55 % жителей считают себя счастливыми. По другим странам, бывшим республикам СССР картина следующая: Эстония (44 %), Азербайджан (41 %), Латвия и Литва (40 %), Белоруссия (36 %), Грузия (31 %), Украина (28 %), Молдавия (27 %). Последнее место в этом списке занимает Танзания — 20 % граждан считают себя счастливыми.

Сопоставляя эти данные с мировым рейтингом по Индексу Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП), можно сделать тривиальный вывод «не в деньгах счастье». Не только материальное благополучие делает людей счастливыми.

Что нужно человеку для счастья?

Являются ли результаты проделанной Винхеном огромной работы достаточными для формулирования выводов о «национальном счастье» тех или иных стран? Может ли быть позиция 100 тысяч человек из 90 стран определяющей для каких-либо глобальных выводов по государствам в целом? Что означает утверждение человека: «я счастлив»? Будет ли человек, сегодня утверждающий, что он сча-

стлив, таковым и завтра? На эти вопросы профессор Винхен ответов не дает. Для поиска ответов на эти вопросы обратимся к технологиям общей теории систем и системного анализа.

Р. Акофф и Ф. Эмери в своей монографии «О целеустремленных системах» пишут: «Людей и некоторые социальные системы, частью которых являются люди, отличает то, что они могут стремиться к результатам и состояниям, достижение которых, как им хорошо известно, невозможно. Дело в том, что само продвижение к этим недостижимым состояниям приносит им удовлетворение. Такое продвижение называется прогрессом, а конечное состояние — идеалом». Таким образом, система и человек стремятся к некоторому желаемому для них состоянию, но является ли это состояние действительно желаемым, они осознают только в момент или после его достижения.

Каким свойством должен обладать в этой ситуации субъект? Всемогуществом, пишут в своей монографии Р. Акофф и Ф. Эмери — «Без всемогущества нельзя достичь никакого идеала, а с ним нет ничего невозможного». Однако критерий «всемогущество» для стремящихся к идеалу систем настолько сложен и многогранен, что его прямое изучение не представляется возможным. В этой ситуации можно провести декомпозицию понятия «всемогущество», разделив его на составляющие. В качестве компонентов можно использовать древние идеалы «правда», «добро», «красота» и «изобилие». Для оценки степени достижения этих идеалов можно использовать соответствующую шкалу измерения, а сами понятия рассматривать как параметры состояния объекта управления: человека или государства, например.

Суть каждого из перечисленных понятий можно трактовать следующим образом.

1. ИЗОБИЛИЕ — для развития и продвижения к идеалу системе необходимы ресурсы. Наличие этих ресурсов является необходимым условием приближения к идеальному состоянию всемогущества.

2. ПРАВДА — состояние знания, которое позволяет на основе понимания истин и закономерностей изменения систем и их элементов определять необходимые ресурсы и рационально их использовать. Отсутствие необходимых знаний не дает продвижения к идеалу «всемогущество» даже при наличии необходимых ресурсов, их внутреннем изобилии (Россия, Япония).

3. ДОБРО — возможность системы успешного продвижения к идеалам или желаемому состоянию возможно только при отсутствии конфликта между продуцируемыми ею результатами и результатами, продуцируемыми другими системами.

4. КРАСОТА — стремление к гармонии, объединяющей духовные и материальные ресурсы системы и направляющей эти ресурсы на продвижение к идеалу, объединяя усилия элементов объекта уп-

вления, не создавая при этом состояний конфликта интересов.

Особенность перечисленных идеалов и функций, выполнение которых необходимо для их достижения, состоит в том, что выполнять их следует совместно при стремлении к любому идеалу.

Возвращаясь к теме: национальное счастье, счастье человека, можно уверенно предположить, что человек, семья или общество, максимально обеспечившие свое продвижение в направлении достижения этих идеалов, имеют большую вероятность осознания собственного состояния как счастья, социального благополучия.

И все-таки остается вопрос: как измерить?

Для ответа на этот вопрос нам нужна система измерения, построенная на принципах всеобъемлющей социальной теории, позволяющей понять сложные причинно-следственные отношения в социальной жизни. Продвижение к состоянию счастья невозможно без понимания связей между политикой, затратами и достигнутыми социальными условиями.

Социальная теория, как инструмент управления, обеспечивающий достижение объектом управления состояния счастья или социального благополучия, в настоящее время находится в состоянии разработки. Идет процесс поиска, апробации, выявления несоответствия и коррекции. Этот процесс, очевидно, является перманентным и не может быть завершенным в какой-либо момент, хотя бы в силу изменений самого объекта управления и его окружения.

Однако уже сегодня существуют разработки, позволяющие более или менее точно описать параметры желаемого состояния системы «человек — общество», для которых принципиально существует возможность прямого или экспертного измерения. Один из таких перечней социальных факторов и показателей представлен в монографии Дж. Ван Гига «Прикладная общая теория систем». Представим его, но только в качестве примера.

1. Свобода, справедливость, гармония — поиск показателей — задача для социологов, например, уровень стратификации доходов по должностным категориям и территориальным характеристикам расположения проживания и работы (справедливость) или религиозная терпимость (гармония), возможно, отношение к политическим процессам, например, к выборам (свобода) и т. д.

2. Здоровье и безопасность.
  - 2.1. Здоровье населения.
  - 2.2. Общественная безопасность.
3. Образование, квалификация и доход.
  - 3.1. Школьное образование.
  - 3.2. Высшее образование.

- 3.3. Квалификация.
- 3.4. Достаточный и постоянный доход.
4. Среда, в которой живет человек.
  - 4.1. Состояние жилых помещений.
  - 4.2. Качество места жительства.
  - 4.3. Качество окружающей среды.
  - 4.4. Возможность отдыха и развлечений.
5. Факторы более высокого порядка.
  - 5.1. Красота природы.
  - 5.2. Наука.
  - 5.3. Искусство.
  - 5.4. Досуг.
6. Экономическая база.
  - 6.1. Валовой национальный продукт.
  - 6.2. Производительность труда и т. д.

Система социально-экономических показателей, даже упрощенная, уже позволяет повысить качество управления, направленное на достижение таких идеалов, как «национальное счастье» или его упрощенной версии «национального благополучия». Необходимая для эффективного управления социальная информационная система должна обеспечивать следующее.

1. Структурированное представление социальной отчетности по прошедшему периоду и настоящему времени.

2. Формулирование целей — как желаемого состояния объекта управления в будущем.

3. Разработку целевых программ, сочетающих интересы государства, общества и отдельных индивидуумов.

4. Формирование критериев оценки результатов целевых программ и состояния объекта управления.

Четкая и последовательная работа системы государственного управления по представленной схеме не сразу, но в перспективе позволит России подняться на более высокое место в рейтинге «счастливых стран». Кстати, уважаемый профессор Виноховен в числе наиболее «счастливых стран» королевство Бутан не приводит. Вероятно, еще не все проблемы решены, так что на быстрый успех и нам не следует рассчитывать. Впереди долгий и напряженный труд страны по превращению феномена «национальное счастье» в обыденную реальность.

Представленный выше материал, по сути дела, первый шаг в постановке задачи, призыв к социологам, психологам, экономистам и управленцам обратить внимание на возможность и необходимость в решении стратегических задач социально-экономического развития России, регионов и муниципальных образований усиления акцентов на духовной составляющей, собственно и определяющей представление человека о собственном счастье, благополучии.

РАБОТАЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ: ОСОЗНАНИЕ СЕБЯ И ОБЩЕСТВА

Молодые рабочие и специалисты, служащие — часть всей молодежи как социально-демографической группы и одновременно часть занятого населения. На них также влияют изменения, проходящие в экономической, социальной и политической сферах жизни общества.

В Челябинской области 24 % занятого городского населения составляет молодежь. Процесс ее социализации пришелся на годы перестройки и становления рыночных отношений.

В 2005 году целью нашего исследования стал анализ удовлетворенности молодых рабочих, специалистов, служащих городов Челябинской области содержанием, организацией, условиями и оплатой труда, отношения к молодежи на предприятии и ее отношения к предприятию, жизненным планам, общественно-политической активности, проблем и предложений молодежи по улучшению условий ее труда, быта и отдыха.

В марте 2005 года проведен опрос 405 рабочих, специалистов и служащих предприятий в возрасте от 18 до 30 лет из 8 городов Челябинской области (Челябинск; крупные города — Златоуст, Копейск, Магнитогорск, Миасс; средние и малые города — Аша, Озерск, Пласт). Большинство опрошенных работают на больших и средних предприятиях (по 42 %), каждый седьмой на небольшом или малом (10 % и 5,2 % соответственно). Это предприятия различных отраслей экономики: обрабатывающая промышленность (44 %), транспортное хозяйство (12 %), строительство (8,7 %), электроэнергетика (4,2 %), машиностроение (5,0 %), атомная и химическая промышленность (4,4 %), приборостроение (3,0 %), пищевая промышленность (5,2 %), оборонная промышленность (1,7 %), связь (1,0 %) и другие (11 %). В составе опрошенных 59 % рабочих и 41 % специалистов, служащих. Мужчин — 48 %, женщин — 52 %. Каждый второй имеет свою семью, более, чем две пятых — детей. 43 % молодых людей живут с родителями, 29 % имеют собственное жилье, 22 % снимают комнату или квартиру и значительное меньшее число работающей молодежи проживает в общежитии (4,9 %) и совсем единицы — у родственников (1,0 %).

Структура выборочной совокупности идентична составу работающей молодежи по типу места проживания (большой, средний, малый город), социальному положению, возрасту (до и после 25 лет), полу. Выборка является репрезентативной, что позволяет результаты исследования рассматривать как мнение работающей молодежи предприятий городов Челябинской области со статистической погрешностью до 5 %.

Правомерно говорят: «молодежь — будущее страны». Это будущее, движение к нему по пути прогресса во многом зависят от молодого рабочего, молодого специалиста. Процесс их становления, как и учащейся молодежи определяется воздействием общества, его институтов и активностью самого молодого человека. Последнее — это осознание своего места в жизни, состояния и перспектив общества (своего сообщества, трудового, учебного коллектива). При анализе этого можно и нужно в группе работающей молодежи выделить две особенных возрастных категории: 18—24 года и 25—30 лет, две статусных группы: рабочих и специалистов, служащих, а так же самоопределение, интеграцию молодого работника с социальной средой, образ жизни разных социально-демографических и профессиональных групп.

Важными характеристиками молодых рабочих, специалистов и служащих являются условия их жизни (душевые доходы, семейный статус, объем и структура потребления благ), ценностные ориентации (отношение к труду, к политике, образованию, к использованию свободного времени), поведение (результаты труда, участие в общественной деятельности, в неформальных группах, наличие и реализация жизненных планов). Определенная часть таких характеристик использована в нашем исследовании и дает свои результаты.

Укажем, прежде всего, на высокую оценку молодыми рабочими и, еще более высокую — молодыми специалистами, служащими содержания, условий, организации своего труда на предприятиях (рис. 1).

Не случайно, четыре пятых молодых работников удовлетворены работой на предприятии. Но есть и те, кто ставит неудовлетворительные оценки основным составляющим своего труда и не удовлетворен работой на предприятии (последних 18 %). И особенно много неудовлетворительных оценок оплате труда (43 %). Это свидетельствует о дискриминации в оплате труда молодежи, о приоритетности денег среди нужд молодых работников (70 %), о бедности их определенной части (у 15 % среднедушевой доход в семье до прожиточного в 2005 году минимума — 2300 руб.).

Фактом становится отчуждение части молодых работников на своих предприятиях. Характерно и то, что большинство молодых работников не занимаются художественной самодеятельностью, спортом, другими видами творчества (рис. 2).

И это в условиях, когда на предприятиях большинства опрошенных есть собственные учреждения социально-культурного назначения.

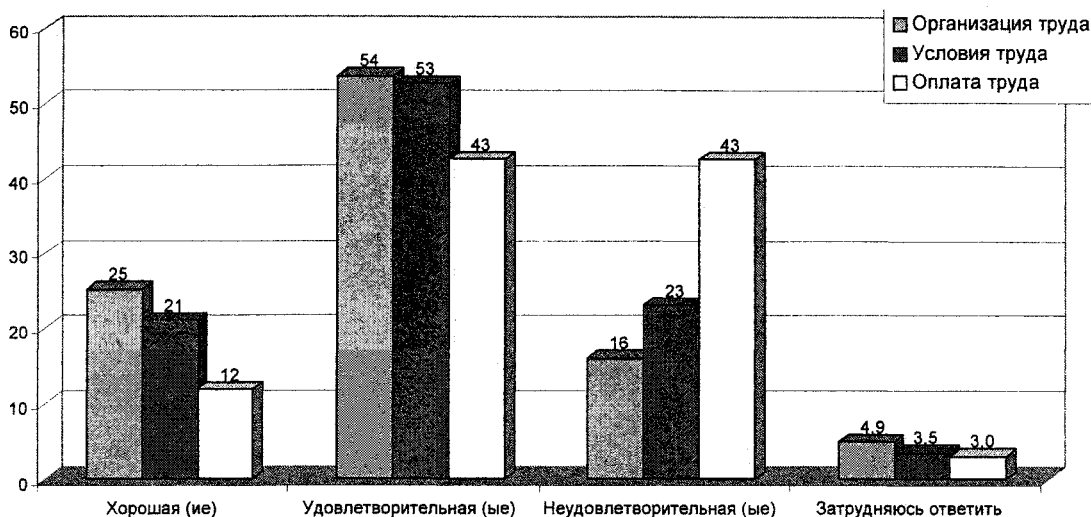

Рис. 1. Оценка молодыми рабочими и специалистами, служащими организации, условий и оплаты труда (в % к общему числу опрошенных)

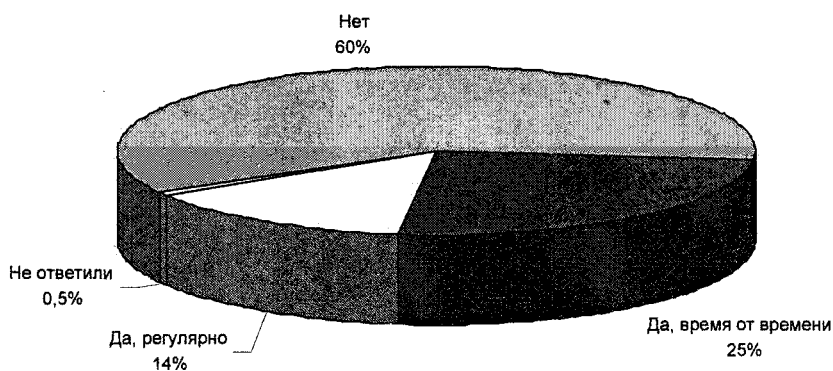

Рис. 2. Занятия работающей молодежи художественной самодеятельностью, спортом, другими видами творчества (в % к общему числу опрошенных)

Об интеграции молодых работников в социальную среду на предприятиях свидетельствует также наличие там у подавляющего большинства друзей. Но при этом нельзя не замечать, что определенная часть здесь их не имеет.

Противоречивы оценки молодыми рабочими и специалистами, служащими работы с молодежью на их предприятиях. Во всяком случае неудовлетворительная ее оценка почти каждым третьим говорит о многом (рис. 3).

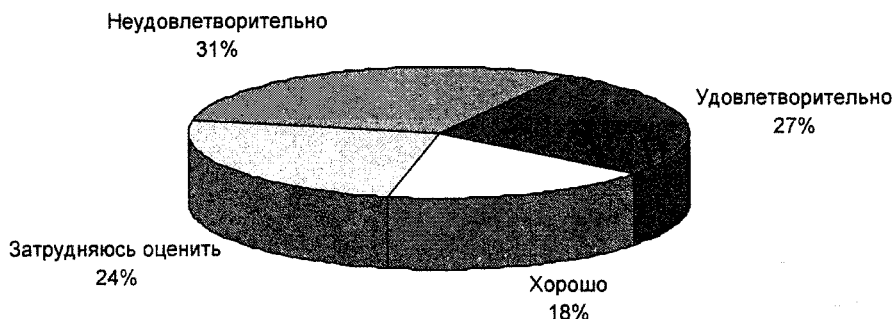

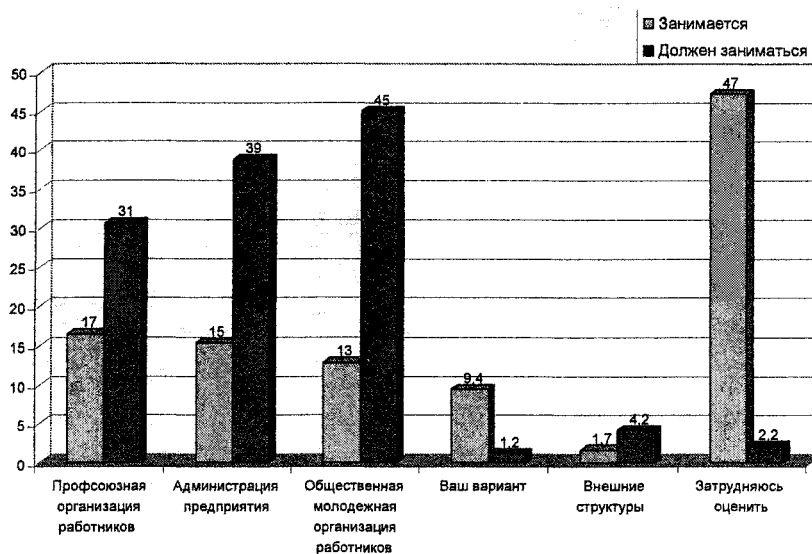
Рис. 3. Оценка респондентами работы с молодежью на их предприятии (в % к общему числу опрошенных)

В отношении того, кто занимается с молодежью на предприятии, наше исследование показывает: «у семи нянек дитя без глаза». Вроде бы есть на пред-

приятии администрация, профсоюз, есть или должна быть молодежная общественная организация, есть внешние структуры. Однако, по признанию

многих молодых рабочих, специалистов и служащих, с каждым из них никто системно не работает (рис. 4).

Вместе с тем молодые работники в этом отношении отдают приоритет молодежной общественной организации на предприятии. Видимо, больше

Рис. 4. Мнение респондентов о том, кто занимается и кто должен заниматься работой с молодежью на предприятии (в % к общему числу опрошенных)

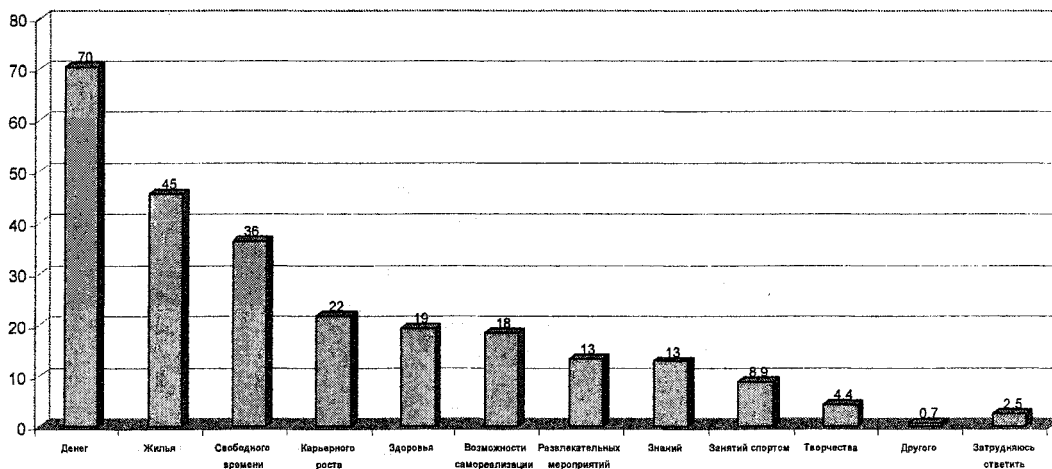
верят именно ей, как своей, близкой. Многие согласны поддержать такую организацию взносами.

Налицо индифферентное отношение работающей молодежи к политике, к политическим партиям. Определил свои пристрастия к ним только каждый пятый молодой работник. Членами общественно-политических партий, движений, организаций являются по сути единицы.

Многие из молодых рабочих, служащих — больше половины в профсоюзе не состоят, а молодых рабочих — не членов профсоюза даже больше, чем молодых специалистов, служащих. Среди молодых работников в возрасте 18—24 года не членов профсоюза в 1,5 раза больше, чем в возрасте 25—29 лет.

Жизненные планы молодых рабочих, специалистов, служащих отражают непрестижное отношение молодежи в целом к труду, рабочим профессиям. При уважительном отношении многих к предприятию, где работают (гордятся торговой маркой предприятия), видении возможностей здесь для повышения квалификации, профессионального роста, наличия родственников, наличии стремление части молодых людей к смене места работы, к предпринимательству и выбор другого пути для своих детей.

Среди нужд работающей молодежи на первых местах нехватка денег, жилья, свободного времени. Но значимость имеют и другие проблемы (рис. 5).

Рис. 5. Ответы молодых рабочих и специалистов, служащих на вопрос о том, чего им больше всего не хватает (в % к общему числу опрошенных)

Нельзя не видеть и различий в положении на производстве, условиях жизни, отношении к свободному времени и общественно-политической деятельности различных социально-демографических, профессиональных и других групп работающей молодежи. Причем, в этой связи обращает на себя внимание наличие больших проблем у молодых рабочих, чем молодых специалистов, служащих и в возрасте 18—24 года, чем 25—29 лет.

Треть опрошенных высказали предложения по улучшению условий труда, быта и отдыха молодежи. Больше половины из них касаются материальных условий и быта молодежи. На втором месте предложения по культурному досугу молодежи. Много предложений по решению жилищного вопроса. Высказаны предложения по карьерному росту, получению образования.

Все это определяет целесообразность дифференцированного адресного подхода в молодежной политике в целом и к работающей молодежи, в частности. Более того, исходя из западных социологических традиций, надо ориентироваться не столько на большинство молодежи, а — на малые, небольшие (по разным основаниям и признакам) молодеж-

ные группы, выделять их и работать с ними. То есть речь идет о признании субкультурных особенностей и прав всех групп молодежи и об их сосуществовании, консенсусе, как в составе молодежи, так и в обществе в целом.

Литература

1. Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Основные выводы и предложения Государственного доклада Правительству РФ / Отв. ред. В.А. Луков, В.А. Родионов, Б.А. Ручкин. — М., 2000. — С. 91—95

2. Поддубная, М.В. Социализация молодежи в деятельности МОО // Вестник. — Челябинск : ЧГАКИ, 2003. № 7. — С. 38—42

3. Пробст, Л.Э. Проблемы профессионального самоопределения молодежи в рыночных условиях: аспекты социализации и воспитания / Л.Э. Пробст, Акад. Труда и соц. отношений, Урал. соц-экон. ин-т. Акад. Труда и соц. отношений, Департамент федеральной службы занятости населения Челяб. обл. и др. — Челябинск : Изд-во Академии Труда и соц. отношений, 2001. — 43 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ВКЛЮЧЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ТРУДА В ЭКОНОМИКУ

В трансформационных условиях к важнейшим факторам актуализации проблемы включения репродуктивного труда¹ по детям-дошкольникам в реальный сектор российской экономики могут быть отнесены следующие факторы:

□ **популяционный кризис**, начавшийся в нашей стране с 1992 г.;

□ **геополитическая ситуация**, обострившаяся в связи с распадом СССР и сменой парадигм общественного развития;

□ **объективная потребность** в ресурсном обеспечении (человеческим капиталом) перехода нашей страны к инновационной экономике.

Последовательно рассмотрим каждый из этих факторов.

Популяционный кризис

В последние 14 лет естественная убыль населения России составляет в среднем ежегодно не менее 700 тыс. человек. За годы депопуляционного процесса наша страна уже потеряла «естественным» путём более восьми млн. человек и согласно некоторым прогнозам российских экспертов численность населения России к 2015 году сократится со 146 млн. человек до 130—135 млн. [1]. Естественная убыль населения все в меньшей степени компенсируется миграционным приростом, который сократился за 1995—2004 гг. в 33 раза, а доля его в замещении естественной убыли снизилась за этот период с 60 до 2 % (рассчитано по [2, 3]). Если на начало 1992 г. численность населения России составляла 148,7 млн. человек, то на конец 2004 г. только 143,5 млн. человек, а к началу 2021 г. по умеренно-оптимистическому прогнозу Института народнохозяйственного прогнозирования РАН оно уменьшится до 134,6 млн. человек (рассчитано по [1]). Официальный прогноз Госкомстата более пессимистичен: численность населения России уже к 2020 г. составит примерно 131 млн. человек [4].

В большинстве же стран мира в XXI веке продолжится популяционный рост. Поэтому из-за разнонаправленности динамики численности населе-

¹ Репродуктивный труд: 1) в широком смысле слова — деятельность, связанная с воспроизводством человеческого капитала в учреждениях социальной сферы и домохозяйствах, которая заключается во всестороннем уходе за будущей, имеющейся рабочей силой и человеческим родом в целом; 2) в узком смысле — воспроизводство будущей рабочей силы в домашнем репродуктивном секторе, складывающееся из процессов рождения, ухода, воспитания, внешкольной подготовки детей в семье, их ранней и подростковой социализации.

ния нашей и других стран Россия к 2050 г. переместится с нынешнего 6-го места в мире по численности населения на 14-е.

Плотность населения Западной Европы — 166 человек на кв. км, тогда как в России — только 8 человек на кв. км. Ещё разительнее пример США, где в 1990-е годы достигнут рекордный прирост численности населения (33 млн. человек за период, или по 3,3 млн. человек ежегодно) и прогнозируется его дальнейший рост, в результате чего плотность населения страны увеличится с 30 человек на кв. км в 2001 г. до 44 человек в 2050 г. Естественно, что в экономико-демографическом плане у нас неизмеримо больше общего с США, Канадой, Австралией, чем со странами Западной Европы и Японией (в этих последних потенциал развития и хозяйственного освоения территории практически исчерпан).

Для повышения обоснованности и эффективности мер по активизации экономико-демографической политики нужно выявить и изучить основные факторы роста населения. Анализ воспроизводственного процесса показывает разбалансированность всех четырёх более частных процессов: рождаемости, смертности, эмиграции и иммиграции. Наиболее же разбалансирован процесс рождаемости. Именно этот дисбаланс и является главной непосредственной причиной популяционного кризиса. Но где искать первопричины резких изменений в репродуктивном поведении населения в последнее десятилетие?

Актуализация проблемы включения домашнего репродуктивного труда в экономику обусловлена прежде всего ухудшением количественных и качественных параметров человеческого капитала в нашей стране, прогнозируемым длительным сохранением установившегося режима суженного воспроизводства населения.

Геополитическая ситуация

Геополитическое положение России вызывает особую озабоченность, так как оно прямо связано с обеспечением национальной безопасности -состояния защищенности жизненно важных интересов страны в экономической, политической, военной, экологической, информационной и демографической областях от реальных и потенциальных угроз. Ведь численность населения (т. е. имеющегося и будущего человеческого капитала) в странах-соседах уже сейчас более чем в 13 раз превышает численность россиян. К 2050 г. общий «демографический пресс» возрастёт до 18 раз (табл. 1).

Данные табл. 1 говорят о дисбалансе в размещении и его нарастании по всем географическим

направлениям, за исключением европейского, где население наших западных соседей уже сейчас в 13,1 раза превышает численность россиян.

Таблица 1

Демографические характеристики геополитической ситуации в мире и их изменения за 2001—2050 годы

Страны и группы стран	№ строки	Число стран	Территория, тыс. кв. км.	Население, млн. чел.			Плотность населения, чел. на кв. км.		
				2001 г.	2025 г. прогноз	2050 г. прогноз	2001 г.	2025 г.	2050 г.
Россия	01	1	17075	144,4	137	128	8,5	8	7,5
Страны-соседи РФ – всего	02	29	21872	1891,3	2187,4	2253,9	86	100	103
в том числе									
Дальневосточные	03	3	11260	1337,7	1460,1	1399,3	119	130	124
Центральноазиатские	04	7	5441	228,4	367,3	490,2	42	68	90
Ближневосточные	05	5	2595	149,8	192,3	216,9	58	74	84
Азиатские в целом	06	15	19296	1715,9	2019,7	2106,4	89	105	109
Европейские	07	14	2576	175,4	167,7	147,5	68	65	57
Отношение показателей									
стран-соседей к России – всего	09	х	1,28	13,09	15,94	17,60	10,1	12,5	13,7
в том числе:									
Дальневосточные	10	3	0,66	9,26	10,66	10,93	14	16,2	16,5
Центральноазиатские	11	7	0,32	1,58	2,68	3,83	4,9	8,5	12
Ближневосточные	12	5	0,15	1,04	1,40	1,69	6,8	9,2	11,2
Азиатские в целом	13	15	0,13	11,88	14,74	16,45	10,5	13,1	14,5
Европейские	14	14	0,15	1,21	1,22	1,15	8	8,1	7,6
Справочно: промышленно развитые не соседние с РФ страны									
	15	25	31289	917,1	990,2	1011,1	29	32	32,3
Отношение их показателей к российским	16	х	1,83	6,35	7,23	7,90	3,4	4,0	4,3

Примечания: 1. Источники исходных данных [5]. Умеренно-оптимистичный прогноз численности населения на 2025—2050 гг. выполнен Центром демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН]; 2. К дальневосточным странам-соседям РФ относятся: Китай, Монголия, Северная Корея; 3. К центральноазиатским странам-соседям РФ отнесены: Афганистан, Казахстан, Киргизия, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан; 4. К ближневосточным странам-соседям РФ отнесены: Азербайджан, Армения, Грузия, Иран, Турция; 5. К европейским странам-соседям РФ отнесены: Белоруссия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Молдавия, Норвегия, Польша, Румыния, Словакия, Украина, Финляндия, Чехия, Эстония; 6. Данные о численности населения в 2001 г. приведены по состоянию на середину года.

К 2050 г. общее превышение возрастет до 17, 6 раз (по азиатским странам-соседям — в 16,4 раза); одновременно уже к 2025 г. несколько сблизятся различия между разными группами азиатских стран-соседей и Россией по плотности населения — размах вариации здесь уменьшится с 9,1 до 7,7 раз.

Наряду с различиями в общей демографической нагрузке были также сопоставлены показатели интенсивности демографического давления на Россию с наиболее важных географических направлений (см. графы 8—10 по строкам 09—14 табл. 1).

Общая демографическая нагрузка может быть рассчитана соотношением численности населения стран-соседей и нашей страны, а интенсивность демографического давления — соотношением плотности населения на один квадратный километр стран-соседей и России. В процессе обобщения результатов анализа дисбаланса в размещении населения по региональному геополитическому пространству России были сделаны следующие представляющие важными выводы оценочного характера:

□ общая демографическая нагрузка существенно различается по разным географическим направлениям, при этом с показателем 9,3 доминирует Дальневосточное направление (хотя его доля в суммарной демографической нагрузке и понизится с 71 % в 2001 г. до 62 % в 2050 г.);

□ опережающими темпами в этот период будет нарастать демографическое давление стран-соседей России по Центральноазиатскому направлению (оно увеличится в 2,4 раза, тогда как по Дальневосточному лишь на 18 %, а по Европейскому ожидается снижение на 6 %);

□ главная причина опасного для России геополитического дисбаланса — низкая плотность заселения территории, которая в 3—4 раза меньше, чем по промышленно развитым странам, при перенаселенности стран-соседей, где средняя плотность населения ниже, чем у нас, в 10,1 раза;

□ прогнозируется, что интенсивность демографического давления стран-соседей на Россию будет и впредь постоянно возрастать почти по всем географическим направлениям (кроме Европейского направления) и может достигнуть к 2050 г. величин от 11,2 по Ближневосточному до 16,5 по Дальневосточному направлению.

Итак, пассивно-созерцательное отношение к популяционному кризису на постсоветском пространстве, главной причиной которого, по нашему мнению, является экономическая и социальная дискриминация домашнего репродуктивного труда, является неприемлемым. Необходима разработка и реализация кардинальных мер по изменению сложившейся ситуации.

Объективная потребность в ресурсном обеспечении (человеческим и интеллектуальным капиталом) перехода России к инновационной экономике

Мерилом состоятельности и благополучия каждой нации в настоящее время становятся уровень ее интеллектуального и духовного развития, а его носителем — яркая творческая личность. Развитые страны, опираясь на научно-технические достижения, собственные и мигрировавшие к ним кадры ученых и специалистов, удерживают интеллектуальную ренту, последовательно наращивая свои конкурентные преимущества. Продолжает сохраняться расслоение мировой экономики на доминирующее ядро и зависимую периферию, в состав которой де-факто входит и Россия. В ВВП развитых стран интеллектуально-информационные ресурсы как сумма элементов иерархически-сетевой структуры достигают 35—45 % и продолжают расти.

Наша же страна, все еще обладая немалыми человеческими активами (в целом образованным населением, опытными рабочими кадрами, знающими специалистами, творчески мыслящими учеными) достигает экономического благополучия —

довольно относительного — преимущественно за счет экспорта сырья, полуфабрикатов и энергоносителей. Человеческие активы в должной мере не трансформируются в интеллектуальные активы, структурные активы и брэнд-активы. Интеллектуальный отечественный капитал используется явно неэффективно, что характерно для традиционной экономики, а не для формирующейся в промышленно развитых и новых индустриальных странах экономики с доминирующей интеллектуальной составляющей.

Переход от инновационно-пассивной к инновационно-активной стратегии для нашей страны весьма актуален, так как за 1990—2001 гг. уровень инновационной активности российских предприятий (измеряемый по доле предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, в их общем количестве) упал с 68 % в 1990 г. до 10,6 % в 2001 г. [6]. Между тем уровень инновационной активности в промышленности США, Германии, Японии, Франции составляет 70—82 %, что обеспечивает вышеперечисленным странам прочные конкурентные позиции на мировом рынке.

На первый взгляд, успешный переход России к инновационной экономике может быть обеспечен при стабильной и даже уменьшающейся численности ее населения. Однако это не так по крайней мере по двум причинам. Во-первых, охарактеризованная выше крайне низкая степень заселенности и хозяйственного освоения восточных и северо-восточных территорий требует, кроме огромных инвестиционных и материально-технических ресурсов, притока десятков миллионов новых рабочих рук, которые могут появиться здесь только при условии быстрого роста общей численности населения страны.

Во-вторых, уникальность демографической ситуации в России состоит в том, что наряду с депопуляционными процессами (падением численности населения) происходит ухудшение его качественных характеристик — физического, психического и социального здоровья, образовательно-профессионального потенциала, нравственных и духовных качеств [7, 8, 9, 10]. При таком состоянии человеческого капитала и тенденциях его изменения переход к инновационной экономике становится крайне затруднительным.

Таким образом, актуализация проблемы включения репродуктивного труда по детям-дошкольникам в реальный сектор национальной экономики обусловлена как популяционным кризисом и геополитической ситуацией, так и потребностями развития инновационной экономики. По выражению А. Илларионова, Россия уже бездарно потеряла XX век и «чтобы не потерять и век грядущий, экономисты и государственные деятели должны извлечь необходимые уроки из весьма поучительного опыта прошедших десятилетий и внести соответствующие коррективы в экономическую политику» [11].

Включение затрат на выполнение репродуктивной функции женщин в экономическое производство является эффективным средством перехода к устойчивому режиму расширенного воспроизводства человеческого капитала в количественно-качественном аспекте как необходимого условия преодоления популяционного кризиса, улучшения геополитического положения страны и ускорения ее перехода на инновационный путь развития. При этом следует выделить ряд проблем, ключевых для успешного осуществления предлагаемых стратегических решений.

Во-первых, *проблему профессионализации домашнего репродуктивного труда*. В профессиональных лицеях, колледжах и университетах целесообразно организовать широкомасштабную подготовку будущих «репродуктивных работников». При этом под репродуктивными работниками здесь следует понимать лиц, которые профессионально подготовлены для выполнения функций по уходу, воспитанию, обучению, ранней социализации своих и приемных детей, — лиц, для которых этот вид деятельности в домашнем репродуктивном секторе и небольших домашних детских домах будет основным.

Подобное образование бесценно как для «наемных» репродуктивных работников (трудящихся в семьях с высокими доходами), так и для социально ответственных родителей в семьях с более скромным достатком, желающих самим обеспечить должное качество воспитания и домашнего обучения своим детям. Обществу сейчас уже явно опрощено уповать (как это было в прошлом) на «естественные природные инстинкты» любящих родителей и опыт старшего поколения. Там, где остро требуются специальные знания по детской педагогике, психологии, педиатрии и т. д., отсутствует альтернатива системному профессиональному образованию.

Во-вторых, *проблему институализации домашнего репродуктивного сектора*. Наряду с семьей этот сектор представляет собой относительно автономный социальный институт. Отпочкование домашнего репродуктивного сектора от семьи уже в какой-то мере происходит — молодые семьи все чаще носят конъюгальный характер, т. е. основаны на эротической близости и вообще не преследуют цели рождения детей. Как и во всяком другом социальном институте, базис домашнего репродуктивного сектора образует совокупность формальных, а также неформальных правил, норм, предписаний и требований. Все они связаны с определенной организационно-правовой культурой (пока еще достаточно низкой), с созданием и использованием которой высокоразвитое общество призвано эффективно контролировать и регулировать деятельность людей в одной из наиболее важных сфер общественной жизни — сфере воспроизводства будущего человеческого капитала.

В-третьих, *проблему научного и информацион-*

но-методического обеспечения домашнего репродуктивного труда — вида деятельности, подлежащего решительной модернизации. Это обеспечение должно полностью соответствовать условиям кардинального изменения отношения общества к человеческой репродукции. Необходимо создание таких научных и учебных дисциплин, потребность в которых назрела, как «Экономика репродуктивного труда», «Управление репродукционным процессом», «Учет в домашнем репродуктивном секторе», «Воспроизводство человеческого капитала: содержание, типы, условия, методы регулирования» и др.

В-четвертых, *проблему осуществления кардинальных перемен в общественном сознании — адекватном отражении в нем подлинной ценности домашнего репродуктивного труда*. Создание цивилизованных условий для успешного выполнения родителями репродуктивной функции необходимо рассматривать как сугубо равноправную с другими (и, безусловно, приоритетную для общества) гендерную функцию, а не сводить гендерные исследования лишь к поиску путей обеспечения равноправия женщин и мужчин на рынке труда, в сфере занятости, образовании и в карьерном росте.

Собственно нерешенность последней из вышеперечисленных проблем и является главной причиной, препятствующей нормальной репродукции. При ее наличии никакие «стратегии», «концепции», «программы», «альтернативные варианты» развития демографической ситуации в нашей стране и дальнейшего приумножения ее человеческого капитала не могут быть реализованы.

Литература

1. Демография России. <http://anthropos.narod.Ri/demography.html>.
2. Российское образование к 2001 году. Аналитический обзор. <http://www.ed.gov.ru/obzor.html#tl7>.
3. Россия в цифрах. 2004: Крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. — М., 2004. — 431 с.
4. Черняк А. Дефицит детей и мужчин / Время новостей. № 54. 28 марта 2002 г.
5. Основные демографические показатели по всем странам мира // Демоскоп Weekly. № 183—184. 20 декабря 2004 — 9 января 2005. <http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2002-0.php>.
6. Кузубов С.А. Совершенствование системы управления интеллектуальными активами промышленного предприятия. Автореферат на ...канд.экон. наук. — Екатеринбург. 2002. — С. 19—20.
7. Бестужев-Лада И.В. Депопуляция: социальные проблемы. // Демографические процессы и семейная политика. — М., 1999.
8. Бреева Е.Б. Положение отдельных социально-демографических групп населения. Деадаптация подростков. В кн. Россия — 2000. — М.: Изд-во ИСЭПН, 2000. — 352 с.

9. Леонидова Г.В. Здоровье населения — важнейшая составляющая трудового потенциала региона // Народонаселение, 2000, № 4. — С. 139—141.

10. Римашевская Н.М. Российский генофонд: качество будущих поколений // Народонаселение, 2000, № 4. — С. 97—101.

11. Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики, 2000, №1. — С. 4—26.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИАСПЕКТНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕХА

В современной российской ситуации относительной стабильности, фиксируемой в большинстве сфер жизнедеятельности отечественного социума, активизируется интерес социологов и других исследователей, прежде всего гуманитариев, к различным ее проявлениям, находящим выражение в феноменах социокультурного характера. Среди таковых можно назвать и *успех*, все чаще становящийся предметом особого исследовательского внимания серьезных ученых [1, 2], а не только авторов бесчисленных популярных психологических пособий, заполняющих полки книжных магазинов. Однако явная недостаточность данных работ вызывает необходимость обращения к изучению феномена успеха с точки зрения реализации различных исследовательских теоретико-методологических и инструментальных стратегий, проходящих буквально по границе различных областей гуманитарного знания (социологии, психологии, культурологии, философии, прежде всего). Вследствие этого, нам хотелось бы в своей статье поговорить не столько о самом успехе, сколько о различных социокультурных аспектах, его обуславливающих и потенциально присутствующих в таком виде человеческой деятельности, как предпринимательство.

Определяя предпринимательство как вид человеческой активности, профессионально реализующийся в сфере экономической деятельности, имеющий своей целью капитализацию дохода или получение прибыли, необходимым условием достижения которой является реализация внутренних, смыслотворческих сил человека, и формирующий определенный тип или модель человеческой личности и культуры, мы, в первую очередь, делаем акцент на смыслокультурной составляющей данного феномена.

Человеческая деятельность, рассматриваемая через призму философского знания (точнее, генетического подхода) включает в себя две составляющие: биологическую жизнедеятельность, удовлетворяющую биологические потребности первичного уровня, и социокультурную, специфически человеческую, базирующуюся на новых, сверхбиологических потребностях, формирующихся в процессе филосоциогенеза. Таким образом, определяя предпринимательство как вид человеческой деятельности, можно принять ее трактовку как: «исторического явления, возникающего, изменяющегося и совершенствующегося вместе с развитием социальных отношений, которые она обслуживает и постоянно изменяет», представленную через активность субъекта, направленную на объект или другого субъекта; главной функцией которой яв-

ляется обеспечение сохранения и непрерывного развития человеческого общества, создание и совершенствование реальной (культурной) среды существования человека и его самого [3]. Следуя и далее за М.С. Каганом, можно выстроить следующую структуру предпринимательской деятельности:

1. *Субъект* — предприниматель, преимущественно реализующий свою активность в системе хозяйствования, обладающий рядом специфических, востребованных и формирующихся в ходе осуществления предпринимательской деятельности, уникальных социально-психологических и профессиональных способностей, знаний и навыков, стремящийся достичь наиболее эффективного их симбиоза с рыночной ситуацией и тем самым обеспечить первенство в конкуренции и больший доход. Кроме того, являющийся носителем таких исторически-обусловленных качеств, как социальная и политическая активность, умеренность, «динамичность, мобильность, многоплановость» [4, с. 14], высокая степень толерантности, сформировавшихся в условиях возрожденческой культуры Западной Европы и заложивших основания специфической системы личностных смыслов, ключевым понятием которой выступает феномен успеха (там же). Имманентно присущие представителям предпринимательской страты личностно-психологические черты, такие как рациональность, стремление к риску, свобода и ответственность, актуализировались и реализовывались в соответствующем типе культуры. Деятельность предпринимателя, как правило, отличается высокой «энергоемкостью» и психофизиологической напряженностью» (там же). Следует также отметить, что данный субъект представлен скорее индивидуальным порядком, нежели групповым. Это положение рождается из самой природы предпринимательства, которая может предполагать объединение субъектов данной деятельности в группы, основанные на сотрудничестве и преследовании общих интересов (например, обретение властных полномочий), однако в основе ее лежит все же конкурентная борьба, поэтому данные формы являются недолговечными и нестабильными по своему составу. Тем не менее, на данном этапе развития общества, можно говорить о том, что предпринимательство представлено отдельной, вполне самостоятельной, жизнеспособной и социально-значимой стратой.

2. *Объект* — экономическая составляющая жизни общества, т. е. система хозяйства. Функция предпринимательства направлена на владение капита-

лом, соединение и комбинирование факторов производства, ориентацию на извлечение прибыли и капитализацию доходов, использование рыночных и других возможностей, самостоятельность, принятие риска, инициативность и творчество, способность преодолевать сопротивление среды, особое управление производством и другое. Таким образом, первичным объектом преобразования выступает общество и все его подразделения, вовлеченные в хозяйственную деятельность, образующие социально-экономический институт рыночной экономики. И смысл предпринимательской деятельности заключен скорее не в самом производстве, а в комбинировании факторов и моделировании ситуаций и условий накопления капитала и реализации управленческой функции. Сам человек не представляется основным объектом, на который оказывается воздействие, хотя его изменение не столько возможно, сколько неизбежно в ходе осуществления по отношению к нему предпринимательской функции: трансформируются мировоззрение и мировосприятие, образ жизни, способ мышления, принципы организации жизнедеятельности и т. д. (В этом и состоит уникальность предпринимательства как социокультурного феномена, точнее, его культурный смысл). Естественно, что в ходе данной деятельности изменяется и сам активно действующий хозяйствующий субъект — предприниматель. Совершенствуются его специфические личностные образования, формируются определенные культурные модели, программы поведения и непосредственно предпринимательской деятельности, повышается уровень требований профессионального и личностного плана к составляющим информационной, интеллектуальной, творческой активности.

3. Третья структурная компонента деятельности представлена категорией *активности* субъекта как таковой. Каган [3, с. 47] представляет ее как способ овладения объектом или коммуникативное взаимодействие. В данном случае, говоря о предпринимательской деятельности, достаточно сложно отделить одно от другого, хотя, на наш взгляд, можно расставить приоритеты, которые выражаются в определении первичных смыслов предпринимательства, возникшего из необходимости не столько производства нового, сколько коммерческой деятельности, связанной с распространением, обменом и т. п. ранее произведенного продукта. Преимущественно, данная деятельность изначально (если иметь в виду Зомбаровского предпринимателя) носила в большей степени коммуникативный характер, однако она предполагала в дальнейшем овладение новыми природными объектами (металлами, химическими веществами, новыми видами энергии) и внедрение новых форм производства (появление мануфактурного и промышленного производства, информационных технологий) без которых было бы невозможно дальнейшее развитие самого феномена предпри-

нимательства. Таким образом, можно констатировать, что характер предпринимательской активности предполагает реализацию обеих составляющих: и коммуникативности, и направленности на овладение объектом, в чем и заключается его своего рода уникальность, позволяющая говорить об его особой роли в развитии человеческой культуры. (Многие виды деятельности, тем не менее, предполагают четкую ориентацию либо на овладение объектом (промышленно-производственная деятельность) и при этом коммуникация лишь сопровождает основную линию активности, либо на рассмотрение коммуникации как основополагающей цели деятельности (педагогика, например)).

Подводя итоги структурного анализа, останавливаемся на фиксации наличия в структуре предпринимательской деятельности предпринимателя — в качестве субъекта, социальной и природной систем — в качестве основных объектов, и самого человека и культуры — как дополнительных, и такие качественные характеристики самой активности как коммуникативность и преобразование.

Если активность субъектов предпринимательской деятельности рассматривать с точки зрения морфологического критерия, то необходимо выяснить, каким образом предпринимательство соотносится с основными представленными типами деятельности [3] в целом.

Так, вслед за М.С. Каганом, выделяем три основных типа деятельности в зависимости от средств: материально-практическую, или преобразовательную, практически духовную и отраженно-духовную, естественно имея в виду то, что дифференциация эта весьма условна и по большей части умозрительна, поскольку сложно в реальной жизни социального организма провести четкие границы между различными видами и компонентами человеческой деятельности.

Тем не менее, в системе деятельности *преобразовательного* характера предпринимательство скорее связано с преобразованием общества и его социальных институтов, преимущественно экономических (не исключая природно-вещественную среду и самого человека как потребителя и производителя). Это касается рынков, систем производства и потребления, регулирования финансовых потоков. Преобразование природных объектов — лишь путь к осуществлению данных изменений, но не цель предпринимателя, личность которого также подвергается изменению вследствие выработки востребованных данной активностью качеств: рационализма и разумного взвешенного стремления к риску, автономности и самостоятельности принимаемых решений, анализу и способности к прогнозированию будущего, коммуникабельности, толерантности как основы эффективного взаимодействия. Предпринимательская деятельность невозможна без присутствия в ней как реальных (практических) преоб-

разований объекта (например, изменение правил игры на финансовой бирже как предпринимательской инициативы), так и проектирующей и моделирующей составляющей, которая может проявиться в поиске новых концепций создания, продажи и продвижения на рынке новых товаров и услуг.

Кроме того, предпринимательская активность предполагает ориентацию на потребление, прежде всего. Сегодня, когда нет проблем с производством уже существующих продуктов, более актуальными становятся проблемы их сбыта, то есть формирования спроса на разного рода промышленную и информационную продукцию. Смысл предпринимательства — инициирование потребления. В современном постиндустриальном обществе невозможно наращивание капитала без реализации потребительской активности. Весьма сложно осуществить накопление капитала в обществе «потребления» без потребления. Вся логика современного социокультурного процесса сосредоточена на осуществлении данной функции. Однако потребление невозможно без производства, главная цель которого, опять же, стимулирование потребления, поглощения, уничтожения... В обществе «глобального риска» и тот и другой процессы как одинаково опасны и сложны для предпринимательства, так и необходимы.

Другой вопрос в том, что на данный момент самым дорогим товаром на рынке становится информация. Что происходит в процессе ее производства и потребления, учитывая ее способность не уничтожаться, а наращивать объем в процессе функционирования и потребления? Кроме того, весьма специфична и сама природа данного товара, производителем которого являются вовсе не предприниматели в классическом смысле этого слова, а «профессионалы от информации»: журналисты, специалисты по связям с общественностью. Это те вопросы, на которые предстоит еще длительное время искать удовлетворительные ответы.

Что касается соотношения элементов творчества и репродуктивных, механических составляющих, то вполне очевидно, что в данном аспекте рассмотрения культурная (то есть смысловая) основа предпринимательства — креативность, новизна. Она имманентно и перманентно присутствует в предпринимательской деятельности. Репродуктивность, механистичность возможны лишь на промежуточных этапах, цель которых — обеспечить достижение новых целей, нахождение новых схем и концепций экономического развития. Процесс производства, как, впрочем, и потребления, становится все более вариативным: новые формы использования давно известных природных материалов, видов энергии, традиционных предметов и форм взаимодействия (например, энергии лазера, атомной энергии, экотехнологии переработки вторичного сырья и т. д.).

В системе координат деятельности *познавательного* характера можно с уверенностью констатировать, что предпринимательство порождает новые практические и теоретические знания, необходимые и востребованные в рамках самой предпринимательской активности. Они базируются на изучении рынков (как финансовых, так и сырьевых), характеристик потенциальной рабочей силы и ее резервов, масштабов развития производства и его перспектив и т. д. Наиболее смыслообразующими научными направлениями можно считать такие, как менеджмент и маркетинг, логистику и коучинг, финансы и коммерцию, инициированные предпринимательством и удовлетворяющие, прежде всего, его запросы.

Ценностно-ориентационные компоненты рассматриваемой деятельности представлены актуализацией таких мотивов, как стремление к достижениям, ориентация на успех, творческая активность и самореализация как главные ценности, создаваемые и представляемые в соответствующей эстетике труда и быта предпринимателей. Причем успеха, выражающегося в первую очередь, в достижении очень высокого положения как в материальном, так и в социальном отношении (богатство, престижная собственность, власть, победа над врагами, высокая должность); благополучии в ближнем круге (семья, дети, надежные друзья); высокой личной самооценке (честно прожитая жизнь) и уважении окружающих; независимости от окружающего мира (быть самому себе хозяином) [1].

Что касается *коммуникативной* деятельности, то ее мы касались выше, но все же стоит сказать, что коммуникативные навыки совершенно необходимы предпринимателям для успешной реализации в пространстве профессиональной деятельности, т.к. важность установления и поддержания социальных связей, представленных индивидуальными и коллективными социальными сетями, сегодня не вызывает сомнений. Категория общения также принципиально значима для личности предпринимателя, т.к. именно поиск и достижение духовной общности, к которой стремится человек, вступая в общение с себе подобными, — практически единственный способ избежать или нивелировать последствия депрессий, стрессов и конфликтов.

Предметом особого рассмотрения может выступать взаимовлияние предпринимательской и *художественно-творческой* деятельности. Достаточно вспомнить, что представители предпринимательской страты весьма часто выступали заказчиками и служили прототипами героев различных художественных произведений живописного, литературного, драматургического и т. д. характера, оказывали меценатскую и благотворительную помощь деятелям культуры и искусства. История знает множество таких примеров. Открытым остается вопрос о современных формах и эффектах такого взаимовлия-

ния, его доминантах и художественных и личностных результатах.

Таким образом, подводя итоги, можно говорить о возможности продуктивного рассмотрения предпринимательства через призму категорий системного анализа деятельности, базирующейся, прежде всего, на философской методологии. Нам также видится необходимым применение системного анализа при рассмотрении предпринимательства в системе категорий культуры, что позволит раскрыть иные смысловые грани данного феномена. Однако это не только не исключает вероятность применения других подходов, скорее дополняющих друг друга, но и подтверждает их необходимость. К примеру, неинституциональный, теория социального поля и фрейма в социологии, концепции персонализации и самоактуализации в психологии, методологии сущностных сил и смыслов в культурологии, семиотический подход как самодостаточный и весьма перспективный.

Кроме того, существенным выводом является тот, что достижение успеха в любом виде человеческой

деятельности невозможно без изучения его смысловых оснований, заложенных в том или ином ее виде, реальное проявление которых в социуме изучать возможно, на наш взгляд, лишь посредством методов социологической науки, разумно и творчески сочетая при этом технологии количественного и качественного анализа социокультурных феноменов.

Литература

1. Петухов, В. Новые активные русские: жизненные приоритеты, социальная мобильность, понимание успеха // Advertology.ru от 11.12.2003.
2. Галюк, А.Д. Особенности представлений молодежи о жизненном успехе в современной России. Автореф. дисс. канд. социол. наук. — Екатеринбург, 2004. — 153 с.
3. Каган, М.С. Человеческая деятельность. — М. : Политиздат, 1974. — 328 с.
4. Завьялова, Е.К., Посохова, С.Т. Психология предпринимательства. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — 296 с.

РЕНЕССАНС ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И КОРПОРАТИВНАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Анализ научных публикаций, выступлений государственных деятелей, касающихся развития атомной энергетики, в настоящее время показывает, что атомная энергетика переживает ренессанс. В 2005 г. сразу два правительства стран «большой семерки» поддержали идею усилить роль атомной энергетики в ТЭК своих стран. В апреле 2005 г. американский президент Дж. Буш выступил за пересмотр долгосрочной энергетической стратегии США. По мнению американской администрации, развитие атомной энергетики является единственной реальной альтернативой зависимости экономики США от масштабного наращивания импорта нефти и газа. Ставка Вашингтона на АЭС позволит увеличить долю ядерной энергетики в выработке электроэнергии в США с 20 % в 2003 г. до 30—35 % в 2020 г.

После переизбрания в мае 2005 г. на очередной пятилетний срок к теме развития атомной энергетики обратилось и правительство Великобритании. Новый министр энергетики А. Джонсон заявил, что его ведомство рассматривает варианты возобновления ядерной программы и строительства новых АЭС. Из 12 действующих атомных реакторов в Британии шесть должны отслужить свой срок к 2010 г. В начале следующего десятилетия Британия столкнется с резким сокращением добычи нефти и газа в своем секторе Северного моря (его ресурсы близки к исчерпанию). Поэтому власти страны рассматривают возвращение к программе развития АЭС как единственную альтернативу нефтегазовой и угольной энергетике (Кокшаров А. День атомного сурка. — Эксперт; 13.06.2005; 22 (469)).

В России, как отмечает глава Агентства по атомной энергии, в ближайшие годы доля атомной энергии в электроэнергетике страны должна подняться с 16 до 25 %. Для этого необходимо ввести в эксплуатацию ряд энергоблоков, в первую очередь тех, что имеют высокую степень готовности: на Ростовской, Калининградской, Курской АЭС (Дьякова И. Энергия России. Не забывая о Чернобыле. Атомная энергетика — на новом этапе. — Труд, 17 января, 2003).

В ряде регионов России общественность выступает за строительство атомных станций. Например, в Башкирии несколько лет назад противились строительству АЭС. Тогда президент России, Госдума поддержали население и запретили стройку. В 2003 г. президент Башкирии М. Рахимов обратился с просьбой профинансировать строительство Башкирской АЭС на 2003 г. Этой республике, где сосредоточен мощный производственный потенциал, необходимы надежные энергоисточники. В марте 2005 г. на заседании Кабинета министров Татарстана, где

обсуждался проект программы развития топливно-энергетического комплекса до 2020 г., вице-премьер А. Пахомов заявил о возможности возобновления строительства Татарской АЭС, строительство которой было заморожено в 1989 г. (Татарстан остался открытым мирному атому. — Вести Отечества (Альянс Медиа); 16.03.2005).

Таким образом, анализ рассмотренных тенденций в области ядерной энергетики в ведущих странах мира позволяет сказать, что наступает эпоха ядерного ренессанса. Прогнозируемые многими мировыми организациями и аналитиками рост населения планеты и укрепление устойчивого экономического развития потребуют уже к 2020 г. увеличения в 2 раза мирового энергообеспечения по сравнению с сегодняшним уровнем, а к 2050 г. эти потребности возрастут в 3 раза. В условиях истощения традиционных органических энергоресурсов, остро стоящих экологических проблем позиции ядерной энергетики укрепляются после наблюдавшегося в 90-е годы прошлого столетия застоя в ее развитии. Общественное мнение начало меняться в сторону поддержки атомной энергетики. Это означает, что потребуются строительство нескольких сотен ядерных реакторов и соответствующего наращивания производства ядерного топлива, подготовки значительного числа новых кадров для атомной отрасли.

В тоже время анализ документов МАГАТЭ, материалов Агентства по ядерной энергетике стран ОЭСР (IAEA Bulletin, vol. 43, № 1, 2001), позволяет выявить проблемы, противоречия, неопределенность в отношении подготовки кадров для атомной отрасли. Во многих странах мира, в том числе и в России, наблюдается старение трудовых ресурсов и сокращение числа молодых специалистов в ядерной области, снижение возможностей получения высшего образования в сфере ядерной техники в связи с закрытием ядерно-технических факультетов и исследовательских реакторов во многих университетах.

Тенденции в сфере ядерного образования и обучения в разных странах различны и непосредственно зависят от общей ситуации в системах образования в областях науки и техники. Восприятие мировым сообществом ядерных технологий, особенно после чернобыльской аварии, создало неблагоприятный фон, оказывающий влияние на тенденции в области образования. В ряде стран ядерно-технические факультеты, как таковые, в большинстве крупнейших университетов сменились факультетами с новыми названиями, в которых на первое место

поставлены энергетика, естественные науки или изучение систем, а ядерный компонент был помещен в рамки этих учебных планов. В результате возросло число студентов-выпускников по различным специальностям и в более широких областях исследований. Реструктуризация ядерной промышленности и широкое разнообразие возможностей получения работы в других отраслях серьезно усугубили проблемы, связанные с привлечением лучших студентов для работы в ядерной сфере. Среди молодого поколения зачастую распространено мнение о том, что в ядерной промышленности отсутствуют перспективы для успешной карьеры в будущем. Молодежь России не видит смысла связывать свою судьбу с отраслью без будущего или с будущим в виде утилизации отходов и снятия с эксплуатации устаревших установок. Конечно, освобождение от службы в армии — весомый аргумент, но для отрасли он не столь эффективен. В итоге примерно 20 % выпускников работают по специальности в ядерной отрасли. Если добавить сюда низкий уровень знаний студентов, «нищенскую» зарплату преподавателей, падение уровня профессиональных знаний и компетентности, отмечает В. М. Мурогов, директор Департамента ядерной энергии и заместитель Генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене (1996—2003 гг.) д. т. н, профессор Государственного технического университета атомной энергетики в г. Обнинске, — становится ясным: необходимы радикальные перемены в системе и уровне ядерного образования в России для возрождения ядерной мощи и экономики нашей страны (Морогов В. Россия «обречена» на развитие ядерной энергетики. — Ядерный контроль. № 3 (77), том 11, 2005, с. 21—22, 25).

Как показывает мировой опыт, успешное социально-экономическое развитие страны связано с быстрой сменой производственных технологий, постоянной модификацией средств производства, глобализацией информационных, финансовых и товарных потоков. Это приводит к существенной трансформации рынка трудовых ресурсов. Возрастание роли интеллектуального капитала в современных корпорациях приводит к необходимости превращения их в постоянно «обучаемую организацию». Процесс обучения реализуется в нетрадиционной форме — в форме корпоративного университета (КУ). В мире их насчитывается уже более 1000. Крупнейшим корпоративным университетом считается подразделение IBM Global Learning.

Бюджеты некоторых КУ измеряются сотнями миллионов долларов (около 5 % доходов корпорации). Многие КУ имеют глобальную образовательную систему с филиалами во многих странах мира. Более 90 % учебных программ строится с использованием Web-технологий, а также направленного на рабочее место телевизионного вещания. Зачисление студента, его обучение, общение с преподавателями или студентов между собой, сдача экзаме-

нов осуществляются с широким использованием Интернет. Вся система образования в корпорациях рассчитана на сильную мотивацию учащихся к повышению своего образовательного и профессионального уровня. Различают три уровня КУ.

1. Обучение профессионалов для своих корпораций.

2. Обучение сотрудников новым путям ведения бизнеса, необходимым при смене деятельности.

3. Использование КУ в качестве стратегического инструмента для управления и реформирования корпораций.

Как правило, корпорации начинают с первого уровня, постепенно поднимаясь до третьего. Можно резюмировать, что управление развитием сложных технико-экономических комплексов (корпораций, отраслей) становится функцией «педагогической». Основной задачей корпоративного университета является создание единого образовательного пространства для непрерывной подготовки и переподготовки кадров отрасли, способных к быстрой смене технологий, призванных значительно повысить конкурентоспособность отрасли. Можно сказать, что КУ формирует инфраструктуру инвестиций в человеческий капитал, используя новейшие информационные технологии и создавая такое образовательное пространство, для которого характерны непрерывность, гибкость, модульность, универсальность и широта спектра специализаций, доступность для работников отрасли (См.: В. В. Харитонов, Б. М. Кербель, А. Н. Жиганов, А. И. Гусева, И. Г. Попова, А. А. Филипас. Корпоративный ядерный университет: предпосылки, концепция, структура. Северск — Москва, 2004).

Одним из известных в России примеров корпоративного университета можно считать РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина. В 2005 г. это учебное заведение отметило 75-летний юбилей. Сегодня в списке попечителей вуза числятся все крупнейшие компании, работающие в нефтегазовом секторе, — от «Газпрома» и «Транснефти» до ТНК и «ЛУКОЙЛа». Именно эти компании направляют своих работников на обучение в профильном РГУ. Кроме того, многие лекции читают непосредственно специалисты нефтегазовых корпораций, организуется производственная практика, а для выпускников проводятся ежегодные ярмарки вакансий.

Система подготовки кадров досталась нефтяникам и газовикам в наследство от Советского Союза. В других отраслях положение профильных вузов в последние 10—15 лет было не столь благополучным, как в экспортоориентированном ТЭКе. Помимо нефтяников и газовщиков сохранилась структура отраслевого обучения фактически только в РАО «ЕЭС», Минтранс, Росатоме.

В последние годы по образу и подобию традиционных отраслевых учебных заведений начинают создаваться и новые корпоративные университеты.

Один из наиболее успешных проектов — корпоративный университет компании «Северсталь», получивший официальную регистрацию в августе 2001 года. Как отмечает его директор Дмитрий Афанасьев, создание этого учебного заведения должно «способствовать тому, чтобы между объединенными волей акционеров предприятиями холдинга возникли общий взгляд на управление, единый язык, нормы, правила ведения дел. Также корпоративный университет помогает в выработке общих подходов к решению принципиально новых проблем, общих стандартов управления в группе и таким образом — общей культуры» (Финансовые Известия, 27 сентября, 2004).

В России с 2002 г. в соответствии с соглашением Минатома и Минобразования России начал осуществляться совместный проект по созданию корпоративного университета атомной отрасли. Данный проект первоначально разрабатывался учеными ведущих вузов атомной отрасли — МИФИ, Северским государственным технологическим институтом, Саровским физико-техническим институтом. В настоящее время предполагается практическое участие всех высших учебных заведений отрасли в этом проекте.

02 февраля 2006 года 20 организаций подписали соглашение о создании образовательного Консорциума «Российский ядерный инновационный университет». Консорциум создан с целью формирования современной эффективной корпоративной системы подготовки квалифицированных кадров для выполнения задач Росатома, а также создания эффективной инновационной системы атомной отрасли и реализации инновационных проектов на основе интеграции научного, образовательного и инновационного потенциала организаций — членов Консорциума.

Консорциум является фактически научным, образовательным и инновационным кластером ядерной отрасли. Программы и проекты, которые будет реализовывать Консорциум, ориентированы на развитие связей между организациями, повышение интеграции, концентрации ресурсов, реализации совместной инфраструктуры и т. д.

К первоочередным задачам Российского ядерного инновационного университета относятся следующие:

1. Создание комплекса учебных дисциплин для поддержки крупных технико-экономических и социальных программ отрасли. Повышение корпоративной образовательной, технологической и управленческой культуры. Изучение механизмов развития сложных комплексов технологий (индустриальных, социальных и др).

2. Создание организационных и инструментальных средств для массовых технологий подготовки высококвалифицированных кадров разного уровня (школа, ПТУ, техникум, вуз, аспирантура и докторантура).

3. Оптимизация ресурсов для обеспечения учебных, научных и инновационных процессов в отрасли.

4. Развитие инновационной деятельности вузов в ЗАТО для решения социально-экономических задач региона и обеспечения занятости специалистов, высвобождаемых в связи с сокращением оборонного заказа.

5. Организация на базе отраслевых образовательных консорциумов (вузы + ИПК) переподготовки кадров по перспективным направлениям:

- инновационный менеджмент,
- CALS-технологии,
- информационные технологии бизнес-моделирования,
- технологии обращения с отработанным топливом и РАО, их утилизация и захоронение,
- радиационный мониторинг,
- PR-технологии в работе с общественностью.

6. Развитие международных связей в области ядерного образования.

Таким образом, создание Российского ядерного инновационного университета является новой формой управления непрерывным ядерным образованием в отрасли.

В России в семи вузах Закрытых Территориальных Образований России (ЗАТО), готовящих кадры для десяти атомных городов, обучается в настоящее время свыше 7000 студентов по 32 специальностям. Один из таких вузов, входящий в Консорциум «Российский ядерный инновационный университет», — Новоуральский государственный технологический институт (НГТИ), который наряду с Уральским государственным техническим университетом (УГТУ-УПИ) готовит специалистов для Уральского электрохимического комбината (УЭХК). На инженерные должности ежегодно приходят до 30-ти выпускников этих вузов. Дипломную практику в подразделениях УЭХК проходят 100—120 человек. В государственной аттестационной комиссии физтеха УПИ, которая работает непосредственно на комбинате, ежегодно защищается до 10 дипломных проектов. Специалисты комбината активно работают на всех выпускающих кафедрах НГТИ и как руководители дипломных проектов, и как члены ГАК.

Деятельность высших учебных заведений приносит свой положительный результат базовому предприятию — пополнение квалификационного персонала. Но это не значит, что проблем в этом плане нет. Во-первых, потребности комбината в специалистах часто не совпадают с наличием персонала соответствующей квалификации. На УЭХК 5 тыс. должностей, требующих высшего образования, и 6 тыс. человек, имеющих высшее или незаконченное высшее образование. Однако найти подходящего специалиста сразу удается не всегда. Социологический анализ показывает, что среди потенциальных кандидатов (788 человек с высшим образованием

трудятся на рабочих местах): 368 человек (47 %) составляют работники в возрасте старше 40 лет или те, кто получил высшее образование 10 лет назад. За прошедшие годы они либо сами не захотели изменить свое профессиональное положение, либо это не получилось. Но результат один: полученные ими знания уже забылись, устарели и не могут быть основанием для замещения инженерной должности. Но они могут быть очень полезны на таких рабочих местах, как электромонтеры, слесари КИПиА, ремонтники, наладчики, бригадиры, особенно, когда работа требует высоких квалификационных разрядов (7—8 разряды).

171 человек (22 %) — это люди, имеющие гуманитарное или экономическое образование. (Среди тех, кто в настоящее время учится без отрыва от производства, численность получающих гуманитарную или экономическую специальность — 45 %). Их трудоустройство на предприятии, где подавляющее число должностей специалистов и руководителей требуют технического образования, очень сложно. Это вызывает негативные последствия: люди учатся, повышают уровень образования, но, добившись диплома ценой больших физических усилий (совмещая учебу с работой) и немалых денежных затрат (это образование в основном плат-

ное), бывают разочарованными, обманутыми в своих ожиданиях, т. к. их возросший личностный и квалификационный потенциал оказывается не востребованным.

98 человек (12,5 %) — это женщины, трудоустройство которых на комбинате тоже затруднено. Таким образом, из 788 человек, имеющих высшее образование, но занятых на рабочих местах, реально по специальности могут быть трудоустроены примерно 150 человек. Это в 5 раз меньше, чем начальная цифра. Следовательно, внутренние ресурсы для комплектования ряда вакансий ограничены.

Во-вторых, 70 % из этих 150 специалистов, работающих на рабочих местах, — выпускники НГТИ по трем кафедрам. Но в перечне инженерных должностей, существующих на комбинате, 105 наименований. Очевидно, что укомплектовать их выпускниками 3-х кафедр трудно. Поэтому обойтись без приема молодых специалистов «со стороны» пока невозможно.

Таким образом, новые формы управления непрерывным ядерным образованием в отрасли, тесные связи технических вузов с базовыми предприятиями способствуют более качественной подготовке кадров для отечественной атомной промышленности.

К ВОПРОСУ О ТИПЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ СОЦИУМОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Промышленное предприятие представляет собой системно-структурированный конструкт, соединяющий в себе производственно-технологический, экономический и социальный элементы, находящиеся в сложном, временами в противоречивом единстве, обеспечивающем возможность реализации как основной цели-задачи, так и частных задач, имеющих отношение к указанным элементам предприятия.

В отличие от региональных структур, в которых ведущей функцией-целью является обеспечение социально приемлемых условий жизнедеятельности и в которых экономическая, а тем более производственная, функция являются средством решения главной задачи, промышленное предприятие, тем более, не являющееся государственной формой собственности, имеет в качестве главной цели-задачи обеспечения выпуска конечной продукции и получения прибыли как показателей успешности его функционирования. Социальная функция оказывается подчиненной этой главной цели-задачи. Вместе с тем, ее достижение невозможно без успешной работы персонала (работников), которые являются основными участниками производственно-технологической деятельности.

В этой ситуации возможны 2 варианта организационно-управленческого воздействия в зависимости от роли и места социальной составляющей в деятельности промышленного предприятия. *Первый вариант* — объектный, при нем работники являются составной частью производственно-технологического процесса, выполняя поставленные менеджерами-управленцами задачи, и потребности которых учитываются лишь в той мере, в какой это необходимо для успешности решения производственно-экономических задач, выступая, таким образом, исключительно в роли управляемых. *Второй вариант* — субъектный, при нем работники являются полноправными участниками трудового процесса. Менеджеры-управленцы, понимая, что производственно-экономические цели предприятия могут быть реализованы только при активном участии в процессе его персонала, имеющего свою систему ценностей, установок, свой комплекс целей-потребностей, которые он хочет достичь, участвуя в трудовом процессе, стремятся обеспечить приемлемый (т. е. не идущий в ущерб производственно-экономическим целям) уровень партнерских отношений.

Каждый из данных типов (вариантов) организационно-управленческого воздействия имеет свои плюсы и минусы. Так, первый, объектный, тип управления позволяет, с одной стороны, сократить издержки, связанные с многоступенчатостью принятия решений, необходимостью их взвешивания по

результатам и показателям, согласования: достаточно спустить команду, и она сразу начинает реализовываться. Вместе с тем, с другой стороны, возникает опасность принятия недостаточно продуманных решений, ибо не учитывается или учитывается в недостаточной мере реакция тех, кто данное решение реализует. Еще одно негативное следствие данного типа управления — это культивирование социальной пассивности и иждивенчества, ибо работники привыкают, что все их проблемы будут решены «начальством».

Второй, субъектный, тип управления сопряжен с большими затратами, как временными, так и организационно-финансовыми (доведения информации до персонала, выявления мнения участников, реализующих ту или иную цель, учет на этой основе возможных социальных последствий того или иного управленческого решения, разработка и внедрение системы мер стимулирования работников и т. д.). Тем не менее, в этой ситуации эффективность реализации конкретных целей производственного процесса существенно возрастает. Правда, чрезмерное увлечение данным типом организационно-управленческого воздействия может привести к чрезмерной «социализации», т. е. росту социальных и экономических затрат, несопоставимых с ростом производственно-экономических показателей предприятия.

Поэтому оптимальным является вариант динамического равновесия этих двух типов управления. Тем не менее, независимо от этого социальный фактор и социальная составляющая оказывают существенное, если не главное, воздействие на эффективность деятельности предприятия.

Анализ социальной ситуации в конкретном производственном коллективе, каким является ООО «Пермтрансгаз» (исследование проведено лабораторией социологии ПГТУ в октябре—декабре 2005 г., объем выборки 1 619 человек), показал, что для современного трудового социума при всех позитивных социальных характеристиках персонала (высокие показатели уровня образования — 13,2 условно средних класса, что соответствует среднему специальному образованию; квалификации — 2/3 опрошенных рабочих имеют 4—5 разряд и столько же специалистов — высшую и среднюю категории; оплаты труда — в среднем 12 000 рублей в месяц; стабильности работников — примерно половина их трудовой биографии связана с данным предприятием и лишь 0,5 % составляет текучесть кадров), характерно преобладание объектного типа управления.

Это подтверждается целым рядом особенностей социальных установок и трудового поведения ра-

ботников обследованного предприятия, к которым относится:

1. *Существенная отчужденность работников от «своего» предприятия.* Хотя на вербальном уровне фиксируется высокая степень самоидентификации работника с предприятием (60 % опрошенных указали на это), их реальная связь существенно слабее: в числе ведущих характеристик, которыми работники наделяют свое предприятие, оказались те из них, которые отражают их сугубо материальные интересы (зарплата, забота о работниках, устойчивость предприятия как гарантия занятости), тогда как остальные (ритмичность работы, динамичность развития, низкая социальная напряженность), характеризующие осознание работниками глубинной связи с «родным» предприятием, оказались отодвинутыми на второй план.

2. *Пассивно-потребительское отношение к своему труду.* Несмотря на то, что почти 90 % опрошенных удовлетворены своей работой и доминирует ориентацию на работу, а не на ее оплату, в самом отношении к работе, во-первых, преобладает инструментальный (работа как средство), а не содержательный (работа как самоценность) подход (соотношение 3/4 к 1/4 соответственно), во-вторых, содержательный аспект трудовой деятельности (любимая работа, достижения в профессиональной деятельности) оказался отодвинутым на самый край ядра терминальных ценностей, в-третьих, доминирует ориентация на исполнительский, а не инициативный компонент труда (в числе факторов, которые учитываются при оплате труда, инициативность заняла последнее 7-е место, тогда как исполнительность оказалась на 4-м месте).

3. *Распространенность настроений социального иждивенчества и пассивности.* Одной из положительных характеристик обследованного предприятия является высокий уровень социальной защищенности работников, который обеспечивается целым комплексом социальных преференций (так называемый социальный пакет), что нашло отражение в результатах проведенного исследования (в структуре социальных проблем предприятия, которые в целом и так не были оценены как острые, забота предприятия о своих работниках была отнесена респондентами к числу наименее острых). Доминирование патерналистской оценки роли государства (так к нему относятся более 70 % опрошенных работников) формирует и аналогичное потребительское отношение и к предприятию, от которого работники ждут соответствующей помощи и поддержки без какого-либо собственного инициативного поведения в труде, т. е. выступают объектом управленческого манипулирования. В пользу этого говорит то, что более половины работников, которые ждут, что предприятие решит все их проблемы, в т. ч. и не входящие в круг его обязательств, например, связанные с регионом их проживания (специфика ООО «Пермтрансгаз» предполагает рассредоточенность

его подразделений по всему Пермскому краю и Удмуртии) — трудоустройство других членов семьи, устройство и образование детей и т. д. При низкой самооценке инициативности работников, отсутствии угрозы профессиональной стабильности, инструментальном отношении к труду это ведет к росту социальной апатии и ожиданию внешнего стимулирующего воздействия (со стороны предприятия в целом, а так же — от «начальства»). И хотя в социально-психологической оценке своего будущего работники в целом настроены оптимистически (таково мнение 80 % опрошенных) существенная их часть (55 %) приходится на социально пассивную оценку (испытывают чувство надежды), тогда как наибольшее число пессимистичных ответов собрало чувство беспокойства, тревоги (17,7 %).

4. *Относительно слабая развитость корпоративных отношений.* При достаточно высокой степени вербальной сопричастности рабочих к своему предприятию, относительно высокой оценке успешности его деятельности, низком уровне социальной напряженности и благоприятном социально-психологическом климате исследование выявило существенные проблемные зоны развития корпоративных отношений, связанные с доминированием объектного типа управления. К ним относятся: низкий уровень информированности работников о делах предприятия (2/3 работников мало осведомлены об этом); низкий уровень их участия в процессе управления (лишь пятая часть опрошенных) с преобладанием низших, информационных форм такого участия; в доминировании роли руководителей в отношениях с подчиненными (более низкая оценка взаимоотношений с руководителями, нежели с коллегами, менее удовлетворительное отношение к работникам руководителей, нежели коллег, более высокий уровень социальной напряженности в отношениях руководителей и подчиненных, нежели между членами коллектива; недостаточно высокая эффективность внепроизводственных форм корпоративных отношений, инициатором которых выступают управленческие структуры предприятия (лишь половина опрошенных участвуют в них).

Таким образом, приведенные данные (причем, не малая часть) показывают, что в системе социально-трудовых отношений пока доминирует объектный тип управления, сформировавшийся еще в условиях планово-распределительного типа производственных связей, что существенно тормозит процесс освоения рыночного поля общественно-экономических отношений.

Смысл перестройки социальной политики должен состоять в активизации личностного потенциала работников, в смене модели объектного типа управления, не стимулирующего активность персонала, на субъектный, предполагающий развитие партнерских отношений между руководителями и подчиненными в соответствующих их статусу и в пределах их компетенции.

ФУНКЦИИ И СВОЙСТВА ПОЛИТИК ПРЕДПРИЯТИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ

Хозяйствующие субъекты все чаще сталкиваются с проблемами, порождаемыми их бурным развитием, разрываемыми в цепи партнерскими и иными отношениями, неожиданными поворотами и т. п. Темпы возникновения и исчезновения рыночных субъектов (биржи, банки, предприятия, предприниматели, совместные предприятия, компании и т. д.) ускоряются. Предугадать эти события все сложнее, а их прогноз становится все менее надежной базой для стратегического планирования (должны быть другие методы прогнозирования, так как данная задача носит междисциплинарный научный характер). Концепция стабильных рыночных и отраслевых структур все меньше соответствует реальности. В настоящее время организации быстро приобретают конкурентные преимущества и столь же быстро их теряют.

Турбулентность внешней среды и сопутствующие ей феномены предполагают выработку особого стратегического поведения — стратегического ориентирования. Классическое стратегическое планирование в условиях высокой турбулентности внешней среды оказывается излишним. Пока разрабатывается стратегический план, внешняя среда становится качественно и количественно совершенно иной. Особое значение для стратегического мышления и поведения имеют диагностика, учет, анализ и прогнозирование объективных качественных изменений внешней среды по сравнению с чисто количественными изменениями ее элементов, которые определяют хотя и существенные, но на определенной ступени совершенно бесполезные для организации параметры внешней макро- и микросреды. Например, в зависимости от жизненного цикла к таким параметрам могут относиться величина групп посредников и поставщиков предприятия, уровни занятости населения тех территорий, где осуществляется его экономическая деятельность, размеры контактных аудиторий. В отличие от категории количества качество отображает большую совокупность свойств внешней среды, непосредственно и конкретно формирующих стратегическое ориентирование как особый тип рыночного предпринимательского поведения.

Более того, стратегическое планирование и вытекающая из него политика стратегической адаптации являются контрпродуктивными, так как они ориентируют организацию на стабильные стратегические рыночные отношения, демобилизуя ее в плане активных действий (любое изменение поведения организации влечет за собой изменения поведения элементов внешней среды, следовательно,

требует соответствующей реакции со стороны организации и т. д.).

Упор должен делаться на гибкость, искусство ориентироваться (и, возможно, импровизировать), умение быстро реагировать на новую ситуацию и находить необычный, нестандартный ответ на выпады конкурентов. Поэтому руководитель должен владеть алгоритмом решения творческих задач.

Тенденция развития стратегического управления такова, что необходим переход от управленческой функции планирования к управленческой функции стратегического ориентирования, выработке механизма стратегического ориентирования, организации процесса внутрифирменного стратегического ориентирования. Рядом с функцией планирования на равных правах должна существовать функция стратегического ориентирования. На турбулентных рынках, в турбулентной внешней среде стратегическое ориентирование приобретает лидирующее положение в сравнении с функцией планирования. Управление в условиях динамичной внешней среды предполагает овладение механизмом стратегического ориентирования и использование его.

Каждая организация уникальна по своей природе, и нет какого-то единого рецепта управления организацией; каждая из них должна самостоятельно определять путь своего развития. Однако всегда существует некий общий (усредненный) набор различных видов управленческого поведения, подкрепленного соответствующим потенциалом организации, обеспечивающий в совокупности разрешение различных типов проблем, возникающих во внешней среде и являющихся следствием изменяющегося поведения ее элементов.

Любая организация зависима от поведения элементов внешней среды. Требования, которые выдвигают элементы внешней среды, проблемы, которые ставит перед организацией внешняя среда, определяют направления преобразования потенциала организации, модель ее поведения.

Деятельность организации оптимальна только в том случае, если ее стратегический потенциал и поведение соответствуют уровню требований, выдвигаемых элементами внешней среды, ее турбулентности. Для каждого уровня турбулентности внешней среды существует определенная комбинация ее элементов, делая ставку на взаимодействие с которыми (при соответствующем потенциале и выборе адекватной модели поведения), организация оптимизирует свой успех.

Анализ разнообразных определений стратегии (фундаментального понятия стратегического менедж-

жмента), их возможных видов и взаимосвязей с политиками, сложности разработки политик в процессе формирования и реализации стратегий наряду с различными подходами к пониманию сущности менеджмента образует необходимую теоретико-методологическую основу для решения большинства практических проблем управления развитием предприятия в современных условиях достаточно жесткой конкуренции.

Обзор трактовок понятия «стратегия», представленных в научной и учебной литературе по стратегическому менеджменту, показывает, что стратегия отождествляется либо с определением основных долгосрочных целей и задач предприятия и утверждением курса действий и распределением ресурсов, необходимых для достижения этих целей, либо с детальным всесторонним комплексным планом, предназначенным для того, чтобы обеспечить осуществление миссии организации и достижение целей; с набором правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности; общим направлением действий, которого намерен придерживаться руководитель для достижения целей компании [4, с. 14—17].

Следовательно, исходя из этих определений, конкретизирующих понятие стратегии, сущностью политик как объекта стратегического управления и инструмента реализации стратегии является то, что они устанавливают границы деятельности и поведения в организации и направляют тем самым функционирование организации в сторону реализации ее стратегий. Общее свойство возможных политик, проявляемое в стратегиях предприятия, и есть их сущность: институционализация реализуемых стратегий и формирование нормативной среды организации.

Признанный лидер теории стратегического управления И. Ансофф считает, что институционализация стратегий в процессе развития организации приводит к сложению двойной структуры управления, поскольку разделение фирмы на две является эффективным способом защиты стратегических проектов. Подразделения, имеющие стабильный доход и экономически выгодное положение, объединены под началом управляющего, отвечающего за текущую производственно-хозяйственную деятельность, а хозяйственные подразделения, занятые развитием новых стратегических зон хозяйствования, — под началом управляющего стратегическим развитием. Оба подразделения фирмы подчиняются единому руководству [1, с. 224].

В зависимости от уровня и масштаба управления организациями могут быть реализованы следующие виды стратегий: корпоративная, деловая (конкурентная), функциональная и операционная [4, с. 17—18].

Корпоративная стратегия — это стратегия предприятия в целом. Деловая стратегия имеет своей

целью установление и укрепление долгосрочной конкурентоспособности фирмы на целевом рынке. Функциональная стратегия осуществляется в масштабе предприятия по выбранным функциональным направлениям: маркетингу, сбыту, персоналу, финансам и т. п. Операционная стратегия реализуется в масштабе отдельных подразделений предприятия: отдела сбыта, отдела рекламы, центров возникновения затрат и т. д.

На основании критерия конкретности и реализуемости все стратегии можно разделить на планируемые (намечаемые) и осуществляемые стратегии [2, с. 17]; применение критерия перспективы позволяет определить портфельные и конкурентные экономические стратегии [1, с. 244].

Процесс выработки и реализации стратегии на предприятии зависит от занимаемой им позиции на целевом рынке, финансовой устойчивости, сложившейся динамики собственного развития, реального кадрового и производственного потенциала, особенностей поведения конкурентов, специфики производимого товара или оказываемых услуг, достигнутого уровня развития национальной экономики, культурной, политико-правовой и социальной среды, жизненного цикла, отраслевой конкуренции. Хотя для предприятия невозможно подобрать какую-то одну универсальную стратегию, пригодную «на все времена», тем не менее, экономические стратегии, сколько бы их ни было, можно сгруппировать в три класса: стратегия лидерства по издержкам, стратегия дифференциации, стратегия концентрации.

Стратегия лидерства по издержкам проявляется в стремлении предприятия минимизировать затраты на производство и распределение товарной продукции и услуг. Основной ее целью является установление более низких цен на товары и услуги (ценовая конкуренция), чем у конкурентов, и расширение на этой основе собственной доли целевого рынка. Стратегия дифференциации отражает стремление предприятия к достижению превосходства над конкурентами по качеству товаров и услуг (неценовая конкуренция), их оформлению, сервису, применению новых производственных и маркетинговых технологий. Стратегия концентрации указывает на усилия предприятия в одном или нескольких узких сегментах рынка с целью достижения лидерства посредством минимизации затрат на производство и издержек на реализацию товарной продукции и услуг с использованием стратегии дифференциации.

Приведенные выше основные виды стратегий предприятия могут быть реализованы посредством использования ряда частных стратегий и во вполне определенных условиях. Все три класса стратегий имеют конкретные модификации: диверсифицированного и концентрированного роста, сокращения, ликвидации. В качестве основных частных стратегий могут выступать: коммерческая, производствен-

ная, экономическая (финансовая), инвестиционная, управление стоимостью фирмы (стоимостью бизнеса), управление себестоимостью продукции и институциональная стратегия.

Так, стратегия концентрированного роста применима тогда, когда фирма реально может повысить свою эффективность (например, улучшить показатели экономической рентабельности) путем обеспечения контроля над различными стратегически важными для нее звеньями в цепи производства и продажи товаров. Стратегия диверсификации экономически оправдана в том случае, если производственная цепочка представляет мало возможностей для дальнейшего роста или достижения необходимого уровня рентабельности. Выбор наиболее эффективной стратегии, сопутствующей внутренним параметрам предприятия и его положению на целевом рынке, базируется на результатах SWOT-анализа и производится на основе матрицы принятия управленческих решений.

В соответствии с выбранной стратегией предприятие излагает миссию и создает взаимоувязанную систему общих политик: снабженческо-сбытовую, производственно-технологическую, инновационную, ценовую, финансовую, учетную, инвестиционную и кадровую. В рамках общих политик на предприятии могут создаваться частные. Их количество будет варьироваться от размеров предприятия, отрасли, соотношения первичных видов деятельности (обеспечение поставок сырья, выполнение работ, обеспечение сбыта продукции, маркетинг и продажи, послепродажное обслуживание) и поддерживающих видов (материально-техническое обеспечение, развитие технологий, управление людскими ресурсами, инфраструктура), стадии жизненного цикла, финансово-экономического состояния, позиционирования предприятия, прогнозирования изменений факторов конкуренции в отрасли, реализуемых стратегий, качества стратегического менеджмента и планирования.

Разработка политик, соответственно, направлена на решение проблем поддержания и развития необходимого для ведения бизнеса стратегического потенциала предприятия. В качестве примера частных политик предприятия можно указать на разработку многими крупными и средними российскими предприятиями антикризисной политики в рамках общей финансовой или политики заработной платы в рамках кадровой и т. д.

Определение понятия стратегического потенциала предприятия, научное экономическое понимание его ресурсов зависит от исследовательских установок ученого и принятой модели стратегического менеджмента в отношении реального объекта управления — предприятия, отрасли, экономической системы в целом. Для оценки ресурсов существуют критерии, разработанные М. Портером, Дж. Барни, Б. Райаном, Д. Миллером, Г. Минцбергом.

Возможны два альтернативных варианта формирования и обеспечения функционирования стратегического потенциала.

Первый представлен в основном школами позиционирования и внешней среды, специфика методологии которых выражается формулой М. Портера — «взгляд извне внутрь», а в стратегиях — выбором комбинации отличающихся способов ведения деятельности. Стратегическое ориентирование (позиционирование) предприятия может быть противоположно его операционной эффективности, понимаемой как умение выполнять сходные виды деятельности лучше, чем это делают конкуренты. Стратегическое позиционирование предприятия означает, что оно способно осуществлять отличные от конкурентов виды деятельности или выполнять схожую деятельность, но другими путями. Определенные наборы видов деятельности составляют, согласно М. Портеру, стратегические ресурсы предприятия [3, с. 64—65].

Второй подход характерен для школы обучения в рамках теории ресурсной базы (Б. Вернерфельд, Дж. Барни) и школы культуры (теория динамических возможностей К. Прахалада и Г. Хэмела) и отображается в формуле — «взгляд «изнутри вовне». Внутрифирменное обучение и культура сами по себе представляют важнейшие стратегические ресурсы предприятия, так как культура включает навыки, образцы поведения, опыт, способность к обучению, традиции, ценности, общие идеи и способы деятельности, которые трудно, а порой и невозможно скопировать конкурентам или восстановить, но потерять очень легко. Дж. Барни выделяет четыре критерия оценки стратегических ресурсов:

- ценность (результаты обучения и культура — весьма ценные ресурсы);
- редкость (культура и построенное на ней обучение пользуется большим спросом и редкостью);
- неповторимость (культура — это уникальное явление, часто неповторимое в своей сущности);
- незаменимость (экономические институты, выросшие на почве определенной культуры, общих верований и традиций невозможно заменить).

Стратегия, миссия и политики излагаются в нормативных документах предприятия, составляющими его институциональную среду. В рыночных условиях важную роль в осуществлении эффективной хозяйственной деятельности предприятия, функционирующего в условиях постоянно меняющихся воздействий макро- и микросреды, играют четко сформулированные миссия, стратегия, политики, программы и рабочие процедуры. Формулирование миссии — это компонент системы стратегического планирования деятельности предприятия. Миссия — основополагающий документ, в котором предприятие описывает сферу своей хозяйственной деятельности, определяет целевой рынок (или его сегмент), излагает свои руко-

водящие принципы и устанавливает перспективные цели в отношении достижения желаемых числовых оценок экономических, финансовых, социальных и экологических показателей, провозглашает свою систему ценностей.

Наряду с политиками миссия необходима для поддержания стратегического потенциала предприятия, обеспечения конкурентоспособности и реализации стратегии:

— внутри предприятия он дает персоналу ясное понимание подлежащих реализации целей, помогает выработать единой позиции, которая призвана способствовать формированию внутрифирменной культуры;

— во внешней сфере он способствует созданию целостного и привлекательного образа фирмы (имиджа), объясняя при этом ту экономическую и социальную роль в обществе, которую фирма намерена играть.

Миссия обычно включает как обязательные, стандартные элементы, так и необязательные, частные. К обязательным элементам миссии относят:

— историю возникновения и становления фирмы;

— направления или области выбранной экономически целесообразной деятельности;

— приоритетные цели и лимитирующие ограничения на необходимые виды ресурсов;

— альтернативные варианты реализации желаемых стратегий развития.

Рассматривая миссию с точки зрения определения основных потребностей потребителей и их эффективного удовлетворения, руководство фактически формирует состав потенциальных клиентов для поддержки предприятия в будущем.

Намеченная стратегия и система политик дополняется изменением организационно-управленческой структуры с учетом обеспечения гибкого реагирования на изменения требований элементов внешней среды и экономически целесообразного уровня децентрализации принимаемых управленческих решений; закреплением приказом за соответствующими структурными подразделениями предприятия выполнение конкретных функций (следуя логике формирования «центров ответственности») одновременно с нормативным определением рабочих процедур, программ и политик; персонификацией ответственности за организацию и выполнение каждой функции управления, осуществляемой на предприятии. Все организационные изменения отражаются в штатном расписании и в положениях о структурных подразделениях предприятия. Последнее содержит определение:

— основных направлений деятельности;

— основных и вспомогательных функций управления;

— типа организационной структуры (линейная, линейно-функциональная, дивизиональная, матричная или комбинированная);

— организационных звеньев предприятия и закрепляемые за ними функции по осуществлению направлений деятельности с указанием порядка работы по их выполнению (права, обязанности, сроки, меры мотивации и наказания);

— выделение самостоятельных подразделений (вспомогательных, обслуживающих) и формирование центров возникновения затрат и получения прибыли;

— определение порядка контроля за соответствием организационной структуры управления принятым направлениям деятельности предприятия.

Таким образом, разработка политик является сложным управленческим процессом, завершающим переход организационной структуры предприятия из одного финансово-экономического состояния в другое и составляющим инструмент реализации стратегии как основного результата трансформации.

Согласно парадигме так называемой «школы власти» стратегического менеджмента, основные представители которой рассматривают стратегию как процесс переговоров между конфликтующими группами внутри организации либо между организацией и противостоящим ей внешним окружением, стратегии возникают и реализуются в ходе политического процесса.

Политический процесс в организации направляется ее политиками и охватывает макро- и микроуровни реализации экономической власти (макроуровень власти менеджеров влияет на факторы внешней среды, а микро- — на элементы внутренней среды). Найденное политическими средствами управленческое решение может послужить основой для разработки и внедрения нового алгоритма деятельности. Например, заготовительный цех предприятия решает свои проблемы контроля затрат установлением внутренних (трансфертных) цен между цехами основного производства. Следующим шагом будет введение общей политики внутренних цен на предприятии.

Иногда разработка политик предприятия связана не только с ситуациями риска и неопределенности, но и с внутренними и внешними конфликтами, которые способны привести к разрушению организации. Поэтому следует расширить определение политики исследованием функциональной роли политических методов в стратегическом менеджменте организации в условиях конфликта или противодействия. В этой связи обратимся еще раз к подходу «школы власти».

Политики организации с точки зрения распределения властных полномочий и ресурсов являются одной из подсистем общей системы влияния. Практически в каждой организации имеются минимум три легитимные, то есть официально признанные, подсистемы влияния: формальное руководство, укоренившаяся предпринимательская культура, спе-

циалисты. В определенных ситуациях ими используются собственные средства, направленные на достижение таких целей, как, например, сопротивление назревшим переменам или коррекция неэффективного поведения официального руководства. Политика составляет четвертую подсистему влияния, которая способна изменять, тормозить или усиливать действие трех выше названных легитимных подсистем.

Во-первых, политика как организованное влияние может действовать на манер дарвиновского отбора, обеспечивая занятие лидерских позиций наиболее сильными членами организации.

Во-вторых, при использовании в стратегическом управлении инструмента политик, как правило, охватываются все существенные стороны проблемы, в то время как прочие подсистемы влияния могут оказывать воздействие лишь на какую-либо одну из сторон и, следовательно, заранее неполны.

В-третьих, политические методы позволяют стимулировать назревшие перемены, которые могут блокироваться другими подсистемами влияния. Сосредоточение власти возрастает согласно иерар-

хии, причем часто она оказывается в руках тех же людей, которые ответственны за устаревшую стратегию. Специалисты предприятия также концентрируют часть власти в своих руках. Аналогичным образом культура имеет свои истоки в прошлом, в традициях, а потому может служить препятствием на пути перемен. Перед лицом подобного сопротивления политики и политические методы могут выступать как своего рода подталкивающая к необходимым переменам «тайная невидимая рука».

В-четвертых, политические методы могут облегчить осуществление перемен. Для того чтобы добиться одобрения своих решений, менеджеры, например, часто прибегают к помощи политических средств, заключая разного рода альянсы. Таким образом, политики оказываются весьма эффективным инструментом в стратегическом управлении.

Общим свойством всех политик является то, что они задают границы поведения организации и определяют правила (методы и нормативы) реализации управленческих решений, направляя тем самым функционирование организации в направлении достижения стратегических целей (табл.1).

Таблица 1

№	Основание классификации	Виды правил
1	Содержание	Ограничительные, предписывающие, запрещающие
2	Уровень принятия решений	Стратегические, тактические, оперативные
3	Легитимность (доверие)	Обычай, закон, харизма
4	Степень генерализации	Общие, частные, ad hoc («на случай»)
5	Принцип регулирования	Априорные, апостериорные
6	Стадия жизненного цикла организации	Правила развития (возникновение, становление, подъем), правила функционирования (стадия зрелости) и правила реорганизации (стадия упадка, санации и ликвидации)
7	Характер регулирования отношений	Рутинные, стандартные, эвристические
8	Субъект регулирования	Групповые, индивидуальные
9	Объект регулирования	Внутренняя среда, внешняя среда

Классификация правил отвечает на такой важный вопрос теории, как определение уровней, на котором принимаются управленческие решения и устанавливаются правила их принятия. На наш взгляд, решение принимается на том уровне, где максимально сосредоточена информация о проблеме, а правила их принятия формулируются на высшем уровне ответственности в менеджменте организации.

Литература

1. Ансофф, И. Стратегическое управление: сокр. пер. с англ. / науч. ред. и предисл. Л.И. Евен-

ко / И. Ансофф. — М. : Экономика, 1989. — 519 с., ил.

2. Минцберг, Г. Стратегический процесс: пер. с англ. / под ред. Ю.Н. Каптуревского / Г. Минцберг, Дж.Б. Куинн, С. Гошал. — СПб. : Питер, 2001. — 688 с.

3. Портер, М. Конкуренция: пер. с англ. / М. Портер. — М. : Издательский дом «Вильямс», 2000. — 495 с., ил.

4. Царев В.В. Внутрифирменное планирование / В.В. Царев. — СПб. : Филин, 2002. — 496 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Вступление молодежи в рынок труда с целью поиска работы сопровождается рядом особенностей и проблем социально-экономического характера, связанных с трудоустройством, условиями, характером, интенсивностью, продолжительностью и привлекательностью труда. Способность ориентироваться в рыночной экономике, а также готовность к запросам рынка труда у современной молодежи значительно отличаются от тех потребностей, которые были у предыдущих поколений.

Увеличение контактов с молодежью других, более развитых стран, быстрое внедрение и распространение сравнительно высоких стандартов жизни приводят к росту жизненных потребностей у молодежи при гораздо меньших возможностях их удовлетворения за счет традиционных источников — стипендии или помощи со стороны родителей. Вместе с тем, рост инфляции вызывает у большинства молодежи острый недостаток средств на самое необходимое — питание, одежду, приобретение учебной литературы, оплату образования и т. д.

Обозначенные социально-экономические проблемы рассматриваются экономистами, социологами, психологами и другими учеными. В плановой экономике исследователи, среди которых Е.В. Касимовский, В.В. Новиков, Э.Н. Фетисов, С.Н. Иконникова и др., посвятили рассмотрению социально-экономических проблем молодежи большое внимание.

Е.В. Касимовский, рассматривая труд молодежи, выделяет следующие проблемы, характерные для данной группы населения:

- 1) профориентация учащихся образовательной школы;
- 2) профессиональное обучение;
- 3) адаптация молодежи в труде.

Говоря об этих проблемах, исследователь считает, что, в целом, они сводятся к информированию учащихся о профессиях, которые можно освоить в учебном заведении, о потребностях региона в рабочей силе по этим профессиям, об условиях и оплате труда. К основным мотивам выбора будущей профессии у учащейся молодежи исследователь относит советы родителей, пример друзей, рекомендации школы, близость к профилю работы, возможность совмещать работу с учебой и т. д. [1, с. 172—176].

Проблемы выбора профессии молодежью рассматриваются также и в социологии. Как считает С.Н. Иконникова, профессиональное самоопределение оказывает большое влияние на личную жизнь и вызывает различные социальные, экономические и моральные последствия, связанные со стремлени-

ем молодежи к поиску любимого дела, увлекательной профессии, позволяющей реализовывать замыслы и творческие потенциальные силы [2, с. 73].

В процессе труда у молодежи происходит ее профессиональная адаптация. Как отмечают В.В. Новиков и Э.Н. Фетисов, процесс адаптации является своеобразным индикатором уровня и степени социального развития трудового коллектива, представляющим собой усвоение человеком профессиональных и социально-психологических требований, традиций, навыков, опыта и норм поведения, сложившихся в трудовом коллективе. Этот процесс должен способствовать закреплению молодежи на предприятиях, гармоническому и всестороннему развитию личности [3, с. 117—122].

Обозначенные проблемы молодежи, связанные с профориентацией, профессиональным обучением и адаптацией на предприятии, порождают другую проблему данной группы населения — занятость. Эта проблема в советский период решалась следующим образом: выпускникам школ и профессионально-технических училищ рабочие места бронировались, а выпускники высших учебных заведений распределялись с учетом имеющихся вакансий, с обязательной отработкой в течение 3—5 лет на данном месте.

Несколько иной характер проблемы профориентации, получения профессионального обучения, адаптации и занятости молодежи носят на современном этапе.

Ю.Г. Волков и В.И. Добренков, говоря о профессиональной ориентации молодежи, отмечают, что ее предпочтения значительно отличаются от тех, которые были у их «отцов». Большая часть молодежи стремится найти работу в частном секторе экономики, в фирмах или заняться предпринимательством [4, с. 332]. Отмечается также, что молодежь отличается высоким уровнем характера трудовых мотиваций, заключающихся в согласии на переквалификацию, ориентацию на работу в негосударственном секторе экономики, предъявляющем спрос на высокооплачиваемую рабочую силу, престижность наиболее «рыночных» профессий, связанных с работой на компьютере, общением на иностранных языках, вождением автомобиля и т. д. Активное стремление молодежи к освоению знаний, соответственно, способствует развитию конкуренции на рынке труда.

Вместе с тем, молодые люди, получившие профессиональное образование (среднее специальное или высшее) и вышедшие на рынок труда в поисках первой своей работы, отличаются высоким уровнем

теоретической подготовки и отсутствием практических навыков и производственного опыта. Поэтому для работодателя последнее обстоятельство делает молодежь малопривлекательной, тогда как у молодого человека осознание своей хорошей подготовки, наличие амбиций и честолюбия, стремление к успеху формирует завышенные требования к будущему рабочему месту, условиям и содержанию труда, а также к оплате. В связи с этим возникает такая проблема, как противоречие между оценкой работодателем молодого работника и самооценкой последнего, что, зачастую приводит к невозможности трудоустройства.

Тем не менее, положение большинства молодежи, которой повезло с трудоустройством, на современном этапе все еще далеко от стабильного, так как ее большинство, имеющее профессиональное образование, трудится не по специальности, а занято малоквалифицированным или неквалифицированным трудом.

Обобщая вышесказанное, мы считаем, что, с одной стороны, обозначенные проблемы молодежи, связанные с профориентацией, профессиональным обучением, адаптацией на предприятии и, наконец, с занятостью данной группы населения, рассмотренные в советский период и на современном этапе, относятся к социальным.

Действительно, при проведении профориентации молодой человек определяет то, к какой социальной группе он будет принадлежать, каким видом труда, то есть физическим или умственным, он будет занят и т. д. В период получения профессионального образования особое внимание должно уделяться качеству подготовки и конкурентоспособности молодого специалиста на рынке труда. В период адаптации на предприятии у молодого человека происходят изменения в плане его профессионального развития, так как он попадает в новый разновозрастной трудовой коллектив, у которого, как правило, сформировались свои социально-профессиональные ценности и система межличностных и производственных отношений. Наступает время осуществления профессиональных функций и обязанностей, которые сопровождаются выполнением определенных производственных заданий, соблюдением распорядка рабочего дня, условий охраны труда, режимов труда и отдыха и т. д.

С другой стороны, эти проблемы имеют экономическую направленность.

У молодых людей в момент профессионального самоопределения возникают вопросы о перспективах экономического развития отрасли производства, в которой они в дальнейшем будут трудиться. Молодежь интересуется размером заработной платы в этой отрасли и т. д. В отличие от советского периода сегодня за получение профессионального образования большинство молодежи вынуждено платить. Кроме того, при прохождении обучения в вузе необхо-

димо приобретать литературу, различные принадлежности, платить за проживание в общежитии и т. д.

Как видим, рассмотренные проблемы относятся как к социальным, так и к экономическим. Поэтому мы считаем, что проблемы молодежной профориентации, получения профессионального образования, адаптации, а также занятости, относятся к социально-экономическим.

Вместе с тем, решение данных проблем имеет некоторые отличия от их решения в советский период. Так, например, профориентация проводится сегодня не только для школьников. Ею охвачены и другие возрастные группы населения. Это люди, предполагающие смену своей деятельности в силу различных обстоятельств.

По данным табл. 1 видно, что, например, в 2004 г. 4 143 чел. разных возрастов — жители города Петропавловска Северо-Казахстанской области, прошли профориентацию. При этом наибольшее количество прошедших профориентацию, — люди в возрасте 30—40 лет.

Таблица 1
Численность населения,
прошедшего профориентацию в 2003—2004 гг.
(данные по г. Петропавловску), чел.*

Возраст	Годы	
	2003	2004
Молодежь в возрасте 16—29 лет	1620	1520
30—40 лет	1734	1840
40—50 лет	520	783
Итого	3874	4143

* По данным Министерства труда и социальной защиты населения РК.

В отличие от советского периода, когда считалось, что все население было занятым, сегодня рынок труда диктует потребности в рабочей силе по той или иной профессии. В этой связи, если профессия человека становится невостребованной или устаревает, что связано, в основном, с развитием и модернизацией технологий и производственных мощностей, он, независимо от возраста, как правило, проходит переобучение или осваивает новую профессию. В советский период переобучение с целью получения новой профессии проходило небольшое количество людей в отличие от современного периода.

Так, по данным Министерства труда и социальной защиты населения РК в Северо-Казахстанской области в 1985 г. переобучение прошло 102 чел., в 1986 — 118 чел., тогда как в 2003 г. — 2672 чел., а в 2004 г. — 3721 чел. Следует также отметить, что, в основном, это люди в возрасте 30—40 лет (табл. 2).

Таблица 2
Численность населения по возрастам,
прошедшего переобучение
(данные по городу Петропавловску, чел.*

Население по возрастам	Годы			
	1985	1986	2003	2004
16–29 лет	5	3	506	838
30–40 лет	76	89	1294	1852
40–50 лет	21	26	872	1031
Итого:	102	118	2672	3721

* По данным Министерства труда и социальной защиты населения РК.

С возникновением и развитием рыночных отношений у молодежи появились и другие социально-экономические проблемы, среди которых безработица, трудности с приобретением жилья, падение уровня здоровья данной группы населения и др.

Безработица может выступать в качестве источника различных социальных проблем молодежи, связанных с одной стороны, с антиобщественным поведением данной группы населения, заключающемся во вхождении в криминальные структуры общества, занятием преступной деятельностью, наркоманией и т. д. Но, с другой стороны, скрытые

формы безработицы обеспечивают работу значительному количеству молодежи, так как неформальный сектор рынка, как правило, не предъявляет высоких требований к квалификации молодого человека. Кроме того, здесь отмечаются более высокие доходы, чем в легальной экономике, так как работодатель не несет социальных издержек, связанных с уплатой налогов на заработную плату и пенсионными отчислениями, что негативно сказывается на формировании государственного и местного бюджетов, фондов по выплате пенсий и заработной платы бюджетным работникам и т. д.

Поэтому безработица также относится к числу социально-экономических проблем молодежи.

Сегодня отмечается падение всеобщего уровня здоровья населения, что, на наш взгляд, также является социально-экономической проблемой молодежи. Большое количество молодых людей мужского пола по этой причине не пригодны к службе в Вооруженных Силах страны и нуждаются в прохождении различного рода лечения. Оказание большинства медицинских услуг в государственных и различных коммерческих лечебно-профилактических учреждениях сегодня осуществляется, в основном, на платной основе. Поэтому состояние здоровья является социально-экономической проблемой молодежи.

Рассмотренные социально-экономические проблемы молодежи на современном этапе представлены в сравнении с советским периодом в табл. 3.

Социально-экономические проблемы молодежи

Таблица 3

Проблема	Советский период	Современный этап
1. Профориентация учащихся образовательной школы	Были охвачены учащиеся средней школы	Профориентацию проходят не только выпускники средних школ, но и другие возрастные группы населения
2. Профессиональное обучение	За счет средств государственного бюджета	В основном на платной основе
3. Занятость молодежи	а) Бронирование рабочих мест выпускникам школ и профессионально-технических училищ. б) Распределение выпускников высших учебных заведений с учетом имеющихся вакансий, с обязательной отработкой в течение 3–5 лет на данном месте	Определяется потребностью рынка труда на молодежную рабочую силу по какой-либо профессии
4. Престижность работы	Выбор (престижной) профессии, отражавшей приоритеты поддержания статуса СССР как великой державы (например, физик-ядерщик, космонавт и т. д.)	Выбор профессии зависит от размера оплаты труда, не учитывая при этом свои способности и склонности
5. Молодежная безработица	—	Носит, как правило, скрытый характер
6. Состояние здоровья	Бесплатное медицинское обслуживание	Большое количество медицинских услуг осуществляется на платной основе

Неразрешенность большинства вышеуказанных социально-экономических проблем молодежи отрицательно влияет на тенденции развития современного рынка труда.

Роль государства в сфере трудовых отношений заключается в обеспечении социальных гарантий данной группе населения, одной из форм которых является проведение активной политики занятости молодежи, заключающейся в обеспечении и достижении эффективного ее уровня путем создания рабочих мест, организации подготовки и переподготовки молодых кадров, профориентации и специальных формах работы с безработной молодежью.

Решение социально-экономических проблем заключается в создании постоянных материальных условий для наиболее полного удовлетворения социальных и духовных потребностей и проблем молодых людей.

Особое место в решении социально-экономических проблем молодежи должно занять создание реальных возможностей для активного включения молодежи в предпринимательскую деятельность. Отток определенной части молодежи в самозанятость должен привести к снижению уровня напря-

женности на молодежном рынке труда, уменьшить конкуренцию на рабочие места среди тех, кто ориентирован на наемный труд. В этой связи, с одной стороны, следует проводить обучение молодежи методам ведения бизнеса и организации дела, маркетингу, поиску и выработке новых решений и т. д. С другой стороны, необходимо принятие ряда мер со стороны государства в виде краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных стратегических программ, реализация которых способствовала бы развитию молодежного предпринимательства.

Литература

1. Трудовые ресурсы: формирование и использование / Под ред. Е.В. Касимовского. — М. : Экономика, 1975. — 335 с.
2. Иконникова, С.Н. Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. — Л. : Изд. Лен. ун-та, 1974.
3. Новиков, В.В., Фетисов, Э.Н. Социальные проблемы подготовки молодежи к труду. — М. : Мысль, 1984. — 110 с.
4. Социология молодежи: учебное пособие / Под ред. проф. Волкова Ю.Г. — Ростов н/Д : Феникс, 2001. — 279 с.

Социология духовной жизни

УДК 378.08

ББК Ч488.74(2)61 + Ч251.1

О.В. Антонова

ДИНАМИКА НАУЧНЫХ ШКОЛ ЮУРГУ

С появлением первых университетов передовая научная мысль сосредотачивалась именно здесь. Университеты стали центрами межличностных научных коммуникаций, что явилось подоплекой зарождения первых в истории научных школ. Обязательным условием существования такой школы является выделение из научной среды яркой личности, способной увидеть перспективу развития науки, определить очередность решения научных проблем, обеспечивая преемственность исследований, а также обладающей гибкостью и умением быстро перестраивать исследовательскую работу в зависимости от потребностей практики. При этом обязательным условием является сохранение единого подхода к исследуемым проблемам. Чаще всего научные школы создаются в достаточно крупных учебных заведениях и исследовательских центрах. Существование научной школы является признаком зрелости любого научного подразделения или кафедры в вузе. История Южно-Уральского государственного университета весьма показательна в этом плане. Началась она в годы Великой Отечественной войны.

В Челябинск, тыловой город, переместилось основное производство танков и оборонной техники. Сюда же были эвакуированы ученые и преподаватели Сталинградского механического института, вузов Харькова, Киева, Ленинграда. Наличие высококвалифицированных кадров и явилось первой предпосылкой создания научных школ.

После окончания ВОВ в специалистах стали нуждаться и многие отрасли восстанавливаемого хозяйства. В 1949 году ЧММИ был реорганизован в Челябинский политехнический институт. Одной из самых важных предпосылок активного становления и развития новых научных школ можно назвать интенсивное послевоенное развитие промышленности. В условиях холодной войны и гонки вооружения конца пятидесятых — начала шестидесятых годов оно требовало масштабного научного исследования самых разных технических и технологических проблем. Во многом развитие вуза в те годы диктовала необходимость создания все новой и новой военной техники. На кафедре «Двигатели внутреннего сгорания» начала свое развитие школа, основоположником которой является доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Иван Иванович Вибе. Он предложил уравнение, описывающее закон горения в цилиндрах дизельных двигателей, существенно более точное, чем использовавшееся ранее. На его основе теория дизельных двигателей получила дальнейшее развитие, и это позволило создать лучшие в мире танковые двигатели [2].

Потребности быстро развивающегося ракетно-космического комплекса страны выдвинули на передний план научное направление в области систем автоматического управления. Научная школа была создана доктором технических наук, профессором, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР Георгием Севировичем Черноруцким. Подготовка специалистов по системам управления летательными аппаратами была необходима таким предприятиям, как конструкторское бюро машиностроения (ныне государственный ракетный центр имени В. П. Макеева в городе Миассе), свердловское НПО «Автоматика». Совместная работа с этими и рядом других предприятий военно-промышленного комплекса стимулировала развитие связанных с нею областей знаний, определила основные направления научных школ и прекрасные возможности их развития. Пример тому — научные школы академика В.П. Макеева («Ракетные комплексы морских баллистических ракет») и профессора А.Г. Бургвица («Гидродинамическая теория трения»). В это же время произошло становление Уральской школы прочнистов (основатель Д.А. Гохфельд) и школы сварщиков-прочнистов (основатель О.А. Бакши).

Специфика быстро развивающейся промышленной области с большим удельным весом металлургической промышленности обусловила возникновение научных школ на кафедрах «Обработка металлов давлением» («Челябинская научная школа прокатчиков», основатель — Владимир Николаевич Выдрин), «Литейное производство» («Научно-педагогическая школа литейного производства», основатель — Павел Васильевич Черногоров), «Металлургии и стали» (научная школа «Металлургия стали и сплавов», основатель Александр Николаевич Морозов), «Металловедения» (научная школа «Металловедение и термическая обработка металлов», основатель Михаил Максимович Штейнберг), «Физической химии» (научная школа «Физическая химия металлургических систем и процессов», основатель Владимир Александрович Кожеуров). Реализуя опыт теоретических и экспериментальных исследований, представители этих научных школ выполнили ряд фундаментальных разработок прикладного характера, которые занимают достойное место среди достижений научных школ металлургов России.

Существование столь различных научных школ позволило активизировать всю научно-исследовательскую деятельность вуза, так как они задавали тот уровень, по которому оценивалась работа всех остальных подразделений [3].

Расширение количества специальностей в рамках Челябинского политехнического института, ко-

торое наблюдалось в начале восьмидесятых годов прошлого века, позволило уменьшить «однобокость» в подготовке специалистов с высшим образованием. В 1990 году ЧПИ стал Челябинским государственным техническим университетом. Его ученые были не просто высокообразованными людьми, они составляли культурную элиту города, интересуясь всем передовым и новым, они вольно или невольно соприкасались и с другими, не техническими направлениями науки, хорошо разбирались в вопросах искусства и культуры. Развитие сильных технических научных школ становится мощным базисом для развития в университете гуманитарных научных направлений. Вначале гуманитарные кафедры появлялись на технических факультетах, а затем стали формироваться в самостоятельные факультеты. Так, в 1996 году в ЧГТУ открывается первый в Челябинске самостоятельный факультет психологии. В университет пришли серьезные ученые, которые вели научные исследования в области истории, философии, искусствоведения, валеологии. Закономерное развитие в вузе гуманитарных наук позволило привлечь лидеров, объединивших вокруг себя сотрудников в молодые растущие научные школы. Например, профессор, доктор биологических наук Александр Петрович Исаев со своими многочисленными учениками занимаются проблемами адаптации человека к спортивной и учебной деятельности. Николай Павлович Парфентьев, профессор, доктор исторических наук, найдя свое особое историко-искусствоведческое направление, изучает проблемы истории и теории древнерусского музыкально-письменного искусства. Проблема соотношения нравственных ценностей и реальных политических практик — научное направление, в котором трудится профессор доктор исторических наук Игорь Вячеславович Сибиряков. Социокультурная динамика советской науки — тема исследований профессора, доктора исторических наук Виктора Сергеевича Балакина. Научные усилия профессора, доктора психологических наук, члена-корреспондента Международной академии психологии Николая Алексеевича Батурина связаны с исследованием проблем оценочной функции психики. Им разработан ряд диагностических комплексов для применения различных феноменов оценки, оценочных явлений личностного уровня [4]. Таким образом, можно говорить о новом, но быстро растущем гуманитарном направлении в развитии научных школ, которые объективно определили развитие вуза, изначально чисто технического, в полноценный университет. Для того, чтобы поддержать новые направления в науке и дать им развиваться в полной мере, было принято решение об изменении статуса вуза. В 1997 году ЧГТУ стал Южно-Уральским государственным университетом.

Все созданные ранее научные школы продолжают развиваться. В XXI веке ни одна из них не прекратила существование. Университет по-прежнему уделяет серьезное внимание развитию фундамен-

тальной науки. В 2003 году в нем были открыты факультеты «Физика» и «Прикладная математика». В последние годы успешно развивается научное направление нелинейной оптики, основанное в ЮУрГУ членом-корреспондентом РАН Борисом Яковлевичем Зельдовичем. Физиками университета открыт ряд новых физических эффектов. Нынешний руководитель научного направления доктор физико-математических наук, профессор Наталья Дмитриевна Кундикова награждена медалью Галилео Галилея. Успешно развивается научная школа математиков. Получены серьезные результаты в области решения дифференциальных уравнений в частных производных, теории матриц, теории решения обратной задачи динамики.

Сегодня научные исследования в ЮУрГУ рассматриваются как важнейшее условие качественной подготовки специалистов. Научные кадры помогают готовить 12 диссертационных советов по 28 научным специальностям. Университет по своей сути предполагает включение в исследовательскую деятельность не только аспирантов, но и студентов. При наличии научных школ легко выстраивается вектор развития от новичка к полноценному специалисту, владеющему передовыми подходами к решению поставленной задачи, исследовательским инструментарием и умеющему видеть перспективу своей практической деятельности. В условиях современного общества специальность, полученная в начале трудовой деятельности, будет неоднократно трансформироваться под действием макроэкономических процессов, происходящих в стране и мире. Деятельность молодых ученых в рамках научных школ активизирует их возможности, позволяет полнее реализовать потенциал в дальнейшей трудовой и исследовательской деятельности. Развитие сильных научных школ в вузе стимулировало формирование в нем социально-гуманитарной среды. Она стала благодатной почвой для развития научных исследований в области гуманитарных наук, что послужило основой для создания новых научных школ. Благодаря формированию и развитию научных школ ЮУрГУ сегодня занимает достойное место в системе высшего образования России и вносит свой вклад в развитие мировой науки.

Литература

1. Конструктор Духов и его школа / Сост. А. П. Морозов. — Челябинск : Южно-Уральское книжное изд-во, 2004. — 448 с.
2. Шестаков, А. Л. Научная деятельность ЮУрГУ / Образование и наука — Южному Уралу. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. — С. 137—143.
3. Ученые Южно-Уральского государственного университета / Сост. С. В. Тулинский — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 1998. — 297 с.
4. Тулинский, С. В. Южно-Уральский государственный университет 1943—2003. Исторический очерк. / С. В. Тулинский. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. — 271 с.

НАУКА КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 04-06-96014

Происходящие в российском обществе трансформации вызвали в сфере науки такие социальные процессы, для изучения которых требуется использовать методы всех науковедческих дисциплин. Следует также отметить, что выделение понятия «научная коммуникация» было связано как с разработкой информационной теории [1], так и с ростом интереса к «системе отношений в науке, которая складывается между людьми» [2].

Авторов, в данном случае, интересует не только структура «научных коммуникаций», как «совокупность знаковых средств, технических устройств и организационных структур, при посредстве которых происходит распространение и накопление информации о результатах исследования» [3, с. 182] или научные электронные публикации, но и «научная коммуникация» как вид человеческой (социальной) коммуникации, виды внутренней научной коммуникации (педагогическая, групповая профессиональная, интеллектуальная, межличностная), дискуссия как коммуникация, сети межличностных научных коммуникаций (лидеры научных связей) и др.

Сегодня отечественные исследователи подходят к анализу коммуникаций с междисциплинарных позиций. В российской науке уже сложилось свое название для комплекса коммуникативных дисциплин — коммуникативистика. Теория коммуникации выступает как интегративная теория для трех базовых составляющих социокоммуникации: социальных структур общества, коммуникативных систем и способов коммуникации. Социальную коммуникацию можно определить как движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве. Знания, чувства, волевые побуждения трактуются как коммуникация смысловая, содержанием которой является движение идеальных, умопостигаемых смыслов. Постигание сущности научной коммуникации, в этом случае, требует обращения к категориям «идея», «смысл», «знак», «язык», «дискурс». Продуктивным здесь может оказаться семиотический подход к коммуникации. Основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр разграничил речь как продукт использования языка при индивидуальной вербальной коммуникации, язык как взаимоувязанную знаковую систему и речевую деятельность. Согласно Ф. де Соссюру, в коммуникационном знаке связаны воедино концепт и имя. Дискурс как коммуникативное явление — это промежуточное образование между речью, вербальным общением, с одной стороны, и конкретным вербализованным тек-

стом, зафиксированным в ходе общения, с другой [4, с. 3].

Томас Кун, один из основателей деятельностно-коммуникативного подхода к науке, указывал на ослабление научной коммуникации в условиях смены научной парадигмы. По этой же причине, ученые не могут надеяться на полную коммуникацию между собой, пока не завершится переход от одной конкурирующей парадигмы к другой. Ученых с несоизмеримыми точками зрения можно представить по Т. Куну, в «качестве членов различных языковых сообществ, и что проблемы коммуникации между ними могут быть анализируемы как проблемы перевода» [5, с. 196]. При этом Т. Кун подчеркивал, что «переход должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще» [6, с. 226, 258—259]. Дискуссии российских обществоведов во многом подтверждают этот тезис. При этом выяснилось, что изменение парадигмы связано не с аргументами, которые убеждают или переубеждают, а с типом научного сообщества. Вопрос о типе научного сообщества и коммуникации внутри него представляет интерес и для российской социологии науки. Актуальной для научного сообщества остается также идея А. Шюца об научной «интеркоммуникации», которая соответствует intersubъективному миру [7, с. 485].

Особенности организации советской науки в XX веке, определяющиеся ее тотальным огосударствлением, политико-идеологическим вмешательством в логику развития научного знания, ведомственной разобщенностью отраслей науки в значительной мере обуславливали ее сильные и слабые стороны. Эффективность научного труда снижалась, в том числе, и из-за инертности организационных форм науки, тормозивших быстрое освоение новых научных направлений. Плохое информационное обеспечение, фактическая изоляция от мировой науки вели к слабому развитию сети научных коммуникаций. Задача изучения устойчивых межличностных коммуникаций или профессиональной групповой коммуникации (научных школ) также не поощрялась правящей коммунистической партией и руководителями науки. В СССР так и не сложилось научное сообщество на началах автономии, самоорганизации и межличностной коммуникации.

Воспроизводство научного знания имеет диалектический характер. Здесь складываются сложные взаимоотношения между личностями (лидерами) и коллективами. Интеллектуальное производство является сетью взаимодействующих индивидуумов,

которые и составляют научное сообщество. Сложность анализа сетей заключается в выделении из социальных отношений именно научной коммуникации. Сети в социально-гуманитарных науках могут принимать вид социальных «солидарностей», когда научные сотрудники вступают в коммуникацию и создают объединения на основе политических, культурных или экономических заинтересованностей. Однако сетевые взаимодействия могут складываться и на основе научных идентичностей, в том числе имеющих междисциплинарный характер. Для анализа сетевой коммуникации в профессиональном сообществе Г.В. Градосельская использовала связи, установленные по опубликованным материалам профессиональных биографий социологов [8]. Еще раньше Г.Г. Дюментоном была предпринята удачная попытка выявить характеристики ученого, определяемые его нахождением в системе научных коммуникаций, в том числе научных лидеров, на которых замыкается наибольшее количество научных связей и определить значимость формальных и неформальных аспектов организации научной деятельности.

Поддержание устойчивых межличностных или межгрупповых отношений внутри научного сообщества обеспечивается использованием единого научного аппарата и каналов получения или передачи информации. Для выполнения этой задачи необходимы также достаточно развитые формы оценки научного труда. Используя взаимное цитирование на примере библиографий журнальных статей, можно установить рейтинг персоналий, определить изменения в удельном весе внутреннего и внешнего цитирования, выявить динамику предметных тематических разделов. Анализ публикаций журналов «Социологические исследования» и «Политические исследования» подтвердил интеграцию, выражающуюся в междисциплинарных связях и комплексных исследованиях.

Изучение изменений, происходящих в российской науке под воздействием экономических и политических реформ, выявило ряд противоречивых тенденций. Общественные научные академии, союзы, научные общества при всей своей экономической слабости выполняют сегодня важную функцию научной коммуникации. Они призваны стать и средством влияния на властные структуры для выработки адекватной ситуации научной политики. Жизнеспособными оказались также некоторые профессиональные научные сообщества. Однако доминирующей тенденцией остается снижение финансирования науки, отток молодежи, свертывание сети научной коммуникации и медленный поиск альтернативных источников выживания и новых форм самоорганизации науки.

Сегодня ведущим процессом в мировой научной коммуникации стало превращение ее в информационное пространство. Становление за последнее де-

сятилетие мировой информационной Сети привело к размещению здесь «электронных» научных периодических изданий. Появление электронной почты привело к образованию большого числа «невидимых колледжей», неформальных объединений ученых, работающих в одной тематической области науки. Важным событием в развитии системы научной коммуникации стало появление в Internet информационных страниц (web-сайтов) университетов, исследовательских институтов, научных коллективов. Ценными информационными объектами web-сайтов стали библиографии научных документов, относящихся к одной тематической области. Архивы электронных препринтов, «Электронные библиотеки» (ЭБ, Digital Libraries), «On-line»-конференции, «чаты», дискуссионные листы (рассылки) становятся оперативными, дешевыми и массовыми формами научных коммуникаций. Однако в среде ученых оценка качества публикуемых материалов в электронном формате невысока. Несмотря на рост электронных журналов по социальным и гуманитарным наукам, лишь единицы из них индексируются в крупнейших мировых библиографических указателях по научной периодике, изданиях сигнальной информации и реферативно-аналитических изданиях. При этом содержание большинства электронных периодических журналов не рецензируется экспертами. Изучение барьеров и компонентов электронных научных коммуникаций еще только начинается. Интересными исследовательскими проблемами являются, например, исследование языка, используемого в виртуальной научной дискуссии, специфика виртуальной научной коммуникации вообще или выработка международных стандартов работы в Сети.

В последнее десятилетие подтверждается зависимость российской науки от общества в целом, от государства и его политики, от общественного спроса на науку, оценки науки общественным сознанием. Мировой опыт свидетельствует, что наука выходила из кризисного состояния лишь с помощью государства.

Сегодня науке требуются не только ресурсы, но и такая модель ее организации, которая соответствует новым информационным, коммуникативным и социокультурным условиям. Изменение социального контекста науки создает благоприятные условия для развития процессов самоорганизации, для установления международных связей и коммуникации, органичного вхождения в мировую науку. Будущее российской науки само представляет собой социальную проблему, в поисках решения которой большое значение социологии научной коммуникации.

Литература

1. Винер, Н. Мое отношение к кибернетике. Её прошлое и будущее. — М. : Сов. радио, 1969. — 25 с.; Михайлов, А. И., Черный, А. И., Гилярев-

Социология духовной жизни

ский Р.С. Научные коммуникации и информатика. — М. : Наука, 1976. — 26 с. ; Научная информация и система научных коммуникаций. — М. : ИНИОН, 1981. — 213 с.

2. Келле, В. Ж. Социальное знание и социальное управление. — М. : Знание, 1976. — 64 с.; Он же. Наука как компонент социальной системы. — М. : Наука, 1988. — 198 с.; Дюментон, Г. Г. Сети научных коммуникаций и организация фундаментальных исследований. — М. : Прогресс, 1987. — 103 с.; Кун, Т. Структура научных революций. — М. : АСТ, 2001. — 608 с.

3. Краткий словарь по социологии. — М. : Политиздат, 1988. — 479 с.

4. См.: Публичная коммуникация: дискурсивные практики и коды/ Под ред. Е.В. Харченко. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2005. — 160 с.

5. Кун, Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001. — 608 с.

6. Кун, Т. Указ соч.

7. Шюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — С. 481—496.

8. Градосельская, Г.В. Сетевые коммуникации в профессиональном сообществе // Социальные науки в постсоветской России. Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерски. — М. : Академический Проект, 2005. — С. 228—261.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ УРАЛА

В процессе аккультурации индивид решает две проблемы — сохранение своей культурной идентичности и включение в чужую культуру. В настоящее время целью аккультурации признается достижение интеграции культур, в результате чего формируется мультикультурная личность. Однако для народов со слабой культурной идентичностью характерна иная стратегия аккультурации — ассимиляция.

Финно-угорские народы, в отличие от тюркоязычной группы, не имели консолидирующей их религии. Большинство населения принадлежали либо православной конфессии, либо язычеству. Это значительно упрощало межкультурные контакты с представителями других этнических групп, в первую очередь, со славянской группой.

Стоит отметить, что финно-угорские народы в своей истории не имели собственного государственного образования. Если татары или чуваша вели свою историю с периода Золотой Орды или Волжской Булгарии, то ни коми-пермяки, ни удмурты, ни марийцы и мордва подобной истории не имели. Этот факт увеличивал культурную дистанцию между этническими группами, в результате которой славянское и тюркоязычное население воспринималось как более развитое.

Самую большую этническую группу финно-угорских народов, населяющих территорию Урала, составляют удмурты. Отсутствие национальной политики и сравнительная малочисленность удмуртского народа привели к усиленным ассимиляционным процессам, особенно заметным в городской среде. Усиливались эти процессы сокращением преподавания родного языка в школах. Так, к 1970-м годам большинство удмуртских школ перешли на общую программу, преподавание в них родного языка было прекращено [1, с. 23].

Активные этнокультурные взаимодействия на Урале между удмуртами и представителями других этнических групп вели к потере их этнической идентичности, выразившейся в первую очередь в активном процессе русификации. Данный процесс наблюдался не только в различных регионах Урала, но и в самой Удмуртской АССР. Особенно это заметно при сравнении показателей относительной доли лиц, считающих удмуртский язык родным в Пермской области и Удмуртской АССР. Если в 1959 году в Удмуртской АССР 77,3 % жителей городов удмуртской национальности считали удмуртский язык родным, то в городах Пермской области только — 59,5 % [2, с. 236].

Аналогичные процессы наблюдались в Коми-Пермяцком автономном округе. Коми-пермяки в

1950-е годы проживали в едином этническом массиве, то есть подавляющее большинство проживало на территории коми-пермяцкого автономного округа. В среднем, в Пермской области доля коми-пермяков была значительно ниже и составляла 4,6 % от всей численности населения. Таким образом, в составе Пермской области они составляли лишь третью по численности национальную группу [3].

Деятельность партийно-государственных органов Пермской области была направлена на развитие культуры и ликвидацию культурного отставания коми-пермяков от других наций. Драмтеатр имени Горького поставил ряд пьес местных авторов: С.А. Можая «Пасмурная весна» и В.С. Леканова «Клин-Клином» — на языке Коми. С целью пополнения труппы при Ленинградском театральном институте была создана специальная группа, в которой обучалось 18 юношей и девушек коми-пермяков [4]. Тем не менее, несмотря на государственную политику, у коми-пермяков также наблюдается потеря этнической самоидентичности.

В.С. Дерябин в своем исследовании отметил разрушение этнического самоосознания в первую очередь у городских коми-пермяков. В частности при проведении социологического исследования коми-пермяков им задавался вопрос: «За что коми-пермяков не уважают соседи?» Почти четверть коми-пермяков указала на низкий культурный уровень (23,5 %), второе место в ранге отрицательных значений получили пьянство и грубость (17,5 %), третье — отсутствие чувства собственного достоинства (14,5 %), затем — отсутствие предприимчивости (8,4 %) и в последнюю очередь была указана лень (3,9 %) [5].

Как видно из приведенных данных отсутствие собственной национальной культуры, конкурирующей с культурами других народов, является серьезным фактором, мешающим росту этнического самосознания. Понятно, что основное, что связывает коми-пермяков — это национальный язык. Поэтому создание коми-пермяцкого языка, безусловно, сыграло значительную роль в этнической консолидации коми-пермяков, а его потеря ускорила процесс ассимиляции.

Достаточно высокий уровень владения родным языком по сравнению с другими финно-угорскими народами был следствием сравнительно низкого образовательного уровня коми-пермяков. Преимущественно коми являлись народом, проживающим чаще всего в сельских районах. Это значительно затронуло получение ими среднего образования и со-

кращало долю лиц коми-пермяков с высшим образованием.

Таким образом, в условиях этнокультурной коммуникации финно-угорские народы оказались наименее устойчивыми. Это проявлялось в первую очередь, в быстрых темпах утраты родного языка. В условиях отсутствия сдерживающего культурного фактора, единой религии, как у тюркоязычных этносов, финно-угорские народы легко теряли свою идентичность. Исключением можно назвать лишь марийцев, сохранивших в какой-то мере свою культуру.

В условиях политики интернационализации, финно-угорские народы были вовлечены в процесс аккультурации. При этом в отличие от тюркоязычного населения, воспринимавшего новую культуру, и с трудом, но все же интегрирующегося в нее, для финно-угорских народов характерна ассимиляция. Одной из причин этого стало самовосприятие финно-угорскими народами своей культуры как отсталой и неразвитой по сравнению со славянской культурой.

Таким образом, на Урале осуществлялись сразу две тенденции развития этносов. В условиях партийно-государственной политики, направленной на интеграцию всех народов в единое целое, и создание новой формации — советского народа, а позднее россиян, финно-угорские народы начали терять

свою индивидуальность и фактически сливаться с новой культурой. Однако в процессе интеграции они теряли свою этническую идентичность, не вкладывая в новую советскую культуру своих национальных элементов. Взаимного обогащения культур не происходило, что позволяет сделать вывод об ассимиляции этих народов с потерей своей этнической самостоятельности. Тюркоязычное же население пошло по пути усиления национальной и этнической самоидентификации, активно сопротивляясь интеграционным процессам.

Литература

1. Этнический мир Прикамья: библиографический указатель / Департамент культуры и искусства Администрации Перм. Обл., Перм. Обл. б-ка им. А.М. Горького: (сост.: Т.И. Быстрых). — Пермь : Реал, 2003. — 495 с.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М. : Госстатиздат, 1963. — 431 с.
3. ГОПАПО — Ф. 90. — Оп. 1. — Д. 496. — Л. 9.
4. ГОПАПО. — Ф. 105. — Оп. 28. — Д. 81. — Л. 57.
5. Дерябин, В.С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития / [http: // old.iea.ras.ru/Russian/publications/applied/102.html](http://old.iea.ras.ru/Russian/publications/applied/102.html).

СФЕРА КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ

Основная цель государственной культурной политики — развитие культурного потенциала и сохранение историко-культурного наследия — может быть достигнута за счет удовлетворения культурных потребностей населения через предоставление широкого спектра услуг, создание условий для равного доступа к культурным ценностям разным категориям населения.

С 2004 года государство задает новые векторы формирования и развития социально ориентированной политики. Приоритеты и направления реформирования отражены в ежегодных Посланиях Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию. Создание эффективных механизмов управления — одна из стратегических задач государства, которая решается в рамках проведения административной реформы, ее правового обеспечения, а также реструктуризации бюджетного сектора экономики.

Административная реформа направлена на совершенствование механизмов управления государством. Основное содержание административной реформы связано с разделением полномочий между разными уровнями власти, определением требований к государственной службе, пересмотре функций и структуры исполнительной власти.

Вертикаль власти четко делится на федеральный, региональный и муниципальный уровни, каждому из них задается свой перечень полномочий, обеспеченный определенным объемом имущества и расходных обязательств соответствующих бюджетов. Для реализации полномочий в сфере культуры на федеральном уровне в составе Правительства создано Министерство культуры и массовых коммуникаций, на региональном — региональные министерства или управления культуры, на муниципальном — управления, комитеты, отделы культуры. Эти структуры осуществляют функции управления, и, в свою очередь, создают сеть подведомственных организаций, предоставляющих населению конкретные услуги. Количество управленческих структур заметно сокращается за счет упразднения или объединения в единый орган управления близких по направлениям работы аппаратов. Наибольшим разнообразием отличаются органы власти муниципального уровня. Есть примеры, когда органы управления культурой объединены с направлениями: спорт, молодежная политика, связи с общественностью, средства массовой информации.

Реформа государственной службы состоит в пересмотре статуса государственных служащих и порядка прохождения ими государственной службы с целью сделать государство конкурентоспособным

работодателем, а государственных служащих эффективными исполнителями функций государства. Повышаются требования к уровню квалификации государственных и муниципальных служащих, определяются должностные регламенты, разрабатываются критерии, по которым оценивается их труд.

Реформа функций и структуры исполнительной власти включает оперативную и институциональную составляющие. Оперативная состоит в отказе от избыточных функций, совершенствовании порядка реализации необходимых государственных функций. Институциональная часть реформы заключается в создании механизмов предотвращения появления новых избыточных функций, закреплении процедур выполнения необходимых функций, обеспечении информационной открытости власти, закреплении стандартов качества оказания государственных услуг.

Основополагающими актами правовой реформы стали Федеральные законы ФЗ-95 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» [1], ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. Новое в законодательстве закрепляет принцип федеративности и развивает возможности регионов и местного самоуправления.

В соответствии с федеральным законодательством создается нормативная база региональной культуры. Принимаются региональные законы о деятельности в сфере культуры, образования, библиотечного дела, об охране и использовании памятников истории и культуры, о поддержке народных промыслов и ремесел, а также документы, регламентирующие оплату труда в бюджетных организациях, определяются меры социальной поддержки специалистов культуры, в том числе проживающих в сельской местности. Эта составляющая реформы проходит с немалыми сложностями. Именно на муниципалитеты приходится основная нагрузка по обеспечению жителей социальными, в том числе культурными услугами. Но уже в ходе подготовки к вступлению в действие Федерального закона ФЗ-131 и практики и законодатели убедились в его несовершенстве и допущенных досадных ошибках при формировании его положений, касающихся сферы культуры. В законе не были прописаны полномочия, связанные с развитием традиционного народного творчества и ремесел, не отражены вопросы, касающиеся музейного дела. Изменения, принятые

относительно ФЗ-131, частично исправили положение, но уже запущенный механизм распределения полномочий приводит к утратам традиционных, зарекомендовавших себя многолетней практикой работы связей, разрушению моделей управления. Есть примеры, когда расформируются централизованные библиотечные и клубные системы — структуры, которые ведут методическую работу: обеспечивают подбор кадров и осуществляют меры по повышению их квалификации; благодаря которым организовано обслуживание населения на территориях, где нет стационарных учреждений культуры.

Болезненно идет распределение полномочий в муниципальных районах между районом и «столичным» поселением. На имущество организаций, расположенных в таких поселениях, одновременно претендуют оба уровня власти, т. к. закон предусматривает практически одинаковые полномочия по созданию условий для организации досуга населения, организации библиотечного дела, организации музеев.

Наибольшее количество обращений от муниципальных учреждений культуры в адрес региональных органов управления культурой — это просьбы об оказании финансовой помощи. Две наиболее часто повторяющиеся проблемы: состояние сети учреждений и их материальной базы, которые находятся в критическом состоянии или разрушены; участие творческих коллективов в престижных всероссийских и международных конкурсах и фестивалях, которые также требуют немалых затрат. Закон не предусматривает возможности финансирования муниципальных учреждений культуры из средств регионального органа управления. В компетенцию регионального уровня власти входит организация предоставления услуг только за счет подведомственных ему организаций. Ради прозрачности бюджетных потоков оказались разрушенными вертикальные связи управления культурными процессами. Субъекту Российской Федерации все сложнее координировать развитие культурных процессов на своей территории, т. к. в реальном арсенале средств управления остается работа по подготовке кадров и методическое сопровождение многочисленных организаций культуры разных видов и типов. Документы региональной власти носят рекомендательный характер, а значит не обязательный для исполнения на местах.

Способом решения этих проблем является определенная законодательством возможность создания комплексных региональных программ. Программно-целевое проектирование позволит решать общезначимые проблемы региона за счет объединения возможностей и согласования интересов разных уровней власти.

Экономическая реформа заявлена в виде реструктуризации бюджетного сектора, ее сутью является переход от сметного финансирования учреждений на

бюджетирование, ориентированное на результат. Высокие требования к качеству услуг, предоставляемых населению, их соответствию запросам потребителей входят в противоречие с условиями, в которых работает большинство учреждений. Сомнительно ожидать творческих свершений от клуба или библиотеки, находящихся в аварийной ситуации, не отапливаемых в зимнее время. Понятно, что состояние материальной базы, наряду с такими составляющими, как состояние книжного фонда в библиотеке или наличие специального оборудования в клубе, уровень квалификации специалистов, определяют качество предоставляемой учреждением культуры услуги. Предстоит осмыслить и разработать методику финансирования сферы культуры, учитывая ту важную роль, которую играет культура в обеспечении социальной стабильности и обеспечения качества жизни конкретной территории.

Тема определения результативности деятельности учреждений также имеет только общие очертания, т. к. не определены индикаторы и объемные показатели деятельности учреждений. Результат культурной деятельности иногда трудно оценить в привычных категориях: количестве мероприятий, числе зрителей или количестве выданных книг, не менее важно увидеть и обозначить качественные характеристики. В основе оценки деятельности учреждений целесообразно выделить две группы показателей:

— первая группа показателей может оказаться значимой для оценки деятельности учреждения культуры с точки зрения органов управления ведомственного и территориального характера;

— вторая группа показателей позволяет оценить работу учреждений культуры глазами непосредственных потребителей услуг данного учреждения, например, жителей данного населенного пункта.

Абсолютные показатели — количество мероприятий, число посетителей, читателей, учащихся дают информацию об объемах работы, но являются менее информативными, чем относительные — доля обслуживаемого населения, книгообеспеченность на одного жителя или читателя, охват детей дополнительным образованием, обновляемость фондов или процент экспонируемых предметов музейного хранения.

Финансовые показатели деятельности учреждения связаны не столько с экономией бюджетных средств, сколько с эффективным их расходованием. Грамотное планирование потребности бюджетных средств не должно создавать эффекта их экономии, план должен равняться факту. Государство пытается контролировать процесс закупок товаров и услуг через обязательное прохождение конкурсов, проведение котировок. Однако основной критерий — выгодная цена — часто противоречит необходимым параметрам приобретаемого оборудования или услуги, которые сложно, а иногда просто невозможно предусмотреть. Почему вы приглашаете этот, а не

другой коллектив для участия в фестивале или празднике, этого, а не другого режиссера на постановку спектакля, ведь стоимость их услуг выше? Потому что в результате хотим получить событие, а не рядовое мероприятие. Эту «событийность» непосредственно измерить сложно, но завтра она даст рост числа зрителей, увеличение объема выручки от продажи билетов. Поэтому критерием эффективности деятельности учреждения следует считать стопроцентное освоение бюджетных средств, а также объем полученных внебюджетных. Эффект спектакля, мероприятия, кинофильма зависит от многих составляющих: таланта творцов, актуальности избранной темы, вложенного в постановку количества финансовых средств, и тут же: комфортности зала, качества рекламы, культуры обслуживающего персонала; он измерим будет в количестве посетителей, цене билета, объеме выручки, проценте заполняемости зала и даже наличии объявления «Билетов на сегодня нет». Однако надо оговориться, что объем полученных от реализации услуг средств имеет некоторые ограничения. Они связаны с нормами трудозатрат создателей культурной услуги, режимом их работы, «предельностью» числа зрителей в зале и количеством мероприятий в конкретном помещении или в течение дня, недели, месяца, в конце концов, ценой билета, которая должна быть гибкой и учитывать покупательские возможности аудитории.

В качестве относительных критериев результативности деятельности учреждений можно предложить: охват населения услугами (библиотек, музеев и т. д.), число посещений на 1000 жителей; доля учреждений, имеющих выход в Интернет; доля учреждений, имеющих веб-сайт; доля классических (или современных, местных авторов) произведений в репертуаре (театра, коллектива); доля участников клубных формирований от общего количества населения; обновляемость фонда, репертуара; общее число посетителей, соотнесенное с числом (количеством) мероприятий, что будет отражать среднюю посещаемость мероприятия; доля вовлеченных в деятельность учреждений культуры представителей отдельных возрастных и социальных групп от общего количества представителей данной группы, например, доля вовлеченных подростков от общего числа подростков данного населенного пункта; доля мероприятий межведомственного (совместного, комплексного) характера, например, количество мероприятий, осуществленных совместно со службой занятости, школой, центром социальной защиты от общего количества мероприятий, что позволяет определить уровень взаимодействия с другими учреждениями территории (образовательными, социальными и т. д.); доля мероприятий, рассчитанных на участие всей семьи, что позволяет поддерживать семейные устои, традиции, формировать культ семьи, от общего количества мероприятий.

В качестве экономических показателей можно предложить долю расходов на сферу культуры в соответствующем бюджете; доля бюджетных средств в общем количестве израсходованных средств; объем средств бюджета на культурное обслуживание 1 жителя; объем затрат на обслуживание 1 посетителя; объем средств, которые житель тратит на услуги культуры (определяется как отношение средств, полученных от платной деятельности учреждений, к общему числу жителей); доходы учреждения культуры, соотнесенные с общим числом сотрудников учреждения, что отражает объем доходов на одного работника; доходы учреждения культуры, соотнесенные с площадью учреждения культуры, что отражает доходность использования одного квадратного метра помещения; доходы учреждения культуры, соотнесенные со стоимостью используемого оборудования. Развитие материальной базы учреждения культуры может быть оценено через коэффициент обновления, когда стоимость нового оборудования введенной техники соотносится с общей стоимостью оборудования на конец года; соответствие сети учреждений нормативной; уровень заработной платы работников культуры, соотнесенный со средним в регионе, территории.

Абсолютные показатели отражены в государственной или ведомственной статистической отчетности. Это число посетителей, пользователей; число книговыдач, число мероприятий, число клубных формирований, количество мероприятий регионального, российского, международного уровня, которые проводились учреждением, или его представители приняли в них участие, количество деловых партнеров учреждения культуры (организаций или отдельных граждан, которые постоянно контактируют с учреждением, являются заказчиками его услуг или оказывают помощь), число методических мероприятий по актуальным проблемам практики, количество методических разработок по актуальным проблемам практики.

К экономическим показателям эффективности деятельности учреждений можно отнести средний размер заработной платы работников; объем средств, полученных от реализации собственной продукции, объем средств, привлеченных от спонсоров.

Для анализа можно использовать показатели деятельности учреждений аналогичного по социально-экономическим условиям города или района, отнесенных к одной группе оплаты труда руководящих работников, наблюдая динамику изменений за несколько лет.

Вторая группа показателей оценки деятельности учреждений культуры позволяет провести анализ с позиции непосредственных потребителей услуг учреждения культуры, то есть населения. Очевидно, в большей своей части это могли бы быть качественные показатели, полученные в результате

анкетирования населения. В большей степени нас может интересовать в этом случае качество оценки предлагаемых услуг и проводимых мероприятий, уровень удовлетворенности «ассортиментом» предлагаемых основных услуг, качество сопутствующих услуг, таких как, например, работа кафе, выездной торговли и т. д. При оценке деятельности учреждений культуры анкета может содержать вопросы, позволяющие оценить новизну мероприятия, информативность, интерес, вовлеченность населения, учет специфики национальных традиций, доброжелательность атмосферы и ряд других качественных критериев. Анкетирование потребителей позволяет оценить значимость отдельных видов услуг учреждений культуры, определить качественные критерии оценки и сравнения, выявить слабые стороны деятельности учреждения культуры, определить приоритетные направления развития. Установление обратной связи с потребителем позволит помочь учреждениям культуры выработать новое видение своего дальнейшего развития.

Разработка методики определения эффективности деятельности учреждений может стать основой перехода от сметного финансирования на бюджетирование, ориентированное на результат. При этом надо помнить, что отложенный во времени социальный эффект культурной деятельности должен настраивать государство рачительно относиться к этому стратегическому ресурсу, оберегая культурный потенциал как одну из наивысших ценностей.

Литература

1. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: федер. закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2003. — № 27 (ч. 2). — ст. 2709.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2003. — № 40. — ст. 3822.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ И ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА

Одним из основополагающих принципов профессионального образования является адекватность требованиям практики, общества и в целом — жизни. Для реализации данного принципа в профессиональном образовании необходимо ответить, по меньшей мере, на два вопроса: каковы требования современного общества и как организовать образовательный процесс так, чтобы подготовить специалиста, отвечающего этим требованиям, востребованного и конкурентоспособного в рыночных условиях. Специфика деятельности в современных условиях, связанная с ускорением научно-технического прогресса, усилением конкуренции и изменением отношения к потребителю, привела к тому, что единственным конкурентным преимуществом, которое сегодня есть у деловой организации, становятся люди. На протяжении многих лет таким преимуществом было обладание технологиями, но технологии в наш век могут очень быстро копироваться конкурентами. Поэтому, чтобы быть всегда на полшага впереди других организаций, надо все время предлагать что-то новое. Как можно сохранять подобный темп развития? Только за счет интеллектуального капитала. При всей технологической оснащённости и широте присутствия на рынке, организация не сможет стать лучшей без человеческого фактора. Сегодня все больше и больше предприятий, компаний, фирм признает важность человеческого фактора в условиях высококонкурентной рыночной экономики. Постепенно на первое место вместо безликой массы выходит личность с ее творческими способностями, индивидуальностью, способностью рационализировать, преобразовывать, изменять, развивать как себя, так и окружающую действительность. Однако наше российское общество еще не может так быстро осознать, переосмыслить и принять эту новую реальность. Тем не менее, сегодня уже две пятых людей, занятых в производстве, — работники интеллектуального труда, в деятельности которых главное — творчество, способность понимать, осознать как потребности текущего момента, так и будущие потребности, конструировать в своем сознании модели, которые могли бы удовлетворить эти потребности. Таким образом, личность работника становится основным действующим лицом на этапе современной экономики, а сама экономика становится «личностной». Поэтому инициирование потребности личности в образовательной деятельности — не мода, а реальная необходимость. Сегодня успешно работать в организациях, пронизанных информацией, конкурирующих на глобальном рынке, могут лишь те, кто обучается и дей-

ствует быстрее (находят деньги, придумывают новые продукты, технологии их производства и методы продажи), а не те, кто владеет только технологией или у кого больше каких-то материальных ресурсов в данный момент времени.

Если проанализировать требования к личности работника, предъявляемые условиями деятельности и выраженные в запросе работодателя, то везде требуются профессионалы, способные находить творческие решения в незапланированных ситуациях, в условиях дефицита времени и информации, активные, инициативные, самостоятельные и ответственные работники. Именно уровень творческой активности работника, образовательный потенциал определяет его ценность для организации, а следовательно, и рыночную стоимость данного сотрудника.

Какие подходы к профессиональному образованию необходимо взять за основу, какими должны быть формы и методы обучения, чтобы сформировать потребность в творческой деятельности обучающегося специалиста, способного обеспечить развитие предприятий всех отраслей экономики России? Э.Ф. Зеер отмечает, что в настоящее время в теории и практике представлены три парадигмы профессионального образования [1]: когнитивно, деятельностно и личностно ориентированная. Их сравнительный анализ представлен в табл. 1.

Выбор образовательного подхода связан с проблемой смены образовательной парадигмы. Вместо существующей когнитивно ориентированной парадигмы образования сегодня предлагается личностно ориентированная. Традиционное когнитивно ориентированное образование решает в основном одну задачу — формирование знаний, умений и навыков; развитие и воспитание обучаемых — «побочный продукт» обучения. В этом случае в профессиональной школе не преследуется цель становления личности. Профессионально-образовательный процесс нацелен на овладение обучаемыми социально и профессионально значимыми знаниями и умениями. В результате мы имеем «полуфабрикат» специалиста, точнее, не специалиста, а выпускника, не подготовленного к выполнению профессиональных функций по полученной специальности. С таким положением можно было мириться в эпоху преобладания репродуктивных производственных технологий, когда в массовом производстве были востребованы в основном специалисты. В условиях рынка востребованными оказываются не специалисты, а профессионалы, а их подготовить можно, только используя личностно ориентированный подход в образовании. Данная концепция ос-

Таблица 1

Квалификационные параметры основных парадигм профессионального образования

Параметры	Когнитивно ориентированная парадигма	Деятельностно ориентированная парадигма	Личностно ориентированная парадигма
1. Целевые ориентации	Формирование знаний, умений и навыков, основ научного мировоззрения, всестороннее развитие обучающихся, воспитание сознательных и высокообразованных людей	Формирование знаний, умений и навыков, обобщенных способов умственных и практических действий, способностей, черт характера и других качеств, обеспечивающих успешность практической (социальной, трудовой, художественно-прикладной) деятельности человека. Формирование трудового опыта, развитие трудолюбия и воспитание трудовой нравственности	Становление и развитие личности обучаемого, его познавательных способностей, формирование обобщенных знаний и способов учебных действий, опора на субъективный опыт обучаемого
2. Тематическое ядро образовательной парадигмы	Ключевые компетенции – совокупность знаний по учебным предметам, а также умений по выполнению дидактически ориентированных заданий. Ключевые компетенции являются многомерными, включают также умственные процессы, интеллектуальные умения и жизненный опыт	Ключевые компетенции – общая способность личности мобилизовать в деятельности свои знания и умения, а также обобщенные способы выполнения действий. Ключевые компетенции имеют экстрафункциональный характер, включают знания, умения и способности, необходимые для успешной адаптации и выполнения разнообразных взаимосвязанных видов деятельности в различных профессиональных сообществах	Ключевые квалификации – общепредметные и общепрофессиональные знания, умения, навыки, а также способности и качества, обеспечивающие успешное освоение новых видов деятельности, социальное освоение профессиональную мобильность и динамичность. Ключевые квалификации являются многомерными, так как включают знания, умения, навыки, субъективный опыт, социально-профессиональные качества и психофизиологические свойства
3. Принципы обучения	Научность, систематичность, доступность, прочность, сознательность, активность, наглядность, связь теории с практикой, учет возрастных и индивидуальных особенностей	Ориентация на развитие деятельностных структур, приоритет дидактики и методики, сочетание индивидуальной работы с групповыми формами, учение в индивидуальном темпе и стиле, адаптация дидактических средств к познавательным возможностям учащихся, обеспечение обратной связи	Приоритет индивидуальности личности, гуманизация и демократизация педагогических отношений, максимальный учет субъективного опыта обучаемых
4. Содержание образования	Содержание обучения определяется учебным планом и учебными программами, которые основываются на стандартах образования. Единая, технологическая и невариативная система. Акцент на формировании у обучаемых совокупности знаний	Характерны блочно-модульная компоновка содержания обучения и адаптация его к индивидуально-профессиональным особенностям различных групп обучающихся. Образовательные программы четко ориентированы на конкретный вид и уровень деятельности	Содержание обучения главным образом направлено на формирование личностно значимых способов учебно-профессиональной деятельности с учетом субъективного опыта обучающихся. Образовательные программы отражают не только знаниевый компонент, но и психологическое содержание основных сфер человеческой деятельности (наука, искусство, ремесло), а также личностные особенности обучающихся. Образовательные программы максимально адаптированы к индивидуально-психологическим возможностям обучающихся

Окончание табл. 1

Параметры	Когнитивно ориентированная парадигма	Деятельностно ориентированная парадигма	Личностно ориентированная парадигма
5. Технологии обучения	Доминируют объяснительно-иллюстративные методы обучения. Широко используются способы активизации познавательной деятельности. Преобладающий стиль взаимодействия педагогов с обучающимися — авторитарный	Доминируют информационные (дидактоцентрические) технологии обучения, основанные на концепции интериоризации, характеризующей переход внешних действий в умственные. Главное — формирование системных и практических действий. Преобладающий стиль взаимоотношений педагогов с учащимися — адаптивный	Доминируют антропоцентрические технологии обучения, основанные на теориях развивающего и проблемного обучения. Акцент делается на формировании обобщенных способов учебно-профессиональной деятельности и организации саморегулируемого учения. Преобладающий стиль взаимоотношений педагогов с учащимися — гуманно-личностный, технологии обучения направлены на развитие совокушности характеристик личности: знаний, умений, навыков, способов учебных действий, механизмов личностного самоуправления, сферы эмоционально-нравственных характеристик личности
6. Критерии оценки результатов учения	Количественная пятибалльная оценка знаний, умений и навыков по учебным предметам. Требования к оценке: индивидуальный подход, дифференцированный подход, объективность контроля, объективность, гласность. Отметка является средством принуждения, психологического давления на учащегося. Итоговый анализ учебно-профессиональной деятельности осуществляется педагогом	Сочетание поэтапного контроля знаний, умений и навыков на зачетах и экзаменах, проводимых в форме испытаний: собеседования, тестирования, самостоятельных работ, программного опроса и т. д. Компьютерное тестирование уровня обученности дополняется диагностикой психического развития обучающегося. В отдельных случаях (в системе дополнительного профессионального образования) используется экспертная оценка подготовленности специалиста, основанная на сетевых оценочных процедурах	Отслеживание (мониторинг) развития основных подструктур личности: направленности, компетентности (обученности), познавательных способностей, профессионально важных качеств и психофизиологических свойств личности. Важное значение придается самоконтролю и самооценке, которые становятся психологической основой рефлексии учебно-профессионального развития личности учащихся. Оценка результатов учения становится основой психологической поддержки и коррекции развития личности

новывается на методологическом признании в качестве системообразующего фактора личности обучаемого: его потребностей, мотивов, целей, способностей, активности, интеллекта и других индивидуально-психологических особенностей.

Приобретенные в вузе знания в условиях стремительного технологического прогресса очень быстро устаревают, о чем свидетельствует понятие «период полураспада компетентности» — промежуток времени, за который половина приобретенных знаний устаревают. Тому есть объективные причины: практически ежедневные прорывы в науке и технике; строительство, основанное на знаниях постиндустриального информационного общества; обостряющаяся конкурентная борьба. Все это приводит к необходимости своевременной и постоянной адаптации к быстрым и порой фундаментальным социально-экономическим изменениям.

Потому ограничить учебный процесс государственным школьным и профессиональным образованием для успешной социализации широких слоев населения в настоящее время уже недостаточно. В таком случае перед профессиональными учреждениями первоочередной становится задача **научить учиться и самостоятельно добывать знания**, а не просто передать знания от преподавателя студенту. Кроме того, приобретенные умения и навыки могут не отвечать новым ситуациям, а в некоторых случаях, выступают своеобразным тормозом. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено нежелание брать специалистов, возраст которых превышает 40 лет, поскольку многие из них обладают опытом, несовместимым с новыми требованиями, а адаптироваться к новым условиям многие из них не желают, а в некоторых случаях и не могут. Итак, вместо классического разделения «сначала обучение, затем профессия» выступает формула «непрерывного образования», призванная стать перспективной для будущего развития экономики и общества в целом. Тогда внедрение системы непрерывного образования и развития, совершенствование системы постоянной переподготовки всех категорий от рядовых работников до руководящего звена и в течение всей жизни превращается в новое стратегическое направление деятельности многих современных деловых организаций.

Анализ основных парадигм и подходов (табл. 2) в образовании позволяет выделить следующие типологические модели профессионального образования, отвечающие новым реалиям:

- модель развивающего профессионального образования;
- модель профессионального корпоративного обучения;
- модель профессионального саморазвития.

Данные типологические модели показывают, что категория профессионализма неразрывно связана с личностно-профессиональным развитием работни-

ка, только по мере того как личность становится субъектом деятельности, человек (работник) становится профессионалом.

Характеризуя человека как субъекта труда, инициатора активности Е.А. Климов [2] предложил для изучения уровня его сформированности следующие психологические признаки субъекта труда.

Первый признак характеризует осознание человеком социальной ценности результата труда, а уровень осознания определяется на основании: а) степени представленности у субъекта труда знаний о требованиях к результату труда; б) характера познания социальной ценности предвидимых результатов труда для себя и для общества; в) эмоциональных проявлений субъекта деятельности и их адекватности его представлениям и знаниям.

Второй признак — сознание обязательности выполнения порученного дела в заданных нормах (социальная и профессиональная ответственность, чувство долга). Уровень представленности данного признака определяется на основании: а) оценки характера осознания необходимости и ответственности за выполнение работы; б) оценки адекватности эмоционального состояния субъекта труда уровню его осознания.

Третий признак — сознательное применение орудий труда, средств достижения профессиональных целей, которое рассматривается с позиций поровневой представленности по следующим характеристикам: а) степень теоретической подготовленности к выполнению профессиональной деятельности (знание зависимостей между свойствами предметов, орудий и субъектом труда); б) степень сформированности профессиональных навыков и умений; в) адекватность эмоциональных проявлений уровню готовности субъекта труда.

Четвертый признак — осознание профессиональной значимости межличностных отношений, оценка уровня которых осуществляется на основании глубины знания и понимания субъектом труда вклада других людей в создание материальных ценностей общества, которые он использует в своей профессиональной деятельности, а также с учётом характера эмоциональных переживаний, отношения к людям труда, к ценностям, которые они создают.

Перечисленные психологические признаки в субъектно-деятельностном подходе, основанном на научных идеях Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова и развитом в трудах К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, Е.А. Климова и других исследователей, раскрываются через систему психологических регуляторов активности субъекта, таких как «образ объекта» (представления, глубина познания и чувственное отражение предметов и явлений трудового воздействия), «образ субъекта» (представление о самом себе как участнике трудового процесса), «образ субъект-объектных и субъект-субъектных отно-

Таблица 2

Сравнительный анализ моделей профессионального образования

Модель, описание	Преимущества	Недостатки
1. Модель развивающего профессионального образования — подготовка осуществляется в образовательных учреждениях на основе стандарта специальности	<ul style="list-style-type: none"> ● Широта теоретического подхода; ● высокий уровень самостоятельной работы обучающихся; ● массовость обучения; ● качество обучения (соответствие образовательных программ Госстандарту); ● активизация ресурсов обучающихся к саморазвитию; ● информационный обмен с сотрудниками различных организаций (заочная форма) 	<ul style="list-style-type: none"> ● Формализованность процесса обучения; ● «субъективизм» обучения (научная точка зрения преподавателя); ● требуется изначально высокий уровень знаний и мотивация к обучению
2. Модель профессионального корпоративного обучения — подготовка осуществляется в образовательных структурах деловых организаций (корпоративные университеты, институты, колледжи, бизнес-школы) на основе корпоративных образовательных программ	<ul style="list-style-type: none"> ● Практическая направленность учебного материала; ● доступность для сотрудников организации (изначально не требуется высокий уровень знаний); ● направленность знаний, умений и навыков на цели компании; ● активные формы обучения для максимального освоения программы каждым участником; ● современная техническая и информационная база; ● стандартизация программы (технологические корпоративные стандарты ориентированы на цели компании); ● ответственность специалистов-преподавателей за результат обучения перед менеджментом компании 	<ul style="list-style-type: none"> ● Ограниченность теоретического подхода; ● недоступность для всех (обучение проводится только для сотрудников компании); ● отсутствие взаимодействия в процессе обучения с сотрудниками других организаций и обмена опытом; ● «субъективизм» обучения (теоретический материал излагается на основе видения компании)
3. Модель профессионального саморазвития — осуществляется самостоятельно специалистом на основе индивидуального плана (научная работа, исследовательская деятельность, самообучение)	<ul style="list-style-type: none"> ● Самостоятельность теоретического исследования; ● возможность обобщить практический опыт; ● ориентация на профессионально личностный рост 	<ul style="list-style-type: none"> ● Сложность определения направления теоретического исследования; ● возможность теоретических и практических отклонений при проведении работ; ● требуется длительный период времени, свободного для анализа исходного материала

шений» (представления о межличностных отношениях и групповых процессах в различных звеньях трудового сообщества) [3].

Таким образом, развитие личностного отношения к самому себе, другим людям, миру, профессиональной деятельности у молодых людей способствует становлению их как субъектов деятельности, что позволяет им быть конкурентоспособными в рыночных условиях. Такое развитие и формирование личности специалиста с позиции профессионального образования предполагает четкое осознание целей и задач образовательного процесса, исходя из которых выбирается та или иная парадигма и модель образования, максимально отвечающая достижению поставленных целей.

Выводы

1. Изменения в жизни общества, произошедшие в конце XX века, связаны с развитием фундаментальной и прикладной науки, технологическим прогрессом, развитием образования, социальным прогрессом. Это привело к изменению системы и философии профессионального образования, методов организации труда работников. Произошли принципиальные изменения и в содержании труда, его интеллектуализации, креативности, контракции индивидуальной ответственности. Коренные изменения условий производственной деятельности сотрудников привели к трансформации требований к подготовке современных специалистов.

2. В рыночных условиях конкурентоспособными оказываются профессионалы, которые способны строить и развивать собственную деятельность в условиях постоянно меняющейся объективной реальности. Они не просто успевают за высоким темпом жизни, а опережают его. Стать профессионалом можно, только став субъектом деятельности. Уровень подготовки специалиста (его конкурентоспособности и востребованности на рынке труда) определяется по сформированности психологических признаков, характеризующих его как субъекта труда.

3. Проектируя процесс профессионального обучения, необходимо ориентироваться на важнейшие положения субъектно-деятельностного подхода, к которым относятся: 1) неразрывная связь и взаимовлияние человека и деятельности, в которую он включен; 2) творческий и самостоятельный характер деятельности, которую он выполняет; 3) понимание деятельности как целенаправленной, сознательной, практически преобразующей активности человека по отношению к внешнему миру и к самому себе; 4) развитие субъекта в деятельности и изменение самой деятельности [3]. Таким образом, согласно субъектно-деятельностному подходу, специалист формируется и проявляется в ходе деятельности, всегда социальной, творческой, самостоятельной, преобразующей. Поэтому основу подготовки современного специалиста должны составлять не столько передача ему знаний, формирование уме-

ний и навыков, сколько создание профессиональной и образовательной среды как основы жизнедеятельности человека.

4. Адекватность современного профессионального образования требованиям общества выдвигает на первый план проблему выбора содержания обучения, методики и технологии подготовки специалистов. Решение данной проблемы возможно в переводе акцента с обучения (знаниям, умениям) на развитие способностей и формирование ключевых (стратегических) компетенций при методологической ориентации образования на современные концепции обучения, воспитания и развития всех субъектов профессионально-образовательного процесса, которые позволяет осуществлять личностно ориентированное профессиональное образование.

Литература

1. Зеер, Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование: теоретико-методологический аспект. — Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного профессионально-педагогического университета, 2001. — 51 с.
2. Климов, Е.А. Введение в психологию труда. Учебник. — М. : Культура и спорт; ЮНИТИ, 1998. — 344 с.
3. Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В.А. Бодрова. — М. : Институт психологии РАН, 2004. — 390 с.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В настоящее время наше трансформирующееся общество находится в аномическом состоянии. В силу смещения идеологических императивов духовная сфера потерпела, пожалуй, наибольшее разрушающее воздействие. Одним из проявлений ее разрушения является осложнение процесса самоидентификации. Поэтому важным является поиск путей оптимизации обретения идентичности. Идентичность формируется в ходе деятельности, которую рассматривают как творческую, подразумевая при этом формирование личности.

Творчество стало объектом и предметом философской мысли, начиная с самого отдаленного времени. Мы можем сформулировать основные особенности творческой деятельности, выделявшиеся философами. Одни определяющим качеством творчества считают создание чего-то нового, полагая необходимым для этого наличие особых способностей творящего субъекта (творчество как прерогатива Бога или гения). Другие же, рассматривая творчество как процесс формирования личности, тем самым признают его неотъемлемой частью жизни любого человека. Эти расхождения во взглядах на сущность творчества сохранились и до настоящего времени.

В современной социологической литературе сложилось два подхода к данному понятию. Один из них более близок к обыденному пониманию и употреблению этого термина. Творчество рассматривается как деятельность, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей. Оно предполагает наличие у личности способностей, мотивов, знаний и умений, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью. То есть творчество здесь рассматривается как некий вид деятельности с присущим ей рядом особенностей. Ключевой особенностью в данном контексте является создание чего-либо нового, никогда не бывшего. Понятие «творчество» употребляется здесь в узком своем значении. В этом смысле данный термин используется обычно для обозначения профессиональной или любительской деятельности в различных сферах общественной жизни, связанных с созданием каких-то новых ценностей, с целью разграничения продуктивных и репродуктивных видов деятельности [1, с. 128—144].

Следует отметить, что целый ряд ученых, рассматривая сущность творчества, также обращается только к продуктивной деятельности. Так, в статье А.М. Коршунова «Отражение. Познание. Творчество» мы находим следующее определение: «Твор-

чество есть активное взаимодействие субъекта с объектом, в ходе которого субъект целенаправленно изменяет окружающий мир, создает новое, социально значимое, в соответствии с требованиями объективных закономерностей» [2, 7—38]. Такое же представление о творчестве мы встречаем у П.В. Симонова в статье «Мозг и творчество», где он рассматривает некоторые аспекты познавательной деятельности человека: «Творчество — приобретение принципиально *нового* знания о человеке, окружающем его мире и способах его преобразования, которым *не располагали* предшествующие поколения, которое надо *добыть, а не получить в готовом виде* от своих предшественников и современников» [3, с. 3—24] (курсив мой В. К.). Мы видим, что данные авторы подчеркивают вполне определенный аспект творчества создание нового и рассматривают его как *деятельность*, отвечающую этому требованию.

Таким образом, все приведенные точки зрения отличаются одной общей особенностью: они рассматривают творчество как *вид деятельности* и анализируют только продуктивную (следовательно, не репродуктивную) деятельность. Встает вопрос, а что, собственно, можно рассматривать как нечто «новое»? Должны ли это быть только некие материальные и духовные ценности, или новое можно рассматривать в более широком смысле? Скажем конкретнее, можно ли рассматривать в качестве этого нового человеческую личность? Нам представляется, что это вполне обоснованный подход. Поэтому существует и иная точка зрения на данную проблему — рассмотрение творчества как некоего качества, присущего самым различным видам человеческой деятельности. «Творчество — сущностная черта всей человеческой деятельности, ее высшее особое качество» [4, с. 34—43].

Именно в этом аспекте рассматривал творчество Л.Н. Коган. По его мнению, определяя творчество только как деятельность по созданию нового, исследователь ограничивает свое внимание только активностью немногих выдающихся личностей, творцов значительных культурных ценностей. Избежать этого можно, только рассматривая творчество как *характер деятельности* человека (в отличие от механической, шаблонной, стереотипной деятельности). Исходя из этого, можно взять за основу следующее определение: *творчество* — это «нестандартизированная физическая или умственная деятельность человека, в процессе которой опредмечиваются его социальные силы и создаются лично или общественно значимые материальные или духовные ценности» [5, с. 187—188]. При таком подходе на первый

план выступают качества и свойства, которыми обладает творческая деятельность. Естественно, возникает необходимость рассмотреть вопрос об источниках творческой деятельности. Одним из них является потребность в самореализации. Идея самореализации глубоко и всесторонне была разработана еще Гегелем. По его мнению, выполняя какую-либо деятельность, человек преследует цель, продиктованную своеобразием этой деятельности, но при этом он должен получать удовлетворение от нее. Это происходит, когда в активном действии человек достигает и своих собственных целей. Внутренняя, своя цель, которую преследует человек, и есть *самореализация личности*.

Большое значение проблемам самореализации придается и современными учеными. Заслуживает внимания акцент на самопознании. Такова, например, позиция И.С. Кона. Другие же исследователи придерживаются иного мнения, считая, что главным на пути человека к себе является процесс активного творчества индивида по созданию самого себя, т. е. самореализация. Л.Н. Коган утверждает, что самореализация выступает закономерным результатом внутренней активности субъекта. В сущности, это свободная деятельность индивида. Источником самореализации является противоречие между жизненной целью личности и степенью приближения к этой цели. Он определяет самореализацию как «сознательный целенаправленный процесс раскрытия и опредмечивания сущностных сил личности в ее многообразной социальной деятельности» [5, с. 147].

Можно с уверенностью сказать, что самотворчество не представляет собой какого-либо отдельного творческого процесса. С точки зрения «творчества собственной жизни» далеко не все процессы имеют одинаковое значение. Их можно подразделить на деятельность, способствующую прогрессивному развитию личности, на процессы, которые являются нейтральными для развития, и процессы, ведущие к деградации личности. К первым относятся все виды просоциальной деятельности, являющиеся нестереотипными, требующими нестандартного подхода. Творение человеком самого себя продолжается с первых его сознательных проявлений и до глубокой старости. Но наиболее интенсивно оно в период социального становления человека, т. е. в юности. Поэтому в данный период особенно важны различные виды именно творческой деятельности.

Важнейшим критерием творчества является степень самореализации родовой основы человека, его сущностных сил в процессе деятельности. Именно в творчестве человек реализует, т. е. формирует, воспроизводит, развивает и утверждает себя. Творчество выступает одновременно и средством индивидуального самовыражения и самоутверждения личности. В нем разносторонне проявляются личные способности индивидов. Будучи средством выражения родовой сущности человека, творчество несет

на себе печать его индивидуальности. Поэтому «*самореализацию личности* можно определить как осуществление родовой сущности человека в его индивидуальной жизни, как творческое развертывание в индивидуальном способе жизнедеятельности своей общечеловеческой сущности» [6, с. 77].

Важно различать понятия *самореализация* и *самоутверждение*. *Самоутверждение* — это стремление личности завоевать определенную позицию (социальный статус), ее устремленность к достижению определенной общественно значимой цели в процессе реализации своих творческих сил, своей индивидуальности. Оно может быть охарактеризовано как «обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связи с ними, наконец, в нем самом — как представителе социального целого» [7, с. 188]. Самоутверждение выступает как фактор развития личности. Источником самоутверждения — потребность в деятельности, в развертывании социальных, физических, эмоциональных, интеллектуальных возможностей, потребность развивать эти возможности в себе. Смысл самоутверждения лежит не только в поставленной цели, но, более всего, в самой деятельности, хотя и реализуется через цель, как конкретное средство организации деятельности. В процессе самоутверждения преодолеваются пределы имеющейся сферы деятельности, она расширяется.

Творчество в его самом общем виде можно представить как сложный акт самоутверждения личности, в структуре которого взаимосвязаны два основных элемента: духовное творчество и преобразующая материально-предметная деятельность. Она во всей совокупности проявляется как творческая, хотя и не всякую деятельность мы можем назвать таковой. Индивид, в конечном счете, может создать себя самого (как личность) для других. Творчество для других как самоутверждение — основной смысл бытия. Как видно, сторонники данной точки зрения фактически отождествляют самоутверждение с самореализацией, характеризуя последнюю в достигательном плане. Подчеркивается тот факт, что самоутверждение личности находится в неразрывном единстве с её самореализацией. Суть — самоутверждение происходит в процессе самореализации личности. В его основе лежит потребность в реализации своей творческой природы, неповторимой индивидуальности. Иначе говоря, самореализация рассматривается как основа самоутверждения человека. Утверждается в этой связи, что потребность в самоутверждении является зачастую определяющей в поведении человека, особенно в подростковом и юношеском возрасте и творческая деятельность может быть средством самоутверждения личности.

Тем не менее, полностью отождествлять эти явления было бы неверно. Поэтому правомерной представляется иная точка зрения, сторонники которой

подчеркивают отличие самоутверждения от самореализации. В данном случае самореализация рассматривается как наиболее полное развитие способностей личности, совершенствование ее в процессе творческой деятельности. Выделяются следующие факторы самореализации: внешние (социальный заказ на развитие личности) и внутренние (степень развитости способностей). Самоутверждение же рассматривают как закрепление самореализации фактом признания ее социальной значимости [8, с. 74—77]. Таким образом, фиксируется отличие самореализации от самоутверждения. В мотивации индивида стремление к самоутверждению может принимать разные формы. Для нас важно отметить, что оно не всегда является неременным атрибутом стремления к самореализации, в ходе которой индивид творит себя, то есть имеет место акт *самодеятельности*. Обычно это понятие рассматривают как *непрофессиональную деятельность*, зачастую подразумевая невысокий её уровень. Реально же оно глубже и шире.

Традиционно действия индивида рассматривают как его проявления. Но, по мнению С.Л. Рубинштейна, этот подход неверен. «Если субъект, — полагает он, — лишь проявляется в своих деяниях, а не ими также создается, то этим предполагается, что субъект есть нечто готовое, данное до и вне своих деяний, и значит, независимо от них. Таким образом, субъект, как виновник своих деяний, определяет свои деяния, сам не определяясь ими». Такой подход подразумевает, что деятельность индивида представляет собой проявление его личностных особенностей, а не фактор, формирующий их. Деятельность, как видно, не включается в процесс формирования личности, поэтому она во всем многообразии своих проявлений не может сомкнуться в одно внутренне связанное целое. Таким образом, видеть в деятельности только проявления личности, отрицать обратное воздействие их на него, значит разрушать ее единство. Итак, «субъект в своих деяниях, в актах своей *творческой самодеятельности* не только обнаруживается и проявляется, но в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть, направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» [9, с. 93—94]. Как видно, С.Л. Рубинштейн рассматривает самодеятельность как деятельность, формирующую личность, с помощью которой личность себя строит. Сопоставив это утверждение с тем, что сказано выше, мы видим, что творчество есть самодеятельность личности, независимо от того, является ли оно профессиональным или любительским.

Мы принимаем позицию Л.Н. Когана о самодеятельности как действительно свободной деятельности. Она определяется свободой субъекта в данной системе деятельности и свободой выбора самой системы деятельности. Это подлинно свободная, твор-

ческая деятельность человека. Значит, самодеятельность тесно связана с самореализацией. В последней человек практически раскрывает свои возможности, проверяет созданную им самодеятельность, свои реальные способности. Итак, самореализация — свободная деятельность, т. е. самодеятельность индивида.

Из всего вышесказанного видно, что самодеятельность органично вписывается в структуру личности. Важным ее элементом выступают потребности. В данном случае мы рассматриваем самореализацию как центральную потребность личности. Она осуществляется в конкретных видах деятельности, определяемых интересом. Занятия данным видом деятельности являются условием развития необходимых для этого способностей, умений и навыков, что влечет за собой развитие интересов, а также расширяет спектр доступных средств самоутверждения в избранной личностью сфере. Возникает определенная цепочка: потребность в одном виде деятельности и постоянное занятие им ведет к развитию способностей, необходимых для её осуществления. При определенных благоприятных социальных условиях и развитой потребности у человека формируется прочная установка на определенный вид деятельности. Постоянные занятия им развивают навыки и умения, дают новые знания и опыт, вызывают положительные социальные чувства и эмоции, т. е. происходит совершенствование, развитие всех социальных сил личности.

Этот социальный опыт оказывается важным и в процессе идентификации. С одной стороны, деятельность индивида является результатом осознания им своих способностей и интересов. Выбор деятельности определяется также представлением о ее целесообразности и значимости. С другой стороны, в ходе этой деятельности индивид проявляет себя как член определенной социальной группы. То есть налицо осознание своей идентичности и проявление ее.

Итак, мы рассмотрели понятие самодеятельности как творения личностью самой себя. Существует и более узкое его толкование, уже упомянутое нами выше — самодеятельность как непрофессиональная деятельность. Именно оно долгое время превалировало в подходах к определению этого явления в отечественной науке. С этой точки зрения можно выделить следующие виды творчества: профессиональное и любительское (самодеятельное в узком смысле этого слова). Благодаря развитию непрофессионального творчества, свободное время становится сферой формирования индивидуальностей, реализующих свою социальную свободу в свободной деятельности. Возможности воздействия досуговой деятельности во многом зависят от того, что занятия в свободное время избираются самим человеком в соответствии с собственными интересами, потребностями, способностями. Она организуется и контролируется личностью, становится «самодеятельностью». Помимо этого, к оценке са-

модеятельного творчества целесообразно подходить с более гибкими критериями. Здесь становится важным не только, и даже, может быть, не столько материальный результат деятельности, сколько значимость ее для развития социальных и индивидуальных свойств личности. В нашей работе мы рассмотрим самодеятельное творчество в широком его понимании, так как данное качество деятельности определяет ее особенности.

Самодеятельное творчество можно классифицировать в соответствии со сферами жизнедеятельности общества, в которых оно находит свое применение. Таким образом, существуют следующие виды самодеятельного творчества: художественное, научное, техническое, политическое, моральное и т. д. Рассмотрим, в чем заключается отличие художественного творчества от научно-технического. В первую очередь, по-видимому, тем, что необходимым условием художественного творчества является репродуктивная деятельность. Творческая деятельность в культуре значительно шире, чем создание новых ценностей. Даже в восприятии культурных ценностей содержится творческий момент, еще в большей мере он содержится в исполнительской деятельности, в частности, в исполнении музыкальных произведений. Ведь каждая новая трактовка отличается от прежних, это в каком-то смысле самостоятельное произведение (нельзя забывать, что нотная запись музыкального произведения не звучит и непосредственно слушателями потребляться не может, для этого необходим посредник — исполнитель).

В процессе творческой деятельности в духовной сфере человек осваивает культурные ценности. Подлинное овладение культурой возможно лишь при реализации личностью своих внутренних потребностей в культурной деятельности. Именно широта и разнообразие духовных потребностей человека обуславливают богатство и своеобразие его духовного мира. Кроме того, специфика потребностей, заключающаяся в невозможности их полного удовлетворения (поскольку каждая удовлетворенная потребность с необходимостью порождает новую), обуславливает непрерывность развития культуры личности. Активное потребление культурных ценностей — необходимое условие развития человека. Здесь человек наиболее полно реализует «способность быть не только “этим” эмпирическим индивидом, существующим только “здесь” и “теперь”, в рамках наличной социальной структуры, а и самостоятельным субъектом своих всеобщеродовых определений, выразителем человечности как целого» [10, с. 114].

Художественное творчество включает в себя и аксиологическую составляющую. Оно выступает как контакт с реальными индивидами по поводу тех или иных общезначимых культурных ценностей. Творческое самовыражение человека существенно связано с ориентацией на будущее, с выходом за рамки наличной системы функциональных зависи-

мостей. Художественное творчество предполагает также определенную систему общезначимых культурных ценностей, которые и определяют его конкретную функциональную направленность. Творчество, как мы уже подчеркивали, — деятельность нравственная, то есть это действительно свободные и ответственные человеческие поступки.

В контексте нашей темы выделим ряд особенностей художественного творчества. Для их более адекватного понимания обратимся к понятию искусства. Известный музыковед А.Н. Сохор считает, что это «особая форма идеальной и материальной деятельности людей, направленной к познанию и преобразованию действительности, которые воспринимаются и используются обществом как специфические, не утилитарные духовные ценности» [11, с. 7]. Обратим внимание на тот факт, что эти ценности лишены утилитарного значения. Установка на непосредственное преобразование действительности с целью достижения определенных полезных результатов не свойственна художественному творчеству. С этой точки зрения оно отличается от труда и приближается к игре. Но только в теснейшей связи художественного творчества с неигровой деятельностью человека реализуется эстетическая сущность искусства, раскрываются заложенные в ней возможности развития творческих сил и способностей человека. Бескорытность «игрового» механизма эстетического отношения и придает последнему универсальный характер. Благодаря этому, искусство не просто взаимодействует с другими формами человеческой деятельности, но и способно в известной степени выполнять свойственные этим формам общественные функции [10, с. 199—200].

Другой особенностью является то, что не всегда результатом творческой деятельности является создание совершенно новых ценностей. Репродуктивная деятельность в сфере искусства также требует применения инновационных усилий. Это утверждение встречается в работах различных авторов. Так, В.Ф. Асмус подчеркивает: «содержание художественного произведения не переходит — как вода, переливающаяся из кувшина в другой, — из произведения в голову читателя. Оно воспроизводится, воссоздается самим читателем по ориентирам, данным в самом произведении, но с конечным результатом, определяемым умственной, душевной, духовной деятельностью читателя. Деятельность эта есть творчество» [12, с. 50].

Таким образом, мы можем выделить следующие черты художественного творчества. Это деятельность в сфере художественной культуры, направленная на самореализацию, в результате которой становится возможным формирование человеческой личности. Художественное творчество не утилитарно. Кроме того, творческим потенциалом обладает любая деятельность в сфере культуры, не только продуктивная, но и репродуктивная. Поэтому, говоря об иденти-

кации в процессе художественного творчества, необходимо выделить аксиологический аспект осознания индивидом своей идентичности.

Литература

1. Наумова, Н.Ф., Хитрук, А.Ф. Пройдемте в зазеркалье или не вкусом единым // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 128—144.

2. Коршунов, А.М. Отражение. Познание. Творчество // Творчество и социальное познание. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — С. 7—38.

3. Симонов, П.В. Мозг и творчество // Вопросы философии. — 1992. — № 11. — С. 3—24.

4. Червонная, Л.Г. Социально-историческое творчество на этапе совершенствования социализма // Советский человек и социальное творчество. — Свердловск, 1987. — С. 34—43.

5. Коган, Л.Н. Цель и смысл жизни человека. — М.: Мысль, 1984. — 252 с.

6. Ветошкина, Т.А. К вопросу о сущности само-

реализации личности // Культура и всестороннее развитие социалистической личности. — Свердловск, 1980. — С. 71—78.

7. Цыбра, Н.Ф. Самоутверждение личности. Социально-философский анализ. — Киев; Одесса, 1989. — 189 с.

8. Келасьев В.Н. Проблемы самореализации человека в современных условиях // Социология и социальная антропология. — СПб.: Алетейя, 1997. — С. 74—84.

9. Рубинштейн, С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. — 1989. — № 4. — С. 88—96.

10. Художественная деятельность. — Киев, 1980. — 295 с.

11. Сохор, А.Н. Музыка как вид искусства. — М.: Музыка, 1970. — 123 с.

12. Цит. по кн.: Маликова Н.Н. Социальная активность личности в сфере культуры. Рукопись.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Институт профессии относится к числу древнейших социальных институтов. Он формируется и изменяется на основе разделения общественного труда. Институт профессии является также наиболее универсальной формой организации и регулирования взаимодействий между социальными общностями на уровне общества, как, например, культура или государство, поскольку сами эти институты для обеспечения своих функций стали нуждаться в специально подготовленных людях, профессионально узкоспециализированных (государственные чиновники, обеспечивающие реализацию многообразных функций государства, специалисты юридического профиля по составлению брачных контрактов или специалисты-консультанты по разрешению семейных конфликтов и т. д.).

Профессия в силу своей способности быть специализированным *видом деятельности* пронизывает любые виды взаимодействий, требующие специальных знаний, навыков и мастерства. Однако само по себе это еще не превращает профессию в институт. Главное, что она обладает и другой способностью: формировать особый *тип общностей* — профессиональный, интегрировать людей в социальную систему на основе профессиональных признаков независимо от типа государства и общественного строя и регулировать взаимодействия между ними.

Профессия как вид деятельности существует в единстве организационно-технологических и экономических признаков. От нее зависит не только некоторая особая общность навыков и умений, соединяющая людей, занятых одинаковыми видами профессиональной деятельности, формирующая круг общих интересов и, в конце концов, их стиль и образ жизни. Это на уровне профессии как социальной общности порождает сходство психологических и социальных признаков. От нее начинают зависеть возможности реализации специальных способностей человека, получения доходов и удовлетворения многообразных индивидуальных потребностей и в какой-то степени круг и уровень общей культуры, благодаря образованию, необходимому для данной профессии. Этот уровень общей культуры реализуется через профессиональную культуру личности и профессиональной общности. Все вместе закрепляет единство профессиональных интересов и объединяет людей в профессиональные группы, круги, слои независимо от типа и характера организации и учреждения, где работает человек, и подчас даже конкретного общества.

В результате формируется устойчивая система профессиональных ролей, без усвоения которых ин-

теграция личности в социальную систему общества просто невозможна. Признаками принадлежности к профессии становятся не только конкретная должность в организации, свидетельство о профессиональной подготовке, но и стиль поведения человека. В обществе веками формировались и отлаживались не только организационно-технологическое разделение труда, которое в результате операционального разделения привело к многообразию специализированных видов деятельности, но и стиль и образ жизни специалистов, стереотипы поведения.

Объективным основанием интеграции профессиональных групп и слоев является сходство видов занятий, требующее соответствующих специальных знаний, навыков, умений. Содержательная сторона деятельности порождает общность профессиональных интересов и ценностей представителей одной профессии. Организационно-технологическое разделение труда формирует содержание профессиональных ролей и определяет их иерархию. Необходимость в профессиональных коммуникациях, в свою очередь, требует определенной формализации образцов и правил поведения.

Поскольку образцы профессионального поведения частично распространяются на сферу свободного времени, организацию досуга, дружеского общения, семейную жизнь, то говорят о профессиональном стиле и образе жизни.

Профессиональные нормы, традиции, образцы поведения, стиль и образ жизни выступают институциональными механизмами, способствующими процессам идентификации, осознанию своей принадлежности к некоторой общности, отождествлению себя со «своими» и отличению от «чужих». Одного осознания общности интересов и потребностей недостаточно для обеспечения профессиональной интеграции.

Профессиональная интеграция есть обратная сторона социальной дифференциации, которая имеет горизонтальный и вертикальный срезы. Говоря о горизонтальной дифференциации, мы имеем в виду простое выделение профессиональных общностей в процессе институционализации, тогда как вертикальная дифференциация представляет собой иерархическое положение профессиональных общностей в рамках профессиональной и стратификационной структур общества. При этом следует различать профессиональный и социальный статусы профессиональной группы. Поскольку понятие статуса отражает положение, позицию в любой структуре, то профессиональный статус предполагает принадлежность индивида, группы к определенной професси-

ональной общности и ранговую позицию внутри данной группы.

Наряду с этим профессиональные группы и общности занимают определенные статусные позиции в обществе в целом и обладают своим социальным статусом. Еще Э. Дюркгейм обращал внимание на то, что статус профессии определяется сложностью занятий, значимостью данного вида деятельности для общества.

Вместе с тем реальные социальные статусы профессиональных общностей формируются более сложным и неоднозначным путем. В конкретном обществе на статус профессиональных групп могут оказывать влияние близость к власти, профессиональные и должностные привилегии (для групп профессий), уровень оплаты, степень профессиональной свободы. В свое время статус рабочих профессий в советском обществе поддерживался различными способами и даже таким, как право первоочередного приема в вуз для абитуриентов, имеющих трудовой стаж не менее двух лет.

В зависимости от того, какие интегративные факторы наиболее значимы для объединения и сплочения конкретных профессиональных групп, каковы уровень и теснота профессиональных взаимодействий, выделяют разные типы и уровни профессиональных общностей.

Наиболее аморфным типом профессиональной общности являются *профессиональные круги*. Они лишены устойчивых отношений, отличаются ограниченностью контактов во времени и пространстве. Сами по себе контакты и взаимодействия имеют слабо организованный характер (случайные встречи, общение на собраниях, заседаниях, конференциях). Главным фактором, определяющим интеграцию в них, является потребность в профессиональной информации и принадлежность к одному типу профессиональной субкультуры, что делает такие коммуникации желательными и возможными.

Следующий тип — это *профессиональные группы*, которые выступают в двух ипостасях. В первом

случае к ним относятся профессиональные группы внутри организаций и учреждений, выделяемые в рамках профессиональной структуры предприятия, организации (реальные группы). Они отличаются общностью видов профессиональной деятельности, единством целей, задач и общегрупповых интересов. Поскольку формирование и особенности функционирования таких групп определяются целями и задачами, спецификой организационно-технологического разделения труда конкретной организации, то их отличает также единство пространственно-временных признаков. Другая разновидность — статистические профессиональные группы, которые регистрируют наличие и количественное соотношение представителей различных профессий в конкретном обществе.

Еще один тип профессиональной общности — *профессиональные объединения*, сформированные и построенные по образцу социальной организации и имеющие четко выраженное целевое назначение. Их существование определяется защитой и реализацией интересов людей не только профессиональных, но и групповых по принципу профессиональной принадлежности. К ним относятся профессиональные, творческие, научные союзы.

Особый тип профессиональных общностей представляют собой *профессиональные слои* (страты), которые отражают процессы дифференциации между людьми по профессиональному признаку и систему социальной иерархии и статуса профессий в обществе.

Каждая из типов профессиональных общностей имеет свои пространственные и временные параметры существования. Поскольку процесс профессионального разделения труда бесконечен и будет на перспективу определяться уровнем и направлением развития научно-технического и социального прогресса, то и появление новых профессиональных общностей — закономерное явление, которое следует учитывать при разработке политических и социальных программ.

РЕФОРМЫ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Реформаторство в России — тема крайне важная и актуальная. Переживая сегодня время кардинальных перемен во всех сферах жизни общества, невольно обращаешься к историческим закономерностям данного процесса. Фактически история любого государства — это цепь удавшихся или незавершенных преобразований. При этом за успешными, а тем более масштабными реформами шел, как правило, период стагнации; за неудачными — социальные и политические кризисы. Долгое время в советской историографии роль реформ и реформаторства несколько преуменьшалась, так как «локомотивом истории» считалась революция, а реформы являлись лишь ее побочным эффектом. Однако опыт реформаторства, на наш взгляд, крайне важен, так как ни одна реформа, даже самая радикальная, в этом и есть ее принципиальное отличие от революции, не уничтожает существующие в обществе порядки, чаще достигает поставленной цели и гораздо в меньшей степени травматична для населения. Именно поэтому очень важно изучить историю реформ в нашей стране.

Само понятие «реформа» достаточно однозначное и не вызывает особых споров у историков и политологов. В Большой Советской энциклопедии под реформой понимается «преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры. С формальной точки зрения, под реформой подразумевается нововведение любого содержания. Однако в политической практике и политической теории реформой обычно называют более или менее прогрессивное преобразование, известный шаг к лучшему» [1, с. 58]. Почти дословно данное определение повторяется в современном Энциклопедическом словаре. Более глубоко понимание реформ было представлено в современной Энциклопедии общественной мысли А.Н. Медушевским. Реформа, писал автор статьи, это «преобразование общества при сохранении правовой основы его существования. Переход от традиционного сословного общества и абсолютизма к реализации идей гражданского общества и правового государства...». Далее А.Н. Медушевский выделил три модели реформ в России в целом: «первое, реформы осуществляются государственной властью из центра без участия населения и вопреки его сопротивлению часто насильственными методами (модель преобразований Петра I); второе, реформы осуществляются государством при активной поддержке либеральных элементов общества в центре и отчасти на периферии (Великие реформы 1860—70-х

гг.); третье, реформы осуществляются по инициативе общества (просвещенной и либеральной его части) и проводятся в жизнь государственными институтами под давлением общества (реформы начала XX в.)» [2, с. 453]. При этом автор статьи подчеркнул, что реформы в России носили циклический характер, происходила последовательная смена реформ и контрреформ, по крайней мере, на протяжении XVIII — начала XX вв. и это представляло собой естественный модернизационный процесс, который, безусловно, требует внимательного изучения на всех этапах.

Для анализа определенного этапа реформ необходимо разобраться в природе реформаторства в России. Известный историк А.А. Искандеров одним из первых обратившийся к анализу теории и практики реформ в России, писал: «ни одна из них [реформ — Н. К.], в сущности не была доведена до логического завершения, а большинство потерпело неудачу уже на полпути или же осталось на стадии проектов и замыслов, так и не получивших практической реализации» [3, с. 596]. Здесь историк повторил сложившийся стереотип, что все проводимые в России реформы оказались нереализованными или незавершенными. Такой вывод был сделан потому, что в нашей стране, несмотря на все усилия реформаторов, были смуты и революции. Например, незавершенностью реформы по отмене крепостного права исследователь объясняет причины революции 1905—1907 гг. — события, которое произошло почти через 50 лет после указанных преобразований. Да и невозможно представить такую реформу, которая раз и навсегда решила бы какую-нибудь проблему в государстве. И потом, социальных и политических катаклизмов не удавалось избежать ни одной стране.

Тем не менее, особенности проведения преобразований в Российском государстве, безусловно, были. Не претендуя на исчерпывающую оценку реформаторства в России, определим основные проблемы истории реформ во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв.

Одной из особенностей реформаторства в России было отсутствие социальной базы реформ. При подготовке и проведении преобразований российские реформаторы зачастую брали за основу западные образцы и западные идеи, появившиеся в существенно иной социально-политической обстановке, чем та, которая была в Российской империи. Единственной социальной опорой реформ в России могло быть прогрессивное, либерально настроенное дворянство. Однако его положение было весьма неоднозначно, так как именно дворяне являлись

крепостниками и даже самые образованные не считали, что крепостное право следует немедленно ликвидировать, хотя и признавали в целом его пагубность. Например, русский последователь учения физиократов, екатерининский посол в Париже Дмитрий Алексеевич Голицын в письмах кузену вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну указывал на необходимость отмены крепостного права в России и при этом предлагал Екатерине II подать в этом пример дворянам [4, л. 193].

Поэтому данные идеи, попадая на нашу почву, давали порой причудливые ростки. Например, в прогрессивном в целом «Наказе» Екатерина II, при постоянной ссылке на просветителей, доказывает незыблемость российской самодержавной власти [5, с. 72—158].

То же самое касается попытки проведения либеральных преобразований в первой четверти XIX в., когда власть планировала существенно ограничить самодержавие, и даже, возможно, установить конституционную монархию, а также привлечь к управлению страной выборных представителей от свободного населения. Более того, Александр I планировал если не освободить, то существенно улучшить быт крепостных крестьян. Еще цесаревичем, путешествуя по России, он писал: «Ничего не может быть унижительнее и бесчеловечнее, чем продажа людей, и для того необходимо нужен указ, который оную навсегда запретил. К стыду России рабство еще в ней существует. Не нужно, я думаю, описывать, сколь желательнее было бы оное прекратить. Но однако же должно признаться, сие весьма трудно и опасно исполнить, особливо если не исподволь за оное приниматься» [6, л. 2]. Сделать из задуманного удалось смехотворно мало. Крепостное право осталось фактически в неприкосновенности, а власть вынуждена была ограничиться «скромным» указом «О вольных хлебопашцах». Вместо ограничения самодержавия и введения конституции — серия административных реформ. Была проведена тщательно готовящаяся, но малозначительная реформа Сената. Вместо грандиозных замыслов М.М. Сперанского — учреждение Государственного совета и министерств. Причина подобной ситуации, главным образом, кроется в существенном разрыве между «европейскими», либеральными замыслами и крепостнической российской действительностью: социальная база реформ, даже среди дворянства, была очень мала.

Не меньшую проблему для реформаторства составляет персонификация реформ. Почти все преобразования в нашей стране связаны с именем конкретного реформатора. При этом симпатии и антипатии к ним возникали в обществе с необычайной силой и быстротой. Подобная ситуация, безусловно, мешала естественному ходу реформирования в России, когда с уходом с политической арены конкретного лица завершалась и «его» реформа.

Были свои особенности и в претворении в жизнь преобразований в нашей стране. Во-первых, фактически все реформы в России проводились или от имени монарха, или, что чаще, непосредственно по его (ее) собственной инициативе. Именно поэтому для подготовки и проведения реформ огромную роль всегда играла личность монарха, его интересы и пристрастия. Более того, основная масса населения все успехи и неудачи реформ связывала именно с личностью главы государства.

Во-вторых, если преобразования планировались и готовились оппозиционными силами, то даже для проведения самых умеренных реформ, предлагались весьма радикальные методы их реализации. Так, вполне типичным способом проведения преобразований были организация заговора и даже цареубийства. Данный механизм реализации реформ был вызван особенностью политического режима Российской империи, когда деятельность любой оппозиционной власти силы (от самой умеренной, до самой радикальной) была вне закона. Такое положение создало ситуацию, что умеренные, либерально настроенные реформаторы и крайние радикалы оказались близки в формах реализации своих целей. В итоге, сильное ограничение или полный запрет деятельности даже конструктивной оппозиции и возможности легально высказывать свои взгляды привел к тому, что даже самые умеренные оппозиционеры превращались в ярых врагов власти. Именно по этой причине фактически невозможно разделить процесс формирования либеральных и консервативных общественно-политических течений, который берет свое начало на рубеже XVIII—XIX вв.

Последняя треть XVIII — первая четверть XIX в. стоит особняком в истории реформ в России. В начале XVIII в. страна пережила колоссальные, хотя и беспорядочные реформы Петра I, «поднявшего Россию на дыбы». Теперь требовалось время для осмысления, упорядочивания проведенных преобразований. В середине XVIII в. в России получают распространение идеи философии Просвещения. Как писал И. Кант, «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находился по собственной вине. ... Имей мужество пользоваться своим умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [7, с. 25].

Одной из базовых идей просветительской философии в области усовершенствования политического устройства была вера во всемогущество «правильных» законов. По мнению Просветителей, грамотный справедливый закон таким же сделает и общество. Именно в этот период появляется такое понятие как законная или «просвещенная» монархия. В России этот период приходится на время правления Екатерины II. Безусловно, последняя треть XVIII в. была временем расцвета Российского государства в политическом, экономическом и военном отношении, когда «ни одна пушка в Европе не мог-

ла выстрелить без согласия России». Однако уже к концу XVIII в. стало очевидно, что только «хорошие» и «грамотные» законы сами по себе не способны улучшить общество, так как это самое общество никак не хочет приспособливаться к законам. Это наглядно продемонстрировала Великая Французская революция и выступление под предводительством Е. Пугачева.

Однако, когда политический маятник качнулся во время правления императора Павла I в другую сторону, стало очевидно, что старания Екатерины II не прошли даром. В обществе, прежде всего в дворянской и офицерской среде, сложилось устойчивое негативное отношение к деспотизму. Александр I, получив престол в результате заговора, в силу своих внутренних потребностей и отвечая чаяниям общества, продолжил реформаторский курс, получивший в истории название «время либеральных реформ».

Именно первая четверть XIX в. оказалась богата на самые различные проекты преобразований государственного управления. При этом реализация указанных проектов оказалась минимальной, так как в большинстве своем заложенные в них идеи опережали свое время. Подобный всплеск общественного сознания даже при минимальной реализации в первой четверти XIX в. имел большое значение для формирования всего спектра общественно-политической мысли в России. Кроме того, многие замыслы реформаторов начала века, правда в несколько трансформированном виде, были реализованы позднее, в том числе в период правления Николая I. Не говоря уже о том, что именно при Александре I впервые остро был поставлен вопрос о вреде крепостного права.

Все проблемы политических реформ в России и проблемы их реализации знаменовали новый этап в политической истории нашей страны, определив в дальнейшем общий курс развития государства. Суть данного курса заключалась в том, что все по-

литические и социальные преобразования диктовались именно властью, бюрократией.

Следствием масштабных планируемых преобразований в последней трети XVIII — первой четверти XIX в. стал генезис либерализма и консерватизма в России [8].

Литература

1. Бовин, А.Е. Реформа // Большая советская энциклопедия. — М. : Советская энциклопедия, 1975. — Т. 22. — С. 58—59.
2. Медушевский, А.Н. Реформа // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. — М. : РОССПЭН, 2005. — С. 452—456.
3. Искандеров, А.А. Закат империи. — М. : Редакция журнала «Вопросы истории», 2001. — 656 с.
4. РГАДА. — Ф. 1263. — Оп. 1. — Д. 1114.
5. Екатерина II имп. Наказ Комиссии для составления проекта нового Уложения // Императрица Екатерина II. О величии России. — М. : ЭКСМО, 2003. — 832 с.
6. РГАДА. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 700. (Секретная бумага, подписанная в кабинете Александра I).
7. Кант, И. Ответ на вопрос... Что такое просвещение // Кант И. Сочинения в шести томах. — М. : Мысль, 1966. — (Философ. наследие). Т. 6. — 1966. — 743 с.
8. Данная проблема нашла отражение в научно-практических конференциях: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы научно-практической конференции. — М. : РОССПЭН, 1999. — 567 с.; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — М. : РОССПЭН, 2001. — 384 с.; Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». — Воронеж : Истоки, 2005. — 279 с. и др.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: СОСТОЯНИЕ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Одним из значимых факторов формирования и существования единого социального пространства является наличие и степень влияния на сознание граждан патриотической идеологии, выполняющей интегрирующую функцию в отношении социальных общностей, взаимодействующих в границах данного государства. Проблематика патриотизма и патриотического воспитания может рассматриваться как в общем, так и в специализированном ракурсах. Данная работа в большей мере ориентирована на второй из этих путей и в качестве главной преследует цель — используя методы прикладной социологии и социологического анализа, выявить наличный уровень патриотической воспитанности работников российской милиции, а в частности — южноуральцев, сотрудников ОВД г. Челябинска.

Актуальность профессионального героико-патриотического воспитания личного состава органов внутренних дел России обусловлена такими функциями государства, как сохранение и укрепление внутренней и внешней безопасности и целостности страны. Особую остроту этой проблеме придает совокупность геополитических, внутривнутриполитических и социально-экономических факторов, которые связаны как с обострением глобальной проблемы терроризма, так и с процессами коренных преобразований во всех сферах общественной жизни в самой России.

Патриотизм — это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. Патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности ее к самоотверженному служению своему Отечеству. Патриотизм как социальное явление — цементирующая основа существования и развития любых наций и государственности.

На личностном уровне патриотизм выступает как важнейшая, устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения. На макроуровне патриотизм представляет собой значимую характеристику общественного сознания, проявляющуюся в коллективных настроениях, чувствах, оценках, в отношении к своему народу, его образу жизни, истории, культуре, государству, системе основополагающих ценностей.

Недооценка патриотизма как важнейшей составляющей общественного сознания приводит к ослаб-

лению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства. Этим и определяется приоритетность патриотического воспитания в общей системе воспитания граждан России.

Хотя героизм и патриотизм как личностные качества присущи не только представителям силовых структур государства, тем не менее, им эти качества необходимы как обязательный компонент профессиональной подготовки.

Органы милиции по разнообразию регулирующих, контролирующих, разрешающих и упреждающих функций являются, пожалуй, самым дифференцированным и ближайшим к населению инструментом государственной власти. Именно поэтому о власти, о своем государстве граждане зачастую судят, исходя из оценки деятельности милиции. Это обстоятельство обуславливает необходимость героико-патриотического воспитания работников МВД как приоритетной задачи процесса их подготовки, решение которой должно обеспечить формирование гражданской ответственности и правового самосознания, российской идентичности, духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности и любви к Отечеству.

Для того, чтобы получить достоверные представления о том, насколько желаемое (высокий уровень патриотического сознания работников милиции) соответствует действительности, было предпринято специальное социологическое исследование на территории города Челябинска с привлечением ресурсов лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского института Уральской Академии государственной службы [1].

Социологический анкетный опрос проведен по единому инструментарию 29 апреля 2005 года одновременно во всех подразделениях города.

Цель опроса — выявить реальное состояние дел в героико-патриотическом воспитании работников органов милиции Челябинска, его специфику и меру необходимости. Исследовательской цели подчинено изучение основных социологических показателей: оценка отношения работников милиции к своей Родине — России; оценка представлений о патриотизме и героико-патриотическом воспитании в обществе в целом и в милицеевских органах в частности; оценка деятельности милиции и эффективности патриотического воспитания тех, кто в ней служит.

В опросе приняли участие 1063 работника городского управления и всех районных отделов внутренних дел муниципального округа. С целью до-

стижения высокого уровня репрезентативности социологической информации использован метод квотной выборки, опирающийся на соответствие выборочной совокупности социально-демографической модели кадрового состава милиции Челябинска. При этом статистическая погрешность по городу в целом составляет $\pm 2\%$, а по каждому району и подразделению ± 4 — 5% .

Социально-демографическая модель сформирована при учёте общей численности работников милиции и соответствия выборки основным социально-демографическим параметрам (пол, возраст, образование, в т. ч. профильное, и стаж работы в органах).

Ключевым понятием в исследовании процесса героико-патриотического воспитания является патриотизм. В формате данного исследования патриотизм рассматривается как любовь к Родине, преданность своему Отечеству стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. (Из «*Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации*») [3].

Учитывая сложность изучения феномена патриотизма, его многофакторность и многоаспектность (социальный и личностный уровни, эмоциональный, ценностно-мировоззренческий и деятельностный аспекты и т. д.), в ходе исследования решалась задача изучения наиболее очевидных, осознаваемых респондентами характеристик патриотизма через ряд социологических индикаторов.

Процесс воспитания, в том числе и такого социально значимого чувства, как патриотизм, как известно, базируется на традиционной (по крайней мере, в настоящее время не разработано ничего научно более убедительного) системе уровней интериоризации ценностей: знание — убеждение — действие. Специфика методики анкетного опроса позволяет получить максимально полную картину в поле двух первых звеньев системы — *знаний и убеждений*. Готовность к патриотическим *действиям* можно измерить только в прожективной (воображаемой) ситуации, на уровне артикулируемых установок.

В настоящей публикации опущены подробности опроса, с которыми можно познакомиться в соответствующих источниках [1; 5]. Ее цель — итоговое обобщение накопленного материала, анализ полученных эмпирических данных.

Результаты социологического опроса, проведённого в отделах и службах городских и районных органов Управления внутренних дел города Челябинска, позволяют сформулировать ряд выводов.

1. Уровень информированности о символике и атрибутике Российского государства.

Данные опроса продемонстрировали в целом высокий уровень осведомленности работников милиции о государственных символах Российского государства. При этом работники милиции располагают **наиболее** точным знанием визуальных сим-

волов — **герба и флага РФ** и наименее точным — слов **гимна России**.

Приведённые результаты опроса характеризуют когнитивный (т. е. существующий на уровне знания, осведомленности, представлений) индикатор патриотизма. Однако очевидно, что выявленная степень информированности о символике и атрибутике российской государственности не является базовой в формировании патриотических чувств, а следовательно, не может быть системным критерием, с точки зрения эффективности системы героико-патриотического воспитания в правоохранительных органах. Однако вероятностный ритуал проверки в этой сфере обнаружил бы в целом приемлемую степень информированности работников милиции о государственной символике и атрибутике.

2. Представление о роли России на международной арене.

Большинство ответов работников милиции разделились примерно поровну между мнениями о том, что **Россия была и есть великая держава** и — что **Россия, перестав быть таковой, может вновь стать ею** (42—46 %).

3. Отношение к российскому гражданству.

Чувство **гордости** за свое гражданство и свою страну, как показал опрос, испытывают около трети работников милиции и **более половины** выражают чувство **любви** к ней и удовлетворённость тем, что живут в России. При этом на отношение работников правоохранительных органов к российскому гражданству существенно влияет оценка международного положения России, её статуса в мире.

4. Желание и намерение уехать в другую страну.

Каждый **седьмой** из числа опрошенных работников ОВД **предпочитает жить в России, даже при плохом развитии событий**, и примерно каждый **десятый хотел бы эмигрировать, но не делают этого, так как нет возможности**.

5. Представления о том, что такое патриотизм.

С точки зрения концептуального определения патриотизма, опросом зафиксирован **весь комплекс признаков, составляющих патриотизм**. Более того, в первую пятёрку приоритетных представлений о патриотизме вошла и концептуальная составляющая **героико-патриотического воспитания работников правоохранительных органов, а именно — добросовестное исполнение своего служебного долга**.

При выявленной доминанте **гордости за страну — очень значимы** (показатель свыше 30 %):

- уважение к традициям, культуре, языку;
  - добросовестное исполнение служебного долга;
  - самопожертвование и готовность защищать Родину;
  - любовь к России, родным местам;
- значимы** (показатель свыше 20 %):
- укрепление государственности;

- неприятие всего, что вредит России;
- готовность с этим бороться;
- менее значимы* (показатель свыше 10%):
- уважение к гражданам России;
- интерес к истории России;
- отстаивание национальных интересов;
- понимание задач, стоящих перед страной, и своего участия в их решении;
- не значимо:*
- уважение к гражданам других национальностей и культур.

Полученные данные свидетельствуют о довольно высоком уровне сформированности представлений работников милиции о патриотизме. Имеется в виду информированность, первое звено триединой цепи «знание — убеждение — действие».

6. Оценка работниками милиции необходимости героико-патриотического воспитания в рядах милиции.

Три четверти опрошенных признают необходимость патриотического воспитания работников милиции. Каждый десятый считает, что в нём нет нужды, и примерно столько же респондентов затруднились определить свою позицию в данном вопросе.

7. Представления о роли и значимости социальных институтов в героико-патриотическом воспитании.

Правоохранительные органы в ряду институтов патриотического воспитания занимают, по мнению работников милиции, высокое **третье** — после **армии и семьи** — место. Однако следует обратить внимание на то, что каждый **четвёртый** участник опроса считает, что патриотическое воспитание в правоохранительных органах просто-напросто не ведётся.

8. Рейтинг социальных институтов, которым принадлежит решающая роль в воспитании патриотизма.

Ведущую роль в процессе воспитания патриотизма, как показал опрос, занимает **семья**, что, на наш взгляд, фиксирует не только естественное положение вещей, но и недостаточную задействованность в процессе, по данному критерию, всех остальных (кроме **армии**) социальных институтов. Особенно обращает на себя внимание уменьшение в процессе патриотического воспитания роли школы (34 %) и средств массовой информации (25 %).

Правоохранительные органы в качестве института, которому принадлежит решающая роль в воспитании патриотизма, отметили **четверть** участников опроса. Данный показатель не следует интерпретировать как негативный. Правоохранительным органам и не должна принадлежать решающая роль в процессе патриотического воспитания в стране, более того, даже в воспитании работников правоохранительных органов. Невозможно эффективно осуществлять воспитание патриотизма в одном отдельно взятом ведомстве, когда эту проблему слабо решают почти все социальные институты.

9. Оценка деятельности городской милиции.

Наиболее многочисленна группа работников, оценивающих деятельность организации, в которой они работают, **удовлетворительно** (примерно **четверть** из каждых десяти). Вторая по численности группа (примерно **трое** из десяти) — работники, хорошо оценивающие деятельность милиции. Малочисленны респонденты, давшие полярные оценки деятельности милиции: **отлично** (7 %) и **плохо** (9 %). С учётом статистической погрешности — это примерно каждый **десятый** участник опроса.

10. Оценка эффективности патриотического воспитания в правоохранительных органах.

При том, что **около 25 %** работников ОВД затруднились с ответом на этот вопрос, примерно **каждый пятый** участник опроса считает, что патриотическое воспитание в правоохранительных органах не ведётся, примерно четверо из каждых десяти, — что ведётся, но **неэффективно**, и примерно каждый **седьмой** полагает, что патриотическое воспитание ведётся достаточно **эффективно**.

Полученные социологические данные рисуют картину скорее проблемную, нежели позитивную.

11. Оценка опыта воспитания патриотизма.

Наиболее известным, популярным и эффективным с точки зрения воспитания патриотизма, по признанию участников опроса, является **мемориал памяти погибших сотрудников милиции им. В. Т. Масленикова** (63 %), имеющий богатые многолетние традиции, сочетающий в себе реальный патриотический заряд, возможность демонстрировать профессиональные качества, массовость и известность в городе и за его пределами, т. е. общественное признание. Примечательно и то, что **День защитника Отечества** выделяется как способствующий воспитанию патриотизма в большей степени (49 %), чем **профессиональные праздники** (День милиции, День уголовного розыска, День службы участковых уполномоченных). К эффективным патриотическим мероприятиям, по мнению опрошенных, можно отнести **День памяти погибших в г. Аргун** (42 %), **День милиции** (41 %), **награждение отличившихся на службе** (37%), **проводы встречи сотрудников милиции, побывавших в «горячих точках»** (36 %) и **чествование ветеранов войны — сотрудников ОВД** (31 %).

12. Представления о специфике патриотического воспитания в правоохранительных органах.

Ведущую позицию в рейтинге составляющих патриотического воспитания занимает тема **оплаты труда**, актуальная более чем для **половины** опрошенных работников милиции. Опрос показал, что в сознании работников милиции существует дисбаланс между **масштабом общественных ожиданий**, обращённых к правоохранительным органам, **серьёзностью возлагаемых на милицию задач и величиной финансовых затрат**, в том числе и **оплаты труда**, не соответствующих, по мнению рес-

пондентов, масштабу этих ожиданий и сложности задач.

В первую пятёрку приоритетных задач героико-патриотического воспитания, по результатам опроса, входят воспитание любви и уважения к России, уважение к памяти погибших при исполнении долга и активизация борьбы с коррупцией в милицеевских органах (по каждой позиции трое из десяти).

13. Рейтинг негативных сторон деятельности милиции, которые позволяют устранить патриотическое воспитание.

Доминантным, привлёкшим внимание семи из каждых десяти участников опроса, является безответственность, равнодушие к чести мундира как свидетельство корпоративной культуры работников милиции.

Примерно трое-четверо из каждых десяти опрошенных указывают на наличие фактов использования служебного положения в личных целях, грубость, бестактность, вымогательство, поборы и взяточничество в деятельности сотрудников ОВД. Примерно одна пятая участников опроса полагают, что патриотическое воспитание может помочь бороться с превышением должностных полномочий. Примерно каждый десятый указывает на проявление со стороны работников милиции жестокости и попытки исказить факты, фальсифицировать материалы.

Полученные данные вполне правомерно рассматривать не только в формате формулировки вопроса (негативные стороны деятельности милиции, устранить которые может помочь патриотическое воспитание), но и самостоятельно — как рейтинг негативных процессов и явлений, имеющих место на момент опроса в милиции.

14. Частный характер, с точки зрения главной проблематики публикации, имеет социологическая информация о роли политических партий в воспитании патриотизма, тем не менее, эта информация служит ещё одной характеристикой специфики патриотических представлений и патриотического воспитания в органах милиции. В рейтинге, при доминирующей позиции партии «Единая Россия» (33 %), второе место отведено ЛДПР (27 %). Это заметно отличает партийно-политические предпочтения работников милиции от среднероссийских партийных ориентаций и объясняется тем, что в органах внутренних дел города работает около 80 % мужчин (а в среднем по городу — 45 %) и почти половина работающих имеют возраст до 30-ти лет (в среднем по городу около 25 %). Это основные характеристики сторонников ЛДПР. Третье место — КПРФ (18 %), четвёртое — Российская партия пенсионеров (14 %), пятое — блок «Родина» (12 %).

Итак, данные проведенного опроса позволяют выявить широкий спектр мнений и проблем, свя-

занных с формированием профессионального патриотизма сотрудников ОВД. В то же время, эти данные позволяют вынести в целом положительный вердикт в отношении состояния патриотических чувств работников милиции г. Челябинска. Характерно, что уровень профессионального патриотизма работников милиции превышает средние показатели по стране (по данным ВЦИОМ), что, впрочем, является нормой, с учетом специфики правоохранительной службы.

Подавляющее большинство (более двух третей) опрошенных работников милиции предпочитают жить в России при любом состоянии дел, эмигрировать хотели бы лишь 9 % респондентов. Более 88 % респондентов гордятся своим российским гражданством, любят свою Родину; 86 % либо считают Россию великой державой, либо, отказывая ей в таком статусе ныне, верят в ее великое будущее. Однако значительная часть респондентов считает недостаточной или малоэффективной проводимую ныне работу по героико-патриотическому воспитанию личного состава ОВД.

Использование методик прикладной социологической работы оказывается весьма ценным, помогает установлению достоверной картины исследуемого явления — патриотических чувств работников милиции, выявлению проблемных зон и социальных ожиданий. Подобная практика, без сомнения, должна быть продолжена, а с более детальным анализом полученных социологических данных можно ознакомиться в ряде работ автора настоящей публикации [2; 4; 5].

Полагаем, что полученные в ходе социологического опроса база данных и выводы в определенной мере смогут способствовать позитивной корректировке процесса героико-патриотического воспитания работников российской милиции и системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации в целом.

Конечным результатом функционирования системы патриотического воспитания должны стать духовный и культурный подъем, укрепление государства и его обороноспособности, достижение социальной и экономической стабильности. Высокая духовность, гражданская позиция, патриотическое сознание россиян (и, в частности, работников правоохранительных органов) будут в огромной степени определять будущее России.

Литература

1. Героико-патриотическое воспитание в правоохранительных органах: состояние и факторы влияния. Аналитическая записка по результатам социологического опроса, проведенного 29 апреля 2005 г. — Челябинск : ЧИ УрАГС, Лаборатория прикладной социологии и политологии, 2005. — 74 с.

2. Зырянов, С.Г., Лесняк, В.И. Необходимость формирования профессионального патриотизма у работников правоохранительных органов в условиях глобализации // Сборник материалов II Конгресса социологов Казахстана «Глобализация и вопросы социокультурной адаптации». — Астана, 2005. — С. 144—149.

3. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы // Уральские военные вести. — 2001. — № 21.

4. Лесняк, В.И. Актуальные проблемы героико-патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел в современной политической и социально-экономической ситуации // Героико-патриотическое воспитание граждан в современной России. Материалы межрегион. научно-практич. конференции. 20 мая 2005 г. — Челябинск, 2005. — С. 16—29.

5. Лесняк, В.И. Состояние и факторы воспитания патриотизма в органах милиции. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. — 120 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В науке существует положение о том, что образование всегда соответствует социально-культурным условиям жизни человека: каково общество и его культура, такова и система образования. Образование как социальный феномен является одновременно как транслятором культуры, так и способом бытия человека. Сегодняшнее состояние образования, несмотря на существенные изменения как в содержании, так и в области инновационных технологий, рассматривается большинством исследователей как кризисное. Причем кризис системы образования вызван не только недостаточным уровнем бюджетного финансирования и отсутствием четких представлений в области социальной политики в сфере образовании. Он отражает фундаментальный раскол, произошедший в культуре общества, как следствие раскола социального бытия человека на культурно-духовные и материально-продуктивные, на государственно-патерналистские и либерально-модернистские ценности. Социально-антропологический кризис образования проявляется в том, что до сих пор так и не удалось преодолеть отчуждение человека от государства, человека от образования. Это во многом является результатом продолжающегося процесса дегуманизации образования, несмотря на все попытки наполнить его содержание новым качеством: способствовать не только профессиональному, но и духовно-нравственному становлению человека, выявлению и проявлению всей его сущности.

Ученым сообществом выход из кризиса видится в смене образовательной парадигмы, в переходе от традиционной (классической) к инновационной модели образования. Смена образовательных парадигм вызвана сменой антропологических оснований, изменением традиционных представлений и накоплением новых знаний о человеке. Каждая эпоха имела свои представления о человеке, о его месте и роли в мире. Соответственно этому содержание образовательной деятельности опиралось на тот или иной образ человека, на формирование у него тех или иных качеств. Результаты анализа антропологических концепций применительно к образованию позволили установить взаимосвязь между меняющейся ролью человека в социуме и сущностью образования, его детерминированности субъектной или объектной моделью познания социального мира.

Современная жизнь требует разработки теории современного образования, ориентированной на формирование нового человека, соответствующего реалиям XXI века, способного к активному открытию и освоению нового мира. Построение научно

обоснованной стратегии преодоления современного кризиса в развитии национальной системы образования требует учета как специфики ее национальных особенностей, так и критического анализа западного опыта. Важно, чтобы Россия в реформировании системы образования не сделала бы очевидную ошибку: 1) отрицая и разрушая свой прежний опыт, в том числе опыт прежних модернизаций (советский период), 2) продолжая слепо ориентироваться на западную модель модернизации, 3) полагая, что можно разработать какую-то одну универсальную теорию образования.

Идеологический плюрализм породил концептуальный и методологический плюрализм в образовательной сфере. Современная ситуация в образовании характеризуется полипарадигмальностью, вариативностью образовательных концепций и теоретико-методологических подходов. Полипарадигмальность современной эпохи видится во взаимозависимости и взаимообусловленности различных образовательных концепций и теорий, ориентации не на какой-либо один подход, а в их взаимодополняемости и синтезе, поскольку каждый из них отражает только какую-то одну сторону человека, предпочитая исследовать его как бы «расчлененным». Становление и развитие человека в процессе образования невозможно без осознания его целостности, многокачественности и уникальности. Нельзя изучать и тем более формировать человека «по частям», скажем, развивать отдельно его биологические или социальные качества. Важно в процессе образования удерживать в сознании всю полноту знания о человеке как о существе биологическом, индивидуально-психологическом, социокультурном и духовном. Целостное понимание человека предполагает не только отказ от какого-то одного универсального подхода к образованию, но и исключает революционную кардинальную смену его антропологических оснований, полное разрушение прежнего фундамента. Согласно представлениям постнеклассической науки (В.С. Степин) в новом веке возможно сосуществование как уже сложившихся, так и новых методов познания и преобразования человека. Это означает сочетание в образовании разных подходов (герменевтического, культурологического, социологического и т. д.), а, по существу, двух основных: традиционного (объектного), ориентированного на общество и государство, и субъектного, ориентированного на личность. В объектно-ориентированных концепциях образования человек понимается как существо, внешне детерминируемое, зависимое от объективных сфер,

принципов и норм. В основе рассмотрения человека как субъекта образования лежат концепции, рассматривающие человека как полностью или в основном автономное и свободное самовоспитуемое существо. Образование в целях дальнейшего более эффективного продвижения к гуманистическим формам и преодоления возможных негативных последствий нуждается в дополнении и частичной интеграции существующих подходов к его осуществлению. Синтез объектного и субъектного подходов к образованию основан на представлении о единой объектно-субъектной природе человека, который является одновременно и объектом, и субъектом образовательного процесса.

Сочетание двух основных подходов (объектного и субъектного) в едином социально-антропологическом образовательном пространстве предполагает рассмотрение человека, с одной стороны, как уникального феномена с его собственным внутренним миром, а с другой, как продукт и объект общества. Объектный подход опирается на те концепции образования (социоцентрические, натуралистические и т. д.), в которых индивидуальная траектория, как правило, задается извне посредством «внешнего проектирования», соответствия развития социальной личности нормативным моделям. Субъектный подход сосредоточен на исследовании индивидуальных особенностей человека, на постижении его духовно-душевной жизни, его духовном бытии, которое находит отражение в личностно-ориентированных концепциях образования (психолого-гуманистических, духовно-этических и т. д.). Антропологическая ориентация этого подхода означает, что человек является высшей целью и ценностью образования. Он исходит из уникальности и неповторимости личности каждого человека, ее индивидуально-возрастных свойств, морально-этических качеств и эстетических вкусов. Разработанная на основе синтеза этих подходов интегративная парадигма образования дает возможность реализации в целостном образовательном процессе единства уникального и социально необходимого в человеке.

Интеграция различных подходов в едином социально-антропологическом образовательном пространстве позволяет преодолеть крайности каждого из них, дает возможность более широко осмыслить образование как социальное явление. В процессе интеграции постепенно устраняется доминирующее значение объектной образовательной парадигмы, которая может достаточно длительное время параллельно развиваться и существовать наряду с новой — субъектной. В этом смысле процесс образования можно рассматривать как взаимодействие традиций и инноваций, как эволюционное утверждение новых образовательных концепций, направленных на раскрытие всей сущности человека, его реализацию во всех сферах жизни общества. Для утверждения субъектной (гуманистической) обра-

зовательной парадигмы принципиально важно то, что новая система образования должна, с одной стороны преодолеть технократизм прежней «внеличностной» образовательной системы. С другой стороны, необходимо обобщить и заимствовать все те лучшие наработки, что накоплены отечественной и мировой наукой в сфере образования, ориентированного на социальное развитие личности.

Интегративный подход является результатом объединения теории образования и методологии в единую обучающе-развивающе-воспитывающую систему, адекватную современным представлениям о человеке, как целостном существе, в котором интегрально объединены и биологическое, и социальное, и психическое, и духовное начала. Он позволяет решить задачу упорядочения различных концепций образования и методологических подходов, приведения их к некому общему знаменателю в рамках образовательных парадигм. Именно целостный философский образ человека позволяет рассматривать образование как составную часть диалектического процесса его становления и развития в качестве био-психо-социо-культурно-духовного существа, установить естественную иерархию всех составляющих образовательного процесса с точки зрения главной цели и результата образования — человека. Применение в целостном образовательном процессе того или иного антропологического подхода, их оптимальное сочетание предполагает создание и поддержание педагогических условий, благоприятствующих как физическому, психологическому, социальному, культурному, так и духовному развитию личности, ее успешной социализации. В этом случае образование сохраняет знания о лучших достижениях человечества, уважение к ним, ориентирует на поиск преемственности поколений и культур.

Речь идет не о достижения консенсуса между альтернативными подходами и концепциями образования, а о возможности их систематизации в рамках объектно-субъектной парадигмы образования. Такая систематизация возможна на основе общности взглядов в понимании природы человека, его места в обществе и структурах образования, а также тех качеств, которые следует формировать и развивать в образовательном процессе. При этом автор пытался представить и классифицировать концепции образования и антропологические подходы, с точки зрения отражения в них процессов, связанных с развитием той или иной стороны целостной и многогранной природы человека, в зависимости от отношения к нему как существу социально-биологическому, социально-культурному, индивидуально-психологическому или духовному. Интеграция различных антропологических подходов к образованию отражает единую био-психо-социокультурно-духовную природу человека, она позволяет, как нам кажется, избежать эклектики и рассматривать

различные концепции образования и подходы как взаимодополняющие друг друга. В результате синтеза различных антропологических подходов на основе принципа дополнительности можно представить и сформировать целостный био-психо-социокультурно-духовной образ человека, а образовательный процесс рассматривать как целенаправленную социализацию личности, включающую в качестве компонентов процессы адаптации, интеграции, индивидуализации и персонализации. В свою очередь, названные процессы могут быть теоретически представлены как своеобразные, взаимосвязанные функционально-процессуальные компоненты целостной структурно-функциональной модели образования. Каждый из предлагаемых компонентов-процессов включен в единое социально-антропологическое образовательное пространство и выполняет определенную функцию. Каждому из них соответствуют определенные образовательные задачи (социокультурные, естественно-социальные, индивидуально-психологические, духовно-персоналистические), направленные на развитие той или иной стороны целостной природы человека.

В рамках интегративной образовательной парадигмы с помощью социального института образования, внутри образовательного антропологического пространства человек, получая образование, формируется одновременно как личность, имеющая социальные качества, и развивает свою индивидуальность. Происходит процесс социализации, в результате которого, с одной стороны, в результате адаптации и интеграции в обществе человек становится социальным существом, а с другой, у него появляется возможность обособления от общества, предполагающая индивидуализацию и персонализацию. Определенная автономизация человека в обществе возможна только в результате субъектного подхода к образованию, подразумевающего активность личности, создание условий для ее саморазвития и самореализации. Организация процесса обучения при таком подходе строится с учетом индивидуальных и возрастных особенностей личности. Персонифицированное педагогическое взаимодействие культивирует в каждом человеке индивидуальную неповторимость и одаренность, способствуют его самоопределению и самоутверждению.

Адаптивная функция образования предполагает обеспечение информационного, энергетического и вещественно-природного обмена, создание благоприятных условий для гармоничной коэволюции человека, природы и общества. В процессе адаптации в основном решаются естественно-социальные задачи — достижение определенного уровня физического и социального развития человека. Трактовка человека как социально-биологического существа, как «общественного животного» дается, прежде всего, в натуралистических (природосообраз-

ных), психоаналитических, бихевиористских, социологических концепциях. Согласно этим концепциям, образование — это процесс развития врожденных качеств человека, обуздание его биологических побуждений (З. Фрейд); приобретение посредством подкрепления с помощью поощрения позитивных социальных поведенческих моделей (бихевиоризм); формирование в процессе адаптации социальных качеств человека как «существа природного, как вещи среди вещей» (К. Маркс). Соответственно адаптивная функция образования предполагает отношение к человеку как к существу в большей степени природному или социальному, имеющему психологическую и природно-телесную организацию, которые можно корректировать, подгонять с помощью адаптивных или селективно-поточных образовательных технологий под определенные заданные «сверху» общественные стандарты и нормы. Выполняя адаптивную функцию, образование решает естественно-социальные задачи: развития физической и сексуальной культуры, приспособления человека к природе и социуму, освоения им социальных ролей и функций, встроенности его в систему общественного бытия. Человек достигает определенного уровня социализованности (способность управлять своим психофизиологическим состоянием, готовность вести здоровый образ жизни, готовность к труду, к выполнению социальных норм и др.) и воспитанности личности (нравственная, физическая, трудовая и др.)

Интеграционная функция образования связана с освоением человеком религиозных представлений, цивилизационно-культурных форм, национально-этнического самосознания, политико-правовых, духовно-нравственных и других общечеловеческих ценностей. Происходит его интеграция в общественные структуры и культуру, в процессе которой он усваивает необходимые знания, нормы и ценности общества, правила и стереотипы поведения. Образование, выполняя интегративную функцию, решает социокультурные задачи, формулируемые институтами общества и государства. Эти задачи объективно определяются не только обществом в целом, но и этнорегиональными особенностями, ближайшим окружением человека. Задачи социокультурного ряда направлены на то, чтобы человек учился мыслить, умел познавать, доходить до сущности вещей, осознанно выбирать модель поведения, чтобы общественно значимые ценности становились рационально-осознанными и рационально-контролируемыми. От человека в процессе интеграции требуется приближение его к общественному или культурному идеалу, приобщение к определенному уровню общественной, политико-правовой, национальной и мировой культуры. Здесь уместно использование теорий (теологические, цивилизационно-культурологические, аксиологические, когнитивистские), которые рассматривают человека, прежде все-

го, как существо, детерминированное культурой общества (М. Мид), способное решать логические задачи в зависимости от уровня развития культуры (Ж. Пиаже). Образование в них трактуется как процесс интериоризации культуры, направленный на сохранение и преемственность различных культурных моделей, ценностей (в том числе и религиозных), их трансмиссии из поколения в поколение.

Однако постановки задачи интеграции человека в общество и культуру в рамках социокультурного подхода, явно недостаточно, поскольку он не направлен на реализацию сущности индивида, делая из него функционера, придаток общества, а не творческую самоценность и уникальную индивидуальность, способную проявлять свою субъектную позицию. Эту задачу решает индивидуальный или индивидуально-психологический подход в образовании. Он предполагает индивидуально-автономную деятельность человека, связанную с его субъективным бытием, самостроительством и самосозиданием неповторимой личности, понимаемой в духе антропоцентризма, «философии жизни», «Я — концепции» и других личностно ориентированных педагогических теорий. Этот подход соответствует процессу индивидуализации, которая характеризуется самореализацией и самоутверждением личности, проявлением своей собственной самости (сущности) в результате свободного развития в процессе гуманистических педагогических отношений, предполагающих сопереживание, соучастие и сотрудничество. Основной задачей процесса индивидуализации является развитие индивидуальной личности, выделение психологического индивидуума, существа, отличного от общности, от коллективной психологии (К. Юнг). Результатом индивидуализации становится обретение «самости», структурирование индивидуально-личностных свойств человека. В основе процесса индивидуализации лежат идеи гуманистической психологии и других личностно-ориентированных концепций (герменевтики, частично постмодернизма и прагматизма), предлагающих учитывать в процессе образования индивидуально-личностные особенности, способности и интересы человека. В этих концепциях главное внимание уделяется человеческому «Я», раскрытию в каждом человеке его уникальной индивидуальности на основе его собственного опыта. Личность человека характеризуется ее отношениями с миром, взятыми с их содержательной стороны — мотивами, целями, ценностями, направленностью, смысловыми образованиями. Однако излишняя индивидуализация, автономия и прагматизм как основа большинства антропоцентрических концепций образования, направленных только на самореализацию, способствует деформации человека, делая его «частичным», эгоцентричным, бездуховным, игнорирующим нравственные нормы.

Поэтому самый высокий уровень развития человека — духовный — предполагает персонализа-

цию личности, ее субъективно-духовные переживания, эмоции и соответствующие им действия и поступки, которые выходят за рамки ролевых ожиданий. Процесс персонализации обеспечивает усиление личностной персоны, в результате которого субъект выступает в общественной жизни как неповторимая личность, представляет трансляцию себя миру, другим людям в качестве сильной персоны. Чтобы избежать крайностей процесса персонализации, которые также могут привести к излишней замкнутости и автономизации, важно дополнить его персонификацией (А.Б. Орлов). В отличие от персонализации, персонификация проявляется не в стремлении человека быть личностью, а в стремлении быть самим собой. Она предполагает смещение доминант от ценностей индивидуализма в сторону свободы и ответственности личности перед обществом и самим собой в целях сохранения человечества. В персоналистских экзистенциалистских и феноменологических концепциях, логоцентристском (рефлексивном) и духовно-этическом направлениях личность человека воспринимается как носитель специфической духовности, связанной с ее трансцендентальными усилиями. Человек выступает как носитель «принципа духа», сознания и самосознания, способного к саморефлексии, который не просто живет, но сам осуществляет свою жизнь: сам делает себя тем, что он есть. Для человека ведущей выступает смыслообразующая деятельность, которая разворачивается и в кантовских априорных формах «чистого разума», в формах феноменологической интенциональности и интерсубъективности, субъектной духовности и трансценденции. Индивидуальное трансцендирование — это движение человека по пути свободы и творчества, преодоление замкнутости и одиночества в духовном общении с самим собой и другими.

В идеале человек в рамках образования должен встать на путь самосовершенствования, сознательного и ответственного выбора тех способов мышления и действия, которые способствуют сохранению жизни, культуры и природы. При этом он сам как творческая личность должен обладать определенным уровнем общей культуры (культурных ценностей человечества, нравственной культуры, культуры общения и поведения и др.). Очевидно, что будущая интегративная антропологическая образовательная парадигма и разработанная на ее основе модель образования будет носить плюралистический характер, вобрав в себя самое позитивное из предшествующих ей парадигм. В рамках интегративной парадигмы становление человеческого в человеке осуществляется во всем многообразии форм и способов: природного и культурного, социального и индивидуального, эмоционального и рационального, телесного и духовного — одновременно. Человек не только формируется под влиянием естественной или социальной среды, но и сам форми-

рует себя, «выбирая» самого себя и свой жизненный путь. В рамках единого социально-антропологического образовательного пространства, предполагающего использование разнообразных антропологических подходов, «снимаются» все противоположности человека, разрешается дилемма личностно-общего и уникально-индивидуального в его поведении, сопряженно развиваются все его стороны, его способности и возможности во всей их полноте. Единое социально-антропологическое образовательное пространство преодолевает противоречия односторонней трактовки человека, как его рационалистического или иррационалистического понимания, усматривающего сущность последнего в разуме или инстинктах, так и толкования этой сущности как совокупности общественных отношений или экзистенциального, индивидуального и автономного бытия. Происходит самопознание и преобразование человеком самого себя, как обретение им общечеловеческих ценностей, накопление знаний, опыта, духовно-личностных переживаний, так и осмысление себя и своей роли в обществе, обрете-

ние в нем своего достойного места, реализация всех сущностных сил. Образованность при антропологическом подходе перестает быть самоцелью, а понимается как средство становления духовных, нравственных, социальных, профессиональных и интеллектуальных качеств личности.

Для интегративного антропологического подхода характерно исходить из сущности человека как целостности, из конкретных проявлений его жизни, рассматривая его через призму различных образовательных парадигм. Важно лишь избежать их крайних проявлений. Как формирования тоталитарной личности, основанной на принципах коллективизма объектного подхода, когда отдельный человек со своими целями и своей судьбой становится «средством» абсолютного разума, простой функцией коллектива, при абсолютном примате всеобщего (общественного) над отдельным, так и становления эгоцентрической личности, изолированного от общества индивидуалиста при реализации другого — субъектного подхода.

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВУЗА

В 1997 году заключено Соглашение о сотрудничестве между администрацией Челябинской области и Русской Православной церковью в культурно-образовательной и социально-экономической сферах. В Соглашении, подписанном главой администрации Челябинской области Петром Суминым и Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II, говорится о создании благоприятных условий в школах, средних и высших учебных заведениях для проведения занятий по истории религии в традициях русской духовности.

Но востребовано ли это решение современностью?! Возможно ли взаимодействие церкви и вуза?! На уровне обыденного сознания мы видим, как открываются теологические факультеты в университетах (Московский Социальный университет, Тульский педагогический университет и др.), читаются факультативные курсы по истории иконографии и другим предметам (Челябинский государственный университет и др.). Молодежь вместе со старшим поколением посещает храмы, причем, молодежь разных национальностей: русские, татары, немцы, евреи и др. Получается, что православный храм выполняет важную функцию — интегративную, объединяет людей, независимо от этнической, религиозной, классовой и государственной принадлежности. Говоря словами М. Вебера, «нет ни эллина, ни римлянина, ни иудея, ни богатого, ни бедного, перед Богом все равны». Более того, молодые люди учатся в Воскресных школах, создаваемых при Православных храмах. Так, по данным конкретных социологических исследований, проведенных в Свято-Симеоновском Соборе в 2001—2004 гг. (методом сплошного обследования заанкетировано 150 человек; выборка репрезентативна для данной генеральной совокупности), обнаружено, что по социально-демографическим показателям выделяется группа учащихся, студентов (6 %), группа лиц со средним, средне-специальным и высшим образованием (41 %). Мотивы, повлиявшие на приход в церковную школу: события микро- и макросреды, жизненные обстоятельства, тяга к духовности, ожесточение человечества и др. Эти социальные факты отвечают на поставленный вопрос положительно; определенная часть вузовской молодежи имеет потребность познакомиться и, может быть, приобщиться к Православию.

Но чтобы утвердительно сказать, надо ли и как сотрудничать церкви и вузу, важно определиться в общих социологических подходах к религии и Православию, в частности.

Классическое религиозное наследие обширно и богато. Основоположник социологии Огюст Конт

рассматривает человечество как неделимое существо, высшую реальность, религию как объединительный фактор единого человеческого общества [2, с. 119]. Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» анализирует взаимосвязь экономических, социальных факторов и религиозных убеждений. Он рассматривает религию, как социальный институт — объединение верующих, связанных между собой единством вероучения, обрядности; жесткой внутренней иерархией, предписаниями, обязательными в богопознании и поведении [1, с. 236]. Это понимание может быть взято за основу в конкретном социологическом исследовании.

В генезисе русской культуры смешивались два направления в отношении к религии: одно — к социальному преобразованию жизни в цивилизации (западники), другое — к мечте о чудесном преображении мира, судьбы народа. Н. Гоголь, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, К. Леонтьев, Н. Федоров, Н. Бердяев, И. Ильин говорят о воле, способности русского народа к религиозному преображению. Философ и теолог Вл. Соловьев понимает историю как органический процесс, субъектом которого выступает человечество. В развитии человечество должно стремиться к нравственному совершенствованию, организации добра, по его словам, «делу Божьему на земле». «Для российского народа высшее благо есть воплощение христианства в жизни, создание вселенской христианской культуры. Служение такому высшему благу есть задача и христианина, и патриота» [3, с. 132].

В работе «Духовные основы жизни» Вл. Соловьев показывает православие как основу духовности каждого русского человека. Н. Бердяев, И. Ильин видят в православии потребность души русского народа. Более тысячи лет Россия официально исповедовала православие. Тысячелетняя история была прервана 70-летним периодом советского аскетизма. Самым распространенным и достаточно усвоенным стало истолкование религии как веры в сверхъестественное. Но можно ли считать советских людей, страстно верующих в коммунизм, атеистами?! Скорее всего, это разновидность советской религии.

Обращение к западноевропейской и русской религиозной классике показывает, как интересны, разнообразны и актуальны подходы к религии, и они могут служить теорией и методологией конкретно-социологических исследований.

Но как сама молодежь, в том числе студенческая, относится к религии, православию, церкви, Богу? Данные социологических исследований, про-

веденных лабораторией прикладной социологии Челябинского государственного университета среди учащихся школ, ПТУ, вузов области говорят о том, что более половины опрошенных определили свое отношение к религии как «положительное», до трети — «нейтральное», каждый десятый — «отрицательное» и до 7 % — затруднились ответить. По своим убеждениям почти половина считает себя верующими, каждый пятый — неверующим, каждый двадцатый — атеистом. И затруднились с ответом треть опрошенных. Примечательно, что в выборе веры до 61 % респондентов «проголосовали» за православие; за ислам — до 6 % и до 1 % — за протестантизм, буддизм и др. Затруднились с вопросом выбора веры около трети школьников, 45 % студентов. На выбор религии повлияли: поиск смысла жизни (указывают 24 % школьников, 19 % студентов), стремление лучше узнать окружающий мир (25 % школьников, 14 % студентов), трудные проблемы жизни (по 11 % у школьников и студентов). По мнению респондентов, обращение к религии помогает в жизни (указывают 40 % опрошенных). Каждый шестой часто обращается к Богу. В ранжированном ряду жизненных ценностей вера в Бога занимает шестое место.

Выпускники Воскресной школы при Свято-Симеоновском Соборе подчеркивают, что занятия в школе повлияли на духовное развитие, а главное, помогли сделать шаг к совершению добрых дел. При Соборе создано Братство социального милосердия, члены которого оказывают помощь малоимущим, многодетным семьям; выпускникам детских домов и другим социально уязвимым группам. Можно сделать вывод, что положительные установки студенчества на Православие, стремление познать основы этой веры, общаться с православными, совершать паломнические поездки по церквям и монастырям, заниматься милосердием — вот предпосылки для плодотворного сотрудничества Православной Церкви и вуза в деле возрождения духовности личности и общества.

Литература

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — 806 с.
2. Конт, О. От философии к религии. Цит. по: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М. : Прогресс, 1993. — 606 с.
3. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2-х тт. — Т. 1. — М. : Правда, 1990.

«СТИХИЙНОЕ» И «ОРГАНИЗОВАННОЕ» НАЧАЛА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Нестабильность сегодняшнего дня, превалирование стихийных процессов во всех областях российской жизни, отсутствие твердых социально-общественных структур, на которые могли бы опереться реформаторы, заставляет по-новому взглянуть на тот путь, которым пришла Россия к ее сегодняшнему положению, а тем самым понять возможности цивилизованного выхода из теперешнего кризиса.

Еще в начале прошлого века П. Я. Чаадаев, анализируя исторические тенденции России, увидел константу ее жизни в «безличном хаосе», в отсутствии гарантий для собственности и свободы личности, в тотальном подавлении человека, а в результате — в постоянной готовности русских людей к метафизическому и буквальному бунту против любых правовых норм. В этом смысле русский народ всегда был равен русскому правительству. Вольность и произвол противопоставлены в русской ментальности понятию свободы, имеющей ограничение в свободе другого человека. Этот диагноз получил подтверждение в творчестве Достоевского, показавшего возможность возникновения из «карамазовской стихии» всеразрушающего бунта. «Нет оснований нашему обществу, не выжито правил, потому что и жизни не было. Колоссальное потрясение, — и все прерывается, падает, будто и не существовало. И не внешне лишь, как на Западе, а внутренне, нравственно» [3, с. 329], — писал он.

С тех пор как человечество начало мыслить о своей судьбе и искать лучшего будущего, в человеческом сознании живет одна заветная, неистребимая мечта: мечта внести сознательность в стихийный процесс жизненного развития как человека, так и общества в целом, разумно и целесообразно двинуть его по верному пути, на место слепой анархии установить порядок и организацию. Состоянию анархии человеческая мысль противопоставляет идею подчинения стихийных сил разумной воле человека, ту же великую идею, которая лежит в основе всего технического прогресса. Подобно силам природы, слепые силы общественной стихии должны быть покорены и направлены к благу человека; состояние разброда и хаоса должно быть заменено состоянием порядка и организации, при котором люди могли бы сознательно творить свою историю, следуя совместно указаниям своего разума. Эта идея организации и, так сказать, рационализации общественной жизни, то есть полного подчинения ее разуму и разумной воле руководителей, есть одна из глубочайших и упорнейших тенденций социально-философской мысли; в разных формах и в различном контексте идей она встречается у са-

мых разнообразных мыслителей. Будучи формальным социологическим построением, она может вместить в себя любое содержание, служить проводником и союзником самым разнородным идеалам. Именно поэтому один из наиболее убежденных провозвестников этой идеи, Огюст Конт, предлагал католикам соединиться, несмотря на все разногласия мировоззрения, с «позитивистами» в одну великую партию «организаторов человечества» для совместной борьбы со всеми дезорганизующими социальными тенденциями.

Русская история в этой связи дает нам потрясающе наглядный пример. На протяжении многих столетий происходит непрекращающаяся борьба между стихией и порядком. Рассуждая о специфике российской ментальности, П. Я. Чаадаев характеризовал ее следующим образом: «Это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали образованию нашей планеты в ее теперешнем виде» [4, с. 20]. Иными словами, это господство неупорядоченных стихий, хаоса, не претворенного в космос, или, еще точнее, неструктурированность общественной и духовной жизни. Такова роль России в раскладе мировых сил, полагал Чаадаев. В роли же начала гармонизирующего, нашего равновесия и порядка (несмотря на предшествовавшие века катаклизмов и брожений), выступает, по мысли русского философа, внешнее по отношению к России геокультурное образование — Западная Европа, выработавшая за долгие годы цивилизованные нормы существования, «идеи долга, справедливости, права, порядка... Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история и психология, это физиология европейца» [4, с. 20]. Кстати, со времен Чаадаева это противопоставление стало постоянным в русской мысли. То этой российской стихийностью гордились — в противовес европейскому «мещанскому порядку», то ее боялись, надеялись на благотворное воздействие европейских правил и принципов. Именно из этих составляющих складывался генезис российского общества. Если стихийность русской души представляла перед зрителями как некое истинное начало, материал, западное воздействие всегда рассматривалось своего рода катализатором процесса, его ускорителем либо замедлителем.

Сам термин конституционализм воспринимался всегда как слово иностранное, в этой связи, он был инородным телом в стране, где исторически складывались другие условия. Рассматривая процесс становления конституционализма в России, по

сути, созерцаешь пути взаимодействия двух разных начал: европейской цивилизации и культуры со стихийностью первозданных времен. Бердяев был уверен, что «в русской земле, в русском народе есть темная, в дурном смысле иррациональная, непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия... Эта темная русская стихия, — писал он, — реакционна в самом глубоком смысле слова. В ней есть вечная мистическая реакция против всякой культуры, против личного начала, против прав и достоинства личности, против всяких ценностей» [1, с. 52—53].

Следует заметить, что слова стихийность, хаос по отношению к понятиям цивилизация, культура, всегда приобретают социальный характер. Неспособность управлять самим собой — одна из самых страшных характеристик, иными словами, это бытие в произволе, когда произвол, чего хочу, то и ворочу, становится основой жизни. Ситуация углубляется еще тем, что такое восприятие окружающей действительности становится парадигмой, архетипом деятельности, пронизывает все общество. Железная власть самодержавия была ориентирована на тот же российский архетип — архетип произвола. Произвол народной стихии покорялся только произволу самодержавной власти. В то же время на протяжении всей своей истории самодержавие искало мифологического контакта с народом, чувствуя, что народ меняется, что европеизация пробивает себе дорогу во все более широкие слои населения, что одного произвола уже недостаточно. Однако правовые структуры цивилизации только начинали складываться: на свою беду царизм из всех сил тормозил их развитие. Народ не знал демократических институтов, не был приучен к закону, не впитал его в себя, поэтому, когда государство слабело и не могло силой сдерживать оппозиционные тенденции, а иных средств разрешения конфликтов просто не знало, вспыхивавшие социальные конфликты, поддерживаемые народом, точнее всем обществом, уничтожали сдерживающие скрепы, стихия выходила из берегов, затопляя все цивилизационное пространство, унося под воду государственные учреждения, законы, сметая нормы морали, права, разрушая не только элементы цивилизации, но и нормы традиционного общества, нравы.

Современная Россия не являет собой исключения из исторических правил. Главная цель для нее — построение сильного, правового государства, проведение судебной реформы и создание реально действующих механизмов обеспечения правозаконности и защиты прав человека. Разрешение этой проблемы требует изучения и усвоения не только зарубежной практики и идей западного либерализма и конституционализма, которые пользуются большой популярностью у российских реформаторов. Чужой опыт

может помочь оформить только то, что само просится к жизни. При этом нельзя забывать об одной удачно подмеченной еще Достоевским черте русского человека, который увлекается положительными принципами, выработанными Западной Европой, но при этом становится более европейцем, чем сами европейцы. Так что, осуществляя реформы, следует искать основы не только за рубежом, но также, и это прежде всего, в самом обществе, внутри родного дома.

Основной вопрос правовых реформ сегодняшнего дня — какое правовое государство и гражданское общество возможны в России, какой путь наиболее органичен для вхождения нашей страны в мировое сообщество на основе собственных культурных традиций, иначе говоря, на основе собственного опыта? Конституирование правового государства — очень серьезная проблема. Однако в общественно-научных и политических дискуссиях практическая сторона зачастую отодвигается на второй план, уступая место принципиальной проблеме — возможно ли вообще в России правовое государство и совместимо ли русское духовное наследие с какими бы то ни было правовыми идеями?

Сегодня опять можно наблюдать новое проявление столкновения двух российских традиций славянофильства и западничества. Конечно, такая полемика между приверженцами самобытности и вестернизации не надумана, ее появление вполне закономерно, поскольку в процессе глобализации, ставшей реальностью прошлого века, традиционные устои подвергаются серьезной опасности. Многим видится даже разрушение уникальных форм бытия, исторически сложившихся форм сознания, в том числе политического и правового.

Между тем, в силу своей односторонности, ни та, ни другая тенденция не отвечают современным потребностям России. Большую актуальность обретают сегодня социально-философские и политологические исследования, способные выработать концептуальные рекомендации для выбора путей развития государства, общества и правовой системы. Рассмотрение права с точки зрения теории культуры позволяет оценить реформы не только с узкопрактической юридической точки зрения, но и дает возможность осмыслить процесс в полном масштабе, увидеть его «извне» [2, с. 19], не сосредотачиваясь только на собственно юридическом аспекте.

Актуальность обращения к проблеме государственного строительства и правовой культуры обусловлена необходимостью пересмотра ряда теоретических положений в сфере права и политологии. Очевидно, что анализ государственности, конституционализма, правовой культуры требует, во-первых, уточнения содержания самих понятий «конституция», «государство», «право», «культу-

ра», характера их взаимосвязи, то есть определения, что представляет собой право в самом общем смысле как феномен культуры и что является культурой в праве; во-вторых, необходимо осмыслить те явления, которые «спровоцировали» то или иное состояние правовой и политической культуры, состояние государства и отношение социума к нему, сформировать их характер. Другими словами речь идет об историческом подходе — историзме.

Литература

1. Бердяев, Н. И. Судьба России, — М. : Филос. об-во СССР, 1990. — 240 с.
2. Власов, Ю.Н. Феномен реформаторства в переломные эпохи: культурологический аспект, — М. : Гос. акад. славян. культуры, 1998. — 22 с.
3. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 томах., Л., 1976, Т. 16, 329 с.
4. Чаадаев, П.Я. Сочинения. — М. : Правда, 1989. — 656 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Перед русской общественной мыслью с самого ее зарождения всегда стояли две проблемы: 1) проблема освобождения лица и 2) упорядочение государственного властвования, введение его в рамки правомерности и соответствия потребностям и желаниям населения. Вот почему, с тех пор как возникла русская общественно-политическая мысль, она движется вокруг этих проблем и движется, так сказать, по двум параллельным осям: по оси либерализма и по оси консерватизма. Для индивидуальных сознаний эти оси по большей части никогда не сближаются и не сходятся. Наоборот, они далеко расходятся. Но были в русском духовном развитии яркие и сильные представители сближения и даже слияния осей либерализма и консерватизма.

Суть либерализма как идейного мотива заключается в утверждении свободы лица. Суть консерватизма как идейного мотива состоит в сознательном утверждении исторически данного порядка вещей как драгоценного наследия и предания. И либерализм и консерватизм суть не только идеи, но и настроения, точнее, сочетание осознанной идеи с органическим, глубинным настроением. Особое место Б.Н. Чичерина в истории русской культуры и общественности определяется тем, что он представлял в ней самое законченное, самое яркое выражение гармоничного сочетания в одном лице.

Чичерин считал, что в обществе происходит борьба охранительных и прогрессивных элементов, видя идеал исторического прогресса в том, чтобы сохранять, улучшая. В силу этого факта, он отдает предпочтение охранительным элементам: они-то и являются, по его мнению, основой общественного быта. Философ писал однажды: «Я приверженец охранительных начал в том смысле, что я глубоко и живо чувствую потребность власти и порядка... Поэтому я всегда буду готов идти рука об руку с властью... Не покидая... почвы права, мы должны стараться соблюсти счастливую середину между старыми привычками безусловной покорности и новыми стремлениями к безотчетной оппозиции...» [1, с. XIV—XV]. Претендуя на «золотую середину», — особую промежуточную позицию между крайностями реакции и политического радикализма, Чичерин в действительности посвятил себя защите Российского самодержавия.

Если демократическая школа рассматривает выборное начало как право каждого свободного лица на участие в общих делах и в качестве основания власти полагает личную волю человека, то в охранительном направлении есть не столько право, сколько обязанность, которую граждане государства

должны выполнять для общественной пользы. Чичерин считает, что подобное различие воззрений «проистекает из того, что выборное право имеет две стороны. Как само представительство, оно является вместе и выражением свободы, и органом власти... Выборное право, прежде всего, есть право; оно дается гражданину не как должностному лицу, а как члену общества, дабы он мог проводить свои мнения, защищать свои интересы. Тем не менее, источник всякого права есть свобода. Право есть именно определенная законом свобода или возможность действовать, поэтому, — делает вывод Чичерин, — выборное право тождественно политической свободе или свободе граждан как членов государства» [1, с. 10—11].

С другой стороны, Чичерин глубоко убежден, что всякое право должно быть ограждено от произвола и каждый свободный член общества должен иметь возможность защищать свои права. Чичерин прямо говорит, что «при подчинении личной свободы общественной власти это требование может быть удовлетворено единственно участием граждан в самой власти, определяющей и охраняющей права. Пока власть независима от граждан, права их не обеспечены от ее произвола; в отношении к ней лицо является бесправным. Общественный характер, приобретаемый свободой в человеческих обществах, ведет, следовательно, к тому, что личное право должно искать себе гарантии в праве политическом, посредством которого каждый, участвуя в общих решениях, приобретает такое же влияние на других, как и те на него. При взаимности прав и обязанностей политическая свобода является последствием личной как высшее обеспечение последней» [1, с. 12].

Таким образом, политическая свобода состоит в том, что гражданин как член общества, государства, участвует в общих делах. А это предполагает его причастность к власти, управляющей общими делами. Свобода, в ходе собственной эволюции от личной к политической, приобретает «совершенно иной характер, нежели в частной жизни. Из личной она превращается в общественную, решает судьбу всех, становится органом целого. Поэтому здесь к началу права присоединяется начало обязанности. Гражданин, имеющий долю власти, должен действовать не для личных выгод, а во имя общего блага; он должен носить в себе сознание не только своих частных целей, но и общих начал, господствующих в общественной жизни» [3, с. 13].

Чичерин был убежденным сторонником конституционализма в России. Он подчеркивал, что «для всякого просвещенного человека не может быть ни

малейшего сомнения в то, что все народы, способные к развитию, рано или поздно приходят к представительному порядку», что к этому ведет и «самая практическая необходимость» [4, с. 506—507]. «Политическая свобода тогда только благотворна, когда она воздвигается на прочных основах, когда народная жизнь выработала все данные, необходимые для ее существования. Иначе она вносит в общество только разлад» [3, с. 19].

Важнейшим условием избирательного права Чичерин считает политическую способность: «Невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государственных интересов. Это значило бы принести высшие начала, общее благо в жертву личной свободе, тогда как вся общественная жизнь держится подчинением личного начала общественному. Поэтому неспособные должны быть устранены от участия в политических правах» [3, с. 13]. Эта же мысль встречается у Чичерина в работе «Собственность и государство»: «Если свобода составляет источник политического права, то способность является необходимым его условием» [2, с. 329]. На страницах книги Чичерин довольно логично обосновывает необходимость введения цензовых ограничений избирательного корпуса. Прежде всего он говорит об имущественном цензе: «В отношении к отдельным лицам имущественное мерило может нередко быть ошибочным: бедный бывает способнее богатого. Но в приложении к целым классам это признак весьма существенный» [3, с. 14].

Из каких же качеств, по мнению ученого, складывается политическая способность? Эти качества, по Чичерину, носят разнообразный характер: умственные, нравственные и материальные. К первым принадлежит сознание государственных потребностей,

для чего необходимы образование и знакомство с общественными делами... Но к сознанию должно присоединяется нравственное свойство: постоянная готовность всеми силами поддерживать общее дело. Наконец, «в дополнение ко всему этому, для политической деятельности требуется большая или меньшая самостоятельность положения, которая дает человеку возможность не быть орудием в чужих руках, а иметь собственный голос» [3, с. 14—15]. Чичерин полагает, что этими качествами должны обладать не отдельные лица, а классы, которым вручается доля власти.

Политическая свобода может иметь различные степени развития. Чичерин считает, что «для разных отраслей государственной деятельности нужна неодинаковая способность в гражданах, призываемых к участию в делах. Степень способности, достаточная для низших сфер, может быть совершенно недостаточна для высших, вследствие этого политическое право граждан может ограничиваться участием в суде, в местном управлении или же простирается до участия в верховной государственной власти» [3, с. 18].

Литература

1. Чичерин, Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. — М., 1929—1934. Ч. 2: Москва сороковых годов. — 294 с.
2. Чичерин, Б.Н. Избранные труды. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. — 555 с.
3. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве. — М. : Т-во И.Д. Сытина, 1899. — 810 с.
4. Чичерин, Б.Н. Философия права. — СПб. : Наука, 1998. — 655 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

*Став реальностью благодаря духу, душа
одновременно вводится в некоторые пределы.*

Карл ЯСПЕРС

Обращение социологии к проблемам духа заставляет особо упомянуть родственную связь науки об обществе и людях с философией. Абсолютное большинство утверждений общего характера вызывают в социологической литературе достаточно острую полемику. В основном царит недолговечность психологических образов, метафор, ассоциаций. Проблемы методологии трактуются в русле поиска исходных дефиниций предмета исследования, позволяющих запустить «машину методов». При этом особняком стоят дискуссии о самих методах, но и здесь на выручку приходит современный менеджериальный лексикон с его «стратегиями», «миссиями», «проектами» и т. д. Пожалуй, лишь вопросы, связанные с полученными результатами, остаются в компетенции профессиональной честности. И при всём при том, социологические исследования в целом движутся по вполне привычному, ставшему уже традиционным, руслу, где ясно выражены общая последовательность, валидность, адекватность как параметры, ожидаемые научным сообществом социологов в целом.

Практически все отраслевые социологические исследования охвачены сравнительно высокой общностью понимания целей и актуальных проблем — в то время как статус социологии духовной жизни «повисает в воздухе» именно по этим параметрам. Это связано с принципиально неправильным отношением социологического мышления о духе к философии. От последней ждут готовых результатов, которые бы можно было использовать в качестве отправных аксиом или принципиальных критериев, как это зачастую происходило в социологии, но именно в сфере духа это порождает фундаментальные ошибки. Философия как таковая не даёт готовых практических результатов, и это в полной мере относится к духовным озарениям и прочим целостным картинам умозрительного постижения духа и его аспектов.

Разнобой и произвольность трактовок предмета социологии духовной жизни нельзя также снять через «бюрократическую» уловку, т. е. попытаться представить её в качестве наименования группы отраслевых теорий, изучающих социальные институты духовной сферы жизни общества с некоторыми дополнениями, связанными с рассмотрением духовного аспекта других сфер и институтов, которые оказываются на положении «внешней среды»

духа. К тому же, это стилистически и конструктивно напоминает социологизм Э. Дюркгейма. Но время великих, но лапидарных систем для социологии прошло, что во многом демонстрирует «высокая теория» Т. Парсонса.

Существует также тенденция рассматривать социологию духовной жизни в общем русле прикладных исследований по первичному сбору данных, результаты которых выражаются в словарях технических дефиниций, операционализируемых в виде цифр, диаграмм, графиков и т. д. Так пытаются преодолеть зависимость от произвольной философичности, но сам факт такой зависимости, в том числе и для данной группы исследований, не исчезает. Расплатой за преждевременную победу социологического исследования духа над собственной зависимостью от философских предпосылок оказывается ещё большая зависимость такого рода. «Украшенные» рейтингами и формулами исследования духовной жизни перенасыщены не критичными суждениями относительно сущности объективных проявлений духа, греша одновременно против позитивизма и понимающей социологии. Любая попытка соединить разговор о сущности духовной жизни общества с её психологическим пониманием бесплодна, и это нельзя скрыть стандартными научными процедурами получения и представления результатов социологического исследования.

Эмпирические исследования сами по себе, и даже опирающиеся на в целом верные теоретические связи понятий, не позволяют продвинуться вперед в социологии духовной жизни. Нужна более точная и внятная дифференциация социологических исследований духовной жизни, их отчетливая специфика, связанная с иным уровнем мышления по сравнению с социологией в целом. Социологическому постижению духовности необходимо преодоление собственной рефлексивной зависимости от философских установок. Пока отсутствуют достигнутые результаты, в качестве аргумента зрелости отраслевых исследований в социологии духовной жизни требуется критическая разработка самих методов, освобождающаяся от «теневого философии».

Философию необходимо использовать по её прямому назначению — как средство удержания от бесплодных в научном отношении дискуссий. Это также предполагает критику человеческих предрассудков и разнообразных социологических предпонятий, которые свойственны любому исследователю (к чему всегда призывал Э. Дюркгейм). Однако этим дело для социологии духовной жизни, в отличие от социоло-

гии в целом и в частностях, не заканчивается, а лишь начинается. Здесь возникает новая ситуация, ситуация, зависимости социологического исследования от мотивов собственной деятельности, принявших вид иного, того, что стало предметом изучения, но ускользает от научных методов в принципе, маскируясь под объект исследования. Социолог духовной жизни не может перестать иметь дело с собственной духовной жизнью. Дух как объект — это соблазн проекции собственного знания духовности «изнутри» на внешнюю социальную реальность.

Тема социологии духовной жизни — жизнь общества и людей как обусловленная духом, т. е. имеющая духовные последствия и причины. Дух как целое непостижим, социальные факты в любом аспекте и отношении не дают критерия этой целостности. Таким образом, возникает «двойное видение» социальной жизни, распадающейся на факты, поддающиеся научным методам, и духовное целое, лишь частично явленное, запечатлённое в этих фактах. Социология духовной жизни нуждается в обобщённых перспективах взаимообусловленности духа и жизни в социальных явлениях, которые делают возможной методическую и техническую проработку деталей. Социологическое понимание здесь обслуживает не процесс порождения и пребывания духа в качестве основы разрозненных, фрагментарных фактических проекций. Постигание природы социального не выносятся «за скобки» социологического мышления, но обособляется в качестве иной реальности, иной целостности, которая, будучи доступна научным методам, тем не менее, обладает целостностью системы и также взывает к пониманию. Но понимание общества и людей как реальности в ряду объективных природных явлений — это принципиально иное понимание по сравнению с постижением духа. В первом случае дух прозрачен в качестве средства, во втором случае он ускользает в качестве предмета.

Социология духовной жизни открыта любым эмпирическим возможностям, помимо одной — стремления к унифицированным объяснениям духа в обществе и людях. Доступные аспекты понимания целостности духа образуют логически конечную последовательность принципов:

1. Отличие жизни как целого от животных проявлений и отличие духа как целого от душевных проявлений в жизни людей, а души как целого — от поведенческих проявлений. Отличие сознания как целого от многообразных психических проявлений, где «бессознательное» в равной степени инкорпорировано как сознанием, так и животными проявлениями в душевной жизни. Понять дух как целое через феноменологию духовной жизни или критический анализ объяснений духовности.

2. Ориентация на дух как целое в несмежных проявлениях собственной внутренней и внешней данности и как процесс, параллельный и избира-

тельно взаимоориентированный с разнообразными проявлениями душевного и жизненного, как и животного, в социальной действительности. Понять дух как специфическое через морфологию духовной жизни или реконструировать позитивные предпосылки понимания духовности. Концептуализировать дух как социальное установление, найти терминологические критерии институционализации духовной жизни.

Первая группа принципов была апробирована социологической классикой. Поскольку феноменологическая установка не отменяет «естественного мировоззрения» (М. Шелер), то предполагает первичность обращения к понятным с точки зрения повседневности взаимодействиям и причинным связям. Дух как непосредственная данность предшествует особому рода публичным символам, социальному символизму вообще. Данность духовной жизни в обществе — фундаментальный ресурс объективности, утверждаемый через параллельные ряды эквивалентности: а) «человек — абстрактное существо — символическое животное», б) «человек — конкретное существо — тварь».

Символы — лишь часть повседневного опыта, присутствие духа — условие всякого возможного опыта. Абсолютное большинство людей не связывают повседневность и дух, но наивно предполагают реальность духовной жизни. Дух предстает в качестве недифференцированной целостности, недоступной рассудочному созерцанию, — так формируется установка веры. Таким образом, феноменологическая установка — это возврат от веры к донаучному доверию данности духа. Очевидно, это восстановление неискушенной цельности восприятия возможно лишь условно.

Социология как таковая исключает непосредственное обращение к духу — ее предмет составляют факты, структуры отношения, действия. Метафизические объекты возникают в социологическом воображении лишь по мере необходимости целостных представлений об объекте, как правило, это системы общества, личности и другие несомненно масштабные по сложности и глубине данности. О. Конт исключает сущности, Г. Спенсер противопоставляет вещи идеям, К. Маркс ниспровергает идеологию, а Дж. Ст. Милль ограничивается лишь нелогичностью альтернатив как жизненно важного условия социальной свободы. Ранняя социологическая классика беспощадна по отношению к аристократическому философскому идеалу созерцательности, умозрения. Место духовности вакантно, и тем самым недвусмысленно очерчено. Сфера религиозного выносятся за скобки социальных отношений, но представление о Духе (религии) — одна из существенных аксиом конструирования самого предмета социологии. Отцы-основатели социологии недвусмысленно одухотворены, исполнены нравственного негодования, в основе их методологических

прорывов к социальному — вероучительные претензии и парадигмальные вызовы обыденным представлениям о вере и духовности.

Социальная парадигма позитивизма, его рациональной и эмпирической разновидностей, а также парадигма макросоциального конфликта основаны на достаточно четко выраженных гипотезах духовности. Вырожденными трактовками этих гипотез являются натурализм и психологизм. Первый утрирует самодостаточность социальной структуры, благодаря чему происходит прорыв к дефиниции социологии через изучение социальных групп, второй настаивает на гетерономности социальных отношений, переводя социологическое познание в контексты непосредственной intersубъективности. Обе эти вариации сегодня представляются элементарными, но именно благодаря этим «фундаментальным просчетам» современная социология не упустила шансы адаптации авангардных моделей естествознания и многообразия способов понимания людей в познании социального.

С момента своего рождения социологическая наука отмечена печатью постижения духовности, пронизана императивами альтернативности догматизму теологической и метафизической традиции. Первоначальный социолог пронизан духом религиозного предпринимательства. Социолог, ставший нарицательной фигурой в обществе, — это уже носитель институционализированных норм, агент научной бюрократии.

Вторая группа принципов отмечена печатью современной социологии. Проблемы метода и предмета социологии обречены оставаться вечно юными сюжетами человеческого понимания. Современные социологические проекты, признанные на официальном и гражданском уровнях, напротив, исполнены солидности, подтверждают статус социологии как сложно дифференцированной, разветвленной деятельности с высокой степенью специализации знаний и методов исследования. Это историческое расслоение теоретического и прикладного создает в современной социологии внутреннее напряжение смыслов самого языка социологического сообщества, терминологии циркулирующих в этом сообществе текстов. В этом отношении социология всегда современна, поскольку исторические фазисы социологического мышления логически взаимосвязаны, требуют взаимной одновременности в качестве аспектов единой структуры исследования. При этом, в настоящее время доминирует эмпирическое самоограничение теории составлением словарей в программах прикладных исследований, что лишь резче очерчивает вакантность универсальных теоретических обоснований, всегда подразумевающих духовность. В значительной степени современный социолог связан обыденными предположениями духовности, причем тем сильнее, чем последовательнее он реализует установку преодоления мировоз-

зренческой наивности «здорового смысла». Неклассическая повседневность, послужившая на стадии своего становления в зрелых индустриальных обществах одним из объективных условий появления социологии, перенасыщена «фактоподобными» образами духовности (что особенно пикантно на фоне «религиоподобия» социального). Разные исторические сюжеты духа сегодня сосуществуют, в том числе и с социологией вперемешку.

Экстремальным выражением социологического неприятия обыденных представлений духовности стала поздняя классика в лице таких выдающихся мыслителей, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. Теннис, Г. Зиммель, В. Зомбарт. Единственной попыткой продолжения этой линии в рамках неклассического этапа стала гарвардская школа в лице П. А. Сорокина и Т. Парсонса. Несколько особняком стоит социометрическая революция Я. Л. Морено, принципиально расходящаяся с классическими социологическими парадигмами именно на уровне аксиом духовности. В значительно большей степени порывает с классическим социологизмом ряд теорий так называемой гуманистической парадигмы, поскольку предметом социологического исследования здесь постулируются предпосылки и другие ресурсы «человеческого», ангажированные непосредственно в структурах повседневности. Идеи символического интеракционизма, обмена, этнометодологии, феноменологии, социальной драматургии достаточно различны и вряд ли отвечают какому-либо единому критерию помимо вышеуказанного, но их недвусмысленное родственное сходство, опять-таки связано с отношением к классическим социологическим парадигмам духовности.

Социологический морализм Э. Дюркгейма последовательно секулярен. Социология религии М. Вебера подчинена генезису современной рациональности. Преодоление крайностей философии и науки, созерцательной одухотворенности и позитивной объективности составляет приоритет социологии по Ф. Теннису. Постоянный переход от субъективного смысла к объективным формам, конфликтное различие чувственного произвола и внешней дифференциации пронизывают духовную установку созерцания жизни в качестве уникальной миссии социологического постижения действительности по Г. Зиммелю. Многофакторная модель Духа, методологически безупречная в смысловых границах, очерченных целостностями Природы и Экзистенции, предстает у В. Зомбарта в критике причинных объяснений, разработанных М. Вебером.

Отталкиваясь от образов «коллективной рефлексологии» В. М. Бехтерева, П. А. Сорокин строит неоклассическую модель социального взаимодействия через принципиальную схему социальных перегруппировок. Практически, это мастерски избранный угол зрения на социальные факты, вбирающий только и только то, что доступно исследователю в каче-

стве социальной структуры, т. е. устойчивость культурных типов мышления.

Настойчивый синтез социального действия и социальной системы в пространстве рамочной конструкции четырехфункциональной парадигмы Т. Парсонса оправдывает прежде всего аксиому социально стабильной духовности, запечатленной в культурных образцах. Это вмещает практически все, что можно узнать о нормативной организации общества и связанных с нею ожиданиях людей.

Я.Л. Морено опрокидывает наследие раскола науки и теологии, настаивая на необходимости рациональных индикаторов качественных аспектов душевной жизни людей. Группа переключивается из разряда натуральных явлений в сферу духовной иерархии бессмертия.

Номинальность гуманистической парадигмы связана с социальным заказом XX в., превратившего человека в проблему для самого себя. Но логика социологических откликов на вызовы времени также сопряжена с прагматическим опережением опасных ситуаций. Социологический антропоцентризм — дитя духовности и социального риска, в его явных и подразумеваемых, латентных формах. Главные социальные факты теперь находятся за рамками повседневной видимости, хотя и проявляются в ней. Сфера духовных опасностей дня сегодняшнего находится в компетенции экспертов, включая адекватные социологические проекты и исследования.

Уточним принципиальные моменты классической парадигмы духовности как обобщенной схемы отбора и формулировки смыслов, связанных с предполагаемо понятными значениями, образами того, что всегда предшествует пониманию статуса социологии как вида человеческой деятельности: а) функции и причины духа проявляются в граничных ситуациях человека, группы, общества; б) духовность — окончательный критерий объективности социальных фактов и, по этой причине, лишена свойства рефлексивности в социологии; в) философское и религиозное созерцание, любые претензии на духовное самопознание не меняют социологического статуса духовности, способны затронуть «лишь» социальную ситуацию, но не методологические условия ее понимания и объяснения.

Сегодня предметные исследования духовности сопряжены с отраслевыми проектами социологии религии, морали, семьи, повседневности, мифа, науки, образования, здравоохранения, в которых, тем не менее лишь проговаривается арсенал возможностей общей парадигмальной установки и методологических приоритетов исследователя.

Актуальной «точкой сборки» разрозненных социологических подходов и прорывов в понимании и объяснении духовности сегодня стало пространство взаимодействия глобалистики, этничности, конфликтологии. Этот «треугольник» — результат

нивелирования традиционных иерархий сфер общественной жизни. Сегодня духовность заставляет по-иному взглянуть на процессы институционализации, на саму категорию и само явление социального института. Информационное общество вырастает вместе с новой моделью человеческой деятельности, которую пока пытаются объяснить через модификацию традиционных, восходящих к Аристотелю, представлений о «праксисе», добавляя интуитивные образы «виртуальности».

Основные альтернативы реализации этих принципов делают схему многозначной по следующим параметрам: функциональность / причинность; представление / вещь; душа / техника; сознание / отношения; иерархия субъектов / горизонтальная бессубъектность; универсализм ценностей / партикуляризм институтов; практика / информация.

Современные исследования духовной жизни развиваются параллельно, в русле историко-социологической реконструкции и отраслевых эмпирических исследований, продуцирующих качественные экспертные модели. Наиболее показательна, на наш взгляд, исследовательская перспектива социологии морали. Образование и управление слишком переплелись в теории и на практике, оставаясь в плену просветительских идеологем. Социология морали может, при благоприятном стечении обстоятельств (в общественном мнении прежде всего), разрубить этот гордиев узел.

Давно укоренившиеся в структурах социологического мышления вопросы уровней и статусов разного рода теорий, эмпирических моделей, методик и методологий могут быть поняты в качестве однопорядковых явлений социологического морализма. Модели внутренней склонности субъекта в области морально значимых поступков заставляют переосмыслить общенаучную парадигму социального действия с точки зрения возможности объяснения человека. Смысл поступка — это неприродное начало, освоенное и преобразованное в человеческой природе.

Идея моральной антропологии принимает в себя принципиальные результаты теорий общественных нравов и социальной регуляции. Именно социологическая точка зрения на прагматическую значимость внутреннего, неосознаваемого аспекта культуры имеет шанс стать точкой сборки и завершения антропологической программы в аспекте ценностных стандартов культурной регуляции. Социология морали возвращает антропологическое мышление в сферу обоснований прагматического знания, критерий которого — в адекватности жизненному опыту человека.

Антропологическая стратегия социологии морали — это поиск и обоснование принципов понимания, объяснения и исследования общения, явленного в нравах. Интерсубъективность перестает быть стыдливым прикрытием объективности, став раз-

новидностью объективности, включенной в субъективность и исследуемой в рамках поведенческой спонтанности. Это и есть то преимущество в познании и приращении смысла в научном исследовании, которое призвана, по М. Веберу, реализовывать социология. Безусловно, социология не может быть теорией и практикой обучения счастью и руководством к счастливой жизни, но она выполняет важную культурную миссию — вывести общественное самосознание из тупиков просветительской и тоталитарной мысли.

Соотнесение личности и истории в понимающем акте социологического мышления ставит знание перед лицом веры. Современная социология религиоподобна, но это подобие гражданским, а не традиционным религиям. Ответственность перед человеческими обществами и людьми, которые требуют от исследователя больше, чем удивления и удовлетворения собственного любопытства (в отличие

от «идеальных» ученых-физиков, стоящих перед миром в статусе космоса, вселенной), что порождает в социологии проблему внутренней веры. Это или особое, цельного свойства установка открытости социуму, или вакуум, компенсированный массой латентных уступок и непоследовательных выборов в рамках «светской духовности».

Смысл ситуации — это процесс ее направления к абсолютным ценностям, который может быть успешным или безуспешным, более или менее осознаваемым. Теизм предлагает модель резкой бытийной грани между миром и Богом; социология — это часть культуры, своими смыслами ориентированной на абсолютные значения и ценности, не нуждающиеся в данной ситуации. Границы социального очерчены моралью в той мере, в какой общества людей обладают устойчивыми структурами регуляции, требующей участия личности.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В настоящее время в стране существует острая необходимость в планомерной и долгосрочной программе последовательного решения накопившихся острых социальных проблем. Многие из них возникли еще при предшествующем общественном строе, другие — в процессе глубоких социально-экономических и социокультурных преобразований в ходе утверждения рыночной экономики.

Декларация тысячелетия, принятая лидерами 146 государств планеты, в том числе и Российской Федерацией, основным компонентом включает в себя процветание мира, развитие и самореализацию каждого человека. Фундамент достижения гендерного баланса строится на основных международных документах: Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979 г.) и Платформы действий, принятой на 4-й Всемирной Конференции по улучшению положения женщин (Пекин, 1995 г.).

В целях реализации Пекинской платформы действий, а также с учетом необходимости приоритетного решения отмеченных проблем в Российской Федерации в 1996 году принята Концепция улучшения положения женщин, в которой определены стратегические цели и подходы к их достижению, и Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин для определения главных направлений законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и свобод мужчин и женщин в соответствии с Конституцией.

Процесс преобразования российского общества протекает неравномерно. Перестройка политических структур, создание основ правовой государственности, «социальное сопровождение» экономических преобразований, смена элит и укоренение норм рыночной экономики происходит асинхронно. При этом возникают правовые и политические «пустоты». Правовая система сформирована лишь частично. Опыт вовлечения общественных групп в процесс принятия решений с целью достижения легитимности политических действий в значительной мере не выработан.

Негативные последствия программ структурной перестройки, обусловленные их неправильной разработкой и проведением, а также финансовый кризис 1998 г. сказались на способности государства представлять социальную защиту и социальное обеспечение, а также финансовые средства на устранение гендерной асимметрии.

Социальная стратегия, направленная на создание условий для стабильного развития общества на

основе использования и совершенствования человеческого потенциала, предполагает включение гендерной компоненты во все области общественной жизни: в политику, экономику, культуру. Это определяется конституционным принципом (ст. 19): «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации».

Гендерная стратегия как направление государственной политики призвана решить сложные социально-экономические проблемы, что связано с активизацией всех общественных сил, прежде всего женщин, составляющих большинство населения. Это означает неизбежность дальнейшего повышения их роли в обществе на основе ликвидации сложившихся дискриминационных гендерных асимметрий в сферах доступа к принятию решений, экономическим ресурсам, собственности, доходам, рабочим местам, профессиям, в распределении домашнего труда, в которых они являются, в силу ряда объективных причин, «догоняющим полом» с недостаточным объемом прав и, особенно, возможностей.

На сегодняшний день сложилась ситуация, при которой:

- в системе государственного управления наблюдаются существенное преобладание мужчин на высоких должностях на уровне принятия политических значимых решений, тогда как женщины доминируют в низшем звене управления, особенно в социальных отраслях с их наиболее острыми проблемами;

- имеет место профессиональная дискриминация работающих женщин, преобладает занятость женщин в малоперспективных сферах деятельности таких как торговля и сфера обслуживания, не поощряется профессиональная карьера женщин, продвижение по службе, женщины вытесняются из высокооплачиваемых отраслей и должностей, а порой — в пространство «теневой» экономики;

- отрасли с преобладанием женского труда, формирующие личность (образование, здравоохранение, культура), оплачиваются ниже, чем отрасли с преобладанием мужского труда;

- до сих пор в обществе недооценивается роль родительства, отцовства, влияние которого в семье не восстановлено до сих пор в нужном объеме; сохраняется значительный гендерный дисбаланс, проявляющийся в неравномерном распределении домашних обязанностей между мужчинами и женщинами; неоплачиваемый труд женщин по воспитанию детей пока не рассматривается как вклад в национальное богатство страны, особенно в условиях демографического кризиса и убывающей численности населения;

- имеют место гендерные различия в потенциале здоровья мужчин и женщин, на которые должно быть обращено особое внимание (средний возраст мужчин — 58 лет, женщин — 72 года). Следует отметить падение рождаемости на фоне высокого уровня смертности; отсутствие у населения жизненных установок и мотивации к сохранению здоровья и здорового образа жизни, отсутствие возможностей для получения полноценных медицинских услуг, обеспечивающих охрану здоровья женщин и мужчин в течение всей жизни;

- репродуктивное здоровье женщин остается в опасности: аборт, несмотря на устойчивое снижение их числа, до настоящего времени остается одним из способов регулирования деторождения; растет число гинекологических заболеваний, в том числе у девочек и девушек-подростков; ухудшается соматическое здоровье, что приводит к повышению осложнений беременности и снижению частоты нормальных родов; продолжается распространение наркомании и алкоголизма среди молодежи, а также ВИЧ/СПИДа (до 90 % вновь зарегистрированных инфицированных являются внутривенными потребителями наркотиков) и других заболеваний, передающихся половым путем;

- общество недостаточно оценивает вклад женщин в культуру и развитие страны; в средствах массовой информации господствует унижающее достоинство женщин отношение как к сексуальному объекту.

В России сохраняется значительное превышение численности женщин по сравнению с численностью мужчин. По состоянию на 1 января 2006 года в области отмечается превышение уже с 20-летнего возраста (исключением является лишь возрастная категория 21 год). В возрастной категории 60—64 года превышение женского населения над мужским возрастает до 1,5 раза; в возрастной категории 70—71 год — до 2 раз; в возрастной категории 85 лет и старше оно достигает уже более 4,5 раз. На 1 января 2006 года численность мужчин составила 1 636,3 тысячи (46,1 %), а численность женщин 1 915,2 тысячи (53,9 %). На 1 000 мужчин приходится 1 170 женщин. Судя по тому, что по итогам переписи этот показатель был равен 1 162, можно утверждать, что диспропорция полов не только сохраняется, но постоянно увеличивается. Весомая часть социально-демографической группы населения Челябинской области (России в целом) — это женщины. И не учитывать этого при формировании социально-экономической государственной политики нельзя.

Гендерная стратегия как направление государственной политики — это не протекционизм в отношении женщин. Повышение социального и экономического статуса женщины неизбежно скажется на положении мужчин, детей и, конечно же, на положении семьи. Повышение социального и экономического статуса женщины создаст мощный мультиплицирующий эффект для всего общества.

Согласно исследованиям, модель поведения подрастающего поколения формируется в раннем возрасте, основное влияние на формирование модели поведения будущего поколения имеет модель поведения женщины-матери.

Социально-психологическое самочувствие женщин проецируется на будущее поколение.

Однако, как показывает действительность, и политики, и общество с трудом принимают формулу гендерного равенства в расширении прав и возможности женщин в контексте целей развития тысячелетия.

Указ Президента РФ «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов РФ» свидетельствует о признании позитивной роли женщин в общественном и социально-экономическом развитии страны.

Однако радикальные политические, экономические преобразования не способствуют существенному влиянию на реализацию конституционных прав женщин участвовать в принятии важных государственных решений.

Так, сократилось число женщин в органах законодательной власти. Если в Федеральном Собрании РФ первого созыва женщин было 11,4 %, то во втором созыве — лишь 7,2 %. При этом число женщин-депутатов Государственной Думы сократилось с 13,6 до 10 % от общего числа депутатов.

Вместе с тем известно, что в странах устойчивого социального развития (Канада, Швеция, Норвегия), женщины добились конкретного участия в принятии государственных решений, обеспечив приоритетное решение социальных вопросов в здравоохранении, образовании, пенсионном обеспечении и так далее. Демократия в этих странах опирается на прочный фундамент равноправного участия граждан, как мужчин, так и женщин в определении целей и задач государственного развития.

По оценкам ООН, законодатели всерьез начинают разрабатывать законопроекты в интересах детей, если в составе депутатского корпуса женщины представляют больше 20 %. И только тогда появляются законы и государственные программы, отвечающие насущным социальным интересам большинства населения, когда среди законодателей более 30 % женщин. ООН утверждает, что только совместное участие мужчин и женщин в структурах государственной власти гарантирует принятие ответственных, сбалансированных, политических, социальных, экономических решений.

Согласно рекомендациям парламентских слушаний «Права женщин в российском законодательстве — 10-летию реализации Пекинской платформы действий» (г. Москва, декабрь 2005 г.) отмечается необходимость органам исполнительной и законодательной власти, политическим партиям, а также институтам гражданского общества (общественным организациям, неправительственным

ственным объединениям, некоммерческим организациям) содействовать реализации принципа равных прав, возможностей женщин и мужчин во всех сферах жизни.

В ходе избирательных кампаний политические партии активно привлекают женщин для работы в качестве агитаторов, наблюдателей, членов избирательных комиссий. Но в избирательных списках количество женщин, выдвинувших свои кандидатуры, составляет, как правило, от 10 до 12 %. Женщин почти нет и в верхних эшелонах политических партий, имеющих свои фракции в парламенте и оказывающих реальное воздействие на политику страны.

Таким образом, политические партии предоставляют женщинам и мужчинам совершенно разные возможности. Иными словами, в политике постоянно нарушается конституционный принцип равных прав и возможностей женщин и мужчин.

Женское общественное движение Челябинской области в защиту семьи, материнства, отцовства и детства и, прежде всего, его руководящий орган Совет, были инициаторами и проводниками ряда гражданских инициатив, вытекающих из требований Устава, что способствовало активизации женского населения региона.

Среди этих инициатив:

- заключение Соглашения с областной федерацией профсоюзов о совместных действиях по реализации гендерной стратегии развития;

- включение в трехстороннее Соглашение на 2005—2007 годы раздела по защите социально-трудовых прав работающих женщин и укрепления семьи (так например с 1 июня 2004 года на ММК принята и действует трехлетняя программа по поддержке женщины, семьи в объеме 20 миллионов рублей ежегодно);

- включение в областную целевую программу «Государственная поддержка малого и среднего бизнеса» раздела «Государственная поддержка женского и семейного предпринимательства» с ежегодным финансированием 10 миллионов рублей;

- определение лучших женских общественных организаций по итогам работы за год; распространение опыта работы; представление к поощрению активистов женского общественного движения;

- проведение ежегодного журналистского курса «Мир современной женщины»;

- создание женской общественной палаты при Губернаторе Челябинской области и так далее.

Общество интересуют вопросы участия женщин в выборах, их результаты, на сколько южноуральские женщины сумели преодолеть неравенство своего присутствия в органах управления.

Анализ результатов муниципальных выборов по интересующим вопросам в 43 муниципальных районах и городских округах, 38 муниципальных образованиях, где проведены муниципальные выборы, показал, что во всех городских округах и муниципальных районах среди кандидатов были представлены женщины.

Всего в области кандидатами было выдвинуто немногим больше 600 женщин, избрано 188. В Увельском районе из 7 кандидатов-женщин избрано 6, в Троицком районе из 9 — 7, в Аргаяшском, Ашинском, Верхнеуральском районах — каждая третья, в Еманжелинском — более 40 % и так далее.

Всего в представительные органы местного самоуправления избрана почти каждая третья из кандидатов, что составляет 21 % от числа избранных депутатов.

Конкретно по территориям следующая картина: 40—46 процентов составляют женщины в Собраниях депутатов семи территорий: Аргаяшский, Кусинский, Нагайбакский, Уйский районы, Карабашский, Локомотивный, Кышымский городские округа.

От 25 до 40 % женщин в 14 территориях.

В Копейском городском округе — 39 %, в Усть-Катавском городском округе — 35 %, Октябрьском районе — 31 %, Увельском районе — 32 %, Южноуральском городском округе — 25 % и так далее.

В четырех территориях: Коркино, Карталы, Варна и Миасс число женщин в Собраниях депутатов до 10 %. И как было сказано раньше, в Агаповском и Бреденском районах женщин в представительных органах власти нет.

В новом созыве семь женщин возглавляют Собрания депутатов.

Девять женщин избрано заместителями председателей Собраний депутатов (Аргаяш, Верхний Уфалей, Катав-Ивановск, Озерск, Октябрьский, Увелка, Усть-Катав, Южноуральск, Куса). 42 женщины возглавили постоянные комиссии.

Руководители региональных отделений ведущих политических партий считают, что участие женщин в избирательной компании, в том числе и по партийным спискам, будет способствовать дальнейшему устойчивому развитию Челябинской области.

В принятых рекомендациях общественной женской Палаты отражено предложение о введении 30-процентной «женской квоты» в партийных списках кандидатов депутатов областного Законодательного собрания.

В настоящее время ведутся консультации по продвижению инициативы о введении «женской квоты».

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ, ИЛИ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В советский период появилось достаточно много исследований, главной темой которых были гендерные отношения, женщина, ее положение в социалистическом обществе. Ученые различных специальностей — философы, историки, социологи, психологи, юристы, медики, демографы — размышляли о роли и месте женщин, их участии в общественном производстве, о путях и методах достижения гендерного равенства, о становлении новых брачно-семейных отношений. Исследователи отмечали изменение гендерной системы в советском обществе, в основе которого была официальная линия на эмансипацию женщин, ориентированная на марксистское понимание решения «женского вопроса», а именно: равное фактически и равноправное юридически социальное положение женщины и мужчины; широкое и полное участие в общественном производстве — главной сфере самоактуализации личности; преобразование на новых началах патриархатного быта; проведение целенаправленной, активной политики в ее конкретных организационных формах.

Для поддержания равноправия использовалась политика государственного протекционизма. Так, первые декреты Советской власти распространяли на женщин все общие правовые гарантии, установленные на всех граждан: Декрет 5-го Всероссийского съезда Советов об образовании рабочего и крестьянского правительства, принятый 26 октября (8 ноября) 1917 года, устанавливал участие народных масс в управлении государством через их организации, в том числе через организации работниц; Постановление Совета Народных Комиссаров от 29 октября (11 ноября) 1917 года, вводило 6 часовую рабочую неделю для всех трудящихся и обязательный еженедельный день отдыха; Постановление Советского Правительства от 9 (22 декабря) 1917 года вводило равную оплату за равный труд. 5-й Всероссийский съезд Советов в июле 1918 года принял Конституцию РСФСР, которая законодательно закрепила равенство политических прав женщин, предоставляла им наравне с мужчинами право выбирать и быть избранными во все органы государственной власти и управления. Были также изданы декреты «О расторжении брака», «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния», которые определяли основные принципы правового равенства женщины с мужчиной.

В конце 1918 года был созван 1-й Всероссийский съезд работниц и крестьянок, посвященный проблемам женского вопроса. По решению съезда были созданы специальные комиссии по агитации и пропаганде среди женщин, которые вовлекли последних

в переустройство домашнего быта, в работу по организации общественного питания, детских учреждений, открытию роддомов, прачечных, бань.

Выступая на 4-й Московской общегородской конференции работниц 23 сентября 1919 года, В. И. Ленин говорил: «...вопрос о положении женщины с самого начала был поставлен Советской властью... ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования... в области законодательства мы сделали все, что от нас требовалось для уравнивания положения женщины с положением мужчины...» [4, с. 198—200]. А в 1920 г. в своем обращении «К женщинам-работницам» В. И. Ленин указывал на необходимость привлечения женщин к управлению хозяйством и государством: «Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше принимали участия в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин» [3, с. 157—158].

Это положение реализовывалось квотной системой, которая сохраняла женское представительство в структуре Советов, но в то же время создавала негативное отношение людей к женщинам в политике, поскольку они не только не отстаивали права женщин, но и как бы отрекались от них, переходя на сторону мужчин, проводя в жизнь партийно-мужскую идеологию. Результаты социологических исследований показывают, что советские женщины зачастую считали политику неподходящей сферой их деятельности. Участие женщин в политике в советский период носило символический характер, они практически были отстранены от принятия решений.

Без труда можно обнаружить сферы и виды деятельности, с ярко выраженной гендерной асимметрией, а именно: политическая деятельность, дипломатия, международная журналистика, наука и другие. В частности, женщины выступали на научном поприще всегда, но значительно уступая в количественном отношении мужчинам. Так, среди работников высшей школы и научных учреждений женщины до 1918 года в науке России составляли численно меньшую группу по сравнению с мужчинами и в большей степени трудились в высших учебных заведениях, соединяя педагогическую деятельность с научной. Количество женщин — научных работников резко возросло к 1928 году (почти втрое по отношению к 1918), что, естественно, сказалось

на научной квалификации женщин. Так, на первое сентября 1928 года общее количество женщин — научных сотрудников составило 2 716 человек из общего числа 14 805 научных работников (18,3 %). Небольшой удельный вес женщин — научных работников наблюдается в области интеллектуально-технических наук — почти в 4,5 раза ниже, чем у мужчин — научных работников. И в то же время почти одинаково женщины представлены в области медицинских наук и намного выше в области гуманитарных наук.

Изменение гендерной системы в нашей стране в советский период имеет свою специфику. Во всем мире реализация женщин на рынке труда, в системе образования наступила с переходом от раннеиндустриальной эпохи к позднеиндустриальной. Именно этот переход породил и массовое женское высшее образование, и массовое предложение для женщин рабочих мест, требующих высокой квалификации наряду со специфическими женскими качествами, и формирование адекватной социальной инфраструктуры, прежде всего сферы услуг, освобождающей женщину от многих домашних забот.

У нас же массовое женское высшее образование и массовое вовлечение женщин в производство, фактически, распространилось на эпоху раньше — одновременно с форсированным переходом от традиционного общества к индустриальному. Отсюда хронологически более раннее достижение «равноправия» женщин в нашей стране по сравнению с развитыми странами и неорганичный характер этого равноправия.

Движущей силой изменения гендерной системы были не реальные запросы тогдашней женщины, еще на 90 % принадлежавшей к патриархатному обществу и не реальные потребности эффективного развития экономики, а воля государства. В обществе еще не сложились предпосылки для органической трансформации гендерных отношений, вырастающей из сбалансированных взаимосвязанных перемен всех сторон жизни: структуры производства, потребления, бюджета времени, социальных потребностей. А без этого женщинам в условиях принудительной гендерной конструкции, идущей к тому же на фоне неизжитого патриархатного сознания крестьянской общины, (многие из стереотипов потребностей, обусловленных «патриархатным подсознанием», разделяла сама женщина) трудно было выбрать стратегию социального поведения. И женщины доверились официальной государственной политике установления равноправия. Одним из официальных направлений организации новой гендерной системы была ликвидация неграмотности, которая сыграла существенную роль в изменении социального статуса женщины в советский период. В 1897 году процент грамотных женщин в возрасте 9—49 лет составлял 4,2; в 1926 году — 19,2; в 1939 году — 76,1; 1959 и последующие годы — 96 %. Академик С.Г. Струмилин отме-

чает: «Женщины-работницы, отставая несколько от рабочих-мужчин по части чтения книг и газет, значительно больше их отдают времени школе для взрослых, занятиям в кружках и другой учебе. Женщина-работница, несмотря на всю перегруженность своего трудового дня, домашней работой, не хочет больше отставать от своих мужей, братьев по части учебы, в которой они до сих пор значительно ее опережали» [7, с. 279].

Миллионы женщин получили образование, приобрели специальности и стали участвовать в общественном производстве. В советском государстве массовое вовлечение женщин в производство было обусловлено задачами экономического развития общества, особенно в годы индустриализации и коллективизации народного хозяйства. Этот процесс получил широкое развитие в годы Отечественной войны и в послевоенный период. Постепенно увеличился состав женщин на производстве: 1940 г. — 38,9 % женщин среди рабочих и служащих; 1950 г. — 47,5 %; 1960 г. — 47,2 %; 1970 г. — 50,8 %; 1980 г. — 50,2 % и 1988 г. — 50,6 %. При этом в 1989 году занятость в отдельных отраслях народного хозяйства характеризовалась явной гендерной асимметрии (табл. 1).

Таблица 1

Женщины в народном хозяйстве СССР, %

№ п/п	Отрасли народного хозяйства	Удельный вес численности женщин в общем числе работающих
1	Промышленность	14
2	Транспорт (автомоб./ж. д.)	6/34
3	Связь	39
4	Совхозы	36
5	Строительство	11
6	Торговля и общепит	79
7	Жил-ком. хозяйство	41
8	Бытовое обслуживание населения	71
9	Геология	15

Гендерная асимметрия проявляется в срезках по видам деятельности, требующих высшего или среднего специального образования. Так, женщины составляли среди: библиотекарей и библиографов более 90 %; учителей и врачей — более 70 %; экономистов и бухгалтеров — около 67 %; инженеров — более 60 %.

Гендерная асимметрия присутствовала и среди первых руководителей на производстве (табл. 2).

Таблица 2
Женщины — первые руководители, %

Всего по народному хозяйству	5,6
Промышленность	9,5
Сельское хозяйство	6,4
Транспорт	0,6
Связь	8,1
Строительство	0,9

Примечание. Цифровые данные вычислены по Стат. бюллетеню: *О профессиональном составе женщин-работчих и условиях их труда — 1989. № 13.*

Многочисленные исследования, проведенные в советский период, свидетельствуют о ярко выраженной гендерной асимметрии, проявляющейся, во-первых, в большей концентрации женщин на предприятиях с тяжелыми, вредными условиями труда, в низкооплачиваемых, малопrestижных секторах экономики; во-вторых, в более ограниченных возможностях и стремлениях женщин к профессиональным продвижениям, чем у мужчин. Ортодоксальные теории политической экономии социализма были основаны на разделении между «производительными» и «непроизводительными» типами труда и «производительными» и «непроизводительными» секторами экономики. В соответствии с этой точкой зрения весь труд в сфере здравоохранения, образования, услуг, культуры, туризма считался непроизводительным, не приносящем национального дохода. Основная часть работающих (от 60 до 89 %) в этих секторах были и остаются женщины, они и составили большинство «непроизводительных рабочих». Зарботная оплата в так называемых женских секторах экономики составляла около 70 % зарплаты в секторах с доминирующей занятостью мужчин. С другой стороны большие бытовые трудности стали материальным препятствием для самореализации многих советских женщин. Официальная идеология, отмечая стесненность положения женщины из-за ее занятости домашним хозяйством, считала, что для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и, чтобы женщина участвовала в общем производственном труде

Вовлечение женщины в сферу общественно-организованного труда способствовало росту ее профессионального и культурного уровня, расширению духовных запросов, что, в свою очередь, существенно изменило характер бытовой деятельности женщин. Этому способствовало перенесение многих работ по обслуживанию семьи в сферу общественного производства, улучшение жилищных условий значительной части населения, повышение оснащенности жилищ коммунальными удобствами. В прошлое ушли многие виды работы: топка печей, выпечка хлеба, принос воды, стирка вручную, пря-

дение и прочие. С.Г. Струмилин отмечал, что одна только выпечка хлеба отнимала у работающей горожанки в начале 20-х годов ежедневно 3 часа, а совокупные затраты времени на приготовление пищи составляли 30 часов в неделю или более 4 часов в день [7, с. 206—207].

Развитие индустрии, особенно таких ее отраслей, как легкая и пищевая промышленность, расширение системы общественно организованного обслуживания населения постепенно освобождали женщину от многих, зачастую весьма трудоемких видов домашних работ. Тем не менее темпы механизации домашнего труда отставали от темпов роста производительности труда в общественном производстве, поскольку он имеет преимущественно ручной характер. Это в свою очередь сохраняет гендерное неравенство в сфере быта. Результаты исследований ученых показывают, что трудовая нагрузка части женщин на 15—20 % больше трудовой нагрузки мужчин. Причем женщина выполняет наиболее трудную и утомительную физическую работу, несмотря на то, что за годы Советской власти ее домашний труд сократился в 2,2 раза [2, с. 79].

Изменение гендерных контрактов способствовало не только вовлечению женщин в производство, но и вовлечению так или иначе мужчин в домашнее хозяйство. Однако темпы движения в этом направлении были недостаточными. За годы Советской власти количество свободного времени у женщины выросло почти вдвое больше, чем у мужчин, тем не менее в абсолютных величинах оно продолжает отставать от количества свободного времени мужчин [5, с. 37].

Отмечая гендерное неравенство в советский период, следует подчеркнуть, что одной из основных его причин являлся недостаток времени, необходимого для дальнейшего совершенствования личности женщины, ее духовного развития. И это при том, что занятия, которые связаны с культурой, практически совпадают по структуре с соответствующими занятиями у мужчин; реально существующие различия в занятиях, связанных с духовной жизнью, вызываются по большей части недостатком свободного времени у женщин, а также недостаточной организацией семейного досуга.

Анализ феномена советской женщины дает основание говорить об изменении социального статуса женщины, характеризующегося тем, что участие в профессиональной деятельности стало отличительной чертой образа жизни советских женщин; произошли положительные сдвиги в области профессиональной деятельности женщин; изменилось положение женщины в семье в результате развития процесса становления фактического равенства, увеличения содержательных ролей в семье; усилилось гендерное значение внесемейных ценностей, вследствие расширения социальной деятельности женщин, высокого уровня их ролевой насыщенности.

В тоже время следует отметить наличие определенного предела ролевого «насыщения», порождающего целый ряд проблем:

— противоречия между профессиональными и семейными ролями несли повышенную нагрузку женщины, ограничивали ее свободное время;

— сохранение гендерных различий прежде всего вследствие вышеназванного противоречия;

— гендерные различия в характере и содержании труда, уровне квалификации, размере доходов, социальной активности;

— гендерные различия в сфере бытовой деятельности.

Таким образом, в советский период существенно изменилась гендерная система в результате официальной идеологической программы государства, нацеленной прежде всего на вовлечение женщин в общественное производство. Появляется новый тип женщины, главная отличительная черта его — социальная ориентация на участие в общественном труде, экономическая независимость. Но эта модель женского поведения не была отрефлексирана. Экономическая самостоятельность женщин по-прежнему воспринималась как подрыв мужского авторитета.

Вместе с тем эмансипация из прогрессивного явления в определенном смысле стала своей противоположностью, лишила женщину экономически подкрепленного права выбора своей социальной роли, своей социальной карьеры: идеальная мать и хозяйка или идеальная деловая женщина. В СССР так и не создано было финансового равноправия женщины-матери и женщины-работницы. Идея и практика эмансипации вступили в противоречие и разошлись, обнажив рецидивы закабаления женщин в производственной сфере. Отсутствие регламентирования труда женщин в законодательстве привело к «дискриминации наоборот», то есть к проявлению скрытой дискриминации трудящихся женщин.

В значительной мере это обусловлено тем, что марксизм, долгие годы царивший в духовной жизни и задававший направленность не только общественного, но и обыденного сознания, по сути, игнорировал влияние биологических свойств и качеств людей в общественной жизни. В процессе дискуссии о сущности человека, соотношении в нем биологического и социального не подвергалась сомнению марксистская установка на то, что биологическое начало может оказывать определенное влияние на общественное развитие лишь в преобразованном на социальном уровне движении виде. Это во мно-

гом объясняет то, что теоретические основы решения гендерного равенства по целому ряду параметров не соответствовали практическому воплощению. Жизнь советских женщин проходила в постоянных условиях борьбы за соответствие тем требованиям, которые предъявляло к ним общество: как можно лучше работать и полностью обслуживать семью. Под влиянием этой двойной нагрузки немногие женщины были в состоянии реализовать свои способности.

Рассматривая изменение гендерной системы в советский период ученые утверждали, что социалистическая программа гендерной эмансипации имела как концептуальные, так и практические проблемы. Как концепция, она была основана на идее «женской эмансипации сверху» и недооценивала необходимость эмансипировать другой пол — мужской. На практике многие позитивные стороны этой программы — общественное воспитание детей, широкий доступ женщин к производству и образованию — были реализованы на таком качественно низком уровне, что породили глубочайший скептицизм относительно идеи женской эмансипации как таковой. Сюзан Бриджер, характеризуя гендерные отношения в советский период, подчеркивает произошедшие изменения. Это повсеместный доступ к получению высшего образования, социальное признание полной занятости, работа в нетрадиционных сферах, развитие сети учреждений дошкольного воспитания. Но при этом советские женщины несли почти безраздельную ответственность за семью, детей и ведение домашнего хозяйства [1. с. 111—128].

Изменение гендерной системы в советском обществе не привело к преодолению подчиненного положения женщины в системе общественных отношений, но привело к появлению феномена советской женщины.

Литература

1. Гендерные аспекты социальной трансформации. — М., 1996.
2. Груздева, Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. — М. : Политиздат, 1983. — 222 с.
3. Ленин, В.И. Великий почин. ПСС. Т. 39.
4. Ленин, В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. ПСС. Т. 44.
5. Наши современницы. — М., 1989.
6. Рыбцова, Л.Л. Российская женщина: пять лет спустя... — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1998.
7. Струмилин, С.Г. Избранные произведения. — Т. 3. — М. : Гос ЭКО, 1962.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛТ И ЯДРО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ

С учетом различий в частотности реакций и неоднородности ассоциативных связей в ассоциативно-вербальной сети исследователи выделяют часть лексики, называемую «ядром ментального лексикона» или «ядром языкового сознания».

Такая методика была разработана А. А. Залевской [5]. Из «The Associative Thesaurus of English» ею было выделено 75 слов-реакций, которые были вызваны наибольшим количеством стимулов, т. е. имели более 300 входящих связей. В дальнейшем при снижении показателя входящих связей до 100 было выделено 586 слов, составивших ядро ментального лексикона английского языка, а 75 слов, выявленных первоначально, стали квалифицироваться как центр ядра лексикона [6, с. 169—170].

Как полагает А. А. Залевская, наличие ядра лексикона является одним из оснований для многократного пересечения ассоциативных полей разных, казалось бы, не имеющих связи друг с другом связи слов. Именно через единицы ядра, благодаря функционированию механизма глубинной предикации, устанавливается связь между любыми двумя словами в пределах описанного Ю. Н. Карауловым «правила шести шагов». Наличие подобного ядра относится к числу универсальных тенденций в организации лексикона человека и принадлежность некоторой единицы лексикона к его ядру определяется прежде всего ролью этой единицы как средства доступа к системе энциклопедических и языковых знаний [7, с. 112].

По мнению Т. Н. Ушаковой, «ядро языкового сознания осуществляет лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира» [21, с. 16].

Выделение ядра в структуре языкового сознания и оперирование его единицами дает большие возможности для исследования этнокультурной специфики языкового сознания, в том числе и в сопоставительном аспекте. Эти возможности возросли после выхода в свет «Ассоциативного тезауруса русского языка», известного как «Русский ассоциативный словарь» (РАС).

Впервые ядро русского языкового сознания было выделено Н. В. Уфимцевой в количестве 75 слов еще в ходе работы над РАС. Исследование было продолжено С. Г. Незговоровой, которая проанализировала 530 единиц, имеющих количественный показатель входящих связей не менее 100 [18, 12].

Учитывая, что словоформы рассматриваются как самостоятельные реакции, в список анализируемой ядерной лексики включают только исходные (лемматизируемые) формы без объединения частотных показателей [4, с. 217]. Словоформы дают ценный материал при исследовании грамматического аспекта ассоциаций, но мало изменяют содержательные характеристики анализируемой единицы. Напротив, для анализа содержательных аспектов их использование создает определенные затруднения, особенно в межкультурных исследованиях, когда языки существенно расходятся по грамматической структуре. Кроме того, слово в косвенной форме чаще всего не включается в список стимулов, что не позволяет одновременно привлекать данные как прямых, так и обратных словарей.

В своем исследовании мы опирались на материалы РАС в 2-томном издании 2002 г. [13], которое компактно объединяет материалы всех трех этапов массового ассоциативного эксперимента. Из второго тома РАС нами был выделен 531 ассоциат, имеющий количественный показатель входящих связей не менее 100. Полученный массив был разделен на 5 слоев в зависимости от количества входящих связей, при этом мы полностью следовали послойной структуре ядра, предложенной Н.О. Золотовой и использованной в диссертации С.Г. Незговоровой.

Н.О. Золотова и С.Г. Незговорова квалифицируют структуру ядра как центр — 1-й слой, в котором количество входящих связей более 300, — и периферию (2—5 слои, количество входящих связей соответственно превышает 250, 200, 150 и 100) [8, 12]. Нам представляется, что при выделении центра и периферии в структуре ядра языкового сознания, можно рассматривать 2-й слой (показатель входящих связей в диапазоне 299—250) скорее как переходный, который можно привлекать для анализа наравне с единицами 1-го слоя, составляющими центр ядра, или дополнительно к ним. Следует заметить, что в целом это соответствует сложившейся практике исследований, когда для анализа привлекаются первые 75 единиц ядра языкового сознания.

Ассоциаты, составляющие 1-й и 2-й слои русского языкового сознания, в лемматизированном списке составляют 79 единицы. При этом *человек* 1355 — *старый* 303 входят в 1-й слой ядра (48 единиц), *мальчик* 299 — *глупый* 251 — во 2-й (31 единица). В табл. 1 приводится список слов, составляющих 1-й слой языкового сознания русских.

Ядро языкового сознания русских (1-й слой, по данным РАС)

Ранг	Ассоциат		Ранг	Ассоциат		Ранг	Ассоциат	
1	человек	1355	16,5	работа	418	33,5	время	347
2	дом	845	18	вода	412	33,5	говорить	347
3	жизнь	694	19,5	все	400	35	думать	342
4	плохо	677	19,5	ребенок	400	36	жить	341
5	хорошо	665	21	радость	392	37	свет	338
6	большой	662	22	красивый	385	38	я	337
7	нет	660	23	дело	380	39	разговор	336
8	деньги	564	24	смерть	376	40	мой	326
9	дурак	552	25	плохой	371	41	красный	323
10	друг	548	26	быстро	362	42	женщина	322
11	лес	432	27	стол	359	43,5	книга	317
12	хороший	425	28	парень	354	43,5	машина	317
13	мужчина	424	29	дорога	352	45	грязь	312
14,5	день	419	30	дерево	350	46	дома	311
14,5	много	419	31	мир	349	47	идти	307
16,5	любовь	418	32	есть	348	48	старый	303

В выведенном списке наблюдаются незначительные расхождения со списком слов, составляющих ядро языкового сознания, опубликованным в работах Н.В. Уфимцевой. Эти расхождения объясняются тем, что в отличие от работ Н.В. Уфимцевой, в которых состав ядра выявлялся «по горячим следам», еще в ходе работы над тезаурусом, мы использовали законченное издание РАС 2002 г., которое обобщает все три этапа массового ассоциативного эксперимента. В результате позиции некоторых единиц ядра были уточнены.

Н.В. Уфимцева проследила динамику языкового сознания русских, опираясь на данные существующих ассоциативных словарей — «Словаря ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) [16] (материалы собирались в течение 1969—72 гг.), «Русского ассоциативного словаря» (РАС) [13] (материалы собирались в течение 1988—91 гг.), «Славянского ассоциативного словаря» (САС) [15] (материалы собирались в течение 1999—2000 гг.). Было установлено, что системность языкового сознания русских, вскрываемая по результатам массовых ассоциативных экспериментов, остается достаточно стабильной и центральными для языкового сознания русских с 60-х годов XX в., являются такие понятия, как *человек*, *дом*, *жизнь*, *хорошо*, *друг*, *нет* [20, с. 160—161]. Можно добавить, что все перечисленные шесть единиц входят в круг так называемых универсальных составляющих языкового сознания, а пять — *человек*, *дом*, *жизнь*, *хорошо*, *друг* — занимают среди них самые высокие позиции [14].

В целом, простое сопоставление списков слов, входящих в ядро языкового сознания, малоинформативно. Об этом, в частности пишет Ю.Н. Караулов, указывая на пятидесятипроцентное совпадение списков испанских и русских слов, вошедших в ядро языкового сознания. Он считает, что прямое сравнение не позволяет получить какие-то значительные и интересные результаты. Такие результаты может дать анализ на глубинном уровне, для чего используется исключительно плодотворная идея «семантического гештальта», который, по мнению исследователя, отражает внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля и характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу) [9, с. 194].

«Гештальтный» подход в структурировании ассоциативного материала был использован И.Ю. Марковиной и Е.В. Даниловой в исследовании художественного текста. Гештальты понимаются как комплексные, целостные функциональные структуры, упорядочивающие многообразие отдельных явлений в сознании. «Ассоциативный гештальт» обнаруживается, когда ассоциаты семантически тяготеют к определенным характеристикам, группируясь естественным образом вокруг нескольких (как правило частотных в ассоциативной статье) реакций, которые

обозначают (называют) некоторый набор мыслительных образов — концептов. Эти концепты в самом общем виде «сигнализируют» о типовых связях референта, обозначаемого в данной культуре исходным словом, поэтому «ассоциативный гештальт» можно использовать в качестве инструмента для межкультурного сопоставления данных. «Ассоциативный гештальт» сопоставим с «логической структурой поля» (Ю.Н. Караулов). Функциональность структуры «ассоциативного гештальта» проявляется в упорядочивании отдельных ассоциаций и одновременном сохранении «вариативной гибкости» полученного материала [11, с. 119].

Ю.Н. Карауловым были построены семантические гештальты ядер русского и испанского языкового сознания и установлены соответствия между семантическими зонами гештальтов. Полученные таблицы сопровождаются лингвокультурологическим комментарием. Названия зонам даны по самому частотному в иерархии слову; порядок следования зон определялся суммарной частотой слов-понятий ее составляющих; слова в зоне сгруппированы по смысловой близости, а также с учетом убывания частоты [9, с. 196—197].

Границы между зонами не имеют абсолютного характера, и дело не только в разном исходном материале или индивидуальном различии подходов к группировке, но и в использовании самой идеи гештальта в этнокультурных исследованиях. В самом обосновании гештальта как единицы знания о мире, структура которой соотносится со структурой реальности (Ю.Н. Караулов), заложены его основные признаки — комплексный и одновременно целостный характер, функциональность и одновременно вариативная гибкость (И.Ю. Марковина, Е.В. Данилова). Именно эти качества делают семантический гештальт плодотворным приемом в межкультурных исследованиях, когда привлекаются материалы различных языков и необходимо получить максимум информации при их сопоставлении.

В семантическом гештальте ядра русского языкового сознания Ю.Н. Караулов выделяет 8 семантических зон: **ЧЕЛОВЕК**, **ХОРОШО—ПЛОХО** (оценка мира), **ЖИЗНЬ**, **ДЕНЬГИ**, **ДУМАТЬ** (зона информации), **ЛЕС** (природа), **РАДОСТЬ** (чувства, эмоции), **КРАСНЫЙ** (цвет мира). Автор опирался на состав ядра языкового сознания, выделенный Н.В. Уфимцевой [18]. Для сравнения заметим, что А.П. Боргоякова на основании 50 ядерных лексем каждого языка выделяет 8 семантических зон для гештальта русского ядра языкового сознания, 9 — для хакасского и 10 — для английского [2].

В нашей работе мы следуем подходу Ю.Н. Караулова и предложенному им делению на зоны как более, на наш взгляд, «лаконичному», последовательному. Нам представляется также, что семантические зоны, выделяемые на материале узкого круга ядерной лексики, имеющей самое большое коли-

чество связей в ассоциативно-вербальной сети, позволяют представить семантический гештальт именно как комплексную и одновременно целостную функциональную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений в сознании. Нами построен семантический гештальт на материале так называемого 1-го слоя ядра языкового сознания РАС, включающего 48 слов-ассоциатов. Результаты представлены в табл. 2.

Как и у Ю.Н. Караулова, названия зонам даны по самому частотному в иерархии слову; порядок следования зон определялся суммарной частотой слов-понятий ее составляющих; слова в зоне сгруппированы по смысловой близости, а также с учетом убывания частоты.

По сравнению с семантическим гештальтом ядра русского языкового сознания Ю.Н. Караулова нами выделено 7 зон, чему есть свои объяснения, т.к. зона «Цвет» не может выделена в составе только одного слова красный. На первом месте по суммарному количеству входящих связей располагается зона оценки **ХОРОШО—ПЛОХО**, довольно расплывчатая по структуре и диффузная по содержанию. Оценка и приписывание качеств свойственны русскому менталитету [17, с. 104; 19, с. 160].

Обратимся к семантической зоне **ЖИЗНЬ**. В ее составе выделяются четыре подзоны: «Жизнь—смерть», «Время», «Дом» (пространство), «Дорога» (движение). Именно эта зона семантического гештальта содержит хронотопические характеристики.

Вслед за Г.А. Черкасовой мы будем различать в составе ассоциативного поля (АП) «постоянные» и «вероятностные» реакции [22]. Последовательно проследив динамику словников реакций в РАС и САС в зависимости от числа испытуемых и количества ответов на стимулы, Г. А. Черкасова доказала, что «постоянные» реакции, данные более чем 5 % респондентов, встречаются во всех выборках, причем их количество весьма мало (3—6 слов). Такие реакции имеют относительную частоту встречаемости более 5 % в любых выборках объемом не менее 100 респондентов, и при увеличении объема выборки со 100 до 200 респондентов относительные частоты встречаемости (ранги) «постоянных» реакций стабилизируются. Реакции, данные менее чем 5 % респондентов, являются «вероятностными» «Постоянные» реакции отражают наиболее устойчивые связи, сложившиеся на момент обследования между единицами языкового сознания испытуемых.

Жизнь — феномен онтологический, она есть — вслед за Н.Д. Арутюновой указывает Ю.Н. Караулов [1, с. 619; 9, с. 200]. Справедливость подобного определения подтверждают и ассоциативные словари русского языка. Так, единственной «постоянной» реакцией в АП **жизнь** является *смерть*: **жизнь** — *смерть* 62 (РАС-I, с. 199); *смерть* 99 (САС, с. 116, 118); *смерть* 39 (САНРЯ, с. 97—98). Самая устойчивая, самая близкая ассоциативная связь — это связь че-

Таблица 2

Семантический гештальт ядра русского языкового сознания (по данным 1-го слоя)

1. ХОРОШО — ПЛОХО	5638	2. ЖИЗНЬ	5379	3. ЧЕЛОВЕК	4618
Плохо	677	Жизнь	694	Человек	1355
Хорошо	665	Жить	341		
		Смерть	376	Мужчина	424
Нет	660			Женщина	322
Есть	348	Время	347	Ребенок	400
		День	419	Парень	354
Большой	662				
		Дом	845	Я	337
Хороший	425	Мир	349	Мой	326
Плохой	371	Дома	311		
		Стол	359	Дурак	552
Много	419				
		Дорога	352	Друг	548
Все	400	Машина	317		
		Идти	307	4. ЛЕС	1844
Красивый	385	Быстро	362		
Красный	323			Лес	432
Старый	303	6. ГОВОРИТЬ / ДУМАТЬ	1342	Вода	412
				Дерево	350
5. ДЕНЬГИ	1362	Говорить	347	Свет	338
		Думать	342	Грязь	312
Деньги	564	Разговор	336		
Работа	418	Книга	317	7. ЛЮБОВЬ	810
Дело	380				
				Любовь	418
				Радость	392

рез свою противоположность. Подтверждение находим и в обратных словарях: *жизнь* ← *смерть* 61; *бытие* 19; *наука* 17; *существование* 15 (РАС-II, с. 242—243); *жизнь* ← *смерть* 88; *вода* 51; *вечность* 25; *любовь*, *радость*, *счастье* 13 ... (САС, с. 288—289). Соответственно, единственной «постоянной» реакцией в АП *смерть* является *жизнь*: *смерть* — *жизнь* 61 (РАС-I, с. 599); *жизнь* 88 (САС, с. 220, 222). В обратных словарях та же картина: *смерть* ← *жизнь* 62; *соболезнование* 34; *война* 28; *мор* 19 (РАС-II, с. 788—789); *смерть* ← *жизнь* 99; *война* 91; *вечность* 13; *враг*, *любовь* 9 ... (САС, с. 347). Жизнь — она есть, а если ее нет, — это смерть.

Образ жизни как пути-дороги в русском языковом сознании устойчив, реакции соответствующего типа единообразны, хотя и периферийны: *дорога* 6; *путь* 2 (РАС-I, с. 199); *дорога* 9; *путь* 7, *долгая дорога*; *дорога*, *путь* 1 (САС, с. 116, 118); *дорога* 2 (САНРЯ, с. 97—98). В обратных словарях более отчетливо выражена связь «жизнь есть путь», о чем

мы будем говорить ниже: *жизнь* ← *путь* 5; *дорога* 1 (РАС-II, с. 242—243); *путь* 10 (САС, с. 288—289).

Темпоральный компонент АП *жизнь* довольно весом (хотя и не входит в «постоянную» зону), отражая прежде всего представление о длительности жизни, ее продолжительности во времени: *долгая* 16; *коротка* 13; *короткая* 12; *прожить* 9; *длинная* 8; *вечность*, *долго* 3 (РАС-I, с. 199); *долгая* 21; *коротка* 17; *короткая* 12; *длинная* 9; *вечная* 7; *время* 6; *миг*, *невечна* 4; *вечна* 3 ... (САС, с. 116, 118); *короткая* 6; *длинная*, *долгая* 3; *вечность* 2 (САНРЯ, с. 97—98). В обратных словарях такие связи представлены различно. Так, в РАС-II четвертую позицию по количеству входящих связей занимает слово *коротка* 35, а других практически не отмечено (РАС-II, с. 242—243); напротив, в САС такие связи представлены более разнообразно: *жизнь* ← *вечность* 25; *время* 10; *день* 4; *утро* 2; *ночь* 1 (САС, с. 288—289).

С темпоральными ассоциациями неразрывно связано еще одно устойчивое представление — о движении жизни, ее течении: *прошла 6; река 4; идет 3; пролетела, проходит, мимолетна, пройдет, процесс, прошедшая, течет 1* (РАС-I, с. 199); *прошла 5; идет, продолжается 4; быстротечна 3; вода, река 2; проходи, проходит, процесс, прошло, ушла, шаг к смерти 1* САС, с. 116, 118); *длится 1* (САНРЯ, с. 97—98). В обратных словарях: **вода 6; течение 3; река 1** (РАС-II, с. 242—243); **вода 51; река 6** (САС, с. 288—289). Это представление о земной жизни как движении было свойственно еще средневековому языковому сознанию [3, с. 222].

Движение жизни воплощается в двух образах. Первый — жизнь «идет» (а если быстро, то «летит») или человек шагает по жизни как по дороге. Отсюда метафора жизни как дороги, «жизнь есть путь». Второй — образ текущей воды как текущей, утекающей жизни. Отсюда — «река жизни». Все эти метафорические модели тесно связаны и с метафорами времени. Образ текущей воды, как указывала Н. В. Уфимцева, связывает многие понятия языкового сознания русских: текущая жизнь, текущее время, текут деньги, течет мысль, течет рассказ, течет кровь, течет песок, течет крыша и т. п. [18, с. 160]. В РАС и САС выражена идея начала и конца: *без конца, кончена, начинается 2* (РАС-I, с. 199); *кончена 2; кончается, кончилась, начало, начинается, не кончается 1* (САС, с. 116, 118). В обратных словарях: *жизнь ← кончить 25; кончать 10; начинать 7* (РАС-II, с. 242—243); *начало 7* (САС, с. 288—289).

В современном языковом сознании русских практически отсутствует религиозное представление о жизни. Если собрать все данные прямых словарей, то такие реакции единичны, а в САНРЯ их вообще нет: *душа 1* (РАС-I, с. 199); *бог, вера 1* (САС, с. 116, 118). Обратные словари дают чуть более богатый материал, главным образом за счет САС: *жизнь ← от Бога, рай 2; Библия 1* (РАС-II, с. 242—243); **Бог 6** (САС, с. 288—289). Реакция *вечная* в АП **жизнь** выражает идею длительности, что отмечено нами выше, и не имеет религиозного значения. Напротив, в средневековом языковом сознании представление о жизни существовало как дуальная оппозиция: временная земная жизнь vs. вечная жизнь на небесах [3, с. 222]. В Древней Руси это противопоставление имели разное лексическое выражение. Слова «живот» и «жить/житие» выражали значение, связанные с разными сторонами физической и социальной, т. е. земной жизни, а слово «жизнь», пришедшее на Русь в середине XI в. в переводных текстах, соотносилось с понятием вечной, Божественной, духовной жизни [10, с. 78—79].

Онтологичны и представления, связанные со стимулом **жить**. Однако в отличие от АП **человек**, в АП **жить** выделяется несколько «постоянных» реакций, и содержательно они могут быть разделены на онтологические, оценочные и темпоральные.

Собственно онтологической может быть признана реакция *существовать*, которая стабильно фиксируется ассоциативными словарями как «постоянная»: *существовать 31* (САС, с. 120, 122); *существовать 14* (САНРЯ, с. 98). Остается устойчивой связь с понятием смерти: **жить** — *умереть 37* (САС, с. 120, 122); *умирать 14; умереть 13* (САНРЯ, с. 98). В РАС ассоциат *умереть 19* формально не входит в «постоянную» зону, однако занимает четвертую позицию, а реакция *существовать 17* занимает пятую позицию в АП **жить** (РАС-I, с. 199).

В АП **жить** выделяются оценочные реакции, причем положительно маркированные: *хорошо 47; дружно 27* (РАС-I, с. 199—200); *хорошо 71* (САС, с. 120, 122); высокую частоту имеет ассоциат *хорошо 9* в САНРЯ (САНРЯ, с. 98). Следующей по частоте реакцией этого типа во всех словарях является *весело*. По данным РАС, в АП **жизнь** «постоянной» оценочной реакцией является *прекрасна 30*, третью позицию занимает «вероятностная» реакция *хороша 16* (РАС-I, с. 199). В САС «постоянные» оценочные реакции не фиксируются, но вторую позицию занимает ассоциат *прекрасна 25*, а пятую — *радость 15* (САС, с. 116, 118).

«Постоянные» реакции с темпоральным значением представлены в исследуемом АП **жить** ассоциатом *долго*. Такая реакция зафиксирована в САС и САНРЯ: *долго* (САС, с. 120, 122); *долго 14* (САНРЯ, с. 98). В РАС этот ассоциат занимает 6-ю позицию. Общее значение длительности жизни является для этой глагольной основы исконным [10, с. 76]. Обратные словари демонстрируют наиболее устойчивые связи со стимулами **хорошо** и **существовать** (РАС-II, с. 244; САС, с. 289). РАС не фиксирует «постоянных» реакций с темпоральным значением в АП **жизнь**, среди «вероятностных» самыми частотными являются *долгая 16, коротка 13* (РАС-I, с. 199—200), а в САС — *долгая 21 и коротка 17* (САС, с. 116, 118).

Таким образом, в русском языковом сознании жизнь представляется как противоположность смерти. Жизнь положительна по оценке. Она длится во времени, имеет начало и конец. Она подобна пути-дороге или текущей реке.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999. — I—XV, 896 с.
2. Боргоякова, А.П. Образ мира в языковом сознании этноса (хакасы, русские, англичане). — М. : Ин-т языкознания РАН, 2003. — 154 с.
3. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М. : Индрик, 2002. — 336 с.
4. Гольдин, В.Е., Мартыанов, А.О., Сдобнова, А.П. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание: те-

оретические и прикладные аспекты. — М.; Барнаул, 2004. — С. 215—226.

5. Залевская, А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. — Калинин : Калинин гос. ун-т, 1981. — С. 28—44.

6. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. — М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. — 382 с.

7. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. — М. : Гнозис, 2005. — 543 с.

8. Золотова, Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. — Тверь : Лилия Принт, 2005. — 204 с.

9. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М., 2000. — С. 191—206.

10. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2000. — 326 с.

11. Марковина И.Ю., Данилова, Е.В. Специфика ассоциативного сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М., 2000. — С. 116—132.

12. Незговорова, С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М. 2004. — 24 с.

13. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М. : Астрель, АСТ, 2002. — Т. I — 784 с. — Т. II. — 992 с.

14. Сергиева, Н.С. Ядро языкового сознания и его ключевые единицы // Вестник МГЛУ. Вып 525. Языковое сознание как образ мира. Серия Лингвистика. — М., 2006. — С. 168—184.

15. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. — М., 2004. — 792 с.

16. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. — М. : Изд-во МГУ, 1977. — 192 с.

17. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М., 1996. — С. 97—112.

18. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М., 1996. — С. 139—162.

19. Уфимцева, Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М., 1998. — С. 135—170.

20. Уфимцева, Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). — М.: Наука, 2002. — С. 160—161.

21. Ушакова, Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М., 2000.

22. Черкасова, Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т языкознания РАН. — Калуга : КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. — С. 227—244.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ТРАНССИБА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В современных условиях железнодорожный транспорт остается основным средством перемещения грузов и массовых перевозок населения. Являясь составной частью экономики, железнодорожный транспорт способствует расширению торговых связей, культурному обмену и ускорению научно-технического прогресса. Не случайно изучение транспортных систем отнесено Правительством Российской Федерации к приоритетным направлениям науки, технологий и техники на 2007—2009 гг.

Именно железные дороги относятся к основным элементам территориального каркаса хозяйственного ландшафта страны на макро- и мезоуровнях. Поэтому изучение формирования железнодорожной сети позволяет понять ход хозяйственного освоения территории, проследить эволюцию формирования «экономической ткани» территории и социально-культурных последствий эксплуатации железнодорожных магистралей. Наряду с решением хозяйственных, экономических и стратегических задач железнодорожный транспорт влияет на другие стороны жизни государства, участвуя в международном сотрудничестве, межрегиональных связях в области культуры, социальных преобразования, внося существенный вклад в научно-технический прогресс. Невозможно понять исторический смысл модернизации общества, не обратившись к анализу его «движущих сил», направлений и последствий. Глубинное содержание модернизации заключается в возникновении новых стереотипов сознания. Социокультурный подход позволяет проанализировать эти важные аспекты модернизации.

Основные дилеммы, связанные с началом промышленного подъема 1890-х гг., наиболее ярко иллюстрируются пространственными (размещение промышленного потенциала страны) и функциональными (место страны в системе мирового хозяйства) противоречиями, характерными для индустриального развития императорской России на рубеже XIX—XX вв. Начало системному разрешению этих противоречий было положено энергичными усилиями С.Ю. Витте. Он считал, что железнодорожное строительство будет способствовать ускоренному промышленному развитию России, в частности, в ее глубинных, восточных районах, и постепенному освобождению страны от иностранной зависимости в части промышленного импорта.

Сибирская железная дорога должна была решить и социальные проблемы, стоящие перед российскими регионами. Во время постройки участка Сибирской дороги Челябинск — Омск в марте 1894 г. Ми-

нистр путей сообщения А.К. Кривошеин в письме обращал внимание Управляющего Комитета Министров на недостаток квалифицированных кадров: «При предстоящем в ближайшем будущем развитии работ по постройке сооружаемого ныне Сибирского пути и, в особенности, с открытием значительных участков этого пути к общественному пользованию, потребуется большое число техников различных категорий и специальностей как для занятий при постройке, так и для службы по эксплуатации оканчиваемых постройкой участков» [1, л. 1—2].

Транссиб строился, оставляя после себя не одно лишь собственное путевое и ремонтное хозяйство, но и школы, училища, больницы, храмы, вокзалы [2]. На всей Транссибирской магистрали к 1900 г. было построено 65 церквей и 64 школы, строилось еще 95 церквей и 29 школ. Комитет Сибирской железной дороги уже в 1896—1897 гг. приступил к строительству церквей и школ при них, вдоль всей линии железной дороги под руководством начальника Западно-Сибирской дороги инженера К.Я. Михайловского, а затем сменившего его инженера В.М. Павловского. Церкви и школы строились в Челябинске, Макушино и других станциях. На эти цели выделялось из казны, только на участке Западно-Сибирской дороги 100 000 руб. Эти деньги входили в общую стоимость дороги [3, л. 31—38, 202—203].

Церкви и школы, строящиеся на средства Сибирской железной дороги, должны были поднять общий духовный и культурный уровень населения этого региона. В начале строительства Транссиба стремительно растет количество церковноприходских школ, как в Уфимской, так и в Оренбургской губерниях, что было связано, прежде всего, с политикой «контрреформ» правительства Александра III. В 1891—1893 гг. количество церковноприходских школ увеличилось на 67,3 %. Из 728 школ, открытых на Урале, 471 школа относилась к ведомству Святейшего Синода (64,7 %), из них церковноприходских школ в Уфимской губернии было 20,5 %, в Оренбургской губернии — 13,1 % [4, с. 83].

В относительно небольшом Челябинске до постройки Транссиба было уездное духовное училище, уездное училище, приходское училище, казачье станичное училище, женское училище 2-го разряда [3, с. 10]. В городе после начала функционирования Сибирской магистрали строится множество учебных заведений. К 1909 г. в Челябинске уже действовало 29 учебных заведений. Из них наиболее крупными были реальное училище, женская гимназия, ремесленная школа, городские 3-х и 4-х классные

училища, торговая школа, в Пригородной слободе две железнодорожные школы. Нахлынувшая новая жизнь, «связанная со строительством Транссиба принесла с собой и запросы на культуру и просвещение» [2, с. 18, 144].

В школах культивировались спортивные игры, туристические походы, велосипедный спорт и особенно гимнастика. По свидетельству челябинца К.Н. Теплоухова, гимнастический бум охватил Челябинск. Во дворах строили гимнастические снаряды, где подростки с удовольствием занимались спортом [5, с. 177].

Южно-уральские города после строительства Транссиба, становятся культурными центрами. Строятся театры, клубы, издаются местные газеты и т. д. В Челябинске с 1906 г. начали издаваться газеты «Приуралье», «Голос Приуралья», «Челябинский листок». В городе действовало 4 библиотеки, книжный магазин, Народный дом (театр, построенный в 1903 г.), работали синемаграфы «Люкс», «Модерн» и «Луч», Летний театр, Общественное собрание (театр), театр в ресторане «Россия», железнодорожный клуб (с библиотекой). Культурные заведения включали также цирк, балаганы, бега, сады и скверы, где люди отдыхали [2, с. 44].

В то же время, миграция в новые развивающиеся торгово-промышленные центры Южного Урала, и особенно Челябинска, после введения в эксплуатацию Транссиба, привлекала большое количество маргинального населения. Это обстоятельство приводило к противоречивым явлениям в трудовой этике и духовной культуре. Новые условия, в которые попадали бывшие крестьяне, переезжая в города, неустроенность и неопределенность людей приводили к пьянству и девиантному поведению. Пьянство — пагубное явление того времени. На искоренение этого явления была направлена деятельность Обществ народной трезвости, которые всемерно поддерживались как центральными, так и местными властями.

После строительства Транссиба в регионе развивается система здравоохранения. Строятся больницы, в городах появляются аптеки, привлекаются дипломированные врачи. В 1874 г. в Челябинске функционировала одна городская больница [2, с. 12]. После введения в эксплуатацию Западно-Сибирской железной дороги, уже в 1896 г. был построен врачебно-переселенческий пункт рядом со станцией Челябинск, который выполнял и врачебно-санитарную функцию [2, с. 13]. В начале XX века, население города, преодолевает традиционное недоверие к врачам и все чаще обращается за квалифицированной врачебной помощью. Так, в 1905 г. челябинскую городскую больницу посетило 2 872 чел. [6, л. 5] Транссибирская магистраль с ее быстро развивающимися городскими центрами привлекала таких деятельных специалистов как доктор А.Ф. Бейвель, связавшего свою жизнь с Южным

Уралом. Это решение он объяснял желанием получить место в городской больнице [7, с. 11]. Вскоре он стал заведующим городской больницей, прославился борьбой с брюшным тифом, спустя почти десятилетие доктор стал городским головой Челябинска в 1902—1911 гг.

В Златоусте в 1904 г. функционировал приемный покой при железнодорожной станции, в Уфе имелась железнодорожная больница Самаро-Златоустовской железной дороги [3, л. 43]. Во всех городах, через которые проходил Транссиб, открывались железнодорожные больницы, которые обслуживают железнодорожников, а также значительную часть населения пристанционных городских поселков. Управление Сибирской железной дороги на условиях конкурса поставляло продовольствие для городских больниц Челябинска. На южно-уральском участке Транссиба было 7 железнодорожных больниц на 350 коек. Сибирская дорога в 1906 г. тратила на лечение одного железнодорожника 5 руб. в год, Самаро-Златоустовская — 5 руб. 9 коп. [3, л. 42].

В целом в течение изучаемого периода изменяется отношение органов местного самоуправления и горожан к системе охраны здоровья в сторону большего доверия к медицине и происходит разрушение традиционных стереотипов отношения к своему здоровью, как не очень важному. С точки зрения модернизационных процессов, здоровье является одной из важных составляющих успеха и социальной значимости личности, а отсутствие его — наоборот.

Таким образом, социокультурные последствия строительства Сибирской железнодорожной магистрали имели противоречивый характер. Сельские мигранты, наводнившие города Южного Урала в ходе строительства Транссиба, сопротивлялись проникновению светской, буржуазной культуры в свою среду. Ослабление традиционного и формирование нового менталитета происходили, с одной стороны стихийно, под влиянием новых условий жизни, с другой стороны, образованное общество и правительство намеренно принимали разнообразные меры, такие как клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки и т. п., чтобы изменить традиционное мировоззрение народа.

Трансформация доиндустриального или традиционного общества изменила господствующий тип социальности, перейдя от социальности, покоящейся на отношениях общинного типа, к социальности, основанной на рациональных, индивидуалистических, рыночных отношениях, или отношениях общественного типа. Вместе с тем ломка старых социальных отношений порождала маргинальность и люмпенство. Эти противоречия обостряли политические и социальные отношения в обществе. Поэтому социальный взрыв начала XX века не был исторической случайностью.

Литература

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1273. — Оп. 1. — Д. 127.
2. Весновский, В.А. Весь Челябинск и его окрестности. Карманный справочник. — Челябинск : Тип. Л.Б. Бреслиной, 1909. — 138 с.
3. РГИА. — Ф. 1273. — Оп. 1. — Д. 453.
4. Гаврилов, Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885—1900 гг.) // Уральский исторический вестник. — № 2 / Гл. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург : УрО РАН, Инст-т истории и археологии, 1995. — С. 81—98.
5. Теплоухов, К.Н. Челябинские хроники: 1899—1924 гг. — Челябинск : Центр историко-культурного наследия, 2001. — 512 с.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). — Ф. И-3. — Оп. 1. — Д. 846.
7. Борисов, В. Городской голова — доктор Бейвель. — Челябинск, 2004. — 78 с.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В содержании новой деятельностной (межлично-полевой) теории имеет место гипертрофированная оценка отдельных тенденций, присущих современным изменениям мирового социокультурного поля. В частности, на основе широкой спекуляции идеей глобализации минимизируется роль и значение локальных социальных процессов, местных проблем и ценностей. Соответственно переоценивается система движущих сил общественных изменений и истории, пересматриваются ценностные основания бытия, сотрудничества и социально-политической консолидации людей. Нередко, отталкиваясь от глобалистской интерпретации цивилизационных приоритетов, обществоведы призывают сегодня предать забвению интересы не только национальных сообществ, но и отдельных «обществ-стран». Безусловно, интересы тех или иных социальных сил и «обществ-стран» должны гармонично согласовываться с содержанием и характером движения общецивилизационного поля. Но, в свою очередь, содержание последнего формируется на основе интернационального консенсуса в рамках всего мирового сообщества, а не реализации интересов отдельных государственных корпораций или даже цивилизационных направлений. Движение мировой цивилизации должно определяться не субъективно приписываемыми природе и автоматически переносимыми на социум принципами противостояния и борьбы качественных определенностей, а объективно присущими самой реальной действительности их единством и взаимодействием, предполагающим возможность смягчения полярности во взаимоотношениях между ними через их отчасти рационально корректируемое взаимопроникновение.

Научно-образовательный потенциал достаточно крупного и развитого региона предстает в виде относительно самостоятельного социального феномена. Однако в ходе его исследования и тем более в процессе решения организационно-управленческих задач по эффективному его использованию и развитию необходимо учесть, что содержание этого потенциала формируется не только в пределах данного региона. Оно получает свое оформление под воздействием всего социального института образования общества в условиях межрегиональной интеграции в области научного образования. Высокая интеграция в сфере науки и образования обусловлена тем, что способность людей к усвоению научных знаний, к их применению и развитию по большому счету определяется не только содержанием специальной подготовки, но и уровнем их общего

образования и культуры, их коммуникабельностью и приобщенностью к ценностям и достижениям мировой культуры и науки. Кроме того, необходимость объединения организационно-управленческих усилий разных и тем более, соседних регионов в целях развития их НОП детерминируется и исторически сложившимся территориальным размещением научных, проектных и научно-образовательных организаций и подразделений. Наряду с этим, решая вопросы организации научного образования и научных исследований, осуществляя управление наукой и образованием на региональном уровне, следует иметь в виду, что многим организациям и подразделениям научно-образовательной системы того или иного региона приходится заключать договоры с заказчиками, которые не представляют данный регион, но имеют требуемые финансовые и иные средства. И наконец, немалая часть научно-исследовательских и научно-образовательных организаций и институтов являются головными институтами отрасли или их филиалами. Поэтому их научно-поисковый интерес выходит далеко за пределы системы запросов региона, носит либо межстрановой, либо федеральный, либо отраслевой характер и определяется соответствующими критериями и показателями. Иначе говоря, региональный научно-образовательный потенциал и с точки зрения рассмотрения его содержания, и с точки зрения анализа его организационно-управленческой составляющей может характеризоваться и интернальностью, и экстернальностью. Но следует учесть, что в условиях централизованной системы управления народным хозяйством и планового его ведения НОП присуща преимущественная отраслевая и федеральная направленность в ущерб его региональной релевантности. В связи с этим, в общественных системах, осуществляющих переход к рыночной экономике, одной из ведущих тенденций становится, как правило, регионализация социального потенциала в целом и НОП в частности. Однако, глобальные интеграционные тенденции, наблюдаемые в рамках общецивилизационного поля, привносят свои коррективы в процесс регионализации любой разновидности социального потенциала. Наиболее нежелательной в этом отношении является попытка некоторых наций, обществ-стран предписать другим специализацию развития их социального потенциала, в том числе и НОП. По мнению И. Валлерстайна, капиталистическая система иерархична, вследствие чего возможность новичков занять в ней высокое место заведомо ограничено. Более того, с точки зрения миросистемного анализа, успех одних

чреват серьезными проблемами для других. Подтверждением этих идей сторонников миросистемного анализа является тот факт, что современная Россия, интегрируясь в мировую экономику в качестве новичка, «за неполные десять лет из сверхдержавы превратилась в часть периферии мирового капитализма».

Практика свидетельствует о развитии, а не просто функционировании общественных систем именно в те исторические периоды, когда вносятся существенные изменения в содержание социально признанных ценностей, обновляются формы удовлетворения потребностей людей и совершенствуются технологии их деятельности. Говоря иначе, о развитии в обществе можно вести речь в том случае, если идет процесс постоянных социальных изменений, затрагивающих не только количественную сторону общественного бытия и общественного сознания, но и их качественные характеристики. В этом смысле, в условиях современного динамизма, социуму в целом, как подсистеме объективной реальности, а также исторически конкретному обществу в частности, характерно развитие, если наблюдается: обогащение содержания социальной жизни; усложнение социальной самоорганизации (подтверждаемое такими концепциями как синергетика, теория социальной энтропии и др.); смена приоритетных и появление новых оснований самоорганизации общества. В России конца XX столетия указанные признаки развития были явно наблюдаемы. При этом общесистемные качественные изменения отражались и на состоянии, и на динамике всех общественных феноменов. Соответственно, существенные изменения произошли и в области научно-образовательной политики. Смена социальных ценностей и приоритетов общества-страны сопровождалась пересмотром принципов и социальных технологий формирования и развития научно-образовательного потенциала.

Как и во многих странах мира в России наблюдается рост численности специалистов с высшим образованием в области экономики. Однако социальная сущность этого явления в зависимости от уровня развития того или иного государства, того или иного региона, в котором оно происходит, коренным образом отличается, как отличаются и причины его вызывающие. Анализ характерной для российской действительности второй половины 90-х годов тенденции роста количества студентов вузов и аспирантов свидетельствует о том, что она причинно обусловлена в основном введением платного образования, благодаря чему последнее стало более доступным. Как отмечалось на ноябрьском 2000 года форуме Российской интеллигенции, этот количественный прирост обучающейся в системе высшего образования молодежи ни в коем случае не должен повлечь за собой снижения качественных показателей образования, подготовки специалистов. Для вы-

полнения этого требования министерством образования России, в частности, решается задача создания на базе вузов учебно-научных инновационных комплексов с целью интегрирования учебной, научной и инновационной деятельности. Главная идея при этом заключается в том, чтобы развитие вузов шло в едином экономическом русле и имело взаимосогласованную экономическую направленность.

В современной социологии налицо активный поиск новых моделей теоретического исследования и концептуальной трактовки происходящих в обществе сущностных изменений. Различие между основными из них заключается в том, что в модели поля, в отличие от системной, теоретически обосновывается трактовка сущности социальных изменений и процессов как протяженных в пространственном и временном отношении феноменов социума. Согласно теории поля и методу восхождения от абстрактного к конкретному, дискретный и структурно-фрагментарный анализ социальных изменений и процессов является лишь одним из этапов познания их сущности. Такой подход в социологии социальных изменений выработан, видимо, прежде всего в процессе противоборства с местнической социально-политической конъюнктурой. Именно для последней нередко выгодно, чтобы теоретические изыскания в области социологии социальных изменений носили локальный характер, а не были направлены на выявление всеобщих закономерностей, характеризующихся глобальностью, то есть обусловленных процессом глобализации. Практика показывает, что современное цивилизационное движение реализуется в форме взаимодействия глобализационных и локализационных процессов. В качестве наиболее эффективного пути оптимального и диалектического сочетания этих разнонаправленных тенденций многими социологами признается сегодня регионализация. При этом под регионом (от лат. regio — страна, область, округ) понимается конкретное географическое социально организованное пространство. Следовательно, регионализация есть процесс: а) привязки содержания социальных изменений к условиям и характеристикам региональной системно организованной формы социума; б) приведения в состояние согласованности целеполагающегося движения регионального сообщества и присущего ему потенциала, то есть достижения релевантности последнего.

Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой находятся под воздействием глобальных тенденций мировой истории. Влиянием этих тенденций определяются как формы и характер образовательного, а в том числе и научно-образовательного процесса, так и содержание задач и целей, реализуемых в ходе их протекания. К числу наиболее существенных в этом отношении факторов относятся интегрирующие последствия глобализации, повышение роли знаний как одного из основных дви-

гателей прогресса и революция в области информации и связи. Накопление и практическое применение знаний в этих условиях становятся важнейшими и неотъемлемыми гарантиями экономического развития, а соответственно приобретают всё большее значение в качестве главного конкурентного преимущества страны в масштабах мировой экономики. В тоже время, как показывает практика, в странах, получивших наибольшие выгоды от интеграции в глобальную экономику, происходит в свою

очередь заметное улучшение и показателей собственно образования, в особенности научного образования. Тесная диалектическая взаимозависимость показателей экономического роста и развития образования обусловлена такими атрибутивными, по словам М. Вебера, свойствами капитализма, триумфально и безальтернативно шествующего сегодня по всему миру, как постоянная погоня за прибылью и экономико-рациональная организация рынка свободной рабочей силы.

ПРОБЛЕМА РЕГИОНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Регионалистика как самостоятельная область гуманитарного знания относительно недавно приобрела статус независимой. Ее оформление в обособленную дисциплину во многом обусловлено выработкой и кристаллизацией специфического методологического и понятийного инструментария. Будучи по преимуществу сферой научных исследований междисциплинарного типа (строящихся на пересечении познавательных интересов социально-экономического и обще гуманитарного блоков), регионалистика в то же время все более профилируется. Это становится возможным за счет утверждения научной значимости ее ключевых объектов. К исходным, базовым явлениям (равно понятиям) современной регионалистики следует отнести: регион, региональную культуру, региональное самосознание, региональную идентичность. Остановимся на их значении в настоящее время.

Понятие «*регион*» интенсивно исследуется в различных сферах гуманитарной науки. Ранее рассматриваемое лишь в узко дисциплинарном контексте (социологическом, экономическом, географическом и т. д.), оно получило развитие и обоснование в рамках комплексного культурологического анализа.

Этимология термина восходит к латинскому корню «*regio*», буквально означающему «страна», «область», «край». Этим обусловлено его простейшее определение: регион — это отдельный экономико-географический район (область), характеризующийся относительной устойчивостью социальной (общественно-политической), национальной, культурной и пр. структуры. Данная точка зрения превалирует в исследовательской практике, поскольку чаще всего термин используется в элементарном значении, с целью выявления локальной специфичности определенной территории (или ее части) страны или мира. Подобная трактовка направлена в первую очередь на выделение факторов однородности региона как территориальной целостности и подразумевает изучение природных условий (комплекса природных ресурсов и географической среды), исторических особенностей формирования границ региона, а также его социально-экономической инфраструктуры, напрямую обусловленной ранее указанными факторами. В рамках современных исследований данный подход представляет традиционное направление, ориентированное на достижения региональной географии, региональной социологии и экономики.

Расширение содержательного поля понятия «*регион*» происходит за счет его осмысления в более широком гуманитарном контексте. Рассматривая явление, современный исследователь опирается на универсальные характеристики целостности, един-

ства, системы, культурного пространства-времени и реконструирует образ региона как специфически уникальной среды, обнаруживающей свои *социокультурные* и *духовные* потенциалы.

Восприятие региона как самобытного социокультурного пространства базируется на идее осмысления исторически сложившегося *образа* территории. Не случайно в ходе изучения проблемы вполне применим историко-культурный метод. Здесь ключевое понятие может быть трактовано в значении «*историко-культурной области*». Данный подход используется этнографами (М.Г. Левиным, Н.Н. Чебоксаровым, Б.В. Андриановым), описывающими регион как область, у населения которой «в силу общности исторического развития, длительных связей и взаимного влияния возникают черты культурного *единства*» [7, с. 21—22].

Как следствие, потенциально продуктивным кажется содержательное определение понятия «*регион*» с точки зрения культурософской категории *целостности*. Регион как типологическая модель, исследуемая теоретиком культуры, безусловно, обладает достаточной степенью завершенности образа и потому предстает перед ученым интегральным объектом со сложной, неоднородной структурой. Приведем весьма показательное определение понятия, основывающееся на данном положении: регион — это «*территория (геотерия), по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью (выделено нами), причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат (выделено нами) развития данной территории*» [1, с. 48]. Осмысленный в данном контексте, регион трансформируется в предмет и объект междисциплинарного, интегративного изучения, затрагивающего самые различные проблемные аспекты. При этом в характеристике самого феномена учитывается вся совокупность его структурных элементов: не только географический (природно-климатический), социально-политический или экономический, но и культурантропологический, психологический, семиотический и семантический (знаково-символический), — то есть элементы, непосредственно структурирующие духовный и культурный образ региона. В междисциплинарное исследование явления включаются, наряду с социологией, экономикой и географическими науками, психология, семиотика, антропология, этнография, культурология, история, искусствознание и другие гуманитарные науки. Целостность региона выступает сложным «*органическим*» образованием, обособленным в самобытный социокультурный комплекс и занимающим ос-

бенное (единичное) положение в пространстве мировой культуры.

Системно-целостная трактовка понятия разрабатывается А.Е. Левинтовым. По мнению ученого, регион — «полисферное образование, включающее в себя (потенциально) геосферу, ойкумену и этносферу, техносферу, ноосферу»; регион «культурен и духовен» [3, с. 294]. Рассматриваемый с позиций универсалий, регион «может рассматриваться только в рамках общечеловеческой культуры» [3, с. 294] и воспринимается как сложное явление и фундаментальный культурологический термин. А.Е. Левинтов подчеркивает смысловую многозначность понятия и содержательную многовариантность явления, обусловленную сложностью его структуры.

«Полисферность» региона становится причиной переоценки роли территориального фактора в его формировании. «Культуросообразность», потенциальная разомкнутость регионального пространства в единство культурного мира оказывается причиной территориальной неопределенности его границ: «Границы региона, таким образом, имеют диффузный, контактный... характер» [3, с. 295]. Будучи открытой системой, регион вступает в сложные взаимодействия с «внешними» (другими) социокультурными комплексами, вписывается в ансамбль универсальных культурных взаимосвязей.

На принципиальную несводимость регионального пространства к замкнутому, четко фиксируемому образу территории указывает определение региона, приводимое в Хартии регионализма. Согласно данному документу, регион — «гомогенное пространство (выделено нами), имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и общность исторической судьбы» [7, с. 43—44]. Важным представляется замечание о том, что достаточно одного или нескольких из перечисленных признаков, чтобы выявить наличие целостности региона. В этом плане территориальная замкнутость, географическая определенность также не служат основополагающими (доминирующими) признаками региона, а лишь учитываются наряду с другими. Таким образом, понятие региона получает внемасштабное и разномасштабное содержание, «задаваемое типологически, а не классификационно... Это ...означает, что разнообразие регионов не ограничено и априорно не задано (не может быть сведено, например, к комбинаторике заранее известного числа ... циклов)» [3, с. 296]. Следствием можно считать множественность и вариативность региональных образов, обладающих самобытностью индивида.

Действительно, регион как гомогенное образование обладает уникальностью *субъекта*. Его исключительность зависит от многих факторов и предопределяется особым характером внутренней взаимосвязи экономико-географической, социально-политической, этнонациональной, культурно-языковой и др. составляющих, жизненно важных в про-

цессе культурно-исторического формирования региона.

Субъектность образа региона проявляется в тождестве его жизнеобеспечивающих структур индивидуальным смыслам человеческого существования. На это указывает Г.Г. Копылов, отмечая, что «регион есть нечто, что *соразмерно ... человеку*» [2, с. 308]. По мнению исследователя, «регион должен обеспечивать целостность жизни в нем — то есть предоставлять субъектам функционирующие жизнеобеспечивающие структуры — и иметь определенную миссию, вектор для развития, то есть — иметь возможность для перестроек, зарождения нового / ликвидации старого и т. п.» [2, с. 309]. Иными словами, региональное пространство *гуманитаризовано* и динамически обусловлено жизненными устремлениями личности, реализующейся в его рамках. Это позволяет определить сущность явления сквозь призму гуманитаристики, проанализировать понятие «регион» в контексте индивидуального (личностного) и социального целеполагания культуры. Не случайно в современной социологии учитываются возможности аксиологического подхода к проблеме: исследования жизни региона строятся на основе анализа ценностей и потребностей индивидов и социальных групп, осуществляющих деятельность в его пространстве.

Взаимообусловленность личностного и регионального как исследовательская проблема — открытие последнего десятилетия XX в. Значительный вклад в ее разработку внесли ученые петербургской школы, создатели первой фундаментальной работы по теории регионалистики. При характеристике новой сферы гуманитарного знания А.С. Герд отмечает, что регионалистика — «комплексная синтезирующая гуманитарная дисциплина, изучающая процессы *деятельности и существования человека* (человеческих коллективов) (выделено нами) и создаваемой им культуры во взаимодействии с окружающей средой» [5, с. 8]. Как следствие, основными аспектами изучения в регионалистике становятся, наряду с физико-географическим, историко-культурным и антропологическим. В качестве эквивалента понятия «регион» исследователи выдвигают понятие «историко-культурная зона» (ИКЗ). Характеризуя ИКЗ, ученые акцентируют внимание на потенциальной содержательности термина, позволяющего изучать «определенное ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, этнографии, антропологии, языкознания, истории, геологии, палеографии, географии, а также ряда других гуманитарных дисциплин (фольклористика, музыковедение)» [5, с. 9]. Сущность ИКЗ складывается в условиях конкретного климата и ландшафта и определяется целым рядом факторов (физико-географическим, климатическим, хозяйственным, историческим, демографическим, этнографическим). По мнению А.С. Герда, ИКЗ свойственна высокая степень устойчивости: «при определенных колебаниях очертаний и границ, в длительных временных

интервалах они проступают на отраслевых и обобщающих картах в более или менее постоянных очертаниях, близких к исходным. Именно в рамках относительно стабильных ИКЗ протекают процессы смещения и синтеза производственных, хозяйственных, языковых, расовых, этнографических компонентов» [5, с. 9].

В формировании ИКЗ существенное значение имеет процесс демогенеза, то есть общая история населения конкретной территории. По отношению к нему регион выступает мультикультурным пространством, в котором сосуществуют, либо взаимодействуют, последовательно сменяя друг друга, различные культуры. С этой точки зрения, ИКЗ представляет собой некую совокупность разнообразных, содержательно отличающихся друг от друга, но органически взаимосвязанных «культурно-исторических типов» (КИТ).

В контексте данного исследования представляется важным подробнее рассмотреть понятие «культурно-исторического типа», понимаемое в значении типологической макросистемы региона.

По мнению петербургских ученых, в основе КИТ лежит совокупность созданных населением региона внеприродных «материальных (артефактов) и идеальных (ментифактов)» явлений, включая языковые формы существования. К подобным объектам — «культурному фонду» региона — могут быть отнесены археологические ансамбли (археологические культуры), антропологические, традиционно-бытовые, духовные (религиозные) комплексы, стереотипы хозяйственно-производственных связей и т. п. Весьма существенным представляется включение в структуру «культурного фонда» региона ментифактов, среди которых: локальное самосознание (самосознание общности, отличной от других); этническое самосознание; формы и стереотипы языка (языков), фольклора, музыки, литературы; формы и стереотипы поведения и отношения (к себе, соседям, миру); сознание этнического прошлого и т. д. Таким образом, в поле зрения исследователей оказывается *ментальность населения* как самостоятельная ценностная характеристика региона. Проблема региональной самобытности смыкается с вопросом о ментальной самоидентификации.

Основным способом использования культурного фонда региона служит традиция, «обеспечивающая эффективное взаимодействие населения (человека) с окружающей средой (природой)» [5, с. 32—33]. Здесь традиция как система связей настоящего с прошлым выполняет функцию стереотипизации культурного опыта, способствуя его сохранению. Опытный мир регионального социума фиксируется и стабилизируется в иерархии стереотипов. Ими и становятся ранее указанные ментифакты, актуальные в пространстве-времени КИТ. Таким образом, культурная традиция служит условием стабилизации историко-культурной зоны (ИКЗ) посредством иерархии социально организованных стереотипов, активно, длительно и многократно аккумулируемых, переда-

ваемых и воспроизводимых в ее рамках. Нельзя не заметить, что данное суждение согласуется с концепцией менталитета как адаптивно-регулирующего механизма культуры.

При определении культурно-исторического типа (КИТ) задействуются понятия «топос» (место) и «хронос» (время), посредством которых уточняется система координат культуры региона. Категории пространства — времени позволяют выявить уникальность региона в ходе описания его топохрона (типа). Топохрон — любой материальный объект, правильно интерпретируемый в отношении своего культурно-исторического содержания и раскрывающий семиотику локального культурного пространства. По мнению ученых, топохрон фиксирует и развертывает архетип региональной культуры, «закрепляя его в пространстве-времени и реализуя в стереотипе поведения индивида и социума» [5, с. 42]. Таким образом, топохрон тождественен хронотопу и превращается в «регулирующий *ментальность и поведение* (выделено нами) действующего социума алгоритм самоопределения личности, группы, общности в собственном культурном пространстве-времени» [5, с. 44].

Обобщая основные выводы петербургской школы регионалистики, следует выделить положения, наиболее значимые в контексте данного исследования.

1. Понятие «регион» следует рассматривать в самом широком гуманитарном ключе, привлекая для его характеристики методологический аппарат археологии, этнографии, антропологии, языкознания, истории, геологии, палеографии, географии, фольклористики и других дисциплин.

2. Содержательное поле понятия складывается на основе физико-географического, историко-культурного и антропологического элементов, причем последние играют едва ли не решающую роль в его формировании.

3. Эквивалентом термина «регион» служит понятие «историко-культурная зона».

4. Типологическая макросистема ИКЗ характеризуется как совокупность «культурно-исторических типов», или топохронов, регулирующих менталитет и поведение в рамках регионального социума.

5. Самобытность, уникальность ИКЗ обусловлена специфичностью ее культурного фонда, включающего созданные населением региона внеприродные материальные (артефакты) и идеальные (ментифакты) явления.

Таким образом, осмысление *субъектности* региона (индивидуального своеобразия пространственно-временной модели, специфики бытийных механизмов, структуры социума и т. д.) основывается на изучении *базовых элементов его культурного фонда* и, следовательно, на изучении *регионального менталитета*.

Наряду с понятием «регион» в современную гуманитарную практику широко внедряется *термин «региональная культура»*. С его помощью исследо-

ватели пытаются дифференцировать представление о социокультурных процессах, протекающих в современной России на общенациональном и региональном уровнях.

По отношению к единому пространству русской (российской) культуры региональная культура выступает самостоятельным явлением, типологически характеризуемым в целом ряде признаков. Культурологическому анализу данной проблемы посвящена разработка И.Я. Мурзиной [4]. Как указывает исследователь, особенность и специфичность региональной культуры заключается в характере ее бытийного становления. Особую роль в процессе индивидуализации региона и выделения из недр «материнской» (национальной) культуры его самодостаточного образа играет *самосознание* регионального социума, идентифицирующего себя с конкретной физико-географической и историко-культурной средой.

По мнению И.Я. Мурзиной, механизм региональной самоидентификации вырабатывается в течение длительного исторического периода и охватывает несколько этапов. Началом служит включение конкретного географического пространства в поле освоения «материнской» культуры и освоение новой территории как родины переселенцами. В этом смысле процесс колониального заселения оказывается этнокультурной предпосылкой регионализации, то есть трансформируется из факта активного и деятельного практического освоения территории в факт ее осознания как «своей». На это указывают многие специалисты в области этноистории и исторической географии. Так, В.Н. Стрелецкий рассматривает явления «колониаторства» и «переселенчества» в качестве основного фактора влияния на *пространственную психологию* регионального социума [7], считая их потенциальной предпосылкой для более тесного культурного взаимодействия разных этнических групп на определенной территории. Это позволяет считать экстенсивное (колониальное) заселение земель того или иного региона первоначальным импульсом к процессам генезиса локального (регионального) самосознания.

Следующим важным моментом самоидентификации региона является осознание «связи с местом» — установление межкультурной коммуникации с коренными народами и осмысление собственной идентичности с данным пространством. Данный этап «можно рассматривать как переходный от культуры региона к региональной культуре» [4, с. 201]. Действительно, период адаптации переселенцев к специфическим и разнообразным условиям новой географической и социальной среды может быть охарактеризован как этап возникновения локальных субкультур, формируемых мигрирующими народами. Эволюционно — это время, когда регион трансформируется в этноконтактную зону — зону активного взаимодействия ранее обособленных этносов и цивилизаций. Будучи моментом культурной диффузии, адаптивно-коммуникативный период приводит в дальнейшем к территориальному (геополитическому) и социокуль-

турному симбиозу региона, то есть к возникновению региональной культуры.

Результатом бытийного самоопределения региональной культуры можно считать момент, когда в сознании индивида (социума) регион становится пространством «смысла-для-себя», родиной, ценностным миром исторически сформировавшегося на его территории этоса. В целом это дает право определить бытие региональной культуры как *самоидентичное*, несмотря на актуальность исторического взаимодействия с «материнской» (общенациональной) культурой.

Задавая вопросом о том, что же служит источником региональной самоидентичности, И.Я. Мурзина отмечает: «региональная культура раскрывается ... через характеристику специфики мироощущения и миропонимания членов регионального сообщества, особенности картины мира, идентичности и самосознания личности и локального социума, посредством формирования системы знаков и значений» [4, с. 203]. Таким образом, в поле зрения автора оказывается проблема ментальных оснований региональной культуры, вопрос об основаниях духовной жизни личности и социума, напрямую обуславливающих самобытность ее образа.

С целью описания содержательного поля региональной культуры и попытаясь установить взаимосвязь между элементами опытного пространства регионального сообщества, И.Я. Мурзина употребляет *понятия региональной идентичности и регионального самосознания*. Следует отметить, что данные термины широко используются в качестве базовых в современной теории регионализма. Так, в исследовании А.И. Трейвиша они включаются в группу исходных наряду с понятиями «малый патриотизм», «самобытность», «провинциальная традиция», составляя фундамент для первичного уровня описания процессов регионализации.

Разграничивая «идентичность» и «самосознание» как термины, характеризующие нерелексивный («ощущение») и рефлексивно-осознанный («осознание») духовный опыт индивида или социума, автор подчеркивает: «Понимая под ощущением *первый шаг* (выделено нами) на пути к познанию себя и мира, а под осознанием *целостную оценку* (выделено нами) человеком самого себя, можно предположить, что идентичность в большей степени связана с самоощущением человека, в то время как самосознание тяготеет к рефлексивно-осознанной деятельности» [4, с. 206—207]. Отсюда следует, что идентичность выступает неким первичным условием самоотождествления личности с пространством определенной региональной культуры, а осознание — смысловой доминантой данного процесса. В то же время И.Я. Мурзиной не удается дифференцировать понятия, поскольку функционально и содержательно они *неразграничимы*. Характеризуя проблему региональной идентичности, автору приходится выдвигать тезис о т. н. «внешней» и «внутренней» идентичности, делая при этом следу-

ющий вывод: «для отдельного индивида проблема внутренней идентичности (насколько я как человек, живущий в данной территории, осознаю себя ее частью) может и не быть существенно значимой ... и носить неосознанный или неререфлексивный характер. ... внешняя идентичность (быть для себя и для других представителем данного региона), как правило, *осознается* (выделено нами) и воспринимается как составной элемент ... личности» [4, с. 207]. Таким образом, исследователь сталкивается с принципиальной невозможностью четкого определения границ используемой терминологии и смешивает содержание понятий, не будучи в состоянии провести черту между разнородными интеллектуальными операциями, синтезированными в единый комплекс ментальной самоидентификации.

Кроме того, И.Я. Мурзина отмечает, что процессы становления региональной идентичности и регионального самосознания практически параллельны друг другу и, что еще важнее, включают одни и те же этапы: формирование представлений о географически закреплённом месте жизни (этап символизации пространства); формирование собственной структуры жизнедеятельности; формирование системы ценностей, обусловленной особенностями бытия в данной региональной культуре; формирование типов личности, служащих характерным образцом «регионального» индивида. Все сказанное напрямую соотносится с проблемой потенциальной ограниченности используемых понятий.

Ранее мы уже выяснили, что проблема познания структурно сложной природы человека должна рассматриваться на основе концепций целостного сознания (идея синтеза чувственного и рационального, природного и культурного, сознательного и бессознательного, личного и коллективного в природе «Я») и психосимволического единства личности (бесконфликтной трансформации бессознательного в содержание сознания). Это позволяет соотнести разные планы человеческого бытия (социальный — личностный, коллективный — индивидуальный) и грани опыта (рациональное — эмоциональное — интуитивное, сознательное — бессознательное), устанавливая между ними системную взаимосвязь и не нарушая логики внутренней целостности. Возникая в ходе изучения проблемы региональной самоидентификации, вопрос о взаимодействии рефлексивных и неререфлексивных форм духовного опыта индивида (социума) также должен исследоваться в намеченном контексте.

Следовательно, выдвигаемые понятия «региональная идентичность» и «региональное самосознание» неполно и не совсем адекватно выражают специфику духовных процессов региональной самоидентификации личности (человеческого сообщества). Им свойственна фрагментарность, смысловая условность и содержательная непроясненность. Об этом свидетельствует наложение терминологических

планов друг на друга, их взаимное перетекание и неотграничиваемость.

В то же время в современной гуманитарной практике широко используется содержательно универсальное понятие менталитета, позволяющее снять проблему подобных противоречий. Напомним, что феномен может быть определен как интегральная характеристика духовной жизни индивида (социума), выражающаяся через сложную совокупность глубинных, главным образом, невербализуемых, неререфлексивных интеллектуальных установок (познавательных стереотипов, стереотипов мнений, суждений, оценок...) и долговременных поведенческих архетипов (стереотипов действия — традиций, привычек и т. д.). По отношению к нему региональная самоидентификация воспринимается как структурно сложный процесс, в котором целостны и неотделимы *все планы духовно-символического бытия человека, преломляемые в реальном пространстве региональной культуры*. Применение термина «региональный менталитет» дает возможность объединить понятия «идентичности» и «самосознания», избежав тавтологии и, одновременно, сфокусировав внимание на их внутренней общности.

Литература

1. Алаев, Э.Б. Экономико-географическая терминология. — М.: Мысль, 1977. — 199 с.
2. Копылов, Г.Г. Регион-сеть и региональные программы/ Методология: вчера, сегодня, завтра. Т. 3. // Ред.-сост. Г.Г. Копылов, М.С. Хромченко. — М.: Школа культ. полит., 2005. — С. 305—323.
3. Левинтов, А.Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии// Методология: вчера, сегодня, завтра. Т. 3. // Ред.-сост. Г.Г. Копылов, М.С. Хромченко. — М.: Школа культ. полит., 2005. — С. 289—305.
4. Мурзина, И.Я. Феномен региональной культуры: Бытие и самосознание [Электронный вариант]: Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологических наук: 24.00.01. — Екатеринбург, 2003. — 237 с. Режим доступа: <http://diss.rsl.ru>.
5. Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России // В.А. Булкин, А.С. Герд, Г.С. Лебедев, В.Н. Седых; под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. — 392 с.
6. Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Бессмертный. — М.: Наука, 1993. — 207 с.
7. Стрелецкий, В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации в России// Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы/ Под ред. А.И. Трейвиша, С.С. Артоболевского. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 11—38.
8. The cultural challenges for Europe's regions / Strasbourg, 1993.

Прикладные аспекты социологических исследований

УДК 316.356.2 + 364.6
ББК С55.537 + У9(2Р36)-94

Н.Л. Антонова

ПОТРЕБНОСТИ СЕМЬИ В СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГАХ

Принятие Закона РФ от 10 декабря 1995 года № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» и разработка целевой федеральной программы «Развитие социального обслуживания семьи и детей» послужили отправным пунктом для создания и развития специализированной системы социального обслуживания. Учреждения, включенные в данную систему, предоставляют населению целый спектр социальных услуг, оказывая социальную помощь и социальную поддержку гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации и реализуя принципы социального правового государства — социальной защиты и снижения социальной напряженности.

Вместе с тем, сегодня в системе социального обслуживания населения существует ряд противоречий как на социальном уровне, так и на уровне конкретных организации (учреждений). Среди них противоречия:

— между изменениями, происходящими в целевых, ценностных и нормативных основаниях социального обслуживания граждан и недостаточной переориентацией профессиональных сообществ на приоритетность формирования и развития условий, обеспечивающих новое видение системы социального обслуживания, качество социальных услуг;

— между содержанием деятельности всех субъектов социального обслуживания, предписанным действующим законодательством, их личной ответственностью за результат и отсутствием комплексной и научно обоснованной системы оценки ее результатов;

— между необходимостью адресной социальной поддержки граждан и недостаточной информационной базой о нуждающихся в социальных услугах;

— между потребностями и запросами граждан в социальных услугах на уровне муниципальных образований и отсутствием информации о них в муниципальных центрах социального обслуживания.

В целом следует выделить базовое, основное противоречие, суть которого заключается в необходимости эффективной реализации государственной семейной политике в Свердловской области, новом качестве социального обслуживания семьи и детей и трудностями развития и управления системой условий на уровне муниципальных центров социального обслуживания, нацеленных на осуществление заявленных целевых установок социальной политики.

Объектом исследования выступили семьи, имеющие несовершеннолетних детей, проживающие в г. Первоуральск Свердловской области. При опросе нами были выделены две основные группы семей. Критерием для разделения послужило наличие/отсутствие трудной жизненной ситуации как объективно нарушающей жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может преодолеть самостоятельно. Метод сбора информации — полужформализованное интервью.

В ходе исследования было опрошено 212 семей, из них:

— полная семья (оба родителя), в которой настоящее время трудная жизненная ситуация как объективный показатель отсутствует — 102;

— семья, воспитывающая ребенка-инвалида — 10;

— семья, в которой один из родителей/оба родителя — инвалиды — 10;

— семья, в которой один из родителей/оба родителя — безработные — 10;

— семья, в которой среднедушевой доход на каждого члена семьи ниже прожиточного минимума — 10;

— семья, пострадавшая в результате вооруженных, межэтнических конфликтов — 10;

— семья, воспитывающая детей, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних — 10;

— семья, в которой имеет место жестокое обращение и конфликты — 10;

— семья, не имеющая определенного места жительства — 10;

— семья, воспитывающая детей, оставшихся без попечения родителей (приемные семьи, опекунские семьи) — 10;

— многодетная семья — 10;

— неполная семья (один родитель) — 10.

Исследование было проведено в летом 2005 года. В исследовании приняли участие 83,5 % женщин и, соответственно, 16,5 % мужчин. Средний доход семьи на одного человека в месяц составляет 3 154 рубля; причем доход благополучных семей в 1,6 раза превышает данный показатель по семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Социальные услуги традиционно рассматриваются как услуги, ориентированные, прежде всего,

Прикладные аспекты социологических исследований

на социально незащищенное население, на те слои, которым необходима помощь и поддержка социального характера. Раскрывая потребности семьи в социальных услугах, следует обратиться к самооценкам самих семей той жизненной ситуации, в которой они находятся в настоящее время.

Самооценка семьями жизненной ситуации демонстрирует, что более половины опрошенных семей (58,5 %) полагают, что в настоящее время их жизненная ситуация неблагоприятная. Наибольшая доля оценивающих свою ситуацию таким образом приходится действительно на те семьи, которые по объективным показателям можно отнести к данной группе — 75,4 %. 40,2 % из числа опрошенных полных семей также отметили наличие трудной жизненной ситуации. Какими видят респонденты трудности и проблемы в своих семьях (табл. 1)?

Таблица 1
Трудная жизненная ситуация

Характер трудной жизненной ситуации	%
Материальные трудности	76,5
Жилищные проблемы	24,4
Плохое состояние здоровья	11,3
Сложные взаимоотношения в семье	8,7
Отсутствие постоянной работы	6,7

$\frac{3}{4}$ опрошенных признают, что трудная жизненная ситуация в семьях связана с материальными затруднениями. Это показывает, что на уровне субъективной самооценки тех условий, в которых находится семья, услуги социально-экономического характера будут наиболее востребованы. Жилищные вопросы в современных условиях — это те вопросы, решение которых, скорее «ложится на плечи» самих индивидов, выходя за пределы компетенции специализированных Центров социальной помощи и поддержки. Здоровье выступает одной из витальных ценностей человека и, отмечая неудовлетворительное его состояние, респонденты имплицитно испытывают потребности в его поддержании и сохранении, а это, в свою очередь, требует обращения к социально-медицинским услугам. Взаимоотношения в семье — проблема, в разрешении которой значимую роль могут сыграть психологи, психотерапевты, т. е. речь идет о потребностях семьи в услугах социально-психологического свойства. Кроме представленных выше субъективных показателей, описывающих трудную жизненную ситуацию в семье, респонденты отметили и такие проблемы, как сложные взаимоотношения с руководством, коллегами; поступление детей в вуз; недостаток средств на образование детей; отсутствие мест в дошкольных образовательных учреждениях; основное место работы находится за пределами города; отсутствие

помощника в воспитании ребенка (няня, гувернантка); ситуация развода; судебный процесс.

В целом, анализ самооценок респондентов трудной жизненной ситуации показал следующее. Во-первых, трудная жизненная ситуация имеет как объективный, так и субъективный характер, поскольку благополучные семьи также отмечают ее наличие. Во-вторых, в оценках трудной жизненной ситуации «прослеживаются» потребности в социально-экономических, социально-медицинских и социально-психологических услугах.

Общая специфическая особенность услуг, в том числе и социальных, — удовлетворять конкретные потребности конкретных потребителей. Раскроем потребности семей в каждом виде социальных услуг (табл. 2)*.

Таблица 2
Потребности семей в социальных услугах
(% к числу ответивших)

Виды социальных услуг	Все типы семей	Семьи благополучные	Семьи в трудной жизненной ситуации
Социально-медицинские	72,7	71,6	73,6
Социально-экономические	70,2	62,1	73,3
Социально-правовые	50,7	52,7	49
Социально-психологические	41	36,9	44,6
Социально-педагогические	40,5	44,2	37,3
Социально-бытовые	17,1	9,5	23,6

Результаты исследования показывают, что более половины опрошенных выразили потребности в услугах социально-медицинских, социально-экономических, социально-правовых. Эти виды услуг занимают лидирующие позиции в структуре потребностей. Отметим особо тот факт, что социально-педагогические услуги для благополучной семьи более необходимы, нежели услуги социально-психологические. Кроме того, эти семьи испытывают большую необходимость по сравнению с семьями в трудной жизненной ситуации в таких услугах как социально-педагогические и социально-правовые услуги.

Раскроем конкретное содержание по каждому виду социальных услуг.

Социально-медицинские услуги. Социально-медицинские услуги занимают первое место в струк-

* При выделении видов социальных услуг мы опирались на ГОСТ 52143 – 2003.

туре потребностей семей. Наиболее востребованными являются следующие социально-медицинские услуги:

- содействие в госпитализации, направлении на санитарно-курортное лечение (44 %);
- проведение медицинских процедур, связанных со здоровьем (34,1 %);
- организация медицинского консультирования, медико-социального обследования (27 %);
- содействие в реабилитационных мероприятиях и медико-социальной экспертизе (5,2 %);
- социально-медицинский патронаж (2,8 %);
- обучение членов семьи, родственников основам социально-медицинской помощи (2,4 %).

Распределение ответов двух основных типов семей благополучных и находящихся в трудной жизненной ситуации — по видам социально-медицинских услуг одинаково, за исключением следующего факта: медицинские консультации и обследование необходимо в большей мере благополучной семье, а медицинские процедуры — семье в трудной жизненной ситуации.

Социально-экономические услуги. В структуре социально-экономических услуг потребности семей распределились следующим образом:

- материальная помощь (35,1 %);
- содействие в получении полагающихся льгот, пособий, алиментов и пр. (33,2 %);
- содействие в решении вопросов занятости (21,5 %);
- консультирование по вопросам самообеспечения семей, вопросам улучшения материального положения (14,6 %).

Для полной благополучной семьи структура потребностей в услугах социально-экономического характера отличается от потребностей семьи в трудной жизненной ситуации: материальная помощь отодвигается на последнюю позицию, а консультирование по вопросам самообеспечения семей и вопросам улучшения материального положения актуализируется.

Социально-правовые услуги. Каждый второй опрошенный отметил необходимость в услугах социально-правового характера, причем потребность в них у благополучной семьи чуть превышает аналогичный показатель у семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Потребность в данных услугах раскрывается в следующих ипостасях:

- консультирование по вопросам, связанным с правом граждан на социальное обслуживание, социально-правовым вопросам (40,5 %);
- юридическая помощь в оформлении документов (16,2 %);
- представительство в суде для защиты прав и интересов (6,7 %).

Социально-психологические услуги. В структуре социально-педагогических услуг респонденты выбрали такие услуги как:

- социально-психологическое и психологическое консультирование (21,9 %);
- психотерапевтическая помощь (11,9 %);
- психологическая диагностика (7,1 %);
- психологическая коррекция (7,1 %);
- психологические тренинги (6,7 %);
- социально-психологический патронаж (2,4 %).

Потребность благополучных семей в психологических тренингах выше, нежели семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Социально-педагогические услуги. Потребности семей в социально-педагогических услугах выражаются в следующих видах услуг:

- анимационные услуги (экскурсии, театры, праздники и пр.) (18,2 %);
- содействие в получении общего и профессионального образования (13 %);
- социально-педагогическое консультирование (12 %);
- социально-педагогическая диагностика и обследование (4,3 %);
- педагогическая коррекция (4,3 %);
- социально-педагогический патронаж (1,4 %).

Распределение ответов респондентов двух типов семей в необходимых социально-педагогических услугах практически идентично.

Социально-бытовые услуги. В структуре услуг социально-бытового характера востребованы следующие виды услуг:

- предоставление транспорта (8,5 %);
- предоставление одежды, обуви и пр. (5,2 %);
- покупка и доставка на дом продуктов питания, промышленных товаров (4,3 %);
- приготовление и подача пищи (1,9 %).

Особую роль в предоставлении услуг играют специалисты. Определим круг потребностей семей в специалистах, чьи консультации и помощь выступают значимыми и необходимыми (табл. 3).

Наиболее востребованными на рынке социальных услуг являются медицинские работники — врачи и медсестры. Особенное положение, которое занимают эти специалисты на рынке, связано, во-первых, с лидирующими позициями в структуре потребностей семьи социально-медицинских услуг, во-вторых, особой направленностью самой услуги, а именно, на сохранение и укрепление здоровья, которое выступает смысло-жизненной ценностью, в-третьих, со спецификой деятельности медицинских работников, требующей специального образования и квалификации. Каждый четвертый опрошенный выразил потребность в услугах юриста, нотариуса, спрос на специалистов данного профиля выше у семей, находящихся в трудной жизненной ситуации (табл. 3).

Услуги психолога также востребованы респондентами, причем эта потребность значительно выше, чем в спрос на услуги педагога (22,5 % и 11 % соответственно). Менее всего семьи испытыва-

Таблица 3

Потребности семей в специалистах
(% к числу ответивших)

Специалисты	Все типы семей	Семьи благополучные	Семьи в трудной жизненной ситуации
Врач, медицинская сестра	30,6	24	36,7
Юрист, нотариус	24,4	19	29,4
Психолог	22,5	20	24,7
Педагог	11	12	10,1
Специалист по социальной работе	3,4	3	3,7
Экономист, бухгалтер	2,4	2	2,8

ют необходимость в услугах специалистов в сфере экономики и социальных работников.

Социальные услуги традиционно воспринимаются населением как услуги, имеющие благотворительную направленность. Созданная советским государством система социального обеспечения предполагала именно бесплатную помощь и поддержку. Рыночные отношения, затрагивая все сферы жизнедеятельности, начинают активно развиваться и в этой сфере, превращая ее в сферу социального обслуживания и социальных услуг. Однако, население не готово оплачивать услуги социального характера, о чем и свидетельствуют результаты исследования. Более половины опрошенных (58 %) не готовы оплачивать социальные услуги, причем большая часть таких респондентов — это семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Доля опрошенных из благополучных семей в два раза превышает долю опрошенных, желающих оплатить социальные услуги, из семей в трудной жизненной ситуации (60,3 % и 30,1 % соответственно).

Рынок предлагает потребителю многообразие социальных услуг, в такой ситуации важным представляется анализ тех критериев, которые будут решающими при выборе (табл. 4).

На первое место при выборе социальных услуг потребители ставят их качество. Качество услуги предполагает не только ее соответствие стандартам, но и субъективную оценку потребителем — удовлетворенность услугой, ее эффективность и позитивный результат. Не случайно именно эта характе-

Таблица 4

Критерии выбора социальных услуг
(средний ранг)

Критерии	Все типы семей	Семьи благополучные	Семьи в трудной жизненной ситуации
Качество социальных услуг	1,6	1,5	1,8
Стоимость социальных услуг	2,6	2,6	2,7
Доступность социальных услуг	3,3	3,2	3,5
Рекомендации друзей, знакомых	4,3	4	4,5
Производитель социальных услуг («имя» центра, специалиста)	4,4	5,1	4,5
Близость расположения организации к дому	4,8	5	4,6

ристика услуги выступает наиболее значимой и ценной для семьи. Отсюда, одним из стратегических направлений деятельности организаций, предоставляющих услуги, становится ориентация на высокое качество и организацию работы по предоставлению услуг. На второе место по степени значимости респонденты ставят стоимость услуги. Ценовая политика в сфере социальных услуг должна быть жестко и четко обоснована, поскольку специфика самой сферы предполагает некую благотворительность и способствует формированию потребностей семьи в получении *бесплатных* социальных услуг. Доступность социальных услуг предполагает наличие необходимых специалистов, условия, которые бы способствовали повышению эффективности услуги, территориально-пространственное размещение. Именно этот показатель респонденты ставят на третье место, считая его важным при выборе социальных услуг. Менее значимы при выборе услуг такие факторы как рекомендации друзей, знакомых, производитель социальных услуг и расположение организации, предоставляющей услуги, «рядом с местом проживания семьи».

В целом, исследовательские материалы позволяют осмыслить ситуацию, существующую на рынке социальных услуг, и разработать конкретные шаги для реализации потребностей семьи в социальных услугах.

МЕСТО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ФОРМ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

«Благотворительность — вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют и все одинаково понимают».

В. О. Ключевский

Во все времена и у всех народов признавалась обязанность оказывать вспомоществование неимущим и слабым, причем вначале эта обязанность коренилась в ранних основах общественного строя, потом она провозглашалась религией и моралью, а затем получила признание и со стороны государства как института публичного права.

Анализ благотворительности в пореформенной России привел к выводу о неоднозначности значения и роли этого института. Благотворительность несомненно способствовала гуманизации общественных отношений, но как средство решения социальных проблем была недостаточно эффективна и могла служить лишь дополнительным источником финансирования социальных расходов, основанного на принципе субсидарности. Вместе с тем в настоящее время в результате массового появления в исторической и публицистической литературе публикаций, идеализирующих социальную помощь в царской России, в государстве и обществе стали появляться завышенные ожидания и надежды как на благотворительность в целом, так и на ее отдельные формы.

Сегодня благотворительность рассматривается как один из социальных инструментов, способных изменить ситуацию, сложившуюся с наиболее государственно незащищенными слоями населения. В основе благотворительности лежит мотивация людей, испытывающих сострадание к людям, потребность во взаимной поддержке и помощи. Эта мотивация не должна сочетаться с коммерческими интересами, получением прибыли и т. д. Благотворительность призвана восполнить или дополнить усилия государства в отношении социальной заботы о людях.

В последние десятилетия сложилось также устойчивое представление о филантропии не только как о денежных и имущественных пожертвованиях, но и как о безвозмездной, т. е. «общественной» деятельности в собственном смысле этого слова. Такую активность называют «добровольной», «волонтерской» деятельностью. Но, тем не менее, благотворительность понимается именно как финансовая деятельность общественных благотворительных организаций, фондов и частных лиц. Частные пожертвования — это деньги, которые собираются благотворительными организациями на своих мероприятиях. Это деньги, которые большинство людей

в других странах отчисляют из своей заработной платы на счет каких-либо благотворительных организаций, чьи адреса и счета вместе с рассказом о деятельности регулярно печатаются в газетах.

В России, к сожалению, частные пожертвования пока лишь малая часть дохода благотворительных организаций. Причина отсутствия частных пожертвований вовсе не в скупости людей, живущих в России и даже не в их бедности, а скорее в недостатке информации о благотворительных организациях и их программах и, как следствие этого, в недоверии людей к их работе.

Об этом говорят и результаты многих исследований, проводившихся в России. В одном из них, проведенном пять лет назад в восьми городах России, подчеркивается, что сама проблема благотворительности мало известна россиянам [1, с. 12]. По результатам исследования были сделаны несколько важных выводов. Во-первых, государство должно играть главную роль в осуществлении социальной политики в стране, а благотворительность лишь второстепенную, подсобную, но одновременно быть регулятором, «фильтром» реализации государственной социальной помощи и поддержки. Во-вторых, опросом был подтвержден и ранее нами доказанный факт, что благотворительность как социальный институт не способна оказывать серьезные воздействия и вносить коррективы в общий ход реализации социальной политики [2, с. 8—19]. В-третьих, представителям современного российского общества не свойственно оказание бескорыстной помощи посторонним, исключение составляет разовая помощь из жалости. Бескорыстие, энтузиазм, альтруизм, эмпатия, забота по отношению к нуждающимся посторонним — исключение, а не правило.

Выделяя в качестве субъектов социальной работы государство, коммерческие и общественные организации, мы говорим о необходимости развития партнерства между ними. Оно необходимо в силу ряда причин. Во-первых, эффективное решение многих социальных проблем возможно только совместными усилиями. Во-вторых, возможности и силы трех субъектов различны — государственные структуры обладают законодательными и властными полномочиями, коммерческие организации — возможностями финансирования, общественные организации — гражданскими инициативами. Государство может и должно способствовать более активному участию общественных организаций в осуществлении социальной политики через законодательную деятельность, создание благоприятных условий для функ-

Прикладные аспекты социологических исследований

ционирования структур гражданского общества, повышение их социальной активности.

В целях изучения мнения образованной молодежи о благотворительности и ее мотивах, формирования к ней позитивного отношения в студенческой среде в Уральском социально-экономическом институте было проведено социологическое исследование. Респондентами явились 250 студентов с 1-го по 3-й курс дневной формы обучения. Ошибки выборки по всему массиву не превышают 4 % при вероятности 95 %, что дает возможность распространять мнение опрошенных на всех студентов указанных курсов института. Среди опрошенных 69,6 % составляют девушки, 30,4 % юноши, что отражает гендерное соотношение генеральной совокупности всех студентов, обучающихся в вузе.

Первый вопрос, который был задан респондентам: «Участвовали ли Вы в каких-либо благотворительных акциях?». Ответы распределились следующим образом.

Таблица 1
Участие студентов УрСЭИ
в благотворительных акциях
(в % к общему числу опрошенных студентов)

Пол	Да	Нет
Девушки	52,9	41,1
Юноши	47,8	52,2

Таким образом, почти половина студентов УрСЭИ (ф) АТиСО участвовали в различных благотворительных акциях, сами оказывали благотворительную помощь. Наибольший процент положительно ответивших отмечен у девушек, что подтверждает тезис о том, что женщины более склонны к оказанию помощи, альтруизму и эмпатии.

Две трети (68,5 %), участвовавших в благотворительности студенток, планируют и в ближайшем будущем заниматься этой социально значимой деятельностью. Каждая третья девушка затруднилась с ответом этот на вопрос. Студентки, не участвовавшие ранее в благотворительности (41,1 %) также настроены на участие в подобных акциях (43,9 %). Примечательно, что среди девушек, уже принимавших участие в благотворительности, на вопрос о продолжении этой деятельности не было дано ни одного отрицательного ответа.

Из опрошенных юношей, которые принимали участие в благотворительности (47,8 %), больше половины (56,3 %) планируют ею заниматься и дальше. Остальные затруднились с ответом. А из студентов мужского пола, ранее не участвовавших в благотворительности (52,2 %), почти каждый третий (28,6 %) намерен принять в ней участие, а каждый пятый студент по-прежнему не имеет такого желания.

Подавляющее большинство студентов (92 %), принимавших участие в благотворительной деятельности, оценивают материальное положение своей семьи как достаточное для поддержания нормального образа жизни. Высоким и низким свое положение назвали только 4 % и 4 % соответственно. Интересен факт, что студенты, ответившие отрицательно на вопрос об их добровольном участии в благотворительности, несколько выше оценивают свое материальное положение, чем участники благотворительных акций. Следовательно, такое условие как уровень материального благополучия студентов не является определяющим показателем для участия в добровольческих инициативах. Возможно, этот вывод является закономерным подтверждением того, что, например, по статистике, в США более 30 % всех пожертвований на благотворительные цели приходится от самых бедных слоев населения.

Уже шесть лет как институт в лице студентов, сотрудников, преподавателей и выпускников УрСЭИ оказывает добровольную и безвозмездную помощь детскому дому № 6 г. Челябинска. Шефство состоит в быстром реагировании на все проблемы детдомовцев, в любви и внимании к ним. С первого курса студенты начинают участвовать в шефской работе. А наградой за сделанное являются счастливые лица детей и их неподдельная радость. Большие выезды в детский дом приурочены к праздникам: Новый год, Рождество, 23 февраля, 8 Марта, Пасха, 1 июня, когда все дети получают подарки. В День рождения все дети получают также подарок и традиционную банку варенья. Студенты УрСЭИ часто бывают у своих подшефных, играют с ними, читают книги. Перед праздниками в институте объявляется акция «Дашь мягкую игрушку!». В банке данных инициативной группы собрана вся необходимая информация о детском доме от размеров каждого ребенка до их увлечений. Решение шефских вопросов приоритетно. Успех этой работы обеспечивается поддержкой администрации вуза и ректора института С.И. Кубицкого. Поэтому благотворительность, милосердие, сострадание, умение поделиться и помочь являются составляющими образа жизни студентов, преподавателей и сотрудников УрСЭИ АТиСО. И таким образом реализуется одна из основных задач шефского дела — воспитание у студентов, юных граждан России чувства долга, сопричастности, ответственности за будущее России.

В связи с этим интересным явился анализ ответов студентов на вопрос: «Участвовали ли Вы в благотворительных акциях УрСЭИ (ф) АТиСО для детского дома № 6?». Каждая вторая девушка и каждый второй юноша из опрошенных принимали участие в благотворительной помощи детдому. Отмечено, что часть студентов, ответивших отрицательно на первый вопрос анкеты, давала положительный ответ на данный вопрос. То есть, оказание внимания подшефным детского дома (материальная

либо духовная помощь) не рассматривается ими как благотворительность. Это является, с одной стороны положительным моментом как в системе ценностей студентов, их личностных особенностей, так и в отсутствии особых притязаний на признание себя благотворителем. А с другой, свидетельствует о недостаточном понимании студентами содержания самого термина «благотворительность» и ее формы «волонтерства», что приводит к необходимости усиления роли вузовской воспитательной работы.

Далее студентам был задан вопрос «На Ваш взгляд, является ли достаточной социальная помощь и поддержка со стороны государства к социально уязвимым категориям населения?» Ответы распределились следующим образом.

Таблица 2
Мнение респондентов об эффективности государственной помощи социально уязвимым категориям населения

Пол	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Девушки	2,3	86,8	10,9
Юноши	6	79,1	14,9

Исходя из представленных в таблице данных, можно сделать вывод, что значительное большинство образованной молодежи убеждено в недостаточной эффективности государственной социальной помощи и, как следствие, необходимости вовлечения в социальный сектор новых действенных механизмов, способных улучшить ситуацию.

В связи с этим, целесообразно привести некоторые результаты общероссийского исследования, проведенного в 2004 году с целью выявления основных объектов и субъектов благотворительности. «Основным благотворителем» большинство российских граждан считают государство. Такой ответ дали в рамках проведенных исследований от 52 % до 59 % респондентов. [3, с. 10—11] Эта позиция, возможно, не только является отражением патерналистских настроений населения, но и следствием того же смутного представления о том, как устроено (или должно быть устроено) государственное управление. Государственная социальная политика воспринимается населением как благотворительность, однако она подчинена принципиально другим целям и задачам. В более ранних наших исследованиях было доказано, что благотворительность ни в теоретическом, ни в практическом аспектах не может в себя включать выполнение служебных обязанностей конкретными лицами, деятельность государственных и муниципальных учреждений в сфере социальной защиты, поддержки, обеспечения населения. [4, с. 148] Но до тех пор, пока население будет придерживаться выявленной установки, следствием всегда будет крайняя нетребовательность не только

к государству, но и к самим к себе. Примечательным оказалось и то, что половина респондентов (43 % в общероссийской выборке) ожидает, что роль благотворителя возьмет на себя бизнес. Можно сделать предположение, что столь высокий процент стал следствием недавно начавшейся общественной дискуссии о социальной ответственности бизнеса. Еще 41 % и 25 % респондентов считают, что субъектами благотворительной деятельности должны являться российские независимые благотворительные организации и частные лица соответственно.

По мнению опрошенных студентов, основными стимулами и мотивами в оказании ими благотворительной помощи выступают:

- возможность принести пользу обществу (66,8 %);
  - личные убеждения, не связанные с религией (49 %);
  - психологические мотивы (39,4 %).
- Самыми непопулярными ответами явились:
- положительная оценка со стороны окружающих (6,2 %);
  - религиозные воззрения (5,8 %).

Вариант ответа «религиозные воззрения» в качестве мотива благотворительности несколько чаще отмечали девушки и вариант ответа «личные убеждения, не связанные с религией», соответственно, юноши. Девушки чаще отмечали и такой стимул как «возможность принести пользу обществу». В остальных ответах наблюдается гендерный баланс. В качестве своего варианта ответа респонденты-девушки отмечали еще такой мотив как «жалость».

Следующий вопрос, который был задан респондентам «Какой группе населения Вы согласились бы оказать посильную благотворительную помощь?»

- детям-сиротам — 79,2 %;
- инвалидам — 46 %;
- одиноким старикам — 37,3 %;
- людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию — 36,5 %;
- не имеет значения — 17,8 %;
- наркоманам — 2,9 %;
- никакой — 0,4 %.

Таким образом, более всего студенты готовы оказывать благотворительную помощь детям-сиротам. Вероятно, этот результат является объективным отражением доброй традиции, сложившейся в вузе. Интересным моментом выступает и то, что ни один юноша в качестве объекта благотворительности не выбрал лиц, страдающих наркоманией. Остальные варианты вновь представлены в равном гендерном соотношении. Свой вариант ответа был предложен респондентами следующим образом: «тем, кто действительно нуждается», «всем, кому смогу».

Закономерным является вновь обращение к результатам общероссийского исследования в области изучения благотворительности. Одним из наиболее интересных аспектов стал сбор мнений граж-

дан о наиболее важных направлениях развития социальной сферы. Так, россияне, в первую очередь, приоритетными считают те направления благотворительной деятельности, которые с одной стороны, касаются острых социальных проблем: охрана материнства, родительства и детства, преодоление детской беспризорности (40 %). А с другой стороны — проблемы, затрагивающие наиболее широкие группы населения: помощь социально уязвимым слоям, детство, здравоохранение и образование (ЖКХ — 33 %, образование — 29 %, здравоохранение — 25 %). Таким образом, социальные проблемы детства, поколений стоят на приоритетном месте в качестве основного объекта благотворительности.

На вопрос: «Какая благотворительная помощь, поддержка была оказана лично Вами?» студенты ответили следующим образом.

Таблица 3
Мнение респондентов о формах оказываемой благотворительности

Пол	Материальная	Духовная	Материальная и духовная
Девушки	59,8	14,1	26,1
Юноши	65,6	12,5	21,9

Как видно из представленной таблицы, значимых гендерных различий в ответах о формах оказываемой студентами благотворительной помощи, не имеется.

По материалам опроса студентов можно сделать ряд выводов. Половина опрошенных студентов УрСЭИ (ф) АТиСО принимали участие в благотворительности и сами оказывали благотворительную помощь. Большинство опрошенных готовы к оказанию безвозмездной и добровольной помощи и в будущем. Значительное большинство опрошенного студента принимало активное участие в благотворительных акциях, объявленных для детского дома № 6 г. Челябинска. Девушки более чем юноши склонны к проявлению альтруистических качеств, эмпатии. Студенческая молодежь убеждена в том, что государственная социальная помощь является в настоящее время недостаточной и неэффективной. Основными мотивами и стимулами, побуждающими студентов к оказанию благотворительности яв-

ляются возможность принесения пользы обществу и личные убеждения. Приоритетным объектом благотворительности для студентов УрСЭИ (ф) АТиСО выступают дети-сироты. Большая часть респондентов готовы к оказанию благотворительной помощи в материальной форме (деньги, вещи и пр.).

В заключении отметим, как показывает современная социальная практика, наибольшее количество пожертвований, усиление проявления личностных качеств (альтруизма) происходит либо при масштабных трагедиях (гг. Нью-Йорк, Беслан), либо в случаях частного, разового характера, например, помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию (А. Сычев — солдат, подвергшийся «дедовщине» в российской армии). И, как правило, являющиеся объективными последствиями общей социально-экономической, политической ситуации и при отсутствии эффективного государственного социального регулирования, не являются объектом благотворительности и не носят масштабного систематического характера.

С целью развития эффективности благотворительной деятельности и значимости некоммерческого сектора в целом, необходимы позитивная грамотная работа по привлечению внимания общественности к социальным проблемам не только частного характера, а также формирование социально ориентированного гражданского сознания как условия развития благотворительности.

Литература

1. Баранова, И., Здравомыслова, О. Отношение населения к благотворительности в России. — М., САФ. — 2001. — С. 12.
2. Кубицкий, С.И., Бабкина, Л.Ф., Власова, А.В. Благотворительность: теория, история, современность: Монография; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. — Челябинск, 2005. — С. 8—19.
3. Анатолиев, А. Социальная ответственность в обществе: кого и за что? // Социальная работа. — 2005. — № 2. — С. 10—11.
4. Кубицкий, С.И., Бабкина, Л.Ф., Власова, А.В. Благотворительность: теория, история, современность: Монография; Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. — Челябинск, 2005. — С. 148.

СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Открытие уникальных по своим запасам месторождений нефти и газа, расположенных на севере Тюменской области, вызвало настоящую экспансию огромных труднодоступных территорий, привело к их заселению в течение жизни одного поколения. Отличительной особенностью такого масштабированного освоения было внедрение индустрии в географическую среду напрямую, десантным способом, без значимых социальных опосредований. Люди, приехавшие на Тюменский Север на волне добровольного массового порыва, ощущали себя в первую очередь участниками трудового процесса, членами производственного коллектива, наконец, жителями ведомственного поселка. А если и земляками, то лишь по месту рождения или жительства на Большой земле. Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации людей, вовлеченных в трудовой процесс, распространялись на большинство сфер их жизнедеятельности. По образу и подобию производственных технологий создавалась система отбора и первоначальной адаптации мигрантов, соответствующий облик приобретала социально-бытовая инфраструктура. Тем самым и демографический фактор, несмотря на массовый и во многом стихийный приток людей, был подчинен индустриальной схеме освоения, «прописан» в индустриальных координатах. Все это задавало особую направленность вектора социального развития региона: от индустриальной организации — к общности [1].

Вместе с тем индустриальное освоение на основе добывающих отраслей промышленности в стационарном режиме с многолюдным характером производства потребовало, во-первых, обживания территории, а значит, расселения на ней, а во-вторых, постепенной замены формальных (технических) уз сцепления популяции живыми человеческими связями. Поэтому первоначальная схема исследования стала нуждаться в модификации по крайней мере в двух направлениях: 1) от организации — к общности через коммуникацию; 2) от персонала организаций — к населению, а от него — к общности (через систему расселения). Отсюда и необходимость специального исследования схем расселения как на локальном уровне, где они топологически уподобляются схемам производства и управления, так и на региональном, где развитая структура расселения выполняет специфическую протосоциальную функцию. Собственно говоря, данный вывод и был положен в основу рабочей гипотезы исследования.

В связи с этим были проанализированы современные подходы к изучению социально-территориальных сообществ. Как и следовало ожидать, двойственный характер изучаемого объекта отразился на «ведомственной принадлежности» этих подходов. Часть из них традиционно находится в русле географической науки, некоторые тяготеют к социологии (хотя пространственная социология по-настоящему еще не конституировалась); и все же большинство подходов так или иначе сочетают в себе специфические черты обеих наук.

В экономической и социальной географии поселенческие сообщества рассматриваются, как правило, в рамках двух теоретических комплексов: 1) территориальной организации общества и 2) географии населения. В первом случае территориальная общность людей (ТОЛ) является центральным звеном как структурной, так и функциональной моделей территориальной общественной системы (ТОС) [2]. Во втором она становится не только основным объектом исследования, но и претендует на роль базового фактора в социальном районировании страны [3, 4].

Особенностью географических исследований ТОЛ последнего времени стала артикуляция социального аспекта их становления и развития [5]. Предпринимаются шаги по разработке оригинального социально-территориального подхода, сближающего позиции географии, социологии и региональной экономики в комплексном исследовании социальной и хозяйственной жизни данных сообществ [6]. Да и сами ТОЛ при таком подходе чаще всего именуются социально-территориальными общностями (СТО). К сожалению, расселенческий аспект, хотя и присутствует в перечне признаков, характеризующих СТО, представлен здесь не как определяющий и организующий, а как один из многих. Более того, соотношение социальной структуры общности и структуры ее расселения в данном подходе даже не намечено.

Что касается отечественных социологических подходов, то в них нет единства как в части выбора масштаба изучаемого социально-территориального объекта, так и в плане избираемой методологии. В исследованиях новосибирской экономико-социологической школы, руководимой в свое время Т.И. Заславской, это были, как правило, группы близлежащих сельских поселений. Сотрудничество же с экономгеографами-руралистами (С.А. Ковалев, А.И. Алексеев и др.) позволяло сочетать экономические и социологические методы с элементами пространственного анализа [7]. В последнее

время представители данной школы, отчасти продолжая данную традицию, а отчасти опираясь на работы американских социологов — исследователей *community*, основное внимание сосредоточили на небольших городах или же компактных сообществах в составе крупных городских агломераций [8].

Более обширные поселенческие образования (группы административных районов и даже областей) стали предметом рассмотрения в социологии расселения — отрасли знания, заявленной более четверти века тому назад, но так и не получившей должного развития. Вначале данное направление было нацелено на рассмотрение закономерностей развития и функционирования города и деревни как целостных социальных систем. На смену им пришли вопросы агломерации, конурбации и последующего объединения систем поселений в СТО. Инициатор разработки данной проблематики М.Н. Межевич справедливо отмечал, что понятие «расселение» отражает весь социально обусловленный пространственный комплекс условий жизнедеятельности людей, а также диспропорции в их территориальном распределении, определяющие социальные различия общественных групп и слоев, и поэтому является категорией социологии [9]. Но удивительно, что пространственная структура расселения, которая в концентрированном виде содержит эту информацию, а кроме того, посредством транспортных и иных коммуникаций определяет возможность развития общественных начал, не стала для социологии расселения предметом особого внимания и специального рассмотрения.

Таким образом, анализ существующих подходов показал, что эвристический потенциал структуры расселения как особого теоретического конструкта используется в них явно недостаточно. Не прояснены связь и взаимодействие в рамках общности структуры расселения и социальной структуры, что особенно важно для динамично развивающихся регионов, возникших в результате нового индустриального освоения.

Апробация рабочей гипотезы в своей инструментальной части опиралась на изучение структуры расселения Тюменской области и включала решение следующих задач:

— выявлен генезис основных топологических элементов структуры расселения;

— на основе центрографических методов изучена динамика «демографического наступления» в ходе индустриального освоения территории;

— построена исходная модель опорного каркаса расселения и ряд ее версий (применительно к решению различных прикладных задач);

— проведен сопоставительный анализ этапов формирования узловых элементов каркаса и стадий развития его отдельных линейных элементов, а также всей транспортной сети в целом;

— составлен перечень количественных и качественных характеристик взаимодействия социального развития общности и системы расселения, а на его основе комплекс признаков для оценки влияния структур расселения на общностные процессы.

Качественная интерпретация полученных при этом результатов позволила сделать следующие выводы.

1. Отличительной особенностью сформировавшейся в Тюменской области структуры расселения является наличие в ее генезисе уникального сочетания двух топологически различных способов колонизации: традиционного для Сибири маршрутно-каркасного освоения и территориального (площадного) фронта, характерного для массивной экспансии. Последняя, как известно, стала итогом мощного индустриального наступления на нефтегазосный Тюменский Север, спланированного и осуществленного по всем правилам крупной военной операции. При этом, если в *социально-психологическом ключе и в плане идеологии освоения* оба способа дополняли друг друга и были практически неотделимы (пафос первопроходцев и первооткрывателей, романтика покорения суровой природы и т. д.), то в *расселенческом аспекте* картина выглядит иначе: маршрутно-каркасный способ характеризует региональный уровень освоения в целом; фронт, понимаемый в данном случае как способ расширения границ освоения, проявляется преимущественно на локальном уровне (район отдельного месторождения или группы месторождений) [10].

2. Генетическая реконструкция системы расселения позволила выделить в ней своеобразные *локусы роста региональной популяции* и ввести в научный оборот теоретический конструкт *структура производства — расселения*, адекватный ситуации нового освоения труднодоступных земель, когда топология расселения на локальном уровне становится проекцией организационно-технологической схемы добывающего производства. Благодаря этому можно понять, как развитие внутривидовой, а затем и межвидовой сети производственных объектов и коммуникаций становится скрепляющим моментом при формировании локальных поселенческих сообществ, а последующее сооружение наземных линий грузового и пассажирского транспорта имеет дело с уже сформированными ячейками локального расселения. Таким образом, структура производства — расселения — это своего рода клеточный уровень региональной общности, воспроизводящей в своем развитии особенности данных структур [11].

В итоге получила свое подтверждение гипотеза о структуре расселения региональной общности как особой протосоциальной структуре, формирующейся на основе технологической схемы нефтегазодобычи, но генетически предшествующей становлению социальной структуры региона.

Полученные результаты, имея самостоятельное научное значение, выступают основой последующего отбора методов изучения расселенческих схем в их воздействии на общностные процессы.

Литература

1. Ганопольский, М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. — Тюмень : Изд-во СО РАН, 1998.

2. Воронин, В.В., Шарыгин, М.Д. Социально-экономическая география на рубеже тысячелетий (теоретико-методологические аспекты). — Самара : СГЭА, 1998. — 191 с.

3. Долинин, А.А., Бугаев, В.К., Шипунова, З.И. Проблемы методологии и методики исследования территориальных общностей в системе социального районирования // Социальная география в СССР. — Л., 1984. — С. 10—24.

4. Хорев, Б.С. Территориальная организация общества. — М., 1981. — 220 с.

5. Ткаченко, А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. — Тверь : Изд-во ТГУ, 1995.

6. Яковлева, С.И. Инфраструктурные параметры организации социального пространства города // Социологические исследования, 2004, № 2 — С. 130—133.

7. Горяченко, Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск : Наука, 1999. — С. 499—534.

8. Горяченко, Е.Е., Литвинцева, М.В. Локальная территориальная общность в крупном городе (на примере Новосибирского Академгородка // Крупные города и вызовы глобализации. — Смоленск : Ойкумена, 2003. — С. 192—200.

9. Межевич, М.Н. Город: проблемы социального развития. — Л.: Наука, 1982.

10. Ганопольский, М.Г., Литенкова С.П. Тюменский фронт (методологические заметки) // Вестник Тюменского государственного университета. № 4. 2005. — С. 187—192.

11. Ганопольский, М.Г., Литенкова, С.П. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // Известия РАН. Серия географическая. — 2005. № 3. — С. 56—62.

ФЕНОМЕН ГОРОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

О социальном пространстве как научной категории. Термин «социальное пространство» употребляется в научной литературе достаточно часто, но полной ясности и единодушия в трактовке этого понятия не наблюдается. Нет единого мнения и в понимании инструментальной ценности категории «социальное пространство», в представлениях о том, какой методологический смысл и практическую значимость имеет данная категория.

В российской социологической науке достаточно ясно прослеживается историческая тенденция модификации содержания термина «социальное пространство»: от марксистского материалистического представления о социальном пространстве как «социально освоенной части природного пространства», «пространственно-территориального аспекта жизнедеятельности общества и предметного мира человека» [1, с. 259], до субъективной трактовки социального пространства как «представлений индивида или группы о своем месте в обществе» [2, с. 273].

Прежде чем присоединиться к той или иной точке зрения или высказать свои соображения, следует точно определить те базовые посыпки, аксиомы, допущения на которые опирается исследователь. На наш взгляд, в качестве такой базовой посылки должна выступать исторически проверенное и широко принятое в философии и физике понимание пространства, которое отражено в следующей формуле — «пространство и время — формы существования материи». Для выяснения сущности социального пространства здесь важны два момента. Во-первых, указание на неразрывность, парность пространственно-временных характеристик. Во-вторых, указание на атрибутивность пространства по отношению к материи.

Неразрывность пространства и времени означает, что эти категории отражают различные по содержанию аспекты в изучаемом объекте, имеют самостоятельный смысловой контекст. Если время отражает длительность процессов и явлений, то пространство — характеристика метрико-морфологических свойств объекта. Метрические характеристики — это протяженность, величина, объем, пропорции; морфологические (структурные) — расположение, плотность, соподчиненность.

Термин «социальное пространство», таким образом, имеет вполне конкретный (и по этой причине ограниченный) смысл — это метрико-морфологическая характеристики социальных явлений. Понятно, что при таком подходе социальное пространство не тождественно и не подменяет собой понятие «социум» или общество.

В физическом мире метрико-морфологические параметры объектов достаточно очевидны и фиксируются в метрах, сантиметрах, объемах и пр. Но какое конкретное наполнение получают метрико-морфологические характеристики в их применимости к социальной форме движения материи?

Вопрос о природе социальной формы движения материи требует обращения к фундаментальным философским и физическим знаниям и является предметом самостоятельного изучения специалистов. В самых общих чертах можно сказать, что к социальным феноменам относится все, что связано с функционированием и развитием человека как существа коллективного. Как и всякая другая форма движения, социальная форма проявляет себя в отношениях и связях, в наличии структур, в движении и развитии. При этом в структуре социальной формы движения присутствуют (будучи преобразованными) материальные физические и биологические, а также и духовные (сознательные, интеллектуальные) компоненты.

Достаточно легко выделить метрико-морфологические характеристики (то есть применить социально-пространственный подход как методологический) к материально-вещной, материализованной компоненте социальной формы движения материи. Наиболее ярким и успешным примером этого является использование социально-пространственного подхода в градостроительстве, архитектуре, социологии города. Расселение людей на территории, образование типов поселений (деревень, поселков, городов, мегаполисов) — пространства окультуренных мест проживания, овеществленных форм социальных отношений — одно из наиболее ярких проявлений цивилизации. При изучении поселений ученые активно измеряют такие параметры, как «скупченность», «плотность», «протяженность», «соподчиненность», «компактность» и пр., открывая при этом противоречия, проблемы, закономерности, важные для познания тенденций и перспектив развития общества, для управления социумом. Городское социальное пространство в этом случае рассматривается как объективированная в физическую форму система социальных отношений.

Более сложным является использование социально-пространственного подхода при изучении иных проявлений социальной формы движения материи.

Начиная с работ П. Сорокина и П. Бурдьё, термин «социальное пространство» активно применяется при изучении социально-стратификационной структуры общества, для которой проблема неравенства, соподчиненности, социальной дистанции,

иерархичности групп всегда была центральной проблемой. П. Бурдьё в своей «Социологии политики» отмечает, что построение теории социального пространства предполагает серию разрывов с марксистской (материалистической) теорией. «Первый разрыв — с тенденцией акцентировать субстанцию, то есть реальные группы, в попытке определить их по численности, членам, границам и т.п. в ущерб отношениям...» [3, с. 55]. На наш взгляд, существенным в данном изречении является не акцент на «разрыв», то есть указание на отказ, неприемлемость, но акцент на «в ущерб отношениям». «Следует утверждать существование объективного пространства, выражающегося в мере близости или дистанции, соответствия или несоответствия...» [3, с. 59]. Но «Социальное пространство... вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур» [3, с. 38]. Иными словами, теория социального пространства не должна отрицать субстанциональные, материально-объективированные проявления социальности, но должна быть дополнена аналогичным изучением системы социальных отношений. По П. Бурдьё, социальное пространство — это многомерное пространство, в котором на основе принципов дифференциации и распределения разнообразных свойств (качеств, признаков) возникает система социальных позиций, определяющих силу и власть агентов и групп в социальном универсуме. Однотипные свойства приводят к группировке агентов и групп в определенные классы и их размещению в определенной области социального пространства.

Существуют различные принципы построения социального пространства. Для П. Бурдьё основой построения социального пространства является «капитал» (в его материальном плане и духовном) и «власть». Существуют экономический, культурный, социальный капитал, а также символический капитал (престиж, репутация, имя). В каждом поле действует свой вид капитала, который определяет совокупные шансы того или иного агента или группы на выигрыш.

Социальное пространство — не просто положение отдельных групп, но и «поле сил»: оно само является некой силой, действующей как в отношении других сил, так и навязывается всем, входящим в данное поле. Социальное пространство представляет собой новое качественное образование, несводимое к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям. П. Бурдьё считает, что социальное поле можно описать как многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена исходя из многомерной системы координат.

Итак, социальное пространство, наряду с метрико-морфологической характеристикой материаль-

но-вещной среды, следует понимать и как пространство социальных диспозиций, к которым приложима понятия расположения, соподчиненности и пр.

При всей ясности сформулированной концепции, все же возникает ряд весьма серьезных вопросов. Так, нужно уточнить, каким образом возможно эмпирически зафиксировать и измерить «социальную дистанцию», разделяющую одну социальную страту от другой? Как измерить и в каких показателях выразить «социальную позицию» той или иной группы? Если в случае с материально-вещными формами проявления социальной формы движения материи показатели достаточно объективны, то в случае с социально-стратификационной компонентой требуется создание многомерной системы показателей. И «капитал» и «власть» можно зафиксировать объективно, установить систему иерархии. Но метрико-морфологические показатели, «работающие» в отношении материализованных элементов, здесь нередко уже не приемлемы. Например, каким образом можно измерить в метрико-морфологических параметрах культурный потенциал? Следовательно, можно сделать вывод, что концепция социального пространства применительно к такой компоненте социальной формы движения, как социальная структура, приложима с учетом определенных оговорок. Сказанное не означает, что социальной дистанции или социальной позиции не существует реально на практике. Они, несомненно, существуют. Но для анализа этих явлений не достаточно только теории социального пространства (или, по-другому, теория социального пространства не описывает все характеристики этих явлений достаточно всеобъемлюще, полно).

Еще больше вопросов возникает, когда термин «социальное пространство» в качестве методологического пытаются применить к духовной компоненте социальной формы существования материи, когда под социальным пространством понимаются «представления индивида или группы о своем месте в обществе». Если пространство — это метрико-морфологическая характеристика материи, то является ли материей «представления людей», сознание? Если наш ответ «нет», тогда категория «социальное пространство» не работает в поле сознания, если «да», то есть ли у этого вида материи метрико-морфологические параметры и каковы они?

Сегодня данные вопросы не имеют достаточно аргументированных ответов, поскольку остается до конца неизученным сам феномен сознания человека, что выражается в многообразии различных, нередко противоречащих друг другу точек зрения, теоретических гипотез. Сошлемся в качестве иллюстрации на мнение доктора физико-математических наук, профессора, действительного члена Международной академии информатизации и Академии им. К.Э. Циолковского, Л.В. Лескова В опубликованной в интернете статье «На пути к новой

картине мира» [4], автор предлагает концепцию мзонической вселенной, в основе которой лежат две гипотезы о свойствах известного науке объекта — физического вакуума: 1) существует мзон — разновидность физического вакуума, отличительным свойством которого является способность хранить неограниченно большой объем информации. 2) существуют механизмы информационного обмена между семантическим потенциалом мзона и материальными объектами, например, с человеческим мозгом. Каноническое определение физического, или квантового, вакуума гласит: это есть низшее энергетическое состояние квантованных полей, характеризующееся полным отсутствием реальных материальных частиц. В силу этого в физическом вакууме все квантовые числа, относящиеся к таким частицам (масса, импульс, электрический заряд и др.), равны нулю. На этих масштабах происходят и еще более удивительные вещи: пространство перестает быть трехмерным, а время — однонаправленным.

Не пытаясь оценивать сказанное Л.В. Лесковым, констатируем: возможно, у сознания вполне материальная природа, но к этой природе не применимы никакие известные нам метрико-морфологические параметры.

Неопределенность в понимании феномена сознания непосредственно отражается и в общественных науках. П. Бурдьё, характеризуя природу социального пространства, пишет о важности восприятия «социального мира». Он отмечает, что власть проявляет себя как власть представлять и отстаивать свою позицию, защищая свою социальную идентичность. Делается это при помощи разных социальных формул: хороших или плохих заявлений, благославлений или проклятий, злословий или оскорблений, похвал, поздравлений, упреков, критики, обвинений, клеветы.... Боле того, П. Бурдьё осторожно заявляет, что возможно в обществе существуют перцептивные конфигурации — социальные гештальты. «Если верно, что перцептивные конфигурации — социальные гештальты — действительно существуют, ... то, тем не менее, социально познанные и признанные различия существуют лишь для субъекта, способного не только ощущать различия, но и признавать их как значимые» [3, с. 68].

На наш взгляд, духовный компонент в той или иной степени выраженности неотъемлемо присущ любой деятельности социального агента, однако описывать его следует в иной концептуальной парадигме, нежели парадигма «социальное пространство», поскольку у этой компоненты невозможно зафиксировать метрико-морфологические характеристики — главный отличительный признак феномена пространства.

В противном случае следует пересмотреть базовую аксиому, принципиальное допущение, согласно которому пространство — это атрибут материи,

отражающий ее метрико-морфологические характеристики.

Общественные науки сегодня не обладают доказательством того, что феномены сознания можно оценивать с точки зрения их протяженности, или соподчиненности. Феномены сознания сами по себе не могут быть рассмотрены в русле теории социального пространства. Они могут стать предметом изучения в том случае, когда проявляются в деятельности человека и его результатах или анализироваться в иной научной парадигме.

Подведем итоги. Термин «социальное пространство» отражает попытку исследовать пространственные параметры социальных явлений. Его методологическое предназначение — выявить метрико-морфологические параметры социальных феноменов. В поле социальной формы существования материи пространственный фактор не только имеет специфические формы воплощения, но и ограничения: поскольку метрико-морфологические характеристики не присущи сознанию, постольку духовная компонента, взятая сама по себе, не может быть изучена в парадигме социального пространства.

Город с позиции теории социального пространства. Теория социального пространства активно и достаточно эффективно используется в градостроительстве, архитектуре, региональной экономике, социологии города и др. науках. Использование теории социального пространства в качестве методологической позволяет вывить в социуме существенные процессы и тенденции, важные как в теоретическом, так и практическом аспектах.

Город относится к числу тех многофакторных явлений, в описании которых с неизбежностью обнаруживается многообразие подходов, отражающихся в многочисленных попытках дать определение феномена «город».

В парадигме социального пространства город описывается с двух наиболее ярко выраженных позиций: как специфический предметный мир (материально-вещная компонента, овеществленная часть социального пространства) и как форма организации социума (личностная компонента) [5]. В первом случае город — это материализованная форма жизнедеятельности людей, во втором — специфическая социальная общность.

Как материализованная форма развития человеческой цивилизации город представляет собой особый тип поселения, территориально-пространственное образование. Это поселение людей в рамках относительно ограниченного пространства, отличающееся пространственной концентрацией, скоплением людей, жилищ, вещей, отношений. Город как пространственная организация характеризуется длительностью, долговременностью существования, особой пространственной организацией, проявляющейся в ее архитектурном облике. Город выделяется численностью его жителей (заметим, что для предания по-

селению статуса города значение имеет не некоторое абсолютное число жителей (12 тыс. или 250 человек), но факт численного преобладания населения на данной территории по отношению к окружению). Город имеет особое место в системе расселения: чем более крупным является город, тем более центральную позицию он занимает, являясь узлом связи, коммуникации, власти и пр. Город представляет собой искусственно созданную человеком среду обитания, систему, в которой происходит взаимодействие различных сред (социальных — экономических, политических, национальных, культурных и природных, экологических и пр.).

Как социально-территориальная общность город отличается тем, что в нем образуется особый социотип личности — горожанин, имеющий специфические психологические реакции, ценности и установки, поведенческие стереотипы. Своеобразие типа жизнедеятельности горожан фиксируется категорией «городской образ жизни». Городская социально-территориальная общность отличается спецификой выполняемых работ, деятельностью, которая определяется либо путем перечисления ее видов (городская деятельность — это в основном не сельскохозяйственная, но промышленная, производственная, торговая, научная и т. д.), либо через подчеркивание ее качественного своеобразия — это интенсивная, разнообразная, концентрированная, интегрированная, дифференцированная деятельность. Типичные для городской общности виды деятельности часто обозначаются как функции города.

Городская социально-территориальная общность существует в виде социально-стратификационной системы, в том числе по собственно социально-пространственному признаку выделяются городские социально-пространственные группы: политические (например, территориальные общественные самоуправления), экономические (товарищества жильцов, потребителей), социально-территориальные (толпа) [6].

Материально-вещная и личностная компонента города существуют в неразрывной связи. В контексте исторического подхода наибольшее значение имеет личностный элемент — город порожден трудом человека и в этом смысле как материально-вещное территориально-пространственное образование город вторичен. Город «умрет» в том случае, если его покинут люди. В то же время, будучи созданным, в процессе своего функционирования город как материализованная, овеществленная среда жизнедеятельности оказывает определяющее влияние на развитие социума: каждое новое поколение вступает в жизнь, социализируясь в рамках уже существующей, в том числе материально-вещной, среды. Именно в этом смысле можно оценить то огромное значение, которое имеет город для человека и человечества.

Сегодня в городах проживает чуть больше половины населения планеты, но место городов в зем-

ной цивилизации можно расценивать как доминантное. Города являются центрами земной цивилизации. Ни в одном другом типе поселений нет такой концентрации промышленности, науки, культуры — всего того, что создало человечество. Города — первоисточники всех социальных инноваций: открытия науки, достижения культуры, развитие техники, информация, политические решения, мода протекают из города, а не из деревни. Попадание человека в город предполагает лучшие условия его социализации. Город создает более комфортные условия для учебы, труда, быта, отдыха людей. Здесь у человека больше шансов получить хорошее образование, найти работу, развлечься. Многочисленность населения, мобильность жизни порождает особую атмосферу, которая отличается от атмосферы малых поселений.

Вместе с тем как пространственная целостность город достаточно противоречив. Большие размеры городов, большая протяженность поселения и высокая плотность концентрации населения — все это не только создает преимущества города, но и его недостатки. Так, в экономическом плане огромный город порождает массу проблем: большая протяженность коммуникаций приводит к их дороговизне, огромные усилия необходимы для бесперебойного и качественного обеспечения населения жильем, электроэнергией, пищей, теплом, одеждой. Одной из самых актуальных проблем города продолжает оставаться транспортная проблема. Многомиллионные скопления населения в рамках ограниченной территории — благоприятный фактор для распространения болезней, эпидемий. В большинстве городов мира продолжает оставаться острой экологические проблемы городов. К этому списку можно добавить обширный список социокультурных проблем — преступность, наркомания, проституция, бездомность, безработица.

Несомненно, каждая из перечисленных проблем порождается не только социально-пространственным фактором городской среды, но следует заметить, что этот фактор является обязательным компонентом, участвующим в ее возникновении, а в некоторых случаях этот фактор является решающим.

Как социально-пространственная целостность город образует «пространство мест» и «пространство сил». Пространство мест — оценка городской среды с точки зрения ее насыщенности различными элементами (например, промышленными предприятиями, культурными заведениями, местами отдыха и развлечений, торговыми или транспортными точками, концентрацией тех или иных национальных групп, бедных и богатых слоев населения и пр.). Пространство сил — оценка городской среды с точки зрения системы отношений и взаимосвязей — выявление интенсивности контактов, их характера (конфликты, разногласия, консенсус), степени влияния на ближайшие и отдаленные пространственные места.

Производимые человеком изменения в материально-вещной компоненте городского социального пространства влекут за собой и изменения в городской социально-территориальной общности. Так, например, в прошлом на Урале строительство на территории города крупных промышленных предприятий означало образование относительно независимых поселенческих микрорайонов, микрорайонов внутри города, так как промышленные предприятия брали на себя не только производственные функции, но и функции социальные — строили заводские школы, больницы, имели свой жилищный фонд и пр. Эта тенденция, хотя и в другой форме, продолжает действовать и сегодня. Так, появление в городах огромных торговых супермаркетов, в которых населению предлагается комплекс самых разнообразных услуг (промышленные и производственные товары, кафе, рестораны, парикмахерские, кинозалы и пр.) изменило поведение жителей — целью посещения таких комплексов стала не просто покупка, но и общение, развлечение, познание, отдых. Когда прибывающие в город эмигранты получают возможность компактно поселиться на территории города, они приобретают необходимое условие для образования своей национально-культурной общности.

Попадание человека в то или иное социально-пространственное место — будь то город в целом или отдельный район (гетто, элитный район, центр и пр.) — означает попадание в силовое поле, которое навязывает человеку определенные виды активности, стереотипы поведения и мышления. Глубокие социально-пространственные различия могут послужить одним из существенных факторов социальной напряженности и даже привести к конфликтам (например, конфликтам молодежных территориальных группировок).

В крупном городе социально освоенное пространство имеет большую ценность, чем просто территория (земля, участок) в черте города. Место в центре города или территория с хорошими коммуникациями, транспортными каналами стоит существенно дороже места на периферии города. Нередко городская территория становится предметом раздоров, конфликтов между разными социальными субъектами. При этом предметом спора может быть как количественный фактор (например, борьба собственников за размеры территории, за тот или иной участок земли), так и качественные факторы, определяющие ценность того или иного пространства (например, столкновения между жильцами, борющимися за чистоту и тишину в местах своего проживания, и автомобилистами, паркующими свои автомобили во дворах на газонах).

Обладание тем или иным местом в социальном пространстве является фактором престижа. Во многих российских, в том числе уральских городах проживание в центре города до сих пор считается бо-

лее престижным, нежели проживание на окраине. В каждом крупном городе есть «золотое гетто» — места проживания элиты, людей богатых, и своеобразные «черные гетто» — места проживания менее обеспеченных горожан.

Приведенные примеры показывают, что использование теории социального пространства применительно к феномену города позволяют выявить существенные факторы функционирования и развития города как средовой целостности. Знание противоречий и тенденций развития городского социального пространства может стать важным инструментом в управлении городом.

Изменения в городском социальном пространстве происходят как в результате внутренних процессов, так и под влиянием общемировых тенденций.

Города в глобальном социальном пространстве. Реальностью конца XX века стала глобализация. Глобализация — современный этап в развитии мировых интеграционных процессов. Это тенденция к образованию всемирной, единой сети отношений во всех сферах жизни общества — в экономике, политике, культуре и т. д. Сегодня глобализация — одна из наиболее актуальных исследовательских тем, волнующих мировое научное сообщество. Исследованию глобализационных процессов на уровне городов посвящены работы большого числа ученых. Теория социального пространства оказывается актуальной и эффективно работающей и при изучении глобализационных процессов на уровне городов.

Глобализация выражается в ряде новых явлений (форм), возникающих в разных видах социальной активности человека. В сфере экономической активности глобализация выражается в возрастании международных транспортных потоков, потоков товаров, услуг, капиталов, технологий. Усилились мировые инвестиционные процессы, всеобщее признание получила единая валюта (сначала доллар, а затем евро), возросла численность и усилилось влияние транснациональных корпораций (в настоящее время их насчитывается около 40 тыс.). В результате экономика отдельных государств и городов стала более зависимой от экономических процессов в других странах, во всем мире. В информационно-коммуникационной сфере глобализация проявляется в широком распространении новых средств связи, прежде всего компьютерных технологий, в создании сети Интернет. Благодаря Интернет стал более оперативным доступ к информации, люди в разных уголках планеты получили эффективный способ общения. В сфере политики усилились межгосударственные, межправительственные контакты, возросла роль международных организаций в решении актуальных проблем, затрагивающих разные страны. Сегодня все чаще процессы, происходящие внутри той или иной страны, становятся предметом пристального внимания со стороны мирового сообщества, вызывают реакцию в виде международной

помощи (или осуждения). В сфере культуры активно развивается межкультурная коммуникация, в том числе языковая. В сфере территориально-пространственного взаимодействия наблюдается усиление миграционных потоков. Причины этих потоков многообразны: поиск работы, нового места жительства, туристические поездки и пр. По оценке ООН сегодня примерно 50—80 млн. человек живут в странах, где они не родились.

Глобализация представляет собой новый этап в развитии цивилизации, возникновение единого социального пространства, усиление всемирных связей, контактов, отношений.

Развертывание глобализационных процессов сопровождается изменениями, происходящими как на уровне всей мировой урбанизационной системы в целом, так и на уровне внутригородских процессов.

Реальным проявлением глобализационных процессов на уровне городов является образование мегаполисов, агломераций и конурбаций — превращение городского социального пространства территорий в сгустки населения, огромные социально-экономические, политические и культурные центры. Мегаполисы представляют собой очень большие агломерации людей. Сегодняшние мегаполисы — 13 по классификации ООН — имеют население свыше 10 млн человек. Они служат узлами глобальной экономики, концентрирующими административные, производственные и менеджерские высшие функции на всей планете, контролируют средства массовой информации, «реальную политику силы и символическую способность создавать и распространять сообщения» [7, с. 378]. Предполагается, что вскоре в мире будет порядка тридцати мегаполисов с населением до 25 млн человек каждый, связанных между собой плотной паутиной электронных сетей, цифровыми спутниковыми телефонами, аэропортами с высокой пропускной способностью, особыми зонами торговли. К ним относятся Токио и Осака (Япония), Сан-Паула, Рио-де-Жанейро (Бразилия), Нью-Йорк, Лос-Анджелес (США), Сьюдад де Мехико (Мексика), Шанхай, Пекин (Китай), Бомбей, Калькутта (Индия), Буэнос-Айрес (Аргентина) Сеул (КНДР), Москва (Россия), Джакарта, Каир, Нью-Дели, Лондон, Париж, Лагос, Дакка, Карачи, Тяньцзинь. В стадии активного формирования находятся огромные китайские мегаполисы Гонконг, Шенчжень, Гуанчжоу, Макао, Чжухай.

Глобализационные процессы порождают новые учреждения, организации и отношения внутри городов. Они приводят к структурным сдвигам и возникновению новых тенденций в городском социальном пространстве. Главная отличительная черта этих процессов — нарастание интеграционных процессов в одних участках социального пространства сопровождается усилением процесса дифференциации в других участках. Образующееся новое социальное пространство иерархично, но его нельзя

представить как доминирование нескольких городов: различные процессы (финансовые, торговые, консалтинговые, информационные и пр.) идут с разной интенсивностью в разных участках этой сети.

Исследование глобального города, проведенное Саскией Сассен, [8] показало совместное господство Нью-Йорка, Токио и Лондона в международных финансовых и в большинстве консалтинговых и деловых услугах международного масштаба. Эти три центра, вместе взятые, охватывают в мировом финансовом обороте все часовые пояса и работают в системе бесконечных сделок как единое целое. При этом в некоторых специфических операциях важную роль играют и другие центры: Чикаго и Сингапур, Гонконг, Осака, Франкфурт, Цюрих, Париж, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Амстердам и Милан, Мадрид, Сан-Паулу, Буэнос-Айрес, Мехико, Москва, Будапешт.

Глобализационные процессы проявляются в изменении всей, в том числе и периферийной, системы мирового городского социального пространства. М. Кастельс отмечает, что в процессе разворачивания глобализационных процессов те виды деятельности и услуг, которые не требуют высокой квалификации, постепенно рассеиваются на периферию мегаполисов, на менее развитые регионы. При этом во всех случаях децентрализация конторской работы затрагивает второстепенные функции, а стратегия разрабатывается в крупных офисных корпорациях в центрах [7, с. 362].

Возникает многоэтажная система социально-экономического расслоения городского социального пространства. Научно-исследовательская, опытно-конструкторская работа, инновации и изготовление прототипов сконцентрированы в индустриальных центрах, с высоким уровнем жизни; квалифицированное изготовление деталей производится на отдельных заводах обычно во вновь индустриализованных областях на родине; полуквалифицированная массовая сборка и проверка в значительной части сконцентрирована на оффшорных предприятиях; приспособление электронных устройств к нуждам заказчика, послепродажное обслуживание и техническая поддержка организованы в региональных центрах и разбросаны по всему земному шару.

Глобализационные процессы, сближая города, в то же время ведут к еще большему обогащению богатых и обнищанию бедных, углублению пропасти и противоречий между центром и периферией, к разделению стран не включенные в современный мир и исключенные из него, к напряжению стратификационного поля городского социального пространства. Так, по мнению Кастельса, в разворачивающихся глобализационных процессах отмечается тенденция, при которой размещение полуквалифицированных рабочих на тех же территориях, на которых живут ученые и инженеры, «в господствующем социальном контексте экономически не выгодно и социально неуместно» [7, с. 364].

Возникают новые проблемы и в сфере занятости. С одной стороны, современное глобальное общество является обществом безграничных возможностей, обеспечивающим высочайшую производительность труда на базе новейших технологий. С другой, по мнению специалистов, для обеспечения эффективного функционирования индустриально-информационного общества достаточно 20 % наиболее квалифицированных работников, ученых и специалистов планеты. Сегодня они в подавляющей части уже интегрированы в эту систему. В связи с этим возникает проблема занятости остальных 80 % населения. Для поддержания на современном уровне мировых технологий в сельском хозяйстве на планете нужно 2—8 млн чел. А сейчас в нем занято 25—30 млн человек. Джон Гейдж, главный управляющий корпорации Sin Microsystems отмечает, что хотя у них работает 16 тыс. человек, им реально нужно всего 6—8 человек (!) [9].

Если мировое сообщество не найдет выхода из нарождающейся тенденции, то в будущем социальная структура поляризуется в отношении 20 : 80. При этом 20 % населения будут «иметь все», а остальные 80 %, лишённые полноценной работы, опустятся на социальное дно. В богатых странах уже не будет среднего класса. Обострится проблема взаимоотношений между группами, станет весьма вероятным всемирный социальный конфликт.

Сочетание пространственного рассеивания и глобальной интеграции дало новые стратегические направления развития крупных городов. М. Кастельс отмечает, что исторически долгое время города имели значение в качестве центров международной торговли и банковских операций. Теперь в новых условиях, города функционируют в четырех новых направлениях: во-первых, как командные пункты организации мировой экономики, отличающиеся высокой концентрацией хозяйственной деятельности; во-вторых, как основные резиденции финансистов и специализированных в сфере услуг фирм; в-третьих, как места размещения производства, включая производство инноваций в ведущих отраслях; в-четвертых, как рынки для производственных продуктов и инноваций [7, с. 360]. Иными словами, управление — финансы — услуги — производство — рынок — таково направление изменений в иерархии функций городов, включенных в глобальную систему городского социального пространства.

Как отмечалось выше, городское социальное пространство можно представить как «пространство мест» и «пространство сил». М. Кастельс считает, что «глобальный город — это не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные сообщества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальные сети на основе информационных потоков...» [7, с. 363], что истори-

чески укоренившаяся логика пространства мест дополняется сегодня новой логикой — логикой пространства потоков. Разделение труда по функциям, выполняемым по разным территориям важно, но не являются сутью новой пространственной логики. Возникает новая городская форма — информационный город. Это процесс, в котором структурно доминирует пространство потоков.

На наш взгляд, крупный город всегда был не только «местом», но и «потоком» — системой связей и отношений, связывающей его с другими городами и поселениями. В современных условиях было бы точнее говорить о значительном усилении этих процессов и большей, иногда доминантной роли в функционировании и развитии городского социального пространства. При этом следует согласиться с тем, что в отдельных случаях пространственная локализация может быть менее существенной, чем информационная.

В настоящее время глобализационные процессы в мире только начинают набирать силу, их будущее суммарное воздействие на цивилизацию вариативно, оно более четко проявится со временем.

Глобализация — явление противоречивое, в нем есть как положительные, так и отрицательные моменты, они могут быть стихийными и сознательными, являться как результатом естественного и постепенного развития мировых интеграционных процессов в сфере экономики, техники, культуры, так и представлять собой продуманную политику, которая учитывает (или не учитывает) интересы всех участников интеграционных процессов.

Глобализационные процессы пока не доминируют над внутригородскими процессами, они находятся в стадии развертывания. Так, наряду с усилением международных экономических отношений, экономика большинства стран и городов в значительной степени продолжает оставаться «закрытой экономикой». В настоящее время 72 % мировых иностранных инвестиций приходится на капиталовложение США, ЕС и Японии друг в друга [9, с. 62]. Не столь грандиозны и темпы распространения Интернет. К середине 2000 г. число пользователей Интернет на планете было близко к 304 млн. При этом 88 % пользователей жили в странах, численность населения которых составляет менее 15 % жителей планеты. В США и Канаде, где живет менее 5 % мирового населения, сосредоточено более 50 % пользователей Интернет. Да и там типичными пользователями сети являются не все социальные группы, а в основном мужчины моложе 35 лет, с высшим образованием и высоким уровнем доходов. Таким образом, современный пользователь всемирной информационной паутины — англоговорящий городской житель. В России число пользователей Интернет в настоящее время по некоторым оценкам составляет около 20 % населения страны, хотя темпы его распространения возрастают. При этом

доступ во «всемирную сеть» имеют в основном жители крупных городов (с численностью более 1 млн жителей), учащиеся и сотрудники вузов, НИИ, крупных государственных учреждений, промышленных и финансовых организаций. Большинство населения городов и сами города как целостности продолжают жить в логике пространства мест, воспринимая свою территорию как социально освоенное физическое пространство.

Сегодня, благодаря глобализационным процессам в городском социальном пространстве, мы становимся свидетелями возникновения единого, взаимосвязанного и взаимопроникающего мира. Издержки и выгоды процесса глобализации распространяются между участниками крайне неравномерно. Понимание глобализационных тенденций дает знание новых моделей развития мирового сообщества, позволяет человеку лучше ориентироваться в современную эпоху и более эффективно влиять на городское социальное пространство.

Литература

1. Краткий словарь по социологии. — М. : Политиздат, 1989. — 477 с.

2. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. / Ред.-коор. Осипов Г.В. — М. : М-НОРМА, 1998. — 480 с.

3. Бурдьё, П. Социология политики. Пер. с фр. / сост. общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко / — М. : Socio-Logos. 1993. — 333 с.

4. http://www.roerich.com/zip/nauka_31.zip.

5. Заборова, Е.Н. Социологический анализ городского социального пространства. Автореферат дисс. ... докт. соц. наук. — Екатеринбург, 1997.

6. Заборова Е.Н. Социология города: горожанин в системе городских групп. — Екатеринбург, 2001.

7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. культура. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 606 с.

8. Sassen, Saskia (1991) *The Global City: New York, London, Tokyo, Princeton, NJ*: Princeton University Press.

9. Ганс-Петер Мартин, Харальд Шульманн. Западная глобализация. Атака на процветании и демократию: Пер. с нем. — М., 2001.

10. Ракитянский, Н.М. Россия и вызовы глобализации // Социологические исследования. 2002. № 4.

ПРОБЛЕМА ЗДОРОВЬЯ И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Сохранение здоровья населения России, является одной из актуальных, приоритетных задач социальной политики страны. Это обуславливает необходимость проведения научных исследований и выработку методических и организационных подходов к сохранению здоровья, формированию и укреплению здорового образа жизни.

Проблемами здоровья занимаются многие науки. Каждая из них имеет свою предметную область, свои задачи в исследовании такого феномена как здоровье.

Социологическое видение здоровья состоит, прежде всего, в понимании его как сложного социального феномена, который отражает качество адаптации организма человека к условиям социальной и природной среды его обитания. Здоровый образ жизни рассматривается как совокупность представлений и неразрывно связанных с ними регулярных действий, позволяющих индивиду сохранять и укреплять здоровье.

На наш взгляд, человек может вести здоровый образ жизни тогда, когда он имеет представление и знания о том, что такое здоровье и как его укреплять и сохранять в процессе жизнедеятельности. Человек сам, учитывая мнения специалистов, должен находить единственно верные, оптимальные для него методы и способы сохранения здоровья, конструировать свой особенный образ жизни, который

в результате и будет приносить силу, уверенность, успешность, красоту, работоспособность, жизненную энергию, любовь к окружающему миру, замечательное моральное и физическое самочувствие и, конечно, отсутствие заболеваний, либо сведение их к минимуму. Такой образ жизни дает возможность человеку чувствовать себя здоровым и быть им, позволяет достичь здоровья физического, психического, а также и социального здоровья.

Далее обратимся к результатам проведенного нами в 2005 году в Челябинской области социологического исследования и рассмотрим сложившиеся представления населения о здоровье и здоровом образе жизни. Причем, особое внимание на наш взгляд заслуживают представления о здоровье, ориентации и установки на ЗОЖ сельского населения. Актуальность данной темы обоснована тем, что подобных исследований о состоянии здоровья и здоровом образе жизни людей в целом по стране проводится крайне мало. Что касается исследований, изучающих мнение жителей сел и деревень по вопросам здоровья, здравоохранения и здорового образа жизни, то в отечественной социологической науке подобные данные отсутствуют.

Наше исследование показало, что, по мнению респондентов, здоровье должно обладать одной из следующих характеристик, указанных в табл. 1.

Таблица 1

Мнения респондентов о характеристиках здоровья
(в % к числу опрошенных)

Здоровье — это	Сельская местность	Челябинская область	Город Челябинск
Полноценная жизнь	20,2	20,5	22,7
Главное в жизни, смысл жизни	9,3	9,9	10,0
Счастье, успех	11,4	9,0	9,5
Отсутствие болезни	12,6	10,4	10,3
Все, что есть у человека в жизни	5,8	6,8	5,1
Здоровый образ жизни, спорт	7,0	7,3	7,1
Гармония души и тела	3,2	5,4	8,1
Ценность, богатство	5,4	4,2	4,3
Активная жизнедеятельность	1,5	2,7	4,0
Долголетие	2,2	1,7	2,2
Физическое и психическое состояние человека	0,7	2,2	3,2
Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	1,7	1,8	1,6
Хорошее самочувствие	2,4	1,8	1,4
Здоровое питание	0,5	1,3	1,4

Таким образом, мы видим, что для большинства сельских респондентов, как и для жителей области в целом, сущность понятия «здоровье» сводится к полноценной жизни — 20,5 %. Здоровье, как отсутствие болезней, рассматривают 12,6 % опрошенных. К сожалению, такие характеристики, как физическое и психическое состояние человека и активная жизнедеятельность личности отметили только 0,7 % и 1,5 % жителей села, что намного меньше, чем в столице области. Обращает на себя внимание тот факт, что по основным характеристикам здоровья мнения жителей сельской местности и областного центра практически совпадают. Расхождения

наблюдаются по четырем характеристикам: гармония души и тела (3,2 % и 8,1 % опрошенных соответственно), активная жизнедеятельность личности (1,5 % и 4,0 %), физическое и психическое состояние человека (0,7 % и 3,2 %), здоровое питание (0,5 % и 1,4 % соответственно). Такое отношение к здоровью респондентов, на наш взгляд, вполне объяснимо. Оно обусловлено, прежде всего, типом поселения и образом жизни сельчан и жителей областного центра.

Что касается основных характеристик здорового образа жизни, то мы получили следующую картину (табл. 2).

Таблица 2

Мнения респондентов об основных характеристиках ЗОЖ (в % к числу опрошенных)

Характеристики ЗОЖ	Сельское население	Специалисты о пропаганде ЗОЖ	Представители органов власти
Отсутствие вредных привычек	30,4	18,7	22,7
Занятие физкультурой и спортом	9,6	26,0	22,7
Рациональное (хорошее) питание	7,8	20,4	9,4
Активный образ жизни	8,5	14,8	7,6
Соблюдение норм и правил сохранения своего здоровья	7,5	11,2	7,6
Соблюдение режима дня	3,9	5,6	1,9
Получение радости от жизни	4,7	5,6	—
Культура жизни человека	1,7	1,9	3,8
Будущее страны, нации	—	—	3,8
Здоровое общество	5,2	—	3,8
Хорошее настроение	2,2	5,7	—
Крепкая семья	1,2	1,9	3,8
Здоровые дети	2,2	1,9	1,9
Разумное отношение к досугу	2,4	1,9	3,8
Отсутствие стрессов	—	4,6	5,7
Успешность физическая и психологическая	0,6	3,8	5,7
Хорошее медицинское обслуживание	1,5	—	3,8
Долголетие	3,4	3,8	1,9
Красота	—	3,8	1,9

Для сельских жителей на первом месте в определении здорового образа жизни стоит отсутствие вредных привычек — 30,4 %, а занятие физкультурой и спортом и активный образ жизни указали более чем втрое меньше респондентов — 9,6 % и 8,5 % соответственно. Таким образом, наше исследование показало, что ближе всех к пониманию сущности здорового образа жизни, его характеристик и требований к нему подошли специалисты по пропаганде здорового образа жизни. Это можно объяснить рядом факторов. Во-первых, свою роль играет специфика профессии. Во-вторых, не стоит упускать из внимания тот факт, что данные специалисты, как правило, люди с высшим образованием

(80 %), что не может не отразиться на общей культуре личности и, в свою очередь, на отношении к здоровью и здоровому образу жизни.

Рассмотрев основные характеристики здоровья, перейдем к анализу места здоровья в системе жизненных ценностей респондентов.

Поле жизненных ценностей сельских жителей достаточно велико, но тем отраднее является тот факт, что бесспорное лидерство в ранговой шкале ценностей у них занимает здоровье: 88,8 % сельчан назвали его главной жизненной ценностью, это больше, чем в среднем по области — 81,8 %, и особенно в Челябинске — 76,5 %. Вместе с тем, достаточно очевидная высокая оценка здоровья как жизненной ценнос-

Прикладные аспекты социологических исследований

ти зачастую отражает преобладание в массовом сознании традиционного понимания здоровья как отсутствия болезни (12,6 % опрошенных).

Достаточно высокой ценностью для всех опрошенных является счастливая семейная жизнь

(табл. 3), материально обеспеченная жизнь, наличие хороших друзей, интересная работа, любовь. В целом иерархия жизненных ценностей выстроилась достаточно сходная как у жителей села, так и жителей областного центра.

Таблица 3

Мнения респондентов о наиболее значимых жизненных ценностях
(в % к числу опрошенных)

Ценности	Сельская местность	Челябинская область	Город Челябинск
Здоровье	88,8	81,8	76,5
Счастливая семейная жизнь	75,9	74,8	73,0
Материально обеспеченная жизнь	74,5	69,4	65,4
Наличие хороших и верных друзей	46,5	43,8	49,2
Интересная работа	39,7	40,4	42,2
Любовь	36,5	36,8	37,6
Общественное признание (уважение окружающих)	23,1	18,1	16,0
Активная, деятельная жизнь	14,6	13,2	11,4
Карьера	11,4	14,1	16,2
Постоянное познание нового	8,8	9,8	14,1
Удовольствия (жизнь, полная удовольствия)	6,3	9,7	10,8
Творчество (возможность творческой деятельности)	3,2	4,7	7,6

Обращает на себя внимание тот факт, что три из четырех респондентов (74,5 %) считают материально обеспеченную жизнь одной из главных жизненных ценностей. Ее значимость намного выше, чем значимость любви, карьеры, общественного признания. С одной стороны, это можно объяснить неустойчивым социально-экономическим положением в стране в целом, и в области, в частности, с другой — общемировой тенденцией, когда материальные ценности выходят на первый план. Сегодня не может не настораживать тот факт, что ценность творчества, познания нового и достижение карьеры не занимают ведущих мест, в системе жизненных ценностей жителей области.

Исследование показало, что ценность здоровья достаточно велика. Однако, здоровье населением области воспринимается как некая норма, существующий факт, вследствие чего внимание к достижению здоровья как высшей ценности значительно снижается.

Несмотря на то, что подавляющая часть сельского населения Челябинской области поставила здоровье на первое место в ряду жизненных ценностей, образ жизни не свидетельствует о том, что жители серьезно занимаются укреплением своего здоровья. На это указывает тот факт, что около 70 % жителей сельской местности, имея в день больше двух часов свободного времени, проводят его у телевизора. Распространены и такие формы досуга, как общение с друзьями, чтение литературы, прослушивание музыки, то есть пассивные формы

(12,2 % указали прямо — «ничего неделание»). Активные же формы досуга представлены крайне мало: спортом занимается около десяти процентов опрошенных, и еще 16,8 % совершают прогулки на природе. На прямой вопрос о том, что сами люди предпринимают для поддержания своего здоровья 11,9 % жителей села признались в том, что ничего не предпринимают. Все это говорит о том, что хотя ценность здоровья достаточно велика, стремление к нему, мотивация на здоровье и здоровый образ жизни не являются приоритетными для респондентов.

Перейдем к анализу информативного измерения отношения респондентов к здоровью и здоровому образу жизни, которое неотделимо от ценностного, от ориентации на здоровье как ценность.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет анализ того, как, по каким каналам, насколько регулярно респонденты получают информацию о здоровье и здоровом образе жизни.

Конкретизация основных требований здорового образа жизни и ценности здоровья связана с более четким представлением о том, существует ли потребность у респондентов в получении информации о здоровье и здоровом образе жизни, и какие знания и умения они хотели бы получить.

Исследование показало, что 66,3 % жителей области интересуются информацией о том, как сохранить и укрепить свое здоровье, а 64,3 % респондентов хотели бы получить больше такой информации. Какие же знания необходимы респондентам? Мнение респондентов отражено в табл. 4.

Таблица 4

Мнения респондентов о необходимых знаниях в области здоровья
(в % к числу опрошенных)

Знания о здоровье	Жители села	Медицинские работники	Специалисты по ЗОЖ
Методы профилактики стрессов и утомлений	46,2	42,3	51,9
Профилактика хронических заболеваний	32,1	44,2	35,2
Диагностика здоровья и физического состояния	31,4	19,2	33,3
Оказание первой медицинской помощи	19,5	30,8	22,2
Рациональное питание	19,2	42,3	20,4
Нетрадиционные методы и виды оздоровления	18,5	1,9	5,6
О программах по регуляции веса и коррекции фигуры	16,3	1,9	7,4
О вреде алкоголизма, табакокурения	15,8	57,7	25,9
О мероприятиях, проводимых органами здравоохранения	10,2	17,3	25,9
Культура сексуальных отношений	8,8	13,5	18,5
О вреде наркомании	6,1	30,8	13,0

Как мы видим, наиболее высок интерес к освоению методик профилактики стрессов и утомлений. Такая ситуация неудивительна. В настоящее время технологизация общества, переход к информационному обществу, обилие информации, в том числе, и на электронных носителях, неумение рационально планировать свои ресурсы (как временные, так и физические) делают особенно актуальной проблемой стрессов и утомлений.

Также респонденты заинтересованы в знаниях по диагностике своего физического состояния и здоровья и по профилактике хронических заболеваний (каждый третий). Но это не является основанием для недооценки важности других проблем — оказании первой медицинской помощи и рациональном питании (каждый пятый), о роли вредных привычек, о культуре сексуальных отношений, коррекции фигуры. Исследование показало, что расхождения во мнениях о необходимых знаниях о здоровье жителей села и областного центра незначительны. Вместе с тем, мы видим существенные расхождения во взглядах экспертов — медицинских работников, специалистов по пропаганде здорового образа жизни и сельского населения области по таким позициям, как знания о регуляции веса и коррекции фигуры и нетрадиционным методам лечения. Тот факт, что в процентном соотношении население, более чем две вышеназванные группы ориентированы на получение этих знаний опять-таки связан с особенностями данных групп.

Исследование показало, что каждый десятый сельский житель нуждается в знаниях о мероприятиях, проводимых институтами здравоохранения. Это является отрядным фактом. Вместе с тем, информированность респондентов оказывается весьма низкой. Это говорит о том, что институт здраво-

охранения не уделяет должного внимания рекламе проводимых им мероприятий. Подавляющее большинство респондентов указывает на то, что им необходима информация о мероприятиях, направленных на укрепление здоровья. Однако 79,1 % жителей села такой информацией не владеют. По мнению респондентов, владеющих данной информацией, главными источниками ее являются для жителей села: друзья, сослуживцы (35,4 %); органы здравоохранения (34,2 %); СМИ (29,3 %), реклама (щиты, транспаранты) (25,6 %); семья (20,7 %); школа (2 %). Для челябинцев на первое место выходят СМИ (73,3 %) и реклама (41,6 %). Такая разница во мнениях горожан и жителей села, на наш взгляд, может быть обусловлена типом поселения, наличием коммуникации, а также психологическими особенностями горожан и сельчан. Организаторам мероприятий необходимо учитывать этот фактор. Не может не радовать факт, что институту здравоохранения отводится существенная роль в информировании сельских жителей области. Вместе с тем, стоит обратить внимание на то, что школу, образовательное учреждение как источник получения информации о мероприятиях, направленных на укрепление здоровья, отметило лишь 2,4 % жителей села и никто из жителей г. Челябинска. Однако, как известно, именно школа должна предоставлять возможность молодому поколению овладевать знаниями, умениями, навыками здорового образа жизни.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, как бы поступали респонденты, если бы узнали о таких мероприятиях. С радостью участвовал бы сам и привел свою семью каждый четвертый житель села. Это говорит о том, что у сельских жителей Челябинской области имеется потребность не только в получении данной информации, но и потребность

Прикладные аспекты социологических исследований

в активном участии в мероприятиях, направленных на укрепление здоровья.

Таким образом, исследование показало, что жители в целом ориентированы не на общие, абстрактные знания о здоровье и здоровом образе жизни, а на конкретные, прикладные, практические знания и умения.

При рассмотрении приоритета различных каналов получения информации о здоровье и здоровом образе жизни, на наш взгляд, стоит рассмотреть отдельно мнение сельских жителей, населения Челябинской области и специалистов по пропаганде здорового образа жизни (табл. 5).

Таблица 5
Мнения респондентов об источниках получения информации о здоровье и здоровом образе жизни
(в % к числу опрошенных)

Источники информации	Сельское население	Население области	Специалисты по ЗОЖ
Передачи по телевидению	56,0	47,4	81,5
Чтение специальной литературы	24,3	22,7	48,2
От друзей	17,8	17,5	29,6
Передачи по радио	13,4	14,2	35,2
Беседа с медицинским работником	12,2	13,5	33,3
Чтение популярной литературы	10,7	11,6	37,0
Личный опыт	10,0	10,5	35,2
В трудовом коллективе	8,5	8,9	18,5
В семье	10,0	8,8	61,1
Реклама в газетах	12,7	8,5	—
В учебных заведениях	5,8	5,1	33,3
Реклама (по телевидению, в газетах)	—	—	27,8

Исследование показало, что мнение жителей села и области об источниках получения информации о здоровье практически совпадает. Как мы видим, наиболее популярным среди всех групп респондентов источником информации являются передачи по телевидению. Действительно, роль средств массовой информации в процессе получения знаний о здоровье и здоровом образе жизни очень значима. Но основная проблема заключается в том, что тематика здоровья, здорового образа жизни не охватывается в полной мере средствами массовой информации. Таким образом, нельзя говорить о полноценном информировании населения в сфере пропаганды здорового образа жизни через средства массовой информации, в частности, через газеты. Так, на рекламу в газетах как на источник информации о здоровье и здоровом образе жизни указало 8,5 % и 12,7 % жителей Челябинской области и сельских жителей соответственно.

Второй по распространенности канал получения информации о здоровье и здоровом образе жизни для селян и специалистов по пропаганде здорового образа жизни — чтение специальной литературы (24,3 % и 48,2 % соответственно). Этот факт свидетельствует о том, что респонденты заинтересованы в получении знаний о здоровье и здоровом образе жизни и ориентированы на получение этих знаний не случайным, ситуативным образом, а стремятся к построению четкой, структурированной системы знаний о здоровье.

Также большое количество респондентов используют персонализированный канал получения информации — референтные группы. Наше исследование показало, что на получение информации о здоровье и здоровом образе жизни серьезное влияние оказывают первичные референтные группы: компания друзей, семья и трудовой коллектив. Однако друзья являются более важным источником получения знаний для сельского населения области, чем семья и трудовой коллектив. (17,8 % опрошенных получают информацию от друзей, 10,0 % — от семьи, 8,5 % — от трудового коллектива). Учебное заведение не входит в перечень значимых источников информации для населения о здоровье и здоровом образе жизни.

Сложившаяся ситуация имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Дело в том, что при соответствующем воздействии референтной группы человек более активен при овладении знаниями. Но здесь возникает одна из важных социальных проблем — роль вредных привычек в формировании здорового образа жизни. Особенно остро стоит такая проблема перед сельскими жителями. Каждый пятый из опрошенных жителей села, по данным исследования имеет пьющих друзей.

В исследовании нас интересовал вопрос о желаемых источниках получения информации (табл. 6).

Как мы видим, желаемое не всегда совпадает с реальным. Ведущими каналами для населения про-

Таблица 6

Мнения населения и экспертов о наиболее эффективных источниках получения информации о здоровом образе жизни (в % к числу опрошенных)

Источники информации	Жители села	Медицинские работники	Специалисты по ЗОЖ
Телевидение	61,3	90,4	88,9
Выпуск спец. литературы	36,3	11,5	50,0
Радиовещание	18,5	65,4	40,7
Реклама медицинских организаций	17,3	15,4	22,2
Выпуск популярной литературы	15,1	36,5	40,7
Образовательные учреждения	9,5	9,6	16,7
Интернет	0,5	—	1,9
Друзья, знакомые	—	—	5,6
Активные формы пропаганды: праздники, массовые акции и т. д.	—	—	3,7

должает оставаться телевидение (61,3 %), по мнению экспертов, его роль и роль других СМИ в пропаганде ЗОЖ должна быть еще больше. Резко снижается роль друзей и знакомых в получении знаний о здоровье, возрастает потребность в каналах, дающих специализированные знания о здоровье и здоровом образе жизни. Это свидетельствует о заинтересованности респондентов в квалифицированном получении интересующего материала. Однако, как показало исследование, это не всегда возможно.

В целом можно говорить о том, что информационное измерение ЗОЖ сельского населения Челябинской области свидетельствует о его заинтересованности проблемами здоровья, стремлении к расширению и приобретению новых знаний в сфере формирования, укрепления и сохранения здоровья. Исследование показало, что существует несколько каналов получения информации о здоровье и здоровом образе жизни.

Здоровье человека относится к числу глобальных проблем, то есть тех, которые имеют особое жизненно важное значение для всего человечества.

Сегодня совершенно очевидно, что все отклонения в состоянии здоровья формируются в дет-

стве и юности и часто являются результатом нездорового образа жизни. Кроме того, экология, социально-экономические условия жизни, питание, развитие здравоохранения на современном этапе не отвечают требованиям общества. Поэтому для сохранения здоровья актуальной является задача обучения всего населения основам здорового образа жизни.

Формирование здорового образа жизни — это главный рычаг профилактики, а отражением сформированности ЗОЖ должно стать осознание не только права на здоровье, но и обязанности его укреплять. Вместе с тем, немногие взрослые могут ответить на вопросы о том: «Из каких компонентов складывается здоровье? Что такое здоровый образ жизни?» — не говоря уже о детях. А ведь именно знания о здоровье и навыки формирования здорового образа жизни являются залогом будущего нации. Все это говорит о необходимости конструктивной теории, касающейся проблем здоровья и здорового образа жизни, определяющей место каждого социального института (семьи, образования, здравоохранения и др.) в выполнении этих главных задач социальной политики.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТОМ СПОРТА

В последние годы спорт изучается разными отраслями научного знания, каждая из которых создает свое представление о нем как предмете исследования. Однако социологический ракурс проблемы спорта, особенно социальные процессы его управления остаются недостаточно исследованным.

Интерес к решению проблем управления спорта как социального института в развитии личности определяется многими обстоятельствами. Современная цивилизация в значительной степени преобразует окружающую среду, социальные институты, самого человека. В этой связи спорт оценивается как неиссякаемый источник общественных нововведений. Отсюда становится понятным стремление современных исследователей выявить потенциал спорта как социального института, найти его внутренние резервы и новые возможности действенного управления этим социальным институтом, особенно в развитии личности.

Обострившийся в современной социологии интерес к спорту как фактору социального развития привел к значительному прогрессу в этой области знаний. В 1960—1990 гг. в социологии спорта сформировалась отечественная теория спорта и личности, которая в настоящее время является методологической основой изучения личности в спорте. В её контексте осуществляются исследование социальных взаимодействий личности в различных аспектах. Поэтому вполне естественно, что теория спорта и личности стала также и методологической основой разработки темы исследования. Вместе с тем, в этой теории недостаточно разработана роль спорта как социального института в развитии личности, социальная роль управления этими процессами в различных видах спорта, так же в социологической науке таких исследований еще не проводилось. Поэтому актуальность исследования данной научной проблемы объясняется теоретическими и практическими потребностями социологической науки [1, с. 78].

Развитие теории социологии спорта и личности в историческом плане неразрывно связано с возрастающими социальными функциями спорта в современном обществе: воспитательной, оздоровительной, профилактической, зрелищной, миротворческой, культурной, развлекательной, производственной, рекреационной, коммуникативной функций, физического совершенствования личности, преобразования человеческого организма в целях его приспособления к выполнению задач, диктуемых потребностям общественного развития, функции разумной организации досуга, социального интегрирования и др.

Один ретроспективный анализ подготовки и участия элиты мирового спорта в олимпийских, миро-

вых, европейских и других крупных соревнованиях показывает, что современные рекордные достижения в спорте являются конечным результатом совокупной управленческой деятельности, интеллектуальной и телесной энергии широкого круга специалистов, материализованной в учебно-тренировочном процессе [2, с. 96].

Проблемы современного процесса управления этим специфическим социальным институтом и его роль в развитии личности являются центральными и доминирующими факторами спортивных достижений и управляющей модели современного мирового спорта. Феномен спорта как социального явления чаще всего определяют через ценностные ориентации. Современное понимание проблематики управления спорта как социального института, а также цель нашего исследования, направленного на управление спортом как социальным институтом и его роль в развитии личности, предполагают использование теории социального развития, социального статуса, социальных отношений, группового поведения, системного и целостного подхода к раскрытию этого управляемого явления как феномена. В настоящее время спорт в нашей стране не оправдывает социальных ожиданий, переживает кризисный период. Сложившаяся ситуация является следствием неразработанности социологии физической культуры и спорта, управленческого, культурологического, психологического, валеологического, социального аспектов спорта, его односторонней ориентации на телесное развитие личности. Негативные результаты усугубляются социально-экономической ситуацией в стране.

Одной из главных задач сейчас является не только изучение причин и природы кризиса социального института спорта, но и поиск путей выхода из него, а также конкретная работа каждого специалиста по развитию теории управления социальным институтом спорта и его влияния на личность. Этим объясняется пристальное внимание к этой проблеме и ученых, и практиков.

В данном исследовании предпринята попытка решения этой задачи. При этом основной акцент делается на социальную значимость управления социальным институтом спорта и его роли в развитии личности посредством социального института спорта как многофакторного явления.

В отличие от традиционного понимания спорта, как специфической человеческой деятельности, направленной на подготовку и проверку (в соревнованиях) ряда психофизических и интеллектуальных возможностей индивидов и команд в противоборстве

(прямом или опосредованном) с соперниками, с использованием (и без) технических средств и животных мы определяем понятие спорта с различных методологических позиций социологии, отражающих систему понятий, а не произвольный набор терминов. В нашем исследовании предпринята попытка всестороннего анализа влияния различных аспектов управления всего социального института спорта в совокупности разновидностей, направленного на развитие и социализацию личности спортсмена и других категорий спортивной сферы [3, с. 17].

Однако до сих пор исследование целостно-смыслового аспекта управления социальным институтом спорта и его влияние в развитии личности остается наиболее дефицитным и наименее востребованным.

Актуальность поставленной проблемы определяется также и тем обстоятельством, что в условиях перехода России в новую эпоху государственного строительства появляется потребность научно проанализировать социальные функции управления социальным институтом спорта не только в отдельном взятом регионе, но и в их историческом развитии.

В социологической науке уже имеются работы, в которых анализируются проблемы управления и место спорта как социального института в развитии личности. В частности, эти проблемы рассматривались отечественными социологами, теоретиками и практиками физической культуры и спорта: А.Г. Антипов, И.А. Арнольдов, С.Н. Артановский, М.М. Бахтин, В.К. Бальсевич, Н.А. Бернштейн, Е.В. Боголюбова, А.П. Бондарчук, И.М. Быховская, С.М. Вайцеховский, Ю.В. Верхошанский, Н.Н. Визитей, А.Н. Воробьев, Л.С. Выгодский, М.А. Годик, В.Н. Горелова, Д.М. Давыдов, Д.Д. Донской, В.М. Дьячков, Ю.А. Жданов, В.И. Жолдак, В.П. Зацюрский, Н.В. Зимкин, Н.С. Злобин, М.С. Каган, А.М. Коц, В.А. Креер, А.Н. Крестовников, А.Н. Леонтьев, Л.П. Матвеев, Н.Г. Озолин, В.В. Орлов, В.В. Петровский, В.Н. Платонов, Н.А. Пономарев, Н.И. Пономарев, А.Ц. Пуни, И.П. Ратов, П.А. Рудик, В.И. Столяров, В.Н. Стегний, А.А. Тер-Ованесян, З.И. Файнбург, В.С. Фарфель, В.П. Филин, В.И. Хорев, Б.Н. Шустин, С.В. Янанис и др.

Анализ исследований проблемы роли управления спортом как социальным институтом в развитии личности показал, что он сконцентрирован в основном вокруг следующих групп вопросов:

— философско-методологические аспекты данной проблемы исследовали: И.В. Бестужев-Лада, Л.П. Буева, В. Гумбольдт, Д.И. Дубровский, А.Г. Здравомыслов, Э.В. Ильенков, И.С. Кон, В.П. Кузьмин, В.А. Лекторский, В.В. Орлов, Г.П. Щедровицкий, В.И. Хорев, В.А. Ядов и др.;

— общепсихологические аспекты проблемы развития разработали: Л.И. Божович, Е.И. Головаха, А.М. Кухарчук, И.С. Кон, Т.В. Кудрявцев, В.С. Мухина, А.Б. Орлов, М.Х. Титма, А.Б. Ценципер, П.А. Шавир, И.Г. Шендрик и др.;

— социологические и культурологические аспекты социализации личности через разные социальные институты исследовали: А.Д. Боронников, В.Н. Горелова, В.В. Левченко, Н.Н. Измоленова, Н.З. Коротков, О.С. Красноперова, О.Л. Лейбович, Р.Т. Насибулин, В.Д. Разинская, М.А. Слюсарянский, В.Л. Семенов, Н.С. Смольников, Б.Г. Семеринский, Е.С. Шайдарова и др.

— социально-перцептивные аспекты развития, связанные с особенностями рефлексии, самооценки, самопознания и познания других людей раскрыли: А.А. Бодалев, Ф.Е. Васильюк, А.И. Липкина, Е.Т. Соколова, В.В. Столин, В.Н. Стегний, Е.О. Федотова, З.И. Файнбург, Т. Шибутани и др.

— социальные проблемы личности и ее социализации исследовали: Н.И. Измоленова, Н.З. Коротков, О.С. Красноперова, О.Л. Лейбович, В.Д. Разинская, М.А. Слюсарянский, В.Н. Стегний и др.

Роль телесного развития личности тесно связывали с социальной адаптацией и развитием, самосовершенствованием личности в процессе спортивной деятельности такие ученые, как И.М. Быховская, З. Кравчик и др.

Исследователи спорта как социального института: В.К. Бальсевич, В.В. Белорусова, Ю.М. Блудов, В.А. Бобровский, С.В. Брянкин, И.М. Быховская, Н.Н. Визитей, П.А. Виноградов, Г. Воинебергер, А. Воль, В.М. Выдрин, Б.А. Вяткин, Г.В. Дремова, А.Г. Егоров, В.И. Жолдак, Н.В. Кортаева, В.Г. Кудрявцев, Ж.В. Кудрявцева, А.М. Лентюк, Л.И. Лубышева, Г. Люшен, Л.П. Матвеев, Л.Г. Матрос, О.А. Мильштейн, Ю.М. Новиков, Р.А. Пилоян, В.А. Плахтиенко, Н.И. Пономарев, Н.А. Пономарев, В.И. Столяров, В.Н. Стегний и многие другие показали как на его развитие (содержательном наполнении, тенденциях общественного признания или отвержения) сказывались принятые в том или ином обществе, а точнее — в определенных социальных группах — нормативы «телесного контакта», его допустимости или неприемлемости.

Изучение трудов отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод, что уже достигнуты определенные успехи в исследовании проблем управления социальным институтом спорта, вопросов формирования всестороннего развития личности посредством спорта. Однако в теории социологии пока, по нашему мнению, недостаточно работ, где эта проблема рассматривалась бы прямо. Управление социальным институтом спорта и развитие личности в нем в социологической теории еще недостаточно фундаментально исследованы и проанализированы. Не представлены работы, в которых бы эта проблема исследовалась одновременно на теоретическом и практическом уровнях.

Теоретическую основу исследования составляют труды классиков, вошедших в историю мировой социологии: О. Конта, К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Сорокина, Э. Дюркгейма, М. Вебера и др. Их со-

Прикладные аспекты социологических исследований

циологическое наследие дает возможность методологически верно понять как исходные, базовые понятия социальных процессов и явлений, так и специфическую проблематику управления социальным институтом спорта и социализации личности, социальное значение спорта, а также раскрыть само понятие спорта и его роль в развитии личности в различных аспектах спортивной деятельности, их диалектическое развитие.

Проблема управления спортом, особенно в развитии и самоопределении (СО) личности, относится к числу проблем, которые активно разрабатываются не только педагогами и психологами (М.Р. Гинзбург, Л.М. Карнозова, Г.П. Ников, А.В. Петровский, Н.В. Самоукина, В.Ф. Сафин, П.А. Шавир и др.), но и социологами, и философами (Н.Н. Визитей, Ю.А. Жданов, В.В. Орлов, В.М. Межуев, Л.Е. Шорохова, В.И. Хорев, П.Ф. Кенкман, З.И. Файнбург, В.Н. Стегний и др.).

Теоретической и методической базой данного исследования является системный подход, в границах которого используется структурно-функциональный, конкретно-исторический, сравнительно-социологический, программно-целевой методы. Специфика исследования предопределила использование междисциплинарного подхода. В своей работе автор опирается прежде всего на труды исследователей в области социологии управления.

Проблема управления социальным институтом спорта и развития, самоопределения личности в ее социологическом, психолого-педагогическом аспектах поистине неисчерпаема. Она рассматривается как проблема определения человеком себя в мире профессий, человеческих отношений, социальных изменений и т. д. В общем виде феномен управления процессом развития можно охарактеризовать как способность личности решить стоящую перед ней проблему, основанием для принятия решения которой является осознание собственных убеждений, мотивов, ценностей.

Таким образом, имеется обширный материал по проблемам социализации личности, социальных взаимодействий людей. В то же время ощущается серьезный недостаток исследований социальной структуры управления различных видов спорта, особенно в различные исторические периоды развития общества в целом и России в частности, а в последние годы — в период структурной перестройки социально-экономического уклада жизни и деятельности всех слоев общества, смены общественного строя, влияния спорта на развитие личности, особенно молодежи, что и определило выбор темы исследования.

Изучение трудов отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод, что уже достигнуты определенные успехи в исследовании проблем управления социальным институтом спорта, вопросов формирования всестороннего развития личности посредством спорта [4, с. 42].

Однако в теории социологии управления пока, по нашему мнению, недостаточно работ, где эта проблема рассматривалась бы прямо. Проблема развития социального института спорта посредством социального управления и его влияния на развитие личности спортсмена еще ждет своего тщательного исследования. Всего лишь некоторые стороны этой комплексной проблемы в работах по смежной проблематике затрагивают отечественные и зарубежные ученые. Почти нет также работ, в которых бы эта проблема исследовалась одновременно на эмпирическом и теоретическом уровнях. Совокупностью указанных обстоятельств объясняется выбор рабочей гипотезы, объекта, предмета и цели исследования.

Рабочая гипотеза: в основу исследования положена роль управления спортом как социальным институтом в гармоническом развитии личности. В нашей стране эта идея на протяжении многих лет использовалась в различных концепциях и программах в виде декларации достижения телесного совершенства. Однако единение телесного развития с духовностью личности было чисто внешним; оно ни в теоретическом, ни в практическом смысле слова не создавало из двух начал единой целостности. Такое положение дел не давало конкретных оснований для отнесения сферы телесного к истинно культурному, социальному. Кроме того, необходимо учитывать социальную сущность личности и пришло время по-новому посмотреть на роль управления спортом как социальным институтом в развитии личности [5, с. 44].

Спорт как ни одна другая сфера содержит большой потенциал воспроизводства личности как целостности в своем телесно-духовном единстве. Но именно через личность происходит воздействие и на общество. Следовательно, спорт и спортивная деятельность оказывает большое влияние на развитие личности спортсмена путем самосовершенствования личности с помощью спорта. Поэтому спортивная деятельность приобретает большую общественно полезную значимость, ибо ее предметом, целью и главным результатом является развитие самого социального института спорта и личности спортсмена. Происходит управленческое взаимовлияние личности на развитие спорта и спорта на развитие личности самого спортсмена.

Объектом исследования является спорт, рассматриваемый как социальный феномен, как специфический социальный институт, а также процессы и изменения, происходящие в отношении личности к спорту в современном обществе.

Предметом исследования является анализ места и роли управления спортом как социальным институтом на содержание развития личности спортсмена в различных видах спорта, а также выделение социальных факторов, обуславливающих этот процесс у студенческой молодежи.

Цель исследования заключается в изучении роли управления спортом как социальным институтом в развитии личности, анализе современного состояния и тенденций его развития с позиций системного, деятельностного и ценностного подходов. Реализация этой цели предполагает решение ряда теоретических и практических задач. Основные задачи исследования были направлены на то, чтобы:

- проанализировать современное состояние управления спортом как социальным институтом;
- рассмотреть и обосновать содержание понятия «спорт» с точки зрения социологии управления;
- исследовать место и роль управления спортом как социальным институтом в развитии личности;
- разработать методику комплексного социологического исследования роли управления спортом как социальным институтом в развитии личности;
- определить управление в олимпийских видах спорта;
- изучить роль управления в неолимпийских видах спорта в формировании личности;
- рассмотреть системы управления новых видов спорта и становление личности;
- проанализировать современное состояние управления в различных видах спорта в России и их влияние на социализацию личности;
- раскрыть содержание управления студенческим спортом как социальным институтом и его роль в развитии личности студентов, а также выделить факторы, влияющие на этот процесс.

Указанная цель и задачи исследования определили социологический статус работы. Будучи теоретической основой мировоззрения, превращения общественного сознания в общественную силу, социология интегрирует частные знания, целостно представляя науку о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества, а применительно к конкретному предмету исследования — его целостную теоретическую модель. Рассмотрение управления спортом как социальным институтом и его роль в развитии личности в силу специфического, частного характера таких конкретных наук, как история, педагогика, психология, медицина, валеология, культурология и др. не может обеспечить целостного понимания данного явления.

Эмпирическую основу исследования составили: а) данные реальной спортивной практики в ведущих странах мира, СНГ, России, Урала, Пермской области, Перми; б) результаты комплексного социологического исследования ведущих спортсменов и тренеров Урала, Пермской области, студентов вузов Перми и области; в) собственный 49-летний опыт спортивной, преподавательской, тренерской и административной работы; г) результаты конкретно-социологических исследований, проведенных в различных странах другими учеными и специалистами, а также результаты собственных исследований, в которых участвовало более 20 000 респондентов: сре-

ди них — 5 000 спортсменов региональных соревнований по различным видам спорта, 2 000 тренеров различной квалификации и различных видов спорта, 3 000 участников балов олимпийцев Урала, которые проводились с 1989 по 2004 гг.; д) материалы Международных, Всероссийских научно-практических конференций, сборников различных уровней. Дополнительно автор использовал также данные конкретных социологических исследований, проведенных в 1984—2005 годах: а) архивные данные социологической лаборатории Пермского государственного технического университета; б) документы спортивных организаций и обществ в Государственном архиве Пермского края по различным видам спорта за всю историю существования Прикамья; в) материалы средств массовой информации; г) данные Госкомстата России, Федерального агентства по физической культуре и спорту, других статистических данных.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- определено понятие спорта как социологической категории и социального института, а также роль социального управления в его развитии;
  - разработана методика эмпирического комплексного социологического исследования для анализа роли управления спортом как социального института в развитии личности современной молодежи на примере студентов вузов Пермской области;
  - исследована роль управления спортом как социальным институтом в развитии личности одновременно на теоретическом и эмпирическом уровнях социологической теории;
  - выявлены основные тенденции развития управления спортом как социальным институтом в современном обществе;
  - проанализировано влияние управления в различных видах спорта на развитие личности;
  - предложена типология управления развитием личности в процессе занятий спортом;
  - рассмотрена роль социальных факторов управления, влияющих на социализацию личности через спорт;
  - в результате проведенных социологических исследований выявлено конкретное содержание роли управления в социальном развитии личности в олимпийских видах спорта, в неолимпийских видах спорта, в новых видах спорта, современных для России видах спорта и в студенческом спорте.
- Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней осуществлен социологический анализ понятия социального управления спортом, рассмотрено развитие личности в нем. Спорт как универсальный многофакторный феномен и составляющий компонент всех видов культуры рассмотрен в качестве непрерывного процесса, развивающегося от низшего к высшему, меняя свои формы и содержание, оказывая на развитие личности все большее воздействие. В исследовании проведен социологи-

ческий анализ различных видов спорта, его исторического развития, становления и современного состояния. Раскрыта роль и значение спорта как социального института в развитии личности.

Социальный институт спорта постепенно оформился к концу 20-х годов XX века в самостоятельную отрасль социальной жизни. В настоящее время он представляет собой особый социальный институт и отвечает основным требованиям институализации: выполняет четко определенные социальные функции (оздоровительную, воспитательную, образовательную и т. д.); имеет развитую инфраструктуру и материальную базу (стадионы, спортивные залы, оздоровительные центры и т. д.); ведет активную подготовку профессиональных кадров [6, с. 43].

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно направлено на разработку основных проблем управления социальным институтом спорта и заключается в возможности совершенствования развития личности, используя конкретные рекомендации по формированию собственного самопознания, самосовершенствования и саморазвития. Кроме того, в педагогическом и социологическом плане выводы и рекомендации работы могут быть использованы практиками спорта и тренерами в развитии личности спортсменов, при чтении курсов по социологии физической культуры и спорта, социологии управления, социологии личности, валеологии, педагогике и т. д.

В условиях формирующихся принципов рыночных отношений в экономике вузы качественно перестраивают подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым практикой. Эти требования в полной мере относятся и к сфере физической культуры и спорта. Анализ их взаимодействия в подготовке студентов, занимающихся спортом и осваивающих требования учебных дисциплин вуза, позволяет выявить их новые отношения в существующих реалиях. Важную роль в этом играет дисциплина «Физическая культура» — действенное средство формирования общей культуры, психофизического становления и профессиональной подготовки высококвалифицированного специалиста.

В настоящее время неразработанность социальных, правовых, управленческих, экономических и организационных основ деятельности государственных и общественных структур затрудняет развитие студенческого спорта в университетах страны. Отсутствие систематизации данных об ответственности за реализацию студенческого спорта и условий его нормативного обеспечения со стороны как федеральных, региональных структур, так и вузов, ограничивает возможности студентов в занятиях избранным видом спорта. Следует констатировать, что федеральные требования к формированию у студентов физической культуры личности и способности направленного использования разно-

образных средств физической культуры, спорта и туризма сегодня носят декларативный характер.

На основании многолетних социологических исследований выявлены наличие разных уровней студенческого спорта в высшем учебном заведении и недостаточная теоретическая разработанность вопросов повышения спортивного мастерства студентов. Данная проблема усугубляется отсутствием систематизации в подходах к определению уровня компетенции и согласованности деятельности уполномоченных государственных структур в сфере как физической культуры, спорта и туризма, так и образования. Кроме того, происходящие перемены, обусловленные организационным становлением студенческого спорта в нашей стране, необходимо соотносить и интегрировать с существующей международной системой студенческого спорта и деятельностью Всемирной федерации студенческого спорта.

Теоретической основой исследования явились также законодательные документы и нормативные акты Российской Федерации по социально-экономическим, управленческим и правовым проблемам, научные работы по управлению и экономике физической культуры и спорта, теории физической культуры и социологии управления. Анализ документальных и статистических данных ДСО «Буревестник», Российского студенческого спортивного союза (РССС), а также результаты проведенного анкетирования студентов и интервьюирования профессорско-преподавательского состава вузов подтвердили актуальность постановки проблемы.

Выявлено, что возможность для студентов продолжать заниматься спортом в период учебы — один из ведущих мотивов для поступления в вузы. По результатам анкетирования спортсменов высокого класса (МСМК и МС) и квалифицированных спортсменов (КМС и 1-й разряд) при указании наиболее значимых причин поступления в вуз, выяснилось, что желание получить специальность не является доминирующим у 26,9 % студентов [7, с. 9].

Изучение информационных документов, обобщение опыта международного спортивного студенческого движения (бюллетени, материалы научно-исследовательских институтов и данные, полученные в ходе исследования) и национальных программ развития студенческого спорта других стран позволили выявить специфику развития студенческого спорта и его взаимосвязь с организацией курса «Физическая культура» в университетах за рубежом. Наиболее подробно подходы к развитию студенческого спорта исследовались на примере крупнейших университетов США, Германии, Франции, Англии [8, с. 69].

Анализ полученных данных позволяет сделать обобщение:

— студенческий спорт во многих странах является основой национальной спортивной политики,

а потому регулируется государственными законами и нормативными актами; для университетских спортивных соревнований характерно многоуровневое построение;

— все больше студентов участвуют в спортивных программах университетов; международные спортивные организации оказывают помощь различным странам мира в связи с неравномерностью развития университетского спорта; наблюдается возрастание роли университетов в развитии движения «Спорт для всех», что отвечает интересам развития вузов; возможность продолжить занятия в избранных видах спорта предоставляется студентам в спортивных клубах вуза, функционирующих на основании заключенных с ними договоров; различаются подходы к государственной поддержке студенческого спорта (от прямого целевого финансирования до предоставления различных налоговых льгот).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости установления основ государственной политики и государственных гарантий Российской Федерации в области социального института спорта в различных его видах, особенно, студенческого спорта с определением уровней компетенции федерального центра, субъектов Федерации, местного самоуправления и непосредственно самого высшего учебного заведения.

1. Принципами, выполнение которых позволяет свидетельствовать о реализации приоритетов государственной политики в сфере студенческого спорта, являются:

— поддержка и признание права всех студентов в период обучения в высших учебных заведениях Российской Федерации заниматься спортом в целях физического и спортивного совершенствования;

— суверенность прав субъектов Российской Федерации в определении собственной политики в сфере студенческого спорта в части реализации национально-территориальных и региональных программ развития студенческого спорта;

— непрерывность и преемственность развития студенческого спорта на всех уровнях среднего специального и высшего профессионального образования;

— интеграция системы студенческого спорта средних специальных и высших учебных заведений при сохранении и развитии традиций и достижений российского студенческого спорта в международную систему студенческого спорта.

2. Определение характера и условий взаимодействия государственных и общественных форм деятельности и высшего учебного заведения в обеспечении успешности занятий студентов спортом позволяет выявить организационную структуру студенческого спорта, которую представляют: объекты (сту-

денты и аспиранты вузов, спортивные клубы, физкультурно-спортивные центры и физкультурно-спортивные организации вузов, региональные студенческие спортивные ассоциации и федерации, Российский студенческий спортивный союз); атрибуты (признаки, определяющие условия и возможности состязательной деятельности студентов); отношения (в сфере дифференциации уровней спорта, статуса соревнований); порядок подчинения (главенство федеральных требований); иерархическое строение студенческих спортивных соревнований (собственно вузовские, ординарные, главные).

3. Социально-управленческие основы развития студенческого спорта необходимо рассматривать как совокупность государственных и общественных форм деятельности, осуществляемых в целях физического и спортивного совершенствования студенческой молодежи, удовлетворения ее интересов и потребностей, подготовки спортивного резерва для сборных команд России.

Литература

1. Актуальные проблемы физической культуры и спорта Пермского края / Материалы научно-практической конференции // ПГТУ, — Пермь, 2005. — 92 с.
2. Физическая культура и детско-юношеский спорт как средство сотрудничества / Материалы научно-практической конференции // УрГПУ, — Екатеринбург, 2006. — 248 с.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Приложение к приказу Минобразования России от 11.02.02 за № 393. — 29 с.
4. О совершенствовании процесса физического воспитания в образовательных учреждениях Российской Федерации. Приказ Минобразования России, Минздрава России, Госкомспорта России и РАО от 16 июля 2002 г. № 2715/227/166/19 // Вестник образования России, сентябрь 18, 2002. — С. 38—44.
5. Приоритетные направления в развитии науки о физическом воспитании и спортивной подготовки детей и юношества // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка, 1997, № 2. — С. 62.
6. Энциклопедический справочник медицины и здоровья. — М.: Русское энциклопедическое товарищество. 2002. — 960 с.
7. Степанова, Г.А. Физическое воспитание в формировании здорового образа жизни / Г.А. Степанова, Г.А. Булатова, Р.М. Гимазов // Социально-экономическое развитие общества: система образования и экономика знания: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2004. — 324 с.
8. Васильев, И.А. Мотивация и контроль за действием / И.А. Васильев, М.Ш. Магомед-Эминов. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 144 с.

МОЛОДЫЕ ВЗРОСЛЫЕ: ТИПОЛОГИЯ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ С ЖИЗНЕННЫМИ ТРУДНОСТЯМИ

Совладание как предмет социологического анализа. В отечественной социологической литературе последних лет публикации, посвященные исследованиям совладания с жизненными трудностями — не редкость¹. Данный теоретический конструкт прочно входит в арсенал российской социологии, позволяя раскрыть адаптационные механизмы, действующие как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Однако акцент в опубликованных исследованиях делается, прежде всего, на процессе совладания. Это вполне закономерно, поскольку сам феномен совладания предполагает процессуальность — осознание, номинацию, выбор из альтернатив, действие². В этом смысле заниматься типологизацией жизненных трудностей (а не стратегий совладания) — на первый взгляд менее увлекательное предприятие. Но, безусловно, не менее (если не более) важное. Типологизировать трудности, являющиеся источником совладающих стратегий, — значит раскрыть первопричины, найти источник, который, возможно, является детерминирующим фактором для формирования стратегий совладания. Решению этой задачи, до сих пор не представленной в литературе, посвящена данная статья.

«Молодые взрослые» как объект социологического анализа. Особенность представленного исследования является обращение к специфической, но весьма важной группе — группе людей молодых, но уже занимающих опорные позиции в обществе, так называемых «молодых взрослых».

Термин «молодые взрослые», которым мы обозначаем объект, заимствован из исследований М. Розенберга 1960-х гг. и отражает маргинальное

положение этой социально-демографической группы. Молодые взрослые получали среднее образование (полное или неполное) «еще при социализме», их можно назвать поколением (четвертым по счету), полностью воспитанным советской общественной системой. Жизненные ориентации, установки и планы тех, кому сегодня 35—39 лет, были заложены в другом социально-экономическом и политическом строе. Первичное профессиональное образование когорты получала в середине 1980-х гг., и время ее активного вхождения в социальную жизнь совпало с нестабильной общественной ситуацией. Периода зрелости поколение достигло, когда реформы в российском обществе приобрели более или менее устойчивый характер. С одной стороны, новые рыночные структуры были довольно быстро освоены ими в силу имеющихся ко времени реформ профессиональных знаний в сочетании с недолгим трудовым опытом. Это увеличивало шансы продвинуться в общественном положении. С другой стороны, поколение проигрывает более молодым, родившимся всего на несколько лет позже, потому что ценности молодых взрослых часто мешают им выгодно использовать обстоятельства трансформации социалистической экономики в рыночную. Среди взрослых они конкурентоспособны, среди молодых — нет.

Необходимо отметить, что до сих пор в отечественной научной литературе эта социально-демографическая группа с ее маргинальным статусом специально не выделяется³. На наш взгляд, это является упущением. В некоторых дискурсах на молодых взрослых уже обращают особое внимание, подчеркивая специфические характеристики этой группы, например, молодые взрослые рассматриваются как целевая группа в исследованиях рынка, аудитории СМИ и пр. Вполне оправданно, что последние монографии по социологии молодежи посвящены острому, самым злободневным проблемам этой ключевой социальной группы⁴. Научная и практическая проблема в том, что люди, выходящие из молодого возраста, вступающие в зрелость, но обладающие многими чертами молодежи, часто оказываются

¹ См., например: Муздыбаев, К. Стратегии совладания с жизненными трудностями: теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. — № 2; Балабанова, Е.С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? // Экономическая социология. 2002. Том 3. — № 3; Она же. Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями // Экономическая социология. 2000. Том 1. — № 2 и др.

² Работы, посвященные стратегиям совладания, опубликованы и автором. См., например: Петрова Л.Е. Жизненные стратегии «новых бедных» ученых // Трансформация экономических институтов в постсоветской России. Под ред. д. э. н., проф. Р.М. Нуреева. Серия «Новая перспектива», выпуск XIV. М.: МОНФ, 2000. — 303 с.; Она же. Индивидуальная жизненная ситуация как объект благотворительности // Социальные исследования благотворительности в современной России: Сб. науч. труд / Под ред. О. Лейкинда. — СПб.: Лики России, 2001. — 847 с. и др.

³ Исключением являются работы, выполненные в рамках международного лонгитюдного проекта «Пути поколения». Собственно этой группе посвящена, например, работа: Знобищева, Е.А. Русские молодые взрослые в ближнем зарубежье: социальная конкуренция со сверстниками титульных этносов // Рубеж. 2001. № 16—17.

⁴ См., например: Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е. Омелченко. — Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2005. — 180 с.

ся вне сферы социологического анализа и социальной политики.

Жизненная трудность — закон суров, но справедлив. Что понимать под жизненной трудностью? Только ли проблемы, с которыми человек сталкивается повседневно? Или, наоборот, только фундаментальные, нарушающие строй жизни препятствия в реализации жизненной стратегии? Удивительно, но вполне достойное определение жизненной трудности представлено в государственных документах¹. Так, в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10.12.95 г. указано: «Социальное обслуживание представляет собой деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации» (ст. 1). Закон содержит и определение: «трудная жизненная ситуация — ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и пр.), которую он не может преодолеть самостоятельно» (ст. 3).

На наш взгляд, определение содержит два принципиально важных и верных критерия трудной жизненной ситуации: 1) нарушение жизнедеятельности; 2) невозможность преодолеть трудности самостоятельно. С социологической точки зрения два указанных критерия действительно делают жизненную ситуацию трудной. Однако есть еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать в анализе. Принципиальным для характеристики индивидуальной жизненной ситуации является позиция индивида — оценка им ситуации, восприятие последней, личное отношение к ней. В случае с трудной жизненной ситуацией именно индивид должен расценивать ее как таковую. Субъективное отношение к разным жизненным событиям не обязательно совпадает с объективным их фоном. На субъективное восприятие человеком жизненной ситуации влияет множество факторов: прежде всего ценности, а также ресурсы, которыми он располагает; его жизненная программа. Помимо этого, важны аскриптивные характеристики: пол, возраст, этническая принадлежность (особенно, если это — не титульный этнос) и пр., хотя наши исследования показыва-

ли, что достигнутые характеристики играют более значимую роль².

Особенности жизненных трудностей молодых взрослых. Еще на этапе интерпретации понятий мы обозначили для себя критерии жизненной трудности — как трудное событие интерпретируется в том случае, если, по нашему предположению, требует больших усилий, напряжения для своего осуществления, преодоления, понимания; трудное событие — то, что переносится с трудом, обременительно³. Такое определение является более широким и точнее соответствует целям нашего анализа.

Особенности жизненных трудностей молодых взрослых связаны прежде всего с их объективными отличиями от других возрастных и поколенческих групп. Главная черта молодых взрослых — маргинальность. Группа маргинальна по возрасту: еще молодые с социокультурной точки зрения, но уже взрослые с точки зрения статусных позиций. Последствия этого для формирования представлений о трудностях молодых взрослых таковы: молодые взрослые уже не рассчитывают на помощь более или менее пожилых родителей, в то же время имея детей, нуждающихся в их поддержке. Собственно, эта ситуация является типичной вообще для срединных групп в социально-демографической структуре — именно на них ложится нагрузка по обеспечению старшего и младшего поколений.

Другая особенность рассматриваемой группы молодых взрослых — «экзистенциальная задумчивость»: принято считать, что именно на этот возраст приходится подведение промежуточных итогов самореализации. В интервью мы обнаружили наличие и такого синдрома.

Наконец, следует отметить и осознаваемую молодыми взрослыми острую конкуренцию с еще более молодыми.

Таким образом, статусная маргинальность — основная черта изучаемой группы, детерминирующая жизненные трудности молодых взрослых.

Исследование проведено автором в 2002—2003 гг. с использованием нескольких стратегий: вторичный анализ данных, серия интервью с представителями группы в возрасте от 25 до 35 лет. На основе анализа глубинных интервью (всего использовано 19 стенограмм) произведена первичная типологизация жизненных трудностей молодых взрослых. Указывая на критерий классификации, назовем типы

² См., например: Петрова, Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12.

³ Другая классификация жизненных событий представлена в: Муздыбаев, К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. № 2; Прихидько, А.И. Когнитивные факторы совладающего поведения безработных // Психологический журнал. 2001. № 2; Сильницкий, Г.Г. Социально-биографические характеристики россиян. — Смоленск: СГПУ, СГУ, 2000. — 159 с.

¹ Удивительно не то, что оно там представлено (необходимость его дать проистекает из практических нужд — для целей социальной политики надо знать, кто попадает в категорию «нуждающихся»), а то, что это определение довольно грамотно.

жизненных трудностей и проиллюстрируем отрывками из интервью.

Сфера реализации смысложизненных ценностей: работа, здоровье, дети. Трудности, связанные с работой, весьма многообразны — это и потребность в большей самореализации («...ничего не делать на работе — это ужасно», женщина, менеджер на оборонном заводе)¹, и объем работы («больше 24 часов в сутки тоже не будет, а здоровье тоже важно, мне жить хочется, так сказать, полно. Поэтому определенный какой-то объем работы я могу себе позволить, какой-то минимум зарабатывать, и чувствовать, что жизнь есть», женщина, инженер в вузе).

Трудности, связанные со здоровьем, — это, в первую очередь, конкуренция ресурсов и целей сберечь здоровье, сохранить его теперешний уровень или предпочесть достижение цели, цена которой — проблемы со здоровьем («Чтоб там любой ценой — у меня тоже нет такой ориентации, в конце концов, бывают такие моменты, надо там здоровью уделить внимание...», женщина, секретарь в НИИ; «Я пыталась сама искать работу, одна работа не подошла, потому что я по состоянию здоровья не смогла работать, идти в коммерческую структуру, там же не оплачивают больничный, заболеешь, придешь, а там уже место занято, поэтому увольняться так, чтобы остаться на улице — страшно», женщина, вахтер на заводе). В то же время здоровье осознается как важный ресурс в борьбе с трудностями («...мы молодые, энергичные, целый день бегаем, конечно, я думаю, это еще возраст, потому что было бы мне пятьдесят, я бы, наверное, так уже не прыгала с лестницы, как я на лестнице — туда-сюда, туда-сюда по цеху... здоровье еще позволяет», женщина, мастер на заводе).

Трудности, связанные с воспитанием детей, обозначены опять же, как конкуренция в решении задач жизнеобеспечения. На уровне повседневного восприятия это «из двух зол выбирают меньшее». Трудность выбора — заниматься ребенком или зарабатывать: «Я знаю женщин, у которых много родственников, они оставляют ребенка у родственников и занимаются только работой в течение двух лет, зарабатывая себе на квартиру. Но это невозможно, так можно и ребенка потерять, и никогда уже не найти с ним контакт... [надо] Распределить направления так, чтобы ничего не вышло из строя», женщина, инженер в вузе. Наличие детей осознается как серьезное препятствие для достижения целей: «...дети болеют часто... работать я не могу... или я должна бросить детей, как говорится, на произвол судьбы, не видеть их, или идти работать. Как мне, что? Какая я мать буду, если я буду на сутки бросать детей без присмотра. Я их

¹ Здесь и далее курсивом приводятся цитаты из интервью, затем — указание на основные характеристики информантов.

брошу, они будут тут, как говорится, бомжевать ходить, раздетые выйдут на улицу, заболеют, что мне делать, чего брать, с чего лекарства покупать? Ну и выбираешь, или ищешь работу, какую-то выгодную, такую, что плотят хорошо, или сидеть с детьми», женщина, ленточница на фабрике.

Экзистенциальные трудности. Громкое название подразумевает, конечно, вполне обыденные проблемы. Кстати, в условном рейтинге трудностей экзистенциальные занимают последние места по сравнению с первой классификационной группой. Что к ним можно отнести? Фундаментальные: «Как-то все распалось — финансовая сторона и личная, интересы мои профессиональные. Я выбрала такое одно, самое тяжелое, и связала с остальными проблемами, связываю главную проблему — это личную проблему. И нашла в остальных — финансовых, профессиональных — схожие точки пересечения», женщина, инженер в вузе. «В принципе, все эти сложности решаемы, нет ничего тупикового. К сожалению, жизнь превращается в некую текучку, и к высоким материям обращаешься крайне редко — цели становятся узкими и приземленными: сделать это, выполнить то...», мужчина, инженер на заводе.

Осознание возраста, его ограничений и возможностей: «Самая большая проблема, даже неудобно говорить. Можно сказать кризис какой-то у меня сейчас. Переживаю. Обыкновенное дело к 30 годам. Кризис жанра, задумываешься», женщина, менеджер на оборонном заводе, «Когда вам за тридцать, и вы на новом месте жизнь с нуля начинаете, все чувства как в вату погружаются... в чем трудность? В самих этих трудностях. Одно дело, когда вся трудность в жизни — на новую шубу заработать, а другое дело, когда трудность — квартира, прописка, медицинская страховка и другие не самые неважные вещи. И пусть бы тот, кто считает себя великим решателем жизненных трудностей, попытался бы мои трудности решить. Это же понятно, что вся моя жизнь уйдет только на то, чтобы может, хоть в дочкиной жизни эти проблемы как-то разрешились», женщина, продавец на рынке.

К экзистенциальным же трудностям можно отнести и те, которые носят инструментальный характер — отсутствие свободного времени, значительный объем ответственности, рутина повседневной жизни: «Ну, бывают такие минуты и дни, что ничего не хочется, не знаю почему, но бывают... все тебя раздражают, вроде никто и настроение не испортил... Ну, не знаю, почему или отчего, может нужно как-то больше...мы... никуда не ходим, раньше вот ходили в кино, в цирк, в театр, а сейчас же мы никуда не ходим, вот — работа, дома, работа, дома, работа, дома... Сейчас иногда хочется тишины. Потому, что постоянно, вот, я, сколько живу, постоянно суматоха с детьми. И хочется иногда, даже просто одному посидеть. Без никого, чтоб тихо там. Посмотреть телевизор, или про-

сто дома, только чтоб тихо было», женщина, мастер на заводе.

Конкуренция целей и ресурсов. Можно сказать, что выбор между соперничающими проблемами представляет значительную трудность, хотя она и не относится к повседневной жизнедеятельности молодых взрослых: *«Когда, конечно, денег совсем нету, ты готов, конечно, на все, когда ребенка нечем кормить... тут даже и не знаешь, что предпочесть, потому что на работе полжизни проводишь, чтобы себя там чувствовать некомфортно»*, женщина, секретарь в НИИ.

Таким образом, можно сказать, что жизненные трудности охватывают все сферы жизнедеятельности молодых взрослых, но в условном рейтинге на первом месте — витальные, связанные с решением проблем жизнеобеспечения.

Анализируя детерминирующие факторы жизненных трудностей молодых взрослых, мы выделили следующие:

- набор ресурсов, включая умение гибко ими распоряжаться;
- наличие детей школьного возраста;
- структура семейной поддержки;
- состояние здоровья;
- ориентация на достижение.

Сегодняшнее знание о жизненных трудностях группы молодых взрослых, детерминантах этого феномена, стратегиях совладания с жизненными трудностями указанной группы имеют не только теоретическое значение. Через 20 лет молодые взрослые плавно перейдут уже в статус старшего возраста, традиционно при этом «перешагнув» период среднего возраста, зрелости, который ни в социологическом анализе, ни в воздействиях социальной политики специально не выделяется. Тогда зафиксированные сегодня проблемы могут стать поводом для планирования и реализации мер социального характера, методов работы с маргинальной сегодня группой молодых взрослых.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДОСТУПНОЕ ЖИЛЬЕ — ГРАЖДАНАМ РОССИИ»: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Современный этап реформирования российского общества со всей остротой ставит вопрос об эффективности функционирования и общественных приоритетах системы государственного управления. Примечательно, что этот вопрос — предмет интереса не только широкой общественности страны. В последнее время о радикальном повышении эффективности системы государственного управления и необходимости ее ориентации на удовлетворение насущных потребностей широких масс населения все чаще говорят и сами представители высших органов законодательной и исполнительной власти. Так, если в 2000 году Президент РФ в ежегодном послании Федеральному собранию говорит пока о том, что первоочередной «мы...ставим задачу наведения порядка в органах власти», то в 2005 году задачи качественно меняются. 5 сентября 2005 года на встрече Президента, Правительства, парламента и руководителей регионов В.В. Путин заявляет, что «сегодняшние возможности России вполне позволяют добиться более ощутимых результатов повышения благосостояния народа России». Именно на этой встрече Президент впервые говорит о национальных проектах в таких областях, как здравоохранение, образование, жилье, поскольку «...решение именно этих вопросов прямо влияет на демографическую ситуацию в стране и, что крайне важно, создает необходимые стартовые условия для развития так называемого человеческого капитала».

Логически завершает постановку новых задач перед органами государственного управления вывод о том, что «концентрация бюджетных и административных ресурсов на повышении качества жизни граждан России — это необходимое и логичное развитие нашего с вами экономического курса, который мы проводили в течение предыдущих пяти лет и будем проводить дальше. ... Это курс на инвестиции в человека, а значит — в будущее России». Однако между постановкой задачи и ее реализацией на практике зачастую пролегает глубокая пропасть, связанная с неэффективностью функционирования системы управления и низким качеством конкретных управленческих решений. Эти угрозы могут свести на «нет» все усилия по достижению глобальных задач общественного развития. В этой связи представляет значительный интерес анализ первых практических шагов по реализации национальных проектов, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Рассмотрим, какие возможности и угрозы в этом случае возникают на примере реализации проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», призванного решить одну из наиболее насущных для современного россиянина проблем. В отличие от других национальных проектов, жилищный проект имеет своего прямого предшественника. Постановлением Правительства РФ от 17 сентября 2001 была принята федеральная целевая программа «Жилище» на 2002—2010 годы (далее — Программа), которая и трансформировалась в организационный механизм реализации национального проекта. На первом этапе ее реализации основной акцент был сделан на продолжении практики выполнения обязательств государства перед определенными категориями граждан, а также на развертывании в общенациональном масштабе системы государственной поддержки ипотечного жилищного кредитования. Сведения о направлениях расходования, объемах, структуре государственных ресурсов, выделяемых тогда на решение жилищных проблем приведены в табл. 1.

Вместе с тем, целый комплекс проблем за указанный период так и не был решен. При этом, можно говорить о безусловном дефиците средств, выделяемых на выполнение государственных обязательств Российской Федерации по обеспечению жильем отдельных категорий граждан. Но вот по другим направлениям, причины связаны скорее с отсутствием действенных механизмов целеполагания и эффективного управления финансовыми ресурсами, поступающими на программные мероприятия из различных источников, в том числе:

- недостаточная ориентация мероприятий на увеличение объемов жилищного строительства и решение проблем развития рынка доступного жилья;
- отсутствие концентрации ассигнований из федерального бюджета на главных направлениях, их распыление по 7 подпрограммам;
- отсутствие механизмов консолидации бюджетных ассигнований федерального, регионального и муниципального уровней;
- недостаточное стимулирование привлечения внебюджетных источников финансирования Программы.

Правопреемник Программы, приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» на первом этапе реализации (2006—2007 гг.) включает четыре направле-

Таблица 1

Направления финансирования федеральной целевой программы «Жилище» за счет федерального бюджета на первом этапе реализации (2002—2005 годы)

№	Подпрограммы	Млн руб.	%
1	Государственные жилищные сертификаты» на 2004—2010 годы	27 700	46,9
2	Переселение граждан РФ из ветхого и аварийного жилья	5 579	9,5
3	Реформирование и модернизация ЖКХ	3 163	5,4
4	Обеспечение жильем участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф	1 107	1,9
5	Обеспечение жильем граждан Российской Федерации, подлежащих отселению с комплекса Байконур	37	0,1
6	Обеспечение жильем беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации	2 450	4,2
7	Обеспечение жильем молодых семей	2 050	3,5
8	Субсидии для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей	3 400	5,8
9	Мероприятия по обеспечению жильем отдельных категорий граждан	13 529	22,9
10	Всего	59 015	100
11	Предоставление государственных гарантий РФ по заимствованиям ОАО «АИЖК»	13 700	23,2

* Рассчитано по [2].

ния «Повышение доступности жилья», «Увеличение объемов ипотечного жилищного кредитования», «Увеличение объемов жилищного строительства и модернизация объектов коммунальной инфраструктуры», «Выполнение государственных обязательств по предоставлению жилья категориям граждан, установленных федеральным законодательством». Механизмами реализации проекта являются федеральная целевая программа «Жилище» на 2002—2010 годы и входящие в ее состав подпрограммы, а также предоставление субвенций субъектам Российской Федерации за счет средств Федерального фонда компенсаций на обеспечение жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов. Таким образом, второй этап реализации Программы «Жилище» на период с 2006 по 2010 год действительно наполняется новым содержанием.

Среди наиболее существенных особенностей второго этапа реализации программы «Жилище» следует отметить следующее.

Во-первых, это резкое увеличение объема выделяемых средств из федерального бюджета. В общем объеме федеральных финансовых ресурсов, выделенных за период 2002—2010 гг., доля затрат на первом этапе реализации Программы составила только 19,7 %. Т. е. на второй этап выделяется свыше 80 % от общего объема финансирования.

Во-вторых, впервые предусмотрено выделение государственных средств для прямого стимулирования жилищного строительства, т. е. увеличения предложения жилья и снижения его стоимости. Речь идет о подпрограмме «Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях жилищного строительства».

В-третьих, в рамках внедрения системы бюджетирования, ориентированной на результат, разрабо-

тана система оценки степени достижения целей, поставленных программой. Более того, не только предложены целевые индикаторы по каждому направлению Программы (всего 16 индикаторов), но и методика их расчета.

В-четвертых, формируется система взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти в рамках реализации национальных проектов, в том числе и ее организационные механизмы. В частности, между субъектами РФ и Министерством регионального развития РФ заключаются соглашения по реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», в рамках которых фиксируются полномочия сторон, основные направления взаимодействия, а также, что чрезвычайно важно, — региональные целевые показатели реализации национального проекта, что позволяет создать систему непрерывного мониторинга.

В-пятых, качественно изменяется механизм государственной поддержки ипотечного жилищного кредитования. Цель программ — создать в России унифицированную систему рефинансирования ипотечных жилищных кредитов. В данном случае, выбран американский вариант государственной поддержки развития ипотечного жилищного кредитования.

Таким образом, совершенствуется как содержательное наполнение Программы, так и управление ее реализацией. Более подробно сведения об основных направлениях и структуре финансирования Программы представлены в табл. 2.

Вместе с тем, уже на этой начальной стадии реализации нового национального проекта нельзя не сказать о возникающих рисках и угрозах.

Первая группа рисков, на наш взгляд, связана с отсутствием четкой формулировки и непротиво-

Структура финансирования в 2006—2010 годах федеральной целевой программы «Жилище» на 2002 — 2010 годы, %

Источники и направления финансирования	2010	В том числе				
		2006	2007	2008	2009	2010
Всего	100	100	100	100	100	100
в том числе:						
<i>средства федерального бюджета — всего</i>	26,6	25,7	26,0	23,6	24,4	35,0
из них:						
государственные каплжения	3,0	4,3	3,0	2,7	2,4	3,6
субсидии на приобретение жилья	17,3	19,4	16,2	13,8	14,1	26,6
субсидии субъектам РФ на предоставление молодым семьям субсидий на приобретение жилья или уплату первого взноса при ипотечном кредитовании	1,8	1,9	2,1	1,7	1,5	2,3
субсидии субъектам РФ на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам на обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях жилищного строительства	2,3	—	2,1	2,7	3,0	2,5
взнос в уставный капитал «АИЖК»	2,0	—	2,6	2,8	3,4	—
расходы на управление Программой	0,05	0,1	0,05	0,04	0,03	0,05
средства бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов	10,3	10,6	10,6	9,7	9,4	12,0
средства частных инвесторов	52,1	52,4	51,1	56,7	57,1	39,4
собственные и заемные средства молодых семей	11,0	11,3	12,3	9,9	9,1	13,5
Из общего объема финансирования:						
Обеспечение жильем молодых семей	18,3	18,9	20,5	16,5	15,1	22,6
Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях жилищного строительства	31,5	28,9	34,9	40,5	39,5	5,0
Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры	10,7	10,2	8,2	8,6	9,7	18,1
Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством	14,8	16,0	13,6	11,5	12,1	23,6
мероприятия по реализации Концепции развития унифицированной системы рефинансирования ипотечных жилищных кредитов в России	22,2	22,5	20,2	20,5	21,6	27,6
мероприятия по обеспечению жильем отдельных категорий граждан	2,6	3,4	2,6	2,2	2,1	3,1

* Рассчитано по [2].

чивого толкования миссии самой Программы. Национальный проект носит название «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», однако нет никаких четких критериев, какое жилье подходит под определение «доступное». На наш взгляд, речь должна идти о массовом строительстве дешевого жилья, доступного широким слоям населения: бюджетникам, работникам низкой квалификации, молодым специалистам и т. д. Под «социальным» мы ни в коем случае не подразумеваем жилье бесплатное. Речь идет о целенаправленном формировании сегмента жилищного рынка, рассчитанного на людей с невысокими доходами, при этом жилье безусловно реализуется по рыночной стоимости. Другой фактор риска — слишком оптимистичные оценки потребностей россиян в улучшении жилищных условий. Нашей стране нужно не удвоить объе-

мы жилищного строительства к 2010 году, как предусмотрено нацпроектом, а увеличить их в 7—10 раз. Проблема состоит не только в крайне низкой обеспеченности россиян жильем, но и в том, что жилищный фонд России (до 80 % которого составляют «брежневки» и «хрущевки») стремительно приходит в негодность. Т. е. нужно не только увеличить прирост жилищного фонда, но и заместить львиную долю существующего, иначе старые дома начнут просто разваливаться.

Вторая группа рисков связана с последствиями существенных изменений российского жилищного законодательства. Наиболее существенное развитие законодательной базы было обеспечено в 2004 году в результате принятия 25 федеральных законов, направленных на формирование рынка доступного жилья, в том числе Жилищного кодекса Российс-

кой Федерации и Градостроительного кодекса Российской Федерации, закона «Об участии в долевом строительстве», а также ряда поправок в действующее ипотечное законодательство. Но с принятием новых законов жилищное строительство резко замедлилось. Особенно болезненно был воспринят закон о долевом инвестировании, который существенно усложнил процедуру привлечения средств граждан в жилищное строительство. Закон «О долевом участии», защищая частных инвесторов, ввел крайне суровые правила привлечения денежных средств для застройщиков и солидарную ответственность банков и строителей перед дольщиками. В результате отказа от долевых схем и оттока финансов наметился существенный дефицит финансирования строительства.

Третья группа рисков связана с изменением способов финансирования целевых подпрограмм и резким увеличением в общем объеме выделенных средств доли ресурсов, направляемых на ипотечное жилищное кредитование и субсидии. Если раньше в рамках программ, направленных на обеспечение жильем молодых семей и льготников (участников ликвидации аварий и катастроф, переселенцев, жителей Крайнего Севера и т. п.), гражданам предоставлялись конкретные объекты жилья, то теперь всем им вместо жилья будут предоставлять субсидии — всего на эти цели запрашивается порядка 20 млрд. рублей в год. Также предполагается увеличить госгарантии Агентству по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК) с нынешних 4,7 млрд. до 20—30 млрд. рублей в год. Таким образом, преобладающая часть ресурсов направляется на стимулирование спроса. Однако, как мы уже отмечали, проблема не только в дефиците платежеспособного спроса, но и в фактическом отсутствии на рынке основного объекта Программы — действительно доступного, качественного жилья. Какой смысл выделять столь значительные финансовые ресурсы, чтобы затем граждане их потратили на покупку квартир в старом жилищном фонде, с низкими качественными характеристиками жилья и истекшими сроками эксплуатации. Более того, вполне вероятна ситуация, когда увеличение объемов платежеспособного спроса вызовет дальнейший рост цен на жилищном рынке, и в результате величины выделяемых субсидий может просто не хватить на приобретение жилья даже в старом жилищном фонде.

Четвертая группа рисков связана с отсутствием четких организационных механизмов и недостаточным объемом финансирования мероприятий, направленных на стимулирование предложения жилья. По сути дела, только одна подпрограмма «Жилища» под названием «Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях жилищного строительства» призвана стимулировать собственно жилищное строительство. При этом на ее реализацию выделено несравнимо меньше

средств — всего 2,3 % от общего объема средств, выделяемых на весь срок реализации программы. Вместо прямых инвестиций это будут госгарантии по кредитам и субсидирование процентов. Госгарантии предполагается предоставлять субъектам РФ, а те, в свою очередь, будут направлять их коммерческим банкам, прилагая софинансирование проектов со своей стороны, а также со стороны муниципалитетов. Однако, по нашему мнению, банки не смогут в полной мере контролировать себестоимость строительства инфраструктуры, которую будут возводить строительные или коммунальные компании. Также непонятны критерии отбора проектов, которые будут оснащаться коммунальной инфраструктурой, и технические требования к ним. Вполне вероятно, что в силу отсутствия четко прописанных организационных механизмов и критериев отбора финансироваться на местах станут «зависшие» из-за недостатка средств проекты, а не строительство именно доступного жилья.

Пятая группа рисков связана с недостаточно качественным обоснованием планируемых объемов финансирования и показателей исполнения программы. Непонятно, каким образом взаимосвязаны Программа «Жилище» и, например, Среднесрочная программа социально-экономического развития страны, среднесрочный прогноз социально-экономического развития Российской Федерации и другие плановые документы, раскрывающие ключевые показатели социально-экономического развития страны. Или как взаимосвязаны масштабные проекты Программы «Жилище» и возможности развития строительного комплекса страны, включая не только строительство, но и производство строительных материалов. Неясно на основе каких показателей, экспертных оценок, прогнозов, в частности, делались предположения об объемах привлекаемых для реализации внебюджетных средств (средства частных инвесторов должны составить свыше 52 % от общего объема финансирования, а средства молодых семей — 11 % — даже несколько превышают объем средств (10,3 %), выделяемых на реализацию программы региональными и местными органами власти). Не меньше вопросов возникает и по поводу предложенных показателей оценки реализации Программы. Например, при расчете коэффициента доступности жилья предполагается, что семья из трех человек все свои средства направляет на приобретение жилья, хотя реально эта цифра вряд ли может составить более 50 % доходов семьи.

Отсутствие четко сформулированных приоритетов и механизмов реализации серьезно затрудняет воплощение национального проекта и на уровне субъектов Федерации. Пока распределение средств между богатыми и бедными регионами выглядит более или менее сбалансированным. В относительном измерении дотационные регионы получают больше. Это в частности касается жилищных субсидий

(они рассчитываются исходя из среднероссийской стоимости квадратного метра жилья). Однако у более развитых регионов выше шансы получить федеральную поддержку на экономическое развитие. Структура управления национальным проектом, ориентирована на четкое взаимодействие всех уровней власти, тщательную координацию принимаемых решений. Однако положительные стороны на этом пока исчерпываются, а негативные факторы имеют тенденцию кумулятивно накапливаться.

Многие нормативные акты федерального уровня были разработаны с опозданием, по многим мероприятиям до сих пор нет четкого финансового плана и программы действий. Система администрирования проектов чрезвычайно бюрократизирована. Так, в соответствии с Типовой инструкцией о порядке составления и представления отчетности о реализации приоритетных национальных проектов Федеральные органы исполнительной власти, организующие реализацию приоритетных национальных проектов, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления составляют годовую, полугодовую, квартальную, месячную и недельную (!) отчетность о реализации национальных проектов. Расширение штатов органов государственной власти и местного самоуправления потребует уже только для того, чтобы хотя бы прочитать все это количество еженедельно поступающих отчетов, не говоря уже об их анализе.

Регионы и муниципальные образования могут действовать только в рамках, сформулированных на федеральном уровне направлений. Полномочия региональных властей по организации финансовых потоков (в рамках нацпроектов) крайне малы. По существу они вправе лишь просить федеральный Центр об общем объеме финансирования для своего региона. Понятно желание федеральных чиновников обезопасить национальные проекты от неэффективного использования средств (в том числе прямого разворывания на региональном уровне). В каком-то смысле то, что федеральная власть имеет решающее слово даже хорошо: если будут утверждены четкие

критерии оценки проектов, при распределении средств она сможет выступить в роли объективного (в смысле ангажированности интересами различных региональных кланов) арбитра. Однако это не позволяет учесть особенности ситуации в сфере обеспечения населения жильем на конкретной территории.

Самая, пожалуй, серьезная проблема заключается в том, что централизованный механизм реализации национальных проектов вынуждает решать все возникающие проблемы в режим «ручного управления». По каждому проекту сформирована «сквозная система управления, включая планирование и организацию работ на региональном уровне». Однако, непонятно, почему распределение средств по национальным проектам реализуется в рамках сквозной системы, в то время как такие важнейшие для страны реформы — местного самоуправления, ЖКХ, административной системы — администрируются в обычном режиме.

Вышеперечисленные угрозы — только малая часть вопросов, возникающих при знакомстве с содержанием обновленной Программы «Жилище». Будем надеяться, что эти недостатки будут преодолены и замечательная идея национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» получит свое достойное воплощение в рамках серьезной национальной жилищной программы, в которой проекты по созданию коммунальной инфраструктуры увязывались бы с развитием рынка земли, жилищным строительством, производством строительных материалов и ипотекой.

Литература

1. Типовая инструкция о порядке составления и представления отчетности о реализации приоритетных национальных проектов. Одобрено Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов (протокол № 4 от 28 февраля 2006 года).
2. Федеральная целевая программа «Жилище» на 2002—2010 годы с Изменениями, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2005 года № 865.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Российско-казахстанская граница является одним из уникальных рубежей мирового и евразийского пространства. По своей протяженности она определена как вторая по длине в мире и самая протяженная сплошная сухопутная граница. Согласно данным, опубликованным в рамках программы «World Wide Geography Всемирная география», протяженность российско-казахстанской границы составляет 6846 км (см. <http://www.far.ru>). Большой протяженностью обладает лишь граница между США и Канадой 8893 км. Тем не менее, все числовые выражения длины российско-казахстанской границы, не представляются в настоящее время достаточно точными.

В административно-территориальном отношении к этой границе примыкают 12 регионов Российской Федерации четырех федеральных округов. В пределах непосредственной близости к границе проживают свыше 3 млн человек [1]. С казахстанской стороны к границе примыкают 7 областей, с населением северных и западных приграничных районов 5,8 млн человек, из которых 2,4 млн человек проживают в сельской местности [2].

Возрастная и половая структура демографического анализа определяет социально этническое состояние российско-казахстанской границы, в этот же анализ входит структура занятости.

Одной из ярко выраженных тенденций демографического показателя является «старение» постоянно проживающего в приграничных районах населения, что косвенно подтверждается данными материалов социологических опросов ЮУрГУ. Респонденты, в возрасте от 31 до 40 лет в 2001 году, составляли в среднем 21,2 %, тогда как в 2004 году уже 25,1 %. В то же время респонденты в возрасте от 41 до 50 лет в 2001 году составляли 17,4 % из опрошенных, в 2004 году уже 25,3 %. Динамика этих показателей демонстрирует тенденцию к снижению доли работоспособного населения. Подобное в будущем может осложнить положение приграничья с точки зрения безопасности. Согласно концепциям политического поведения именно эта часть проживающих проявляет себя как наиболее экономически, социально и политически активная. Люди работоспособного возраста являются не только носителями более оптимистических планов своего будущего, но и легче находят пути преодоления объективных и субъективных обстоятельств, осложняющих реализацию собственных жизненных целей. Именно они предъявляют более высокие требования к социальной инфраструктуре, что в свою очередь заставляет ее модернизироваться согласно тре-

бованиям времени. Таким образом, большой процент этой части населения является показателем активного, наиболее рационального и наиболее безопасного пространства непосредственного приграничья. И наоборот, высокий процент людей пожилого возраста демонстрирует рыхлую экономическую составляющую конкретного района с тенденцией осложнений бюджетного наполнения и экономического роста, что все вместе, при определенных внешних обстоятельствах, может проявиться как слабое место в общей программе безопасности приграничья.

Еще одним «косвенным» показателем «старения» пространства российско-казахстанского приграничья является время проживания в данном районе (рис.1).

Этот показатель «время проживания» косвенным образом проясняет возрастную категорию населения, так как именно люди пожилого или «порогового» возраста имеют значительный «стаж» жителя конкретной местности и меньше всего склонны принимать какие-либо перемены в своей жизни, в том числе и местожительство, как запланированные, продуманные и желательные. Динамика предстает следующим образом: в большинстве регионов с российской стороны границы с Казахстаном доля проживающих более 21 года значительно превышает все остальные временные категории (57,5 % из опрошенного числа респондентов по всей протяженности границы). При этом в 2000 году они составляли 50,5 %. Значительный прирост получили: Саратовская область на 19 % (49,3 % в 2000 году, 68,3 % в 2004 году из опрошенных жителей), Алтай на 15,5 % (37,1 % в 2000 году, 52,7 % в 2004), Челябинская область на 8,8 % (53,4 % в 2000 году 62,2 % в 2004).

В то же время доля проживающих в приграничном районе от 2 до 5 лет составила по всей протяженности границы 8,7 % в 2000 году и 7,7 % в 2004 году. При этом происходит явное снижение доли этой категории граждан в большинстве приграничных регионах [3]. Это, в свою очередь, определяет приграничные районы как неперспективные, «отсталые», «второстепенные» территории пограничного региона. С точки зрения безопасности можно отметить как положительные, так и отрицательные стороны сложившегося положения. К положительным можно отнести то, что чем меньше «новых», «неизвестных», «плохо узнаваемых» элементов социума появляется в районе, непосредственно прилегающем к границе, тем спокойнее «местные» жители воспринимают «новых». Небольшое количество вновь поселяющихся, как правило, растянуто во

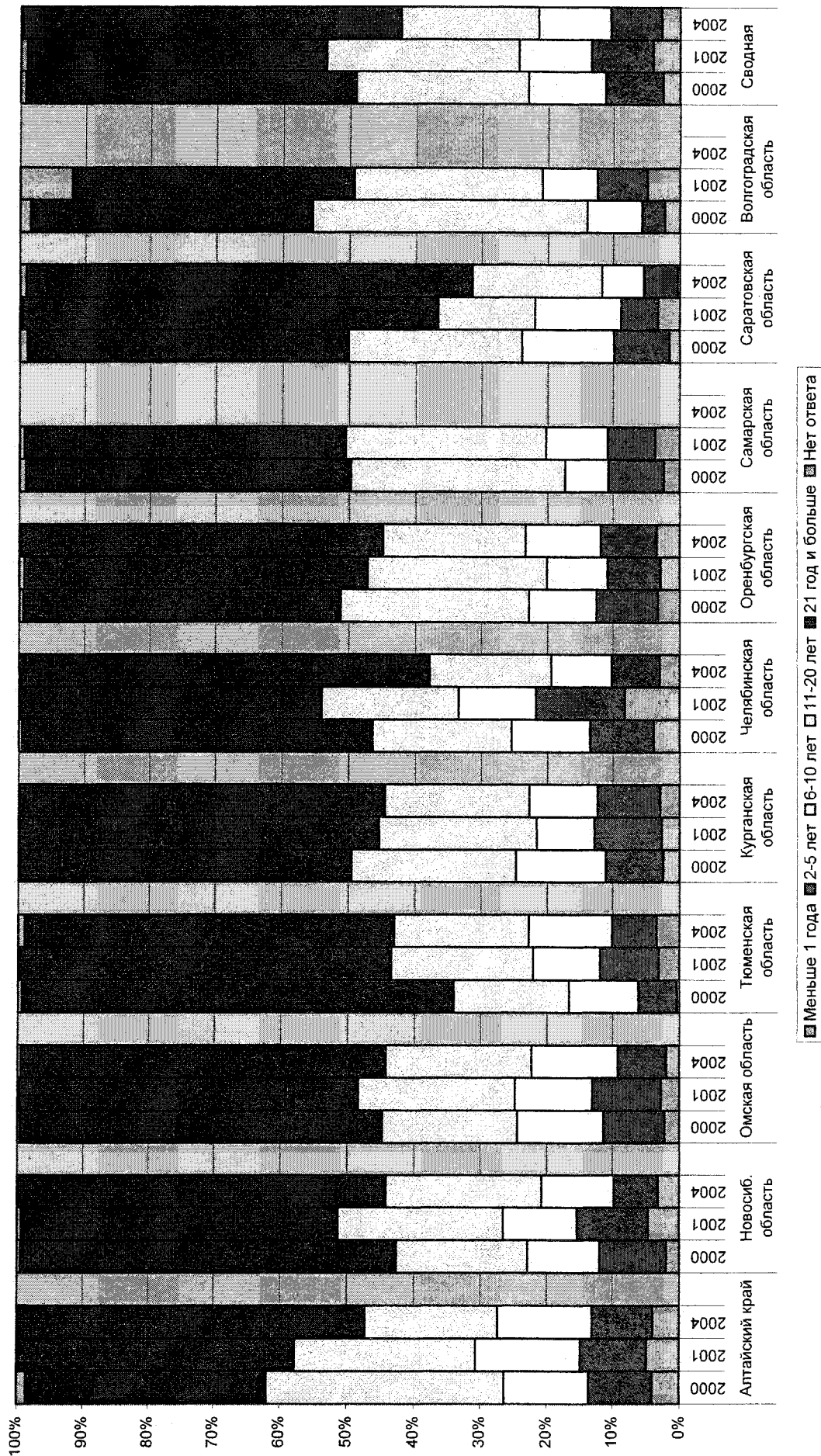

Рис. 1. Время проживания в приграничье
 Источник: Динамика социально-политического развития российско-казахстанского приграничья (2000—2005 гг.), Челябинск, 2006

времени. Это с одной стороны позволяет прибывшим жителям относительно бесконфликтно адаптироваться к новым условиям, с другой стороны «коренному» населению присмотреться и отметить особенности другого образа жизни, что вносит некоторую стабильность и чувство безопасности, как той, так и другой части населения. Помимо всего прочего, существуют множество других причин, касающихся безопасности государства, по которым значительная миграция населения в зоны непосредственного приграничья рассматривается как определенная угроза. В качестве отрицательной характеристики данной тенденции может фигурировать аргумент, что в новых границах новых государств идет интенсивное формирование пространства, в том числе и за счет приезжающих, нехватка этой доли населения не позволяет приграничному району динамично развиваться как экономически, так и социально. Также необходимо помнить, что контролируемое активное освоение приграничных районов способствует закреплению в сознании граждан места прохождения самой линии границы, ее рельефные особенности, что способствует снижению ирредентизма, повышением уровня которого характеризуются все вновь созданные границы.

В анализе демографической структуры приграничья значительную роль играет степень урбанизации как приграничья, так и пограничных регионов.

Различия в структуре экономики сопредельных регионов отражаются на особенностях формирования экономических районов. С российской стороны большинство приграничных регионов в значительной степени превосходят по урбанизации своих казахстанских соседей. Тем не менее, в непосредственно прилегающей к границе зоне доля проживающих в сельской местности с обеих сторон границ в ряде случаев оказывается сопоставимой.

На уровень урбанизации, как известно, влияет ресурсный потенциал, который весьма значителен с российской стороны. Эффективное использование ресурсов позволяет не только формировать города с крупной промышленностью, но и обеспечивать в них достаточно высокие социальные показатели.

Таким образом, превосходство ресурсного потенциала и другие социально-экономические показатели российских приграничных регионов позволяют определять превосходящие позиции по такому показателю как ВРП по отношению к сопредельным территориям Казахстана. Наиболее яркий пример данного соотношения демонстрирует Тюменская область: ВРП, которой почти в полтора раза превосходит ВВП всего Казахстана [4]. В то же время необходимо помнить, что не все пограничные регионы обладают одинаково высокими показателями социального-экономического развития. В сплошном приграничном пространстве, распределенном вдоль границ с Казахстаном, существует как достаточно «сильные», «конкурентоспособные» регионы, так и

явные аутсайдеры. Что, в свою очередь, добавляет пестроты и размытости в картине социальной и этнической идентификации населения. По данным, приведенным С.В. Голуновым в монографии «Прозрачные границы» можно сделать вывод: внутри единого пространства один из «полусов» определяет Тюменская область, которая превосходит по ВРП республику Алтай в 237 раз. На этом же «успешном» полюсе, с достаточно высоким ВРП, определены Челябинская и Самарская области. Среднее положение в диапазоне этого показателя в сопоставлении регионов приграничья российско-казахстанской границы занимают Волгоградская, Оренбургская, Новосибирская, Саратовская, Омская области и Алтайский край. Другой «полюс», с относительно низким ВРП распределили между собой Астраханская и Курганская области.

Понятно, что развитые регионы имеют и более высокую плотность, и большую численность населения в сравнении как с российскими регионами, так и с сопредельной территорией Казахстана. Тем не менее, области Казахстана в советские времена воспринимаемые как «русские» и с наиболее развитой промышленностью, тяготеющей к сырьевым ресурсам России, по демографическому показателю оказываются сопоставимыми с соответствующими приграничными регионами России.

Наиболее соизмеримыми пропорциями в этом отношении обладают потенциал участка Тюменской области с численностью населения 2,4 млн человек с одной стороны и Северо-Казахстанской области с численностью населения 1,7 млн человек с другой; Алтайский край — 2,7 млн человек и Восточно-Казахстанская область — 1,5 млн человек [5].

В качестве «обратного» примера можно привести сопредельные области с разительными контрастами демографических пропорций. Одна область Казахстана, Западно-Казахстанская, причем относительно слабозаселенная, на территории которой проживает около 630 тысяч человек, граничит с несколькими областями России, такими как Волгоградская, Саратовская и Оренбургская, суммарная численность населения которых составляет более 7,6 млн человек. В то же время, другая область Казахстана, также расположенная на северо-западе страны, Актыубинская, с численностью 683 тысячи человек уступает единственному сопредельному региону России — Оренбургской области, имеющей численность населения 2,2 млн человек. Превосходство последнее более чем в три раза [6].

Тем не менее, демографические пропорции обеих стран в непосредственно прилегающей к границе зоне оказываются сопоставимыми. При этом, несмотря на более высокую степень урбанизации пограничных регионов, число проживающих в сельской местности в районах, близко расположенных к границе, как с российской стороны, так и с казахстанской, не отличаются контрастом и высокими величинами.

Эти параметры отражают, в том числе и структурные различия экономики сопредельных регионов. С казахстанской стороны доля сельского хозяйства значительно выше. Однако здесь существенную роль играет восприятие населением приграничных регионов территорий, непосредственно прилегающих к границе, в качественных характеристиках с такими содержательными маркерами, как «перспективность», «лучшие возможности», «отсталость», «неразвитость», «удаленность» и т. п. С российской стороны такие районы чаще всего воспринимаются как периферия, играющая незначительную, непервостепенную роль в социально экономической жизни регионов. В казахстанских областях наоборот, население приграничных территорий выступает как важный социальный фактор. Приграничное положение таких районов и фактическое тяготение большинства из них к соседнему государству предоставляет значительно больше возможностей для достижения своих целей, в том числе и социально значимых.

Одним из важнейших показателей демографического состояния любых пограничных регионов и их приграничных зон являются этническая идентификация населения. Современная лимнология предлагает рассматривать границы не только как фактическую данность физического, политического, военного, экономического факторов, определяющих степень защищенности рубежа, но и изучать пограничные условия на предмет потенциальной безопасности с учетом проблем идентичности. Идентичность в данном контексте рассматривается как самоидентификация человека с определенной социальной и/или территориальной группой, прежде всего этнической. Националисты, как правило, требуют либо расширения своей этнической территории, либо вытеснения из нее «чужаков». Как отмечает Д. Харви, национализм является особым видом территориальной самоидентификации человека [7]. Таким образом, триада Европы начала XX века «нация — территория — государство» определяет цель национализма как создание этнической идентичности в границах определенной территории.

Идентичность всегда имеет конкурентный характер и ее определяет множественность этой конкуренции, возникающей между социальными группами, между отдельной социальной группой и государством, между группами и местной властью. Её состоятельность выражается в двух формах: по культуре, прежде всего этническая, и по политической лояльности, соответственно политическая. Первая из форм отражает наиболее мощные виды социальных предпочтений людей этнических общностей.

Формирование политического межгосударственного постсоветского пространства иллюстрирует, что в процессе государственного строительства формируются новые границы, новые приграничные зоны и новые отношения между соседними государствами.

Именно поэтому лимнология предлагает рассматривать в качестве одного из важнейших пунктов программы безопасности границ изучение возникновения и эволюцию территориальных идентичностей. Объективная оценка безопасности границы должна отражать социальные конструкты, которые создаются в первую очередь в социальных представлениях, а уже потом делимитируются по карте.

Тем не менее, в современном социальном пространстве, имеющем отношение к обеспечению безопасности, имеют место процессы идентификации одного человека со многими территориальными и/или этническими общностями. Так, в Восточной Украине насчитываются до шести уровней этнической и территориальной идентичности: советская, русская, украинская и несколько региональных.

В свете проблематики безопасности границ важно проследить формирование идентичности при воздействии соотношения между титульными для сопредельных стран этносами. В нашем случае, между русскими и казахами. Также немаловажное значение имеет факт присутствия других этнических групп, позиционирующих свою этнокультурную самобытность.

Согласно данным приведенным выше, самая высокая процентная доля казахов в Астраханской области. Вместе с тем, по другим регионам эта доля незначительна, причиной чего является высокий уровень урбанизации российских приграничных областей. Однако в западной зоне российско-казахстанского непосредственного приграничья соотношение численности русских и казахов на российской территории оказываются сопоставимыми. Это объясняется, прежде всего, тяготением казахов к компактному проживанию в условиях схожей сельской местности, а также низким уровнем «барьерности» рубежей этого участка границы.

В последние 10—15 лет XX века происходят активные миграционные процессы в российско-казахстанском приграничье, этническая составляющая которых является определяющей для характеристики подобных процессов, корни которых следует искать в советском периоде развития государства. Разница в уровне жизни, перспективе трудоустройства, трудности карьерного роста для представителей не титульных этнических групп и другие социальные причины вызвали в середине 70-х годов отток «русскоязычного» населения из Казахстана.

В условиях политико-экономического кризиса, жесткого формирования постсоветского пространства и преобладания этнического подавления в качестве идеологии большинства новых независимых государств миграционные процессы, формирующиеся на русофобской основе, стали преобладать.

Согласно данным С.В. Голунова, приведенным в монографии «Прозрачные границы», за период с 1989 года по 1999 год отток русских составил почти 1,6 млн человек или 26,4 % [8]. За этот же пери-

од произошло резкое сокращение численности украинцев на 329 тыс. человек или 38 % и особенно немцев на 593 тыс. человек или 63 %.

Как отмечают многие наблюдатели, в массовом сознании населения приграничных районов произошел сдвиг более четкого восприятия своей этнической общности. Иллюстрацией этого могут служить данные социологического опроса, проведенного в Оренбургской области. На вопрос «Готовы ли принять человека другой национальности в качестве близкого родственника?» положительно ответили только 9,8 % русских и 17,1 % казахов. При этом 65,6 % всех респондентов ответили, что национальность и вероисповедание влияет на выбор будущего супруга. Эти же опросы показали, что для 70,8 % русских и 51,5 % казахов национальность и вероис-

поведание играют важную роль при голосовании на выборах в местные органы власти [9]. В то же время данные социологических опросов, проведенных в районах непосредственного приграничья, в том числе и по Оренбургской области, показывают, что в 2004 году 87,7 % респондентов на протяжении всей линии российско-казахстанской границы, скорее не испытывают неприязни к людям другой национальности. Этот показатель довольно устойчив и не показывает тенденции к значительным изменениям по линии повышения или снижения. В 2001 году людей, терпимо относящихся к людям другой этнической группы, было 85,9 % [10]. Такое «разгласие» объясняется именно особенностями процесса идентификации, который может протекать не обязательно на фоне неприятия другой этнической группы.

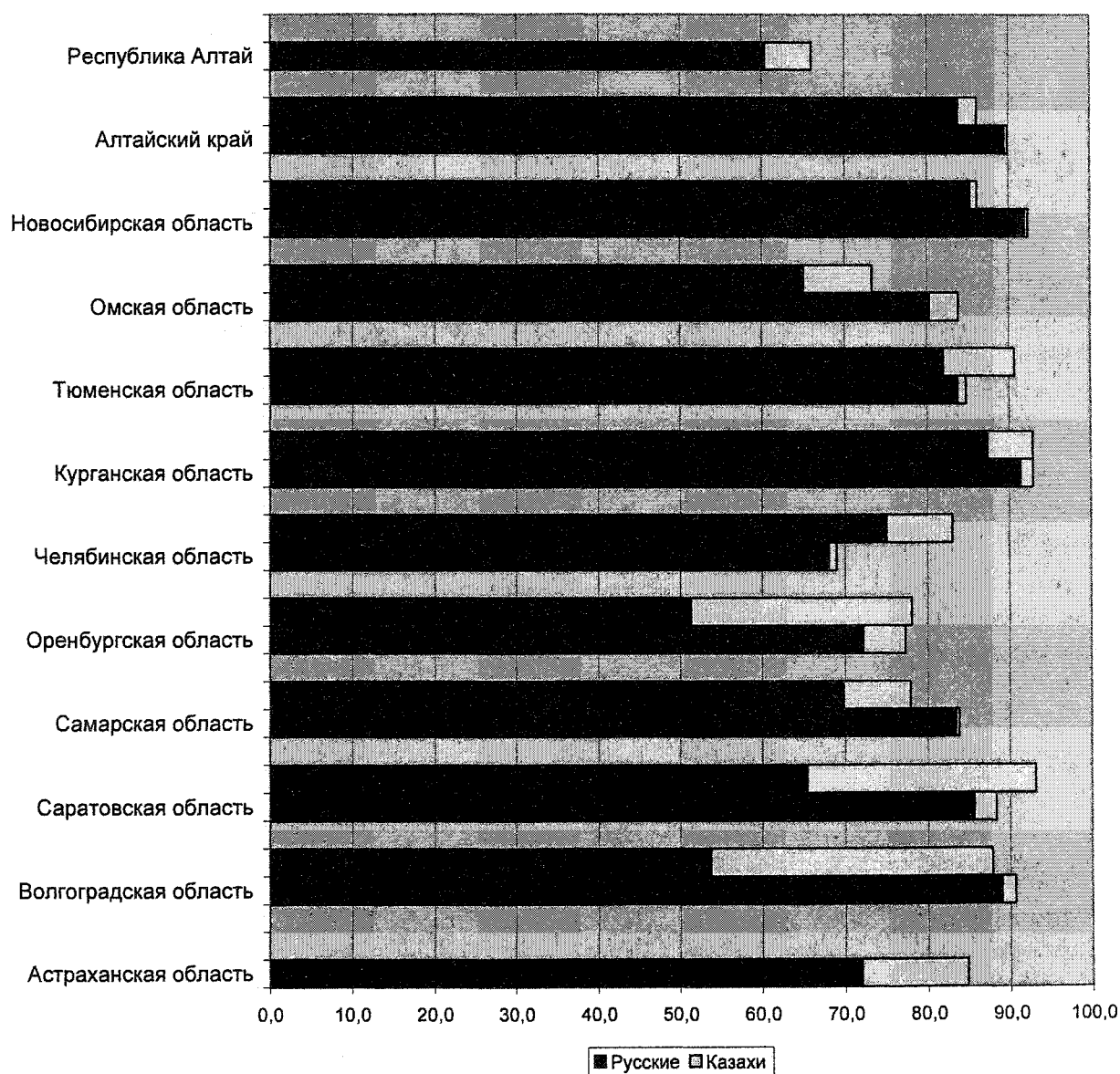
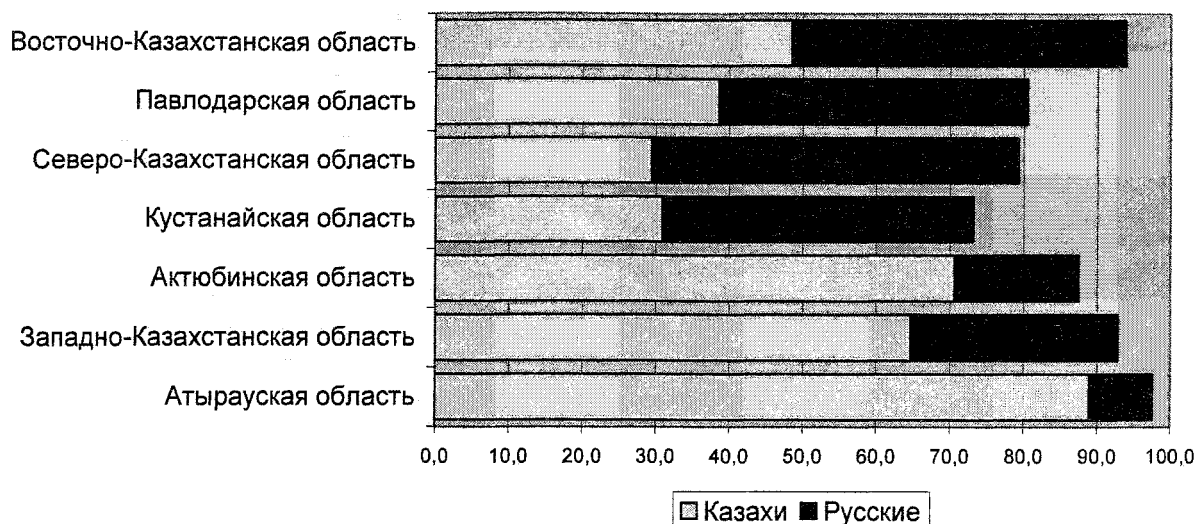

Рис. 2. Процентное соотношение русского и казахского населения в пограничном регионе и его приграничных районах

Источник: Динамика социально-политического развития российско-казахстанского приграничья (2000—2005 гг.), Челябинск, 2006

Рис. 3. Процентное соотношение казахского и русского населения в пограничном регионе
Источник: Национальный состав населения Республики Казахстан. Том. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Алматы, 2000 г.

В качестве пояснения могут служить данные значительного количественного преимущества, проживающих в приграничье представителей титульной нации (см. рис. 2, 3). Показатели Оренбургского социологического опроса свидетельствуют, что все большее количество людей отдают предпочтение при стечении важных жизненных ситуаций представителям своего этноса. Это и является фундаментальным обоснованием идентификации. Вместе с тем, только 6,3 % респондентов признали, что межнациональные отношения могут представлять наибольшую угрозу безопасности. При этом наибольшие опасения проявились в Саратовской области 9,8 % (в 2001 году 16,3 %), в Курганской области 10 %, в Самарской и Омской областях по 8,5 % [11]. В то же время, согласно рис. 2, в Волгоградской и Саратовской областях процентное соотношение русских и казахов в приграничье можно рассматривать как относительно сопоставимое. В Волгоградской области в непосредственно прилегающих к границе районов проживает 53,7 % русских и 34,1 % казахов. Некоторые наблюдатели отмечают озабоченность перспективой перераспределения упомянутых позиций в пользу казахов, которые благодаря кланово-этнической солидарности существенно усилили свое представительство во власти и в тех секторах, где должности распределяются административным путем.

Одним из ключевых компонентов этнической идентификации в качестве фактора безопасности границ выступает религиозность. В настоящее время российско-казахстанское приграничье рассматривается как христианско-исламское. На локально-бытовом уровне религиозные различия способствуют усилению обособленности этнокультурных групп. Согласно данным упомянутого социологического опроса в Оренбургской области, для 51 %

опрошенного религиозная принадлежность имеет важное значение при выборе брачного партнера и для 54 % при голосовании в местные органы власти [12].

Тем не менее можно утверждать, что традиционно высокую степень толерантности и русских и казахов к религиозной принадлежности другого этноса можно отнести к стабилизирующему фактору. Терпимость как одна из черт ментальности обеих сопредельных титульных наций характеризуется не достаточно глубокой религиозностью преобладающей части русских и казахов. Этому способствовали атеистическая идеология советского периода и периферийность казахского ислама по отношению к мусульманскому миру, что сказалось на поверхностности исламизации казахов.

Следует отметить также, что в сохранении определенного уровня стабильности межэтнических отношений российско-казахстанского приграничья играет немаловажную роль исторический опыт развития казахского этноса на пороге двух цивилизационных парадигм. Пограничность как качественная характеристика этого этноса проявляется в успешной абсорбции культурных ценностей, цивилизационных достижений и потерь сопредельных народов. Толерантность русского и пограничность казахского этносов во многом объясняет успешную совместимость столь сильно различающихся этнокультурных традиций.

Литература

1. Человек и граница. Российско-казахстанское приграничье. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. — 68 с.
2. Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых погранич-

- ных территорий России. — М.; Волгоград, 2002. — 573 с.
3. Динамика социально-политического развития Российско-казахстанского приграничья 2000—2005 гг. — Челябинск: ЮУрГУ, 2006. — 47 с.
4. Зубаревич, Н. Взаимодействие России с южными соседями: проблемы и перспективы. — <http://pubs.carnegie.ru/books/1999>.
5. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в республике Казахстан. — Алматы, 2000. — 153 с.; Человек и граница. Волгоградская область. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Человек и граница. Приволжский федеральный округ. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Человек и граница. Сибирский федеральный округ. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Человек и граница. Уральский федеральный округ. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. — М.; Волгоград, 2002. — 573 с.
6. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в республике Казахстан. — Алматы, 2000. — 153 с.; Человек и граница. Волгоградская область. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Человек и граница. Приволжский федеральный округ. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Человек и граница. Сибирский федеральный округ. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Человек и граница. Уральский федеральный округ. Социальный паспорт и одномерные статистические распределения. — Челябинск: ЮУрГУ, 2001. — 28 с.; Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. — М.; Волгоград, 2002. — 573 с.
7. Harvey, D. The Condition of Post-Modernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. — Oxford, 1982. — p. 217.
8. Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. — М.; Волгоград, 2002. — 573 с.
9. Амелин, В.В., Рагузин, В.Н. Состояние этноконфессиональных отношений в приграничных с Казахстаном районах Оренбургской области. Социологический аспект. — Оренбург, 2000. — 119 с.
10. Динамика социально-политического развития российско-казахстанского приграничья. 2000—2005 гг. Материалы социологических опросов. — Челябинск: ЮУрГУ, 2006. — 47 с.
11. Динамика социально-политического развития российско-казахстанского приграничья. 2000—2005 гг. Материалы социологических опросов. — Челябинск: ЮУрГУ, 2006. — 47 с.
12. Амелин, В.В., Рагузин, В.Н. Состояние этноконфессиональных отношений в приграничных с Казахстаном районах Оренбургской области. Социологический аспект. — Оренбург, 2000. — 119 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Исторически системы социального обеспечения и социальной помощи в российском обществе развивались под воздействием идеологии, придавшей им форму патернализма. Несмотря на кардинальные преобразования, происходившие в XX столетии, патерналистская идеология не претерпела существенных изменений в советский период, не изменились и институты социальной защиты, поддерживаемые данной идеологией. Но последняя социальная трансформация на рубеже XX—XXI вв. потребовала значительного усиления акцентов на самом индивиде в обеспечение собственного благосостояния, включая социальные группы и отдельных граждан, традиционно нуждающихся в помощи и поддержке со стороны государства и общества. Необходимость теоретического осмысления вызревания такой общественной потребности и условий ее реализации в отечественной практике определяет обращение к исследованию идеологии социальной работы, в которой человеческое достоинство, солидарность, демократия и право индивида на достойные условия жизни, апелляция к его активности, признание его способности к изменению и ответственности за свое благополучие наряду с гарантиями обеспечения социальных прав государством, выступают в качестве основополагающих ценностей и принципов. Общечеловеческий характер базовых ценностей идеологии социальной работы обуславливает ее уникальную роль в общественной системе, связанную с направленностью на интеграцию интересов социальных субъектов, занимающих разные позиции в структуре общества, а не с усилением их групповой дифференциации и конфронтации. Объединительный характер идеологии социальной работы придает ей особую востребованность в России, стремящейся предотвратить риски общественного раскола в результате масштабных изменений конца прошлого столетия.

Глубинные последствия трансформации общественных отношений, проявляющиеся в современном российском обществе, нацеливают научные исследования на все более конструктивный характер, требуя сконцентрировать усилия не столько на их острой критике, сколько на выявлении внутренних механизмов, посредством которых осуществляются социальные преобразования. Понимание внутренней природы общественных процессов позволяет использовать полученное знание для воздействия на происходящие изменения. В контексте осуществляемых преобразований общественной системы происходит становление нового для отечественной практики вида общественной деятельности — со-

циальной работы. Изучение идеологии социальной работы с позиций социологии ориентирует исследователей на ее рассмотрение как неотъемлемого компонента общественной системы, выполняющего определенную роль в функционировании и развитии общества, в воспроизводстве и сохранении им своей целостности. Последовательное применение данного подхода дает возможность, сместив акценты с критического восприятия происходящих в социальной сфере изменений, вызванных реформами, апеллировать в теории и практике не только к зарубежным моделям социальной работы как своеобразным эталонам, следуя которым можно сформировать отечественную модель, но и выявить собственные основания развития социальной работы в России. Ее идеология и связанные с ней процессы — смена политических парадигм, противоборство идей и интересов, дифференциация ценностей на уровне элит и масс, изменение целей социального развития, эволюция современного социального идеала, способности его трансляции и т. п. — выступают в качестве таких оснований.

Существующие сегодня подходы в отечественных исследованиях к пониманию сущности и характера социальной работы не раскрывают до конца специфики механизма ее функционирования. Нуждается во всестороннем теоретическом обосновании представление, что ее устойчивое и динамичное развитие обеспечивается благодаря определенной системе идей и ценностей, задающих цели и вектор общественного движения, объединяющие основных акторов социального взаимодействия. Продолжающиеся в научной литературе дискуссии свидетельствуют, что во многом предмет социальной работы как теории еще формируется, интегрируя в себе знания других наук. Но такая интеграция предполагает не прямое заимствование идей этих наук, а преобразование их в соответствии с ценностями, традициями, целями социальной работы. Идеология оказывает существенное влияние на предмет теории и практики социальной работы, а исследование данного процесса с позиций социологии объясняет его, помогает понять противоречивость и неоднозначность идеологического воздействия, прогнозировать тенденции ее развития. Практика социальной работы, в свою очередь, может быть эффективной лишь при условии четко определенных и воспринятых профессиональным сообществом целей, заключенных в идеологии. При этом идеология не только целенаправленно ориентирует практическую социальную работу, но и проектирует ее. Идеология социальной работы обеспечивает вхождение в

профессиональную субкультуру и профессиональную социализацию за счет усвоения соответствующих ценностей в процессе получения профессионального образования.

Обращение к исследованию идеологии с социологических позиций, ее роли в общественной системе, функций, которые она выполняет, механизмов их реализации свидетельствует об устойчивом научном интересе к данному общественному феномену, который существенно возрастает в эпоху кардинальных социальных трансформаций. Идеология посредством свойственных ей структурных компонентов и функций позволяет в переломные эпохи компенсировать, восстановить утраченную привычную картину мира, обрести новые представления, личностные смыслы и общественные цели, объединить и мобилизовать людей на их реализацию. В традициях классической социологии, идущих от признанных теоретиков данного феномена К. Маркса и К. Манхейма, принято рассматривать идеологию как групповое/классовое сознание, формирующееся в результате конфликта интересов общественных групп, занимающих разные социальные позиции. Утвердившееся в русле данной традиции понимание роли идеологии в общественной системе ограничено узкими парадигмальными рамками. Исследование идеологии социальной работы в историческом и актуальном аспектах содержит развитие самой теории идеологии, позволяя представить ее как способ достижения динамичного баланса интересов различных общественных групп, способ социальной интеграции. Предлагаемый подход представляется своевременным, отвечая актуальным потребностям современного состояния российского общества, нацеленного не на конфронтацию, а на утверждение равновесия, гармонизации общественных интересов. Идеология социальной работы, обладая существенным объединительным потенциалом, способна удовлетворить объективно возникающий общественный запрос.

Идеология как таковая представляет опосредованное отношение к миру сквозь призму тех идей, которые соответствуют актуальным общественным интересам тех или иных социальных групп или общества в целом. Выступая как ценностная система философских, правовых, политических, экономических, социологических и иных представлений о мире и месте в нем человека, она конструирует программы движения к будущему или стабилизации в настоящем, организует и направляет действия социальных субъектов на их реализацию.

Социология в исследовании ценностей сосредоточена на выявлении их функциональной роли в общественной системе как определенной целостности. В контексте социологического анализа ценности рассматриваются в качестве фактора регуляции социальных взаимодействий. Ценности являются основой идеологии, которая через выполнение при-

сущих ей функций включена в ценностно-нормативный механизм социальной регуляции. Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Вебер и другие рассматривали ценности как высшие принципы, на основе которых происходит интеграция как общества в целом, так и отдельных социальных групп, данная традиция была продолжена в последующих подходах социологической интерпретации ценностей. Актуализируясь в ситуациях выбора социальными субъектами, ценности становятся их ценностными ориентациями.

Выполнение ценностями системной роли обусловлено тем, что в них выражаются приоритеты, определяющие желаемый жизненный проект и систему ориентаций индивида. Наряду с философской категорией «ценность» социология оперирует категорией «ценностная ориентация», которую можно определить как направленность активности личности на достижение определенных ценностей, ее предпочтительное отношение к тем или иным ценностям. Необходимым компонентом формирования ценностной ориентации выступает ценностное отношение, реализуемое в процессе оценивания. Ценность для того, чтобы превратиться в мотив деятельности, осознается и принимается личностью. Ценностные ориентации, представляя сложный, но упорядоченный комплекс принципов, возникающий в процессе оценивания как следствие трех различных элементов — когнитивного, аффективного и директивного, определяют действия и сознание социального субъекта в той степени, в какой это связано с решением «общечеловеческих проблем» [Косова, 1994, с. 114]. Ценностные ориентации социальных субъектов формируются под влиянием идеологии, которая становится актуальным регулятором сознания и поведения социальных субъектов посредством ценностно-ориентирующей деятельности [Барзгова, 1990, с. 20].

Исторически социальная работа возникает в ответ на необходимость предупреждения угрозы социальной дезинтеграции и социального конфликта в условиях усиления общественной дифференциации и нарастания риска социальных конфликтов. Идеология социальной работы вбирает в себя совокупность идей и представлений, выражающих проект общественного устройства, основанного на равновесии групповых/классовых интересов, формируя программу снятия социального конфликта или его предупреждения. Философские основания идеологии социальной работы как системы ценностных ориентаций составили учения, развивающие представления о взаимоотношении общества и человека, позволяющие достигнуть их равновесного состояния. К ним относятся философские концепции прав человека, развиваемые в рамках теории общественного договора в эпоху Просвещения, различные варианты которого содержали обоснования справедливого общественного устройства. В эпоху Нового времени они получили всестороннее разви-

тие и обоснование в учении И. Канта о моральной автономии индивида и В. Гегеля о правовом государстве. Эволюция этих идей привела к формированию современной идеологии социальной работы как неотъемлемой части идеологии социального государства.

Социологический подход к социальной работе основан на рассмотрении ее в качестве деятельности, выполняющей определенные функции в общественной системе, посредством которых осуществляется интеграция групп людей или отдельных индивидов, испытывающих затруднения в социальном функционировании. Потребность в социальной работе как системной деятельности по оказанию помощи и поддержки формируется в условиях, когда процессы, вызванные социальным неравенством, порождают массовые явления (бедность, дискриминация, социальные исключения, несправедливость и т. п.), создающие угрозу функционирования общественной системы как целостности и равновесной динамике ее развития.

Необходимо подчеркнуть сущностную характеристику социальной работы в ряду таких институтов помощи и поддержки, как социальное обеспечение и социальное обслуживание. Принципиальное отличие заключается в том, что последние основаны на *идеях универсального* подхода к каждому человеку, имеющему *право* на определенный минимум благ, *право на помощь* со стороны общества при определенных обстоятельствах. Социальная работа исходит из признания многообразия *индивидуальных* потребностей, из *идеи уникальности, неповторимости* каждого человека, его способности к изменениям, она апеллирует к его *активности*, внутреннему потенциалу субъекта, помощь в реализации которого возвращает человеку способность к изменению своей жизни в ситуациях, затрудняющих его социальное функционирование, способность действовать самостоятельно. Следовательно, принципиальная разница в ценностных ориентациях, обуславливающих разные требования к технологиям работы, к профессиональной деятельности и подготовке специалистов. В широком смысле слова социальная работа предстает как совокупность разнообразных видов общественной и государственной деятельности, направленной на помощь и поддержку людям, испытывающим затруднения в социальном функционировании. В данном аспекте она включает системы социального обеспечения и социального обслуживания и может рассматриваться как социальный институт с присущими ему атрибутами. В более узком смысле социальная работа выступает как профессиональная деятельность, во многом еще обретающая атрибуты социального института, представляя собой *систему индивидуальной помощи и поддержки людей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах*. Оба выделенных аспекта в определении социальной работы

взаимосвязаны. История социальной работы за рубежом свидетельствует, что функционирование систем социального обеспечения и социального обслуживания не достигало необходимого социального эффекта без профессиональной деятельности социальных работников. Как профессия она возникла относительно недавно, вырастая из гражданских инициатив. Признание государством ее в качестве профессиональной деятельности и придание официального статуса происходит во второй половине XX столетия [Шанин, 1997, с. 18—43; Соловьев, 1997, с. 105—120].

Идеологию социальной работы можно определить как *систему идей, ценностей, ценностных ориентаций, целей и представлений о способах их реализации, обусловленных актуальным состоянием взаимодействия интересов социальных субъектов в государстве и гражданском обществе, направленных на социальную интеграцию общественных групп, классов или отдельных индивидов, включая тех, кто испытывает затруднения в социальном функционировании и развитии*. Под влиянием идеологии происходит развитие социальной работы как системной деятельности, обеспечивающей устойчивость и динамическое равновесие общественных отношений.

Рассмотрим модель идеологии социальной работы, воспроизводящую ее наиболее типичные, существенные характеристики и структурные компоненты. В *модели идеологии* социальной работы следует выделить, прежде всего, *ядро*, состоящее из базовых идей, ценностей, ценностных ориентаций. Ядро любой идеологии составляют социально обусловленные способы отражения действительности, поэтому необходимо обозначить субъект, интересы которого выражают идеи, образующие его. Особенность идеологии социальной работы в том, что ее ядро составляют идеи общечеловеческого характера, гуманистические ценности, разделяемые социальными субъектами вне зависимости от той социальной позиции, которые они занимают в структуре общества. Они приобретают *форму* философских, религиозных, этических концепций, апеллирующих к ценности человеческой жизни, свободе и достоинству человека, его активности, к неотъемлемым правам, эволюционируя в представления *о социальных правах* человека и *социальной справедливости*. Социальная справедливость присутствует так или иначе в любой идеологии на определенных этапах функционирования, но в идеологии социальной работы она выступает *системообразующей* идеей, что и позволяет включить ее в ядро модели наряду с идеей личной ответственности и активности человека, верой в его способность к изменениям. Базовые идеи и ценности, образующие ядро идеологии социальной работы, выражают не групповой, но общий интерес, в котором, в конечном счете, воплощается объективная потребность в поддержании и воспроизводстве общественной целостности. Практика социальной работы через разнообразные формы помощи

и поддержки связана с интеграцией тех, кто в силу определенных причин оказался в ситуации затруднения социального функционирования или социального исключения. Отражая данную практику, идеология социальной работы демонстрирует свою интегративную, объединительную природу. Ее носителем выступает государство.

Затем следует выделить систему идей, воплощающих программы, определяющие цели, вектор, направление общественных преобразований в соответствии с базовыми ценностями, как правило, выраженные в политической форме, поскольку главным субъектом данных преобразований выступает государство наряду с другими политическими субъектами. К ним относятся и идеи, закрепляющие способы реализации базовых ценностей в правовой форме, т. е. способы реализации социальных прав граждан и достижения социальной справедливости. Под влиянием данных представлений формируются программы создания систем социальной защиты, формирования систем социального обеспечения и социального обслуживания и форм социального страхования как способов их организации. В выделенном ракурсе рассмотрения модели идеологии наблюдается дифференциация в представлениях различных социальных субъектов о целях и способах достижения социального идеала, что неизбежно, поскольку восхождение к общечеловеческим ценностям происходит через конкретные социальные интересы. Программы, таким образом, образуют идеи и ценности, обусловленные актуальным взаимодействием социальных акторов — государства, гражданского общества, образующих его социальных групп.

Следующий компонент в модели составляют, на наш взгляд, идеи, инициирующие модернизацию институционального регулирования в направлении, определенном идеологической программой. Их можно представить как своеобразную оболочку идей, расположенных вокруг ее ядра, регулирующих отношения, приводящие к изменениям в деятельности институтов социального обеспечения и социального обслуживания. К ним относятся идеи и ценности, образующую макроконцепцию актуальной социальной политики, в контексте которой осуществляется практическая социальная работа. В связи с этим следует подчеркнуть, что вопрос о том, можно ли признать социальную работу в качестве социального института, может быть решен положительно в том случае, если существующие институты помощи и поддержки не в состоянии обеспечить выполнение идеологической программы социальной работы. В России весь аппарат идеологического обеспечения, унаследованный от прежнего этапа общественного развития, носил ярко выраженный патерналистский характер. Особенно отчетливо он обнаруживался в системе социального обеспечения и социального обслуживания. Сказанное означает, что следование идеологии неизбежно сопровождается формированием

потребности в институционализации социальной работы, в последствие подчиняющей себе социальное обеспечение и социальное обслуживание.

Применение *уровневого* подхода к моделированию идеологии социальной работы позволяет представить следующие компоненты. На «низовых» уровнях ее функционирования — *общественной психологии, обыденного, массового сознания* — ожидания, оценки, стереотипы, установки, реакции, верования, образы, мифы и т. п. о способах достижения социальной справедливости, перераспределения социальных благ. На уровне «верхов» — идеи, ценности, имеющие концептуальное или образное, символическое выражение, социальные программы, официальные решения, проекты, планы, доктрины, лозунги по поводу создания систем социальной защиты и способах их реализации. Развитие модели в данном аспекте позволяет представить идеологию социальной работы как *официальную (господствующую)* идеологию, реализуемую государством посредством социальной политики через управленческие и организационные структуры и профессиональную деятельность субъектов социальной работы. В последнем случае речь идет о *профессиональной* идеологии социальных работников. В то же время существуют и *неформальные* представления, отражающие ценности гражданских, общественных инициатив в развитии форм помощи и поддержки социальных групп или отдельных людей, испытывающих затруднения в социальном функционировании. *Индивидуальный* уровень идеологии социальной работы выступает в форме ценностей, ценностных ориентаций, представлений, убеждений, мотивов деятельности профессионалов и получателей социальных услуг.

Модель *процесса развития* идеологии социальной работы воспроизводит, с одной стороны, движение от утопии к идеологии, его можно представить как этапы развития идеологии; с другой — как смену исторически устаревшей идеологии новой. В утопии заключен сконструированный вне прямой связи с реальным бытием идеал, своеобразная мысленная социальная гипотеза, идеальная картина, привлекательный образ справедливого общественного порядка, отличающегося от существующего. Утопия всегда революционна, ее смысл в инициировании изменений, она выступает ориентиром социального творчества. В социальной работе таким идеалом выступали гуманистические представления о социальной справедливости и правах человека. Переход от идеала (утопии) к идеологии обусловлен потребностью смены приоритетов в выполнении идеологических функций, когда весь комплекс идей, включая проекты и программы социальной работы, начинает использоваться для поддержания пришедшего к власти класса.

Идеология по своей природе динамична, поскольку обращена к существующему общественно-

му порядку, указывая направление движения, проектирует будущее, но исходя из актуальных общественных потребностей. Утрачивая способность отвечать на жизненные запросы, она отмирает, вытесняется новой идеологией. Происходит процесс «деидеологизации» прежней идеологии, сопровождаемый процессом «идеологизации» как утверждением нового идеала и новой идеологии. Указание на механизм утраты такой способности содержится в законе продолжающегося действия идеологии, сформулированный К. Манхеймом, когда пришедший к власти класс не вырабатывает новые идеи, а приспособливает их к существующим условиям [Манхейм, 1994, с. 208]. Консервативные, охранительные функции зрелой идеологии рано или поздно приходят в противоречия с реальной общественной динамикой.

В качестве идеологии социальной работы выступают программы, которые привели к созданию социальных государств с присущими им перераспределительными системами общественных благ в виде систем социального обеспечения, социального обслуживания, в целом систем социальной защиты.

Модель *процесса функционирования* идеологии социальной работы дает представление о том, как идеология выполняет свойственную ей роль в системе отношений социальной сферы, как происходит ее «идеологизация» с точки зрения распространения, проникновения в систему отношений субъектов социальной работы, принятия и усвоения ими ценностей и следования таким ценностям. Важнейшими среди них являются — ценность каждого человека как неповторимой и уникальной личности, право каждого человека на помощь и поддержку, заботу со стороны общества при наступлении определенных обстоятельств, его право на самореализацию, способность к изменениям, право выбора и другие.

Используя урневый подход, процесс идеологизации в данном аспекте можно представить как движение в направлении сверху вниз и снизу вверх. В первом случае происходит продвижение идеологии в массы со стороны официальных структур, идеологов, лидеров и т. п. Во втором — направление движения со стороны воспринимающей идеологию масс, в действие вступают социально-психологические механизмы. В процессе идеологизации содержится потенциальная возможность «консервации», «замораживания» идеологии. Выделяя данную черту процесса, Е.С. Баразгова пишет: «...Идеологизация создает определенные стереотипы, соответствующие интересам класса — субъекта идеологии. Бытие класса в социальном взаимодействии объективно развивается, интересы меняются, идеология призвана следовать их движению. Созданные стереотипы выступают значимым препятствием актуальному отражению» [Баразгова, 1990, с. 17]. Такая стереотипизация общественного сознания особенно очевидна в сфере социальной работы — иж-

дивенчество, патерналистские ожидания, эгалитаристские настроения и др. Деидеологизация предстает как процесс вытеснения из системы общественных отношений идеологии, вступившей в противоречие с тенденциями развития общества. Появление новой идеологии следует рассматривать как программу разрешения назревших противоречий. Идеологизация и деидеологизация, таким образом, выступают как стороны идеологического процесса.

Выделенные процессы преломляются в деятельности субъектов социальной работы, реализуясь посредством определенных механизмов. К субъектам социальной работы относятся профессиональные группы, занятые организацией и управлением социальной работы, специалисты различных областей социальной работы, группы людей, нуждающихся в помощи и поддержке. Механизмами продвижения идеологии социальной работы выступают — религиозный (система различных церквей), образовательный, семейный, юридический, политический (политическая система, включая политические партии), профсоюзный, коммуникационный (пресса, радио, телевидение и др.), культурный (литература, искусство, спорт и др.). Профессиональное образование, предполагающее идеологическое воспитание будущих специалистов, выступает одним из наиболее действенных способов распространения идеологии социальной работы, трансляции ее в профессиональную сферу.

Таким образом, предложенная модель процесса развития и функционирования идеологии социальной работы может служить целям экспертизы при анализе практики ее становления в условиях современного российского общества.

Литература

1. Косова Л. Б. Динамика ценностных ориентаций: анализ результатов эмпирического исследования // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 114—117.
2. Баразгова, Е.С. Идеологическое воспитание молодежи (на примере США). Автореферат ... докт. филос. наук. — Свердловск, 1990. — 32 с.
3. Шанин Т. Социальная работа как новый культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / Под ред. Ш. Рамон; Пер. с англ. Под ред. Б.Ю. Шапиро. — М.: Аспект-Пресс, 1997. — 256 с.; Соловьев А. Процесс рождения новых профессий: социальная работа в США, Великобритании и России // Там же.
4. Манхейм, К. Идеология и утопия. // Диагноз нашего времени.: Пер. с нем и англ. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОЦЕССОВ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ И СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Процессы миграции вызывают растущую озабоченность населения России, которая имеет тенденцию усиливаться в последнее время. Проблема обостряется в больших городах, где межэтнические противоречия и конфликты наиболее заметны. Для сотрудников органов внутренних дел возросшее количество мигрантов — вопрос, имеющий профессиональную значимость.

В 2005 г. нами проводился опрос сотрудников органов внутренних дел крупных промышленных центров России (N = 343). В дополнение к полученным результатам, мы привлечем данные опросов населения крупными социологическими центрами страны, чтобы провести сравнительный анализ установок сотрудников силовых структур и восприятия населением ситуации с мигрантами по сопоставимым индикаторам.

Целевой характер выборки определен принципом доступности респондентов для проведения опроса, анкеты распространялись среди сотрудников милиции через структуры данной организации. Основной задачей при этом был максимально возможный охват мнений респондентов. В данной статье излагаются результаты сравнительного анализа восприятия населением ситуации с мигрантами по сопоставимым индикаторам. В этом случае сравнивались частотные распределения по массивам вторичных данных и нашего эмпирического исследования. С помощью таблиц сопряженности мы продемонстрируем некоторые зависимости социально-демографических характеристик и иных характеристик респондентов.

Важной характеристикой выборки является распределение по полу. Женщин в выборке немногим больше двадцати процентов (22,5 %). Если в опросе общественного мнения ФОМ 1999 года количество опрошенных мужчин было меньше опрошенных женщин примерно на 10 % (63 %), т. е. преобладали женщины, то в опросе сотрудников органов внутренних дел, учитывая определенную непропорциональность представительства полов в профессиональном составе милиции, количество мужчин преобладает. Мы должны учитывать эту особенность выборки и интерпретировать ее результаты с учетом корректировки результатов анализа только в направлении среднестатистического работника органов внутренних дел.

По возрасту распределение респондентов тоже обладает определенной особенностью. Примерно половина респондентов (49 %) моложе тридцати лет. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, оп-

ределенными структурными диспропорциями по возрасту среди сотрудников милиции, и, во-вторых, фактором большей доступности младшего состава органов внутренних дел для массовых опросов. Возрастная структура респондентов выборки, впрочем, позволяет говорить о ее соответствии нашим интересам, так как нас интересует восприятие проблемы теми сотрудниками, которые непосредственно принимают участие в событиях в регионе. Данные представляют некоторую зависимость уровня образования от возраста, но эта зависимость по статистическим меркам может считаться недостаточно сильной (стандартизированный остаток смещения от ожидаемой частоты чуть больше двух).

Подавляющее большинство опрошенных сотрудников милиции живет и работает в городах (92,4 %). Национальный состав выборки является достаточно однородным. Более девяноста процентов респондентов (90,1%) являются русскими по национальности, что является важным для нашего исследования, так как позволяет проанализировать проблему преимущественно с точки зрения крупнейшей национальной группы в составе нашей страны.

Что касается имущественного положения, то структура выборки демонстрирует низкий уровень доходов респондентов. Более 75 процентов респондентов имеют затруднения при покупке вещей длительного пользования. Эти факты говорят о серьезных материальных затруднениях респондентов, что может повлиять на их адекватную оценку ситуации с мигрантами, которые являются потенциальными конкурентами в экономической сфере.

Как показало исследование, присутствие этнических мигрантов по-разному воспринимается населением российских регионов в целом и сотрудниками органов внутренних дел, причем степень терпимости, толерантности по отношению к мигрантам у населения выше. Работники органов внутренних дел воспринимают ситуацию с приезжими достаточно остро. На вопрос о количестве приезжих они отвечают с редким единодушием, практически все (92 %) в рамках допустимой погрешности говорят о большом количестве приезжих за последние годы. Эти данные контрастируют с восприятием количества приезжих в общероссийских опросах, но подчиняются некоторой закономерности (табл. 1). В опросах ФОМ можно проследить определенную тенденцию увеличения числа респондентов, которые озабочены растущим количеством мигрантов. В 1999 году только 50 % от общего числа опрошенных респондентов ответили «много» на

вопрос о количестве приезжих [1], причем для различных социальных групп этот процент варьировался достаточно широко. В больших городах число респондентов, считающих, что приезжих «слишком много» достигало уже 62 %, в мегаполисах — 74 %. В 2002 году такое же отношение к проблеме высказывает уже 78 % от общего числа опрошенных, демонстрируя рост опасений россиян по отношению к массовой миграции [2]. Чтобы еще сильнее подчеркнуть тенденции в изменении, сошлемся на данные опросов, которые были проведены в 2004-м году. Общероссийский процент респондентов, которые считают, что миграционные процессы ведут к ухудшению ситуации и озабочены количеством приезжих, составляет уже 79 % [3].

Таблица 1
Сравнительные данные о мнениях респондентов о количестве приезжих

Вопрос: «Как Вам кажется, много или мало в вашем населенном пункте приезжих людей, поселившихся в вашем городе в последние 5—10 лет?»

Категория	Опрос населения России. БД ФОМ 1999 г.	Опрос населения России. БД ФОМ 2002 г.	Опрос населения России. БД ФОМ 2004 г.	Сотрудники МВД, 2005 г.
Много	50,0 %	78,0 %	79,0 %	92,0 %
Мало	25,0 %	15,0 %	14,0 %	8,0 %

В нашем исследовании респондентам задавался вопрос о наиболее приемлемом для них варианте поведения мигрантов — их ассимиляции или обособлении по отношению к культурным нормам региона, в который они приехали. В этом вопросе мы наблюдаем более жесткое восприятие проблемы сотрудниками милиции, что потенциально ведет к увеличению опасности возникновения конфликтов. В нашем опросе первый вариант — ассимиляция мигрантов — является наиболее предпочтительным для 62 % наших респондентов, в то время как для общероссийского опроса этот показатель равен 47 % [4].

Следующим параметром, который важен для нас с точки зрения отношения к мигрантам, является чувство раздражения и неприязни, которые вызывают у респондентов национальные группы, проживающие в регионе. Подобное отношение к приезжим зачастую возникает на фоне укрепления мифов и стереотипов, характерных для комплекса культурно-этнической или конфессиональной обиды, который впоследствии может перерасти в идейную систему. И вновь в нашем исследовании наблюдается большая частота проблематизации положения с мигрантами по сравнению с общероссийскими опросами. Если в последних количество респондентов, отмечающих

наличие национальных групп, которые вызывают раздражение и неприязнь, составляют примерно 40 % опрошенных [5], то в нашем исследовании таких 72 %. При этом, процент респондентов, испытывающих неприязнь к представителям некоторых этнических групп, и в том и в другом случае ниже, соответственно, 30 % и 40 %. Хотя свое индивидуальное восприятие ситуации респонденты в обоих исследованиях считают более позитивным, мы можем сделать вывод о серьезной проблеме восприятия мигрантов как фактора, угрожающего стабильности и благополучию региона.

В качестве основных причин неприязненного отношения к представителям других национальностей называются следующие (в скобках указан процент от числа опрошенных по России): вызывающее поведение (18 %); принадлежность к криминалу (9 %); монополия на рыночную торговлю (4 %); безделье, нахлебничество (3 %) [6]. Помня о том, что более остро ситуация воспринимается сотрудниками органов внутренних дел, можно прогнозировать трансляцию такого взгляда на проблему на более широкие слои населения.

Задача достижения культурной однородности нации всегда была достаточно проблематичной, так как стойкость и жизнеспособность этнических меньшинств часто недооценивалась [7]. К тому же «прозрачность» государственных границ и рост культурно-этнической диверсификации внутри самих государств делают невозможной культурную однородность населения. Желание силового разрешения межэтнических противоречий возникает не только у населения, но и во властных элитах. Органы милиции являются для властных структур механизмом решения проблемы, и это может иметь серьезные негативные последствия. В качестве одного из таких способов последнее время и на разных уровнях предлагается выселить приезжих за пределы региона на основании нелегитимности их пребывания, отсутствия соответствующего документального оформления прав на проживание в России. Такой подход можно рассмотреть на примере Краснодарского края, где озвучиваются подобные предложения.

Приведем некоторые данные об общественном мнении по применению именно такого подхода к разрешению межэтнических конфликтов. Мы будем ссылаться на данные ФОМ, в которых отражено мнение россиян по поводу планов администрации Краснодара провести выселение представителей некоторых национальных групп [8]. Наши сограждане чаще одобряют эти планы (41 %), чем не одобряют (35 %). И если бы в регионе, где проживают респонденты, было принято решение о выселении за его пределы представителей некоторых национальностей, то 44% опрошенных одобрили бы это решение. Впрочем, 40 % — не одобрили бы.

Необходимо отметить, что среди вполне толерантных граждан, заявляющих, что они не испытыва-

ют личной неприязни ни к каким национальностям, многие явно не имеют прочного иммунитета против ксенофобии: 28 % из них одобрили бы депортацию людей на основании их принадлежности к «нежелательным» этносам. На вопрос: «На ваш взгляд, следует или не следует ограничить въезд представителей некоторых национальностей в нашу область, район, город?» утвердительно ответили 63 % респондентов. Если бы в регионе проживания респондентов было принято решение о выселении представителей некоторых национальных групп, то большинство россиян (52 %) одобрили бы и такое решение. Наибольший энтузиазм в этом вопросе проявили жители больших городов (58 %), Центрального (58 %) и Сибирского (61 %) федеральных округов. Впрочем, треть наших сограждан выступают против возможного выселения представителей некоторых национальных групп (34 %). Больше всего таких респондентов среди людей с высшим образованием (46 %), жителей Северо-Западного федерального округа (42 %).

Среди респондентов нашего исследования ситуация отличается по своим параметрам от общероссийской. Как нам представляется, сотрудники органов внутренних дел реально представляют себе последствия такого шага, как выселение достаточно большой группы людей, что даже с технической точки зрения является очень сложной задачей, не говоря уже о политических, экономических и социальных последствиях подобных действий. Среди наших респондентов не одобряют намерения администрации Краснодарского края более 55 %, что превышает этот показатель для исследования в целом по России. Однако, при ответе на аналогичный вопрос с предложением выселить некоторые национальные группы уже из региона, в котором респондент проживает, число одобряющих такое мероприятие достигает 60 %, что сопоставимо с общей усредненной ситуацией по стране.

Мы можем сделать по этому поводу вывод о более рельефном восприятии сотрудниками милиции ситуации межэтнического взаимодействия именно в регионе, в котором они работают. Проблемы правопорядка и соблюдения законности в других регионах воспринимаются более абстрактно, без установления прочной связи с реальными проявлениями конфликтов, конкретными участниками событий. Возможно, это обстоятельство позволяет респондентам толерантно относиться к проблемам отдельно региона России.

Позитивным моментом в контексте нашего исследования является распределение ответов на вопрос о том, чего больше приносит многонациональный состав населения России — пользы или вреда. Считающих, что пользы от этого обстоятельства больше в полтора раза (соответственно 60 и 40 %). Однако если учесть, что Россия является страной многонациональной, процент позитивных ответов настораживает.

Другим аспектом рассматриваемой нами проблемы является наличие у респондентов объективной информации о реальных проявлениях межэтнических противоречий в конкретных конфликтных ситуациях и статистике правонарушений. В этом плане сотрудники органов внутренних дел, даже с учетом возможных ведомственных интересов в конструировании статистики правонарушений, имеют определенное преимущество перед населением. Само устройство системы предполагает информированность ее сотрудников по поводу реальных прецедентов возникновения конфликтов и правонарушений на почве межнациональной розни.

Данные нашего опроса показывают озабоченность респондентов ролью приезжих в формировании криминогенной обстановки в регионе. Более 70 % ответили утвердительно на вопрос о существовании в их регионе конфликтов на основании национальной неприязни. В качестве основных зачинщиков таких конфликтов респонденты указывают на приезжих, мигрантов. Совершенно иная картина зафиксирована в общероссийских исследованиях [9]. По этим данным, население России в целом не воспринимает мигрантов как важнейший фактор формирования криминогенной обстановки в стране (табл. 2). По крайней мере, процент респондентов, указывающих на роль приезжих в качестве зачинщиков конфликтов, в среднем в два раза ниже, чем в нашем опросе. Таким образом, по этому измерению сотрудники органов внутренних дел существенно отличаются своими установками от населения страны в целом.

Таблица 2

Сравнительные данные о роли приезжих в конфликтах на почве национальной неприязни

Вопрос: «Кто чаще бывает инициатором, зачинщиком конфликтов — местные жители или приезжие?»

Категория	Сотрудники органов МВД 2005 г.	Опрос населения России 2004 г. БД ФОМ
Местные жители	32,6 %	13,0 %
Приезжие	65,9 %	16,0 %

Можно предложить несколько объяснений такого положения вещей. Например, как мы уже говорили, сотрудники милиции по своим служебным обязанностям чаще остальных россиян сталкиваются с проявлениями межэтнических конфликтов. Это же обстоятельство мешает объективно воспринимать причины и внутренние механизмы динамики ситуации. Другим объяснением может быть установка на необходимость контролировать и регулировать деятельность национальных групп, которая иногда находится на грани легитимности.

В качестве рецептов изменения негативных установок сотрудников милиции по отношению к представителям иных национальностей называют-

ся беседы с личным составом и помощь психолога (соответственно, 49,8 % и 38,4 %). Важно отметить, что негативное отношение к мигрантам в целом, как правило, сопровождается отказом респондентов от мероприятий и дополнительных усилий по улучшению ситуации с межнациональной напряженностью, изменению установок сотрудников милиции на сотрудничество с мигрантами. Наблюдается смещение наблюдаемой частоты вариантов ответов, когда респонденты позитивно оценивают роль миграции в современных социальных процессах России и одновременно считают важным проведение специальных мероприятий.

Особенно это касается конкретных типов мероприятий по работе с личным составом, приглашения психологов, социологов, которые могут сконструировать новую модель восприятия ситуации. Такие мероприятия не вызывают особого энтузиазма у сотрудников, имеющих негативное мнение о роли приезжих в развитии ситуации в регионе; они считают, что самостоятельно могут разобраться в конкретных проявлениях и причинах межэтнических конфликтов. Те же, кто имеет противоположное мнение о роли миграции, хотели бы получить новую информацию у специалистов, которые помогут лучше понять культурные особенности тех или иных

этнических групп, предложат паттерны разрешения конфликтов в конкретных ситуациях.

Другой важной зависимостью, которая фактически показывает принципиальные пути улучшения установок сотрудников милиции по отношению к мигрантам, является зависимость восприятия миграции и таких статусных характеристик как уровень образования и уровень материального положения (см. Табл. 3, 4). Чем выше уровень образования или достатка сотрудника милиции, тем более терпимо он относится к мигрантам, к их активности на рынке труда.

Таблица 3

Сопряженность по переменным:

«Польза или вред от многонациональности России?» и «Ваше образование»

Категория	Ваше образование		
	Среднее	Среднее специальное	Высшее
Больше вреда	56,5 %	50,0 %	34,0 %
Больше пользы	43,5 %	50,0 %	66,0 %

Таблица 4

Сопряженность по переменным:

«Польза или вред от многонациональности России?» и «Каково ваше материальное положение»

Категория	Ваше материальное положение				
	Денег не хватает на продукты	Покупка одежды затруднена	Покупка вещей длит. пользования затруднена	Машину, квартиру не можем себе позволить	Позволяем дорогие покупки
Больше вреда	58,3 %	61,2 %	33,3 %	32,7 %	20,0 %
Больше пользы	41,7 %	38,8 %	66,7 %	67,3 %	80,0 %

Существует определенная асимметрия по регионам. Мы можем прокомментировать это данными, широко представленными в выборке. Речь идет о городах Поволжского федерального округа — Саратове и Самаре. Респонденты Самары с большей терпимостью отнеслись к таким насильственным мерам, как выселение. В Саратове одобрили бы подобные действия местной администрации менее 60 % респондентов, в Самаре — более 70 %.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы. Отношение к мигрантам во многом формируют региональные административные структуры и органы внутренних дел, которые специальными мероприятиями, нацеленными на сдерживание экспансии иммигрантов, зачастую добиваются отрицательного эффекта — увеличения социальной и культурной дистанции между ними и обществом. Население же фиксирует это обстоятельство как некую естественную, само собой разумею-

щуюся данность. Отметим, что если иммигранты в западных странах во многих случаях сильно отличаются от местного населения, то иммигранты в сегодняшней России часто являются гражданами бывшего СССР, к которым раньше относились достаточно терпимо.

Эти обстоятельства, на наш взгляд, требуют специальных усилий по изменению ситуации со стороны законодателей, руководства страны и регионов, руководства органов внутренних дел, а в целом — всего общества. Необходимо изменение ценностно-мотивационных принципов регулирования установок сотрудников силовых структур, внесение коррективов в их профессиональную подготовку. Говоря о «профессионализме» мы имеем в виду следующее. Как известно, дискурс профессионализма изучается и применяется в социологии для того, чтобы изменять и оптимизировать организационные и управленческие задачи, а не поддерживать исто-

рически традиционные и консервативные формы отношений и деятельности. На современном этапе профессионализация сотрудников правоохранительных органов должна, как нам представляется, включать не только совершенствование навыков оперативно-розыскной работы, владение нормативно-законодательной базой и прочими специальными знаниями, но и формирование компетентности в вопросах мультикультурализма, толерантности и нондискриминации. На практике модернизация профессиональной подготовки кадрового состава милиции происходит под влиянием преимущественно кризисных ситуаций, что позволяет решать тактические задачи, но не может дать положительного эффекта в долговременной перспективе [Более подробно о путях преобразования системы подготовки кадров в правоохранительных органах см.: 10].

В заключение, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что конфликты, возникающие между коренным населением и мигрантами, своими источниками имеют не столько этническую и культурную обособленность, сколько противоречия социального свойства.

Литература

1. База данных ФОМ, опрос населения 24.02.1999 <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/migrants/t902716/printable/>

2. База данных ФОМ. Приезжие и местные. Опрос населения в 100 населенных пунктах России. 20—21 апреля 2002 г. 1500 респондентов. <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/migrants/d021610/printable/>

3. База данных ФОМ, опрос населения. Миграция и межнациональная рознь. 11.03.2004 <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/migrants/tb041011/printable/>

bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/migrants/tb041011/printable/

4. База данных ФОМ. Приезжие и местные. Опрос населения в 100 населенных пунктах России. 20—21 апреля 2002 г. 1500 респондентов. <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/migrants/d021610/printable/>

5. База данных ФОМ. Межнациональные отношения. Опрос населения в 100 населенных пунктах России. 9—10 октября 2004 г. 1500 респондентов. <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/d044110/printable/>

6. База данных ФОМ. Россия и национальный вопрос. Опрос населения в 100 населенных пунктах России. 20—21 апреля 2002 г. 1500 респондентов. <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/d021611/printable/>

7. Дмитриев, А.В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Экономическая социология. Электронный журнал. www.ecsoc.msses.ru 2005.

8. База данных ФОМ. Всероссийский опрос городского и сельского населения. 20 апреля 2002 года. 1500 респондентов. <http://bd.fom.ru/cat/societas/nation/xenophobia/>

9. База данных ФОМ. Миграция и межнациональная рознь. Опрос населения в 100 населенных пунктах России. 6—7 марта 2004 г. 1500 респондентов. <http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/migrants/tb041011/printable/>

10. Курушин, В.И. Ценностно-нормативные регулятивы модернизации управления профессиональной подготовкой кадров в системе министерства внутренних дел российской федерации. — Саратов : изд-во Сарат. ун-та, 2004. — 176 с.

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ДРАМАТУРГИИ «НОВОЙ ВОЛНЫ»

Время и пространство в искусстве выступают в качестве «важнейших параметров внутреннего мира произведения» [1, с. 31], выразителей идейных и эмоциональных сторон художественного образа. Пространственно-временная организация произведения — «динамический элемент драматургической концепции», «видимый элемент создания и проявления смысла» [2, с. 261].

«Внутренний мир» драматического произведения не исключение, но анализ драматургии осложняется тем, что пространство и время в драме немислимы вне речи персонажей. В ремарках задано сценическое время и пространство. Все остальное — в разговорах героев: их воспоминаниях, мыслях, фантазиях, мечтах.

В драматургии социально-бытовой, в производственных пьесах (хронологически предшествующих драматургии «новой волны») художественное пространство и время выполняли функцию скорее прагматическую — демонстрировали условия, в которых человек живет, работает, формируется, с которыми сражается или «срастается». Хронотопические образы, претендующие на передачу «чувственной» информации, эмоциональной атмосферы мира — завоевание модернистской литературы, для которой принципиально было воплощение иррационального: интуиций, настроения. Модернисты более других акцентировали «эмоциональную заряженность» этих образов. В советской литературе тенденция создания атмосферы через образы пространства и времени возрождается благодаря лирической мелодраме — в пьесах Арбузова, Розова, Володина, и находит свое логическое продолжение в пьесах их учеников, многие из которых — драматурги-поствампилловцы.

Уже поэтика заглавий пьес «новой волны» немедленно обращает исследование в определенную сторону. Как правило, в заглавие произведения выносятся «ключевые» для него образы: заглавие — это «точка стяжения» эмоциональных и идейных смыслов. По мнению С. Кржижановского, «заглавие пьесы отличается от заглавия научного трактата, романа, новеллы и чего угодно тем, что оно чрезвычайно чувственно», оно «трубит» о пьесе, становясь одновременно и мыслью о ней, и чувственным выразителем смысла [3]. Заглавия пьес «новой волны» акцентированы на образах пространства и времени, часто — в их целокупности: «Пять романсов в старом доме», «Старый дом», «Сад», «Сад без земли», «Пять углов», «Восточная трибуна», «Синее небо, а в нем облака», «Колея», «Сцены у фонтана»; «Уходил старик от старухи», «Ретро», «Взрослая дочь молодого

человека»... И вряд ли такой интерес случаен. Очевидно, что хронотопические образы играют для пьес поствампилловцев принципиальную роль.

Реальное пространство и время действия, вернее, их характер, может сказать о героях не меньше, чем то, о чем они сами говорят и что думают. Фактическое пространство и время в пьесах «новой волны» почти всегда локально и сохраняет статус повседневного, несет на себе отпечатки бытовых забот. Мы застаем героев дома, на даче, в гостинице, квартире, ресторане, на стадионе или в коллективном саду. Однако при внимательном взглядывании становится очевидно, что характер пространства не вполне определен.

Так, попадая в квартиру героев, читатель обнаруживает ремонт, как в пьесе В. Арро «Пять романсов в старом доме» (*«все готово к ремонту, окна обнажены, уюта никакого»*), антикварный «застой» («Ретро» А. Галина), бытовую запущенность и, как следствие, полное отсутствие уюта (В. Арро. «Колея»: *«В разных местах стоят несколько стульев, повернутые так и этак, почти все они завалены кипами рукописей и журналов... Все очень запущено, «зажито», видно, что не только ремонта, но и хорошей уборки в комнате давно не было»*). Стадион, на котором прошли лучшие годы юности героев, — полуразрушен, везде *«запустение, развалины, бурьян»* («Восточная трибуна» А. Галина); ресторан «Урал», в котором герои празднуют свадьбу, смешит окружающих старой вывеской с отпавшей буквой «л», так что, получается, отметить знаменательное событие приходят в ресторан «Ура» («Тамада» А. Галина).

Нетрудно выявить общее качество места действия — пространство запущенное, отчужденное от себя человеком, оттого и теснота, бытовая неустроенность, какое-то внутреннее несоответствие, которое неизбежно возникает при соединении старины и утилитаризма, как в «Ретро» или «Трагиках и комедиантах» (*«Гостиница в центре заповедного старинного городка, где-нибудь в пределах Золотого кольца. Под номер здесь приспособлены какие-то старинные покои под сводами»*).

Часто герои находятся не в своем пространстве: живут в чужом доме («Сад без земли» Разумовской, «Смотрите, ко пришел» Арро) или приезжают куда-то с мыслью начать «новую жизнь» («Майя» Л. Разумовской), найти настоящий дом («Серсо» В. Славкина).

Бытовая неустроенность героев, их «неприкаянность» в пространстве, которое традиционно рассматривается как домашнее, обиходное, овнешняет

отношение персонажей к повседневному течению жизни, коррелирует с их самочувствованием.

В пьесе «Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина Люся, жена Бэмса, в разговоре с Прокопом, описывает душевное состояние мужа так:

Люся. Жизнь, видите ли, не удалась, блеска не получилось... Он вот, слышишь, насверлил дырок, полки собрался делать, потом бросил... Дырки целый год сверкают. И заделывать не дает. По воскресеньям подойдет, дощечку примерит, штукатурку колупнет и стоит вздыхает...

Реплика эта произносится героиней почти в самом начале пьесы, однако ей предшествует воспоминание Прокопа о том, каким был Бэмс в молодости — «*Наш Бэмсик — первый стилиста факультета... покоритель женских сердец*», обозначая разрыв между ярким, насыщенным событиями прошлым, в котором Бэмс — король, и настоящим, бессобытийным, обычным (в обстановочной ремарке к первому действию подчеркивается спокойная «усредненность» сценического пространства — квартиры, в которой обитает семья Куприяновых). Кроме того, настоящее у героев ассоциируется со старостью («*Да, было дело... Где сейчас эти танцы?... Может, это действительно старость?*»), «безвременьем» («*В кино теперь не поют перед сеансом. А больше я ни на что не гожусь...*»), скукой («*Дома скучно*») — в развитии пьесы эти ассоциации выявляются через прямые реплики героев о своей жизни, через их умонастроения и включаются в ход драматического действия.

Пространственные образы используются для «метафоризации» ощущений, которые связаны с повседневным течением жизни. Петушок из пьесы «Серсо» того же В. Славкина использует «пространственную метафору» как «непрямой путь» передачи своего душевного состояния.

*Петушок (снова появляясь). Я жил с мамой и папой в одной комнате, узкой и длинной, как трамвай. Все у нас было **впритык**, и мой тот самый диванчик как раз **умещался** между выступом стены и шкафом. Когда мама утром открывала дверцу шкафа, мой диванчик и я вместе с ним, мы двигались, ехали так чуть-чуть, **миллиметра три**. Как меня изводили эти три миллиметра!.. Дверца шкафа открывалась, надавливала на край дивана, диван ехал, и я на нем. И ничего не поделаешь! По-другому у нас в комнате мебель стоять не могла. Так и ездил три миллиметра туда, три миллиметра обратно. До тридцати четырех лет. Потом мама умерла и шкаф стали открывать гораздо реже... К чему это я?*

Душевная «взвинченность» героя становится очевидной не столько из самого монолога, сохраняющего несколько безразличный тон («К чему это я?»), сколько из «жестикюляционного пространства» (П. Пави), в котором произносится монолог:

*Петушок **вскакивает** с дивана и **скрывается** в другой комнате. Оттуда — **резкие звуки фортепиано. Буги-вуги.***

Интонационно-ритмический жест выполняет одновременно и изобразительную, и выразительную функции: это и живое движение героя, существующее в «физическом» (или фактическом) пространстве пьесы, и способ выражения душевного состояния («эмоциональное» пространство). Лихорадочность движений, эмоциональная напряженность, сказывающаяся и в музыке, которую играет Петушок, с одной стороны, контрастируют с «отстраненной» интонацией повествования о себе в прошедшем времени, с другой — вступают с ней в странные взаимоотношения, складываясь в цепочку причинно-следственной связи, усиливая внутреннюю драму персонажа. Теснота, отсутствие своего места в жизни, одиночество выступают как данность, примета жизни героя — она и мотивирует его почти истерическое эмоциональное состояние.

Настоящее время осмысливается героями как повторяющееся, обыденно-жизетское, лишенное «творческого горения»:

Майя. ... О, я так люблю жизнь! И все земное! Но мне иногда кажется, что здесь все одинаково. Все одно и то же. Человек только рождается и удовлетворяет свои потребности. ... Все мы вертимся в колесе своих желаний, а потому озабочены и несчастны.

Елена. Главное, я хочу, чтобы никаких иллюзий, майя. Личная жизнь не удалась, ну что же... Пойми, в нашем возрасте мы уже ни на что не можем рассчитывать.

(Л. Разумовская «Майя»)

Размышления о цели безрадостного существования, о счастье постоянны для героев Л. Разумовской и выливаются в главный вопрос, который решают для себя герои: «Для какой цели мы несчастны?». С появлением в пьесе новых персонажей, каждого из которых нынешнее существование не устраивает, звучание мотива усиливается. Жизнь кажется героям «миражом», «сном», «майей», в котором счастье — лишь призрачная надежда. Как и пространство, в котором живут герои поствампилловцев, настоящее от них отчуждено. Они, как чеховские персонажи, — в жизненном «потоке» и одновременно за его пределами. Они включены в быт — едят, спят, ходят на работу, растят детей, делают ремонт — и в то же время ясно осознают, что «жизнь — это не совсем то, что мы делаем сейчас» («Майя»).

Ощущение повторяемости «обыденно-жизетского циклического бытового времени» (Бахтин) передается через речь персонажей: речевые лейтмотивы с эмоциональной доминантой «неудовлетворенности», разговорно-бытовую интонацию, через настроение героев и, конечно же, через параллелизм ситуаций в сюжетном действии. Так, например, в пьесе «Взрослая дочь молодого человека» возникает параллель: «Бум отчислать» — ректор, исключивший стилиста Бэмса из института за недостойную советского человека привязанность к джазу, и

Ивченко — нынешний ректор того же вуза, собирающийся исключить «хиппующую» дочку Бэмса за слишком вольное поведение и нарушение дисциплины, на самом же деле, как и отца когда-то — за «инакомыслие».

Повседневная жизнь для героев всегда связана с эмоциональным модусом «неудовлетворенности», она проникнута одиночеством, чувством бытовой и экзистенциальной неустроенности, из-за неспособности героя реализовать свои лучшие устремления. В основе сюжета пьес, как правило, лежит какое-то событие, побуждающее героев к размышлениям над собственной жизнью, осознанию разобщенности окружающих и тотального неблагополучия.

В разной степени неожиданное (от предельно бытового — вроде продажи дома — до почти неординарного — выяснения, что в твоей квартире когда-то жил известный поэт), событие почти всегда логически мотивировано, то есть вполне объяснимо. Тем разительнее его эффект. Пьеса начинается продажей дачи («Смотрите, кто пришел!» В. Арро), а заканчивается смертью одного из героев. Приезд в заброшенный дом на выходные («Серсо» В. Славкина) вызывает целый фейерверк признаний героев и настоящую игру воображения. Очевидно, что событие, будучи атрибутом действия внешневолевого, не может объяснить душевное состояние или поведение героев, но принципиально важно для раскрытия «эмоционального содержания жизни»¹.

Часто тот или иной случай из повседневной жизни ставит героя перед выбором. Так, появление чудака Бронникова в пьесе «Пять романсов в старом доме» В. Арро требует от хозяев немедленного решения: предпочесть пусть скучную, но более или менее устоявшуюся и комфортную жизнь или признать необходимость сохранить квартиру в первоначальном виде — как культурную ценность. Встреча бывших сокурсников в пьесе «Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина мотивирует героев к самоанализу и с явной очевидностью высвечивает того из них, кто так и не смог приспособиться к обычной жизни. Бэмс, оказавшись в компании друзей и старого «оппонента» Ивченко и осознав степень своей «невписанности» в мир, невольно становится перед выбором: переводить ли свое прошлое, свою «Чу-чу», бывшую когда-то знаком духовной свободы, в разряд веселого прошлого (как это сделали Люся и Проккоп) или оставаться «вечным стилижкой». Что лучше: цепляться за прошлое как за возможность сохранения или примириться с действительностью

¹ Исследуя творчество А. П. Чехова (См. Нравственные искания русских писателей. М., 1972), Скафтымов указывал на то, что Чехов-драматург не ищет грандиозных событий для своих героев, его более всего интересуют их «чувство жизни», ее «эмоциональное содержание». В какой-то степени это высказывание справедливо по отношению к драме «новой волны» — с некоторыми поправками.

и войти в обычную жизнь — наравне с пеньками вроде Ивченко, «Бум отчислять» и многими другими?

Вообще встреча — одно из самых частых сюжетобразующих событий в пьесах поствампировцев. В пьесе «Восточная трибуна» А. Галина ситуация встречи бывших одноклассников становится завязкой действия — как «внешнего» так и «внутреннего». На уровне событийного действия движется по сценарию Потехина, преследующего довольно определенную цель — продать импортные вещи подругам Коняева:

Сейчас, шурин, я заработаю тебе столько денег, сколько ты за год не наиграешь! Тряхнем провинцию. Пусть девчата вспарывают матрасы!

Героини действительно примеряют вещи, выбирают, «вспарывают матрасы». Однако это — лишь цепь событий, «поверхность» сюжета. Гораздо важнее оказывается иное действие, спровоцированное все той же встречей — воспоминание героев о прошлом, подведение жизненных итогов, лирический сюжет, в котором главным становится вопрос: какими мы стали и почему? Э.Л. Финк, анализируя пьесу, указывает на важнейший мотив — мотив движения времени, который организует воспоминания героев пьесы и способствует постоянному соотношению сегодняшнего дня с прошлым, себя настоящего и себя юного [4].

Внутреннее действие развивается неявно, подспудно, обнаруживает себя в паузах, неожиданных поворотах темы, лирических монологах героев. Конкретные детали, обстоятельства жизни героев, выясняющиеся по ходу действия, точнее обозначают те изменения, которые произошли с персонажами, мотивы их сегодняшних настроений.

Итог встречи одноклассников на уровне событийного практически нулевой. План Потехина реализован, но причины его «успеха» совсем иные. «Провинция» вспарывала матрасы, но не по причине интереса к импортным шмоткам, а из уважения к другу своего детства, общему прошлому, с надеждой на то, что действительно сможет помочь Коняеву.

Значимость достижения локальной цели нивелируется эмоциональной и интеллектуальной активностью, которая преобладает над внешневолевыми свершениями. Более того, событийная сторона действия постепенно отходит на второй план. Так, если в первом действии интрига «продажа шмоток одноклассникам» еще имела значение, то действие второе полностью посвящено «взаимному узнаванию» героев, их воспоминаниям и размышлениям.

Таким образом, действие в пьесе направлено главным образом на «идейно-нравственное самоопределение человека, который к окружающему миру и к самому себе относится критически» [5, с. 150]. По мнению В.Е. Хализева, это есть несомненный признак преобладания внутреннего действия над внешним.

В драме «новой волны» неспособность героя к «инициативному поступку» (Хализев В.Е.), разрывающему привычный круговорот жизни, выявляет сверхнизкий тонус его жизненной энергии. Однако эмоциональная активность переживания своей нереализованности способствует конструированию очень сильной эмоциональной атмосферы. Перенос акцентов на внутренний конфликт, на противоречия в душе героя становится важным фактором создания экспрессии в пьесах.

В пьесах постампиловцев драматизм возникает не столько из-за характера существования человека в повседневности, сколько из-за непреодолимой разницы между скучной жизнью в настоящем и представлениями о том, как можно жить и чувствовать. Об этом — и «Пять романсов в старом доме» В. Арро и «Фантазии Фарятьева» А. Соколовой, и многие другие пьесы «новой волны». Бытовому пространству и времени в них всегда противопоставлено некое субъективное «идеальное» время и пространство, существующее в сознании героев, в их воспоминаниях («Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина, «Старый дом», «Сад» В. Арро), представлениях об историческом прошлом («Пять романсов в старом доме», «Трагики и комедианты» В. Арро, «Серсо» В. Славкина,), мечтах («Колея» В. Арро, «Майя» Л. Разумовской), фантазиях («Фантазии Фарятьева» А. Соколовой), «пустым формам» человеческой жизни (как в «Тамале» А. Галина или в его же пьесе «Ретро») — искренность душевного переживания, правдивость чувств. Это принципиально иное, духовно-эмоциональное пространство концентрирует в себе стремление героев к «иночувствованию», выступает альтернативой повседневности и имеет почти все приметы «идиллического» хронотопа, где «на первый план выдвигается глубокая человечность самого идиллического человека и человечность отношений между людьми, далее цельность идиллической жизни...» [6, с. 266], романтические идеалы доброты и красоты и проч.

Драматизм усиливается за счет стремления к совмещению полюсов, насыщению фактического времени тем опытом чувствования, которое предлагает героям внутренне заполненное, беззаботное прошлое или мечта, фантазия: так, Петушок, герой пьесы «Серсо» с надеждой на преодоление разобщен-

ности собирает своих знакомых и привозит в старый, заколоченный Дом, который достался ему по наследству, — то есть пытается пространственно «буквализовать»/воплотить желание иметь собственный дом (в значении «семейный очаг», уют, теплота). Душевный порыв, воплощенный материально, оказывается искаженным. Дому как реалии настоящего времени, повседневности, материальному объекту, сопутствует мотив продажи: в течение вечера появляются сразу несколько потенциальных хозяев.

Воображаемое пространство и время для героев всегда имеет позитивный эмоциональный заряд, они существуют в пьесах в пространстве представления — вводится через речь героев (на уровне предметно-логическом и интонационном), через мотивы музыки, игры, через звучащую музыку, танцы, через культурные архетипы Дома и Сада, интермедии, вставные эпизоды, через условно-метафорические образы, «вырастающие» из реальной фабулы, ассоциативный фон.

На стыке реального и воображаемого времени и пространства и развивается действие пьес «новой волны». Диссонансом соотносясь с повседневной жизнью героев, духовно-эмоциональное пространство мечты, воплощающее порывы героев и иному типу существования, создает «контр-картину» бытовой реальности, в которой существуют персонажи пьес «новой волны».

Литература

1. Лейдерман, Н.Л., Барковская, Н.В. Теория литературы. — Екатеринбург : УрГПУ. 2002. — С.31
2. Пави, П. Словарь театра. — М. : Наука. 1991. — С. 261.
3. Кржижановский, С. Пьеса и ее заглавие // Новое литературное обозрение. — № 52 (2001). — С. 11—19.
4. Финк, Э.Л. Своеобразие конфликта и поэтика комедии А. Галина «Восточная трибуна» // Поэтика реализма. Межвузовский сборник. — Куйбышев : изд-во КГУ. 1984. — С. 136.
5. Хализев, В.Е. Драма как род литературы. — М. : Высшая школа. 1986. — С. 150.
6. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. — М. : Наука. 1975. — С. 266.

РЕФЕРАТЫ СТАТЕЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

УДК 681.3 + 316.774
ББК Ч23: С5.В6

Быков А.Ю. К вопросу о понятии «информация». В статье рассматриваются основные подходы к толкованию термина в гуманитарных и технических науках. Итогом знакомства с различными точками зрения является выделение сущностных характеристик феномена информации.

УДК 316.7
ББК С55.35 + Ю51

Веселкова Н.В. Отношение к будущему: штрихи к портрету темпоральной субъектности. Статья раскрывает типы отношения к будущему («мистика предсказания» и «рацио предвидения») и к неопределенности будущего («будущее как продолжение настоящего» и «будущее как иное»), используя анализ сочинений одиннадцатиклассников. Выдвигается идея темпоральной субъектности как основы темпоральной компетентности.

УДК 316:34
ББК С55.52 + Х621.15

Глазырин В.А. Методологические основания изучения права в социологии. В статье обосновывается потребность в систематической разработке социологической методологии изучения права, раскрываются её основные положения, выделяются основные направления исследований права в социологии для изучения социально-правовых проблем современного российского общества.

УДК 316.42(470+571) + 323(470 + 571)
ББК Ф3(2) + Ч11

Комлева Н.А. Россия и Запад отношения гомоморфизма. В статье на основе использования понятий «гомоморфоза» и «псевдоморфоза» анализируются отношения политического гомоморфизма и России как политической гомоморфозы. Автор статьи также обосновывает некоторые особенности исторического пути России и прежде всего — развитие через культурные катастрофы.

УДК 316.4
ББК С55.37

Левченко В.В. Состязательность и ее основные детерминанты. В статье изложено авторская концептуальная схема анализа состязательных отношений, рассмотрены динамика и основные тенденции изменения видов состязательности в современном российском обществе за последнюю четверть века, а также — факторы, обуславливающие их формирование и развитие.

УДК 316.4
ББК С.86

Маликова Н.Н. Социологическое исследование как коммуникативный процесс. В статье рассматривается одна из форм коммуникативного процесса — клиентские отношения. Автор статьи конструирует схему исследования в контексте взаимодействия двух субъектов — Социолога и Клиента. Особый интерес представляют рекомендации по повышению эффективности взаимодействия заказчика и Социолога.

УДК 316.3 + 316.1
ББК С508 + С55

Мансуров В.А. Социология и общество: проблемы взаимодействия. Статья поднимает сложную проблему необходимости фундаментальной социологической теории — метатеории. При том, что в настоящее время совершается много попыток создания современных, новых теоретических схем и концепций, ни одна из них не может претендовать на роль теоретического фундамента социологической науки, которая так и остаётся в этом смысле «провинциальной» наукой. Автор статьи предлагает краткий обзор работ российских социологов последних лет, которые носят ярко выраженный парадигмальный характер и могут составить основу для разработки действительно масштабной методологии и теории социологии.

УДК 316.334.56
ББК С55.661

Масалков И.К. Возникновение клинического подхода в медицине и социологии. В статье раскрывается история возникновения и развития психосоциологии как теории и как практической деятельности. Обосновывается сущность клинического подхода, эпистемология и предмет клинической социологии.

УДК 330.522.6
ББК Ю212 + Ю51 + Ю223

Рычков Д.А. Собственность как интегральная форма общественного и индивидуального бытия человека. В статье рассматриваются антропологические конфигурации собственности как способа бытия человека и познания мира. Феномен собственности предстает в качестве ключа для открытия, освоения и творческой разработки нового пространства философской рефлексии отношений человека с миром.

УДК 316.343.6
ББК С534+С542.2

Слюсарянский М.А. Методологические аспекты исследования социально-трудовых отношений в процессе трансформации российского общества. Автор, опираясь на данные социологического исследования социально-трудовых отношений работников предприятия Пермского края, прослеживает динамику социально-трансформационных процессов, их влияния на характер, условия и уровень адаптированности к социальной среде.

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

УДК 342.843 + 316.334.3:324 + 324
ББК Ф3(2)68 + С55.51

Зырянов С.Г. Становление нового института региональных выборов: проблемы и перспективы. Статья посвящена анализу становления нового института региональных выборов. На выборах 2005 года в Законодательное собрание области депутаты избирались не по мажоритарным округам, а по смешанной избирательной системе.

УДК 316.334.3 + 323
ББК Ф3(2)123 + С55.51

Никонов А.И. Проблемы формирования политического процесса в современной России. В статье рассматривается и оценивается политический процесс в России. Большое внимание уделено деятельности государства как основного субъекта политического процесса, рассмотрен ряд проблем и недостатков, возникающих в ходе формирования политического процесса. Обращается внимание на возможность возникновения негативных последствий при реализации неэффективной, нецеленаправленной политики государства. Особый интерес представляет анализ политического процесса в послевоенной Германии, опыт которой имеет несомненное значение и интерес для России.

УДК 316.462
ББК С55.377 + Ф3(2)123

Руденкин В.Н. Российская бюрократия: количество и качество. В статье рассматривается проблема качества чиновничьего аппарата в России. Дается анализ подходов к решению этой проблемы в развитых странах мира; раскрываются причины, порождающие низкое качество работы российских чиновников; предлагаются конкретные меры по его повышению.

УДК 324 + 342.82
ББК Ф3(2)68 + С5.В6

Храмцова Н.Г. Манипулятивные характеристики правового дискурса в процессе политико-правовой коммуникации. Статья опирается на результаты проделанного автором контент-анализа

предвыборных обращений к избирателям претендентов на пост губернатора Курганской области и опубликованных в местной печати интервью, взятых у кандидатов в губернаторы.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 343.359 + 316.334
ББК С55.42 + Х622.2

Зырянов В.В., Желаннова Е.А. Когнитивный подход в изучении эффективности налоговых реформ. Работа посвящена актуальной для России теме — массовому уклонению от уплаты налогов. Научный интерес исследования заключается в разработке схемы взаимодействия элементов налоговой системы и установлении направлений и характера взаимосвязи между ними с целью определения эффекта от налоговых преобразований, как претворяемых в жизнь, так и находящихся на стадии разработки.

УДК 316.34
ББК С55.37 + С55.47 + У9(2)-94

Иванов О.П. Национальное счастье как социальный феномен. В статье рассматривается эволюция критериев и базовых ориентиров в решении стратегических задач управления развитием социально-экономических систем. Показан переход от валовых критериев планирования и оценки результатов развития к критериям, характеризующим качество жизни населения, и, далее, к понятию «национальное счастье». На основе анализа фактических данных рассмотрены принципиальные подходы и практические действия, направленные на решение важнейшей социальной задачи повышения благосостояния населения.

УДК 316.344.22
ББК Ф3(2)1 + С55.325.1

Козлов В.Н. Работающая молодежь: осознание себя и общества. В статье представлены выводы социологического исследования, целью которого был анализ удовлетворенности молодых рабочих, специалистов и служащих городов Челябинской области содержанием, организацией, условиями и оплатой труда, а также отношений к молодежи на предприятии и ее отношений к предприятию. Результаты исследования показали необходимость дифференцированного адресного подхода в молодежной политике в целом, и к работающей молодежи в частности.

УДК 316.334.22
ББК Т3(2Р36)6-3 + С55.44

Лаврентьева И., Варнавская И.П. Социально-экономические проблемы реализации стратегии включения репродуктивного труда в экономику. Данная научная статья посвящена историко-социо-

логическому анализу территориального социально-экономического поведения населения Урала в XX веке как региона, играющего с XVIII в. и по настоящее время значительную роль в социально-экономическом развитии всей страны. Предложенный анализ позволяет понять как истоки современных проблем регионального развития Урала, так и концептуализировать возможные пути объективации и оптимизации социально-экономических процессов в регионе на ближайшую и отдаленную перспективу.

УДК 323.326 + 316.334.23
ББК С55.44 + У9(2)09:С55.44

Нестерова Н.В. Социокультурная полиаспектность предпринимательской деятельности как условие успеха. Статья представляет из себя комплексное рассмотрение категории предпринимательской деятельности (с точки зрения системного подхода) с целью фиксации основных направлений изучения успеха как социокультурного феномена методами социологического исследования.

УДК 621.039:658.3 + 316.334.2
ББУ У9(2)240

Носырев Н.А. Ренессанс ядерной энергетики и корпоративная система подготовки кадров для атомной промышленности. В работе рассматриваются основные тенденции в развитии атомной энергетики в начале XXI в., а также восприятие мировым сообществом ядерных технологий, реструктуризация ядерной промышленности и возможности получения работы в атомной энергетике. Оцениваются процессы глобализации, которые приводят к существенной трансформации рынка трудовых ресурсов. Анализируется возрастание роли интеллектуального капитала в современных корпорациях, которое приводит к необходимости превращения их в постоянно «обучаемую организацию». Данные процессы реализуются в нетрадиционной форме — в форме корпоративного университета. В работе анализируются цели, деятельность образовательного Консорциума «Российский ядерный инновационный университет», его программы, проекты и первоочередные задачи.

УДК 316.343.6 ББК С534+С542.2

Разинский Г.В. К вопросу о типе управления производственным социумом. В статье на базе данных эмпирического исследования дается анализ доминантных типов управления и их влияние на социальное развитие производственной общности и социально-трудовое поведение работников.

УДК 651.012.3 + 658.1.012.3 + 316.334.2
ББК С55.373

Уманский А.С. Функции и свойства политик предприятия в процессе реализации стратегии. В статье рассматривается управленческое содержа-

ние такого инструмента реализации стратегии предприятия, как политика. Политические процессы в организационной структуре предприятия выполняют важнейшие функции контроля, адаптации, развития стратегии как системы контрактов. Понятие политик в статье раскрывается через функции и свойства правил в менеджменте предприятия. Анализируются позиции различных школ стратегического менеджмента, предлагается авторская классификация правил.

УДК 316.334.22 + 316.346.32-053.6
ББК С55.325.1 + С73(2)

Шайкин Д.Н. Социально-экономические проблемы молодежи на рынке труда. В статье рассматриваются проблемы молодежи, связанные с профориентацией, профессиональным обучением, адаптацией на предприятии и с занятостью. Анализируются данные о демографическом развитии и социальной динамике молодежи Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан.

СОЦИОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

УДК 378.08
ББК Ч488.74(2)61 + Ч251.1

Антонова О.В. Динамика научных школ ЮУрГУ. В статье рассматриваются проблемы возникновения и развития научных школ в социокультурном контексте Урала XX в. Автор особое внимание уделяет изучению особенностей взаимодействия научных лидеров и их учеников, анализирует понятия «научная школа» и «научное направление» применительно к условиям ЮУрГУ.

УДК 316.42
ББК Ч210 + С55.562

Балакин В.С., Балакина Л.П. Наука как профессиональная коммуникация. В статье анализируется научная коммуникация как вид социальной коммуникации, выявляются коммуникативные особенности развития советской науки, предпринимается попытка определить значимость электронного формата научной коммуникации и проанализировать роль неформальных объединений ученых, работающих в одной предметной области.

УДК 314.122.66 + 316.347(С17)
ББК С55.57(2Р36) + ТЗ(2)413.21 + С7(2Р36)

Глухарев Д.С. Межкультурная коммуникация финно-угорских народов Урала. Автор рассматривает этнические процессы, проходившие у финно-угорских народов в Уральском регионе. Анализируются проблемы межкультурной коммуникации и роста национального самосознания. Обосновывается положение об ассимиляции этих народов со славянским населением.

УДК 351.85 (47+57) 3 – 93

ББК 74.4 (2)

Зуева Н.В. Сфера культуры в контексте государственных реформ. Статья посвящена первым итогам реформирования государственной системы управления, проблемам, возникающим в связи с разграничением полномочий между разными уровнями власти. Рассматривается вопрос определения результативности деятельности учреждений культуры.

УДК 378.1 + 316.74:378

ББК Ч481 + Ч484

Иголеви́ч Н.И., Зимина Е.Ю. Возможности использования типологических моделей профессионального образования в процессе подготовки и формирования специалиста. В предлагаемой статье проводится анализ типологических моделей профессионального образования на основе квалификационных параметров основных парадигм профессионального образования и рассматриваются возможности их использования в процессе подготовки и формирования специалиста. Вариативность профессионального образования позволит повысить эффективность профессиональной подготовки специалистов и обеспечит выполнение социального заказа общества на подготовку профессионалов для работы в условиях конкурентной рыночной экономики.

УДК 331.102.312 + 316.74:7

ББК Ю812 + Ц100 + С55.56

Колчинская В.Ю. Художественное творчество как способ самоидентификации. Статья посвящена теоретическим проблемам анализа творческой деятельности как способа конструирования идентичности. Творчество рассматривается как неотъемлемая черта человеческой деятельности, являющейся как условием, так и средством идентификации. В статье также рассматриваются особенности художественного творчества как способа идентификации.

УДК 316.4

ББК С55.4/5

Кораблева Г.Б. Институциональные основы формирования профессиональных общностей. В статье рассматриваются проблемы профессии как специального вида деятельности, особый тип общности и формы регулирования взаимодействия между ними. Определяются типы и уровни профессиональных общностей. Анализируется процесс профессионального разделения труда, появление новых профессиональных общностей. Характеризуются объективные основания профессиональной интеграции групп и слоев, а также социальной дифференциации.

УДК 316.323.6

ББК Т3(2)47-2 + С51(2)5

Коршунова Н.В. Реформы в России в последней трети XVIII — первой четверти XIX вв.: проблемы теории и практики. В статье рассматриваются основные проблемы подготовки и проведения реформ в России, в том числе в конце XVIII – первой четверти XIX века. Автор анализирует понятие «реформа» и особенности реформаторства в России. Выявлены характерные черты планируемых и проводимых преобразований в указанный период. В итоге автор приходит к выводу, что одним из последствий проводимых преобразований стал генезис либерализма и консерватизма в России.

УДК 355.233:34

ББК Х621.163 + С55.44 + С55.56

Лесняк В.И. Патриотическое воспитание в правоохранительных органах: состояние и факторы влияния. В статье анализируются состояние и перспективы героико-патриотического воспитания сотрудников российской милиции. Героизм и патриотизм как личностные качества присущи не только представителям силовых структур, однако им эти качества необходимы как обязательный компонент профессиональной подготовки. На основании данных социологического опроса от 29.04.2005 г. автор выявляет широкий спектр мнений и проблем, связанных с формированием профессионального патриотизма сотрудников ОВД. Отмечается, что уровень патриотизма работников милиции превышает средние показатели по стране (данные ВЦИОМ), что, впрочем, должно быть нормой с учетом специфики правоохранительной службы.

УДК 316.344.3 + 37.01

ББК С55.55 + Ч34 + Ю517

Липская Л.А. Антропологическая ориентация современного образования. В статье в социально-антропологическом контексте раскрываются особенности образования как социального феномена, дается характеристика кризиса современного образования как кризиса бытия человека. Автор, исходя из принципов постнеклассической науки, обосновывает возможность сосуществования, взаимодополнения и частично синтеза основных антропологических подходов (объектного и субъектного) к образованию, предполагая тем самым не революционную, а эволюционную смену образовательных парадигм. Предлагается прогностическая модель современного образования, разработанная на основе единого социально-антропологического пространства, отражающая процесс социализации человека как целостного био-психо-социокультурно-духовного феномена.

УДК 378:271.2 + 316.74:242

ББК Ч481.352 + Э372 + С55.557

Мальцева Л.П. О сотрудничестве Русской Православной церкви и вуза. В качестве постановки проблемы автор рассматривает сотрудничество Православной Церкви и высшего учебного заведения в культурно-образовательной и социальной сферах. Обозначаются социологические подходы к пониманию религии. Приводятся данные социологических исследований об отношении студенчества к вопросам веры.

УДК 316.323.6

ББК С51(2)5 + Т3(2)5-3

Мионов Е.В. «Стихийное» и «организованное» начала российского общества в русской социально-политической мысли XIX века. В статье автор рассматривает соотношение «стихийного» и «организованного» начал в истории становления Российского государства в том виде, как они были представлены в социально-политической мысли XIX века, и, в частности, в политической концепции Б.Н. Чичерина. Показано также, что анализ этих понятий вновь актуален в настоящее время, которое характеризуется трансформацией российского государства.

УДК 342.726 + 316.3

ББК С51(2)5 + Т3(2)5-3

Мионов Е.В., Трошкин Е.И. Политические права и ответственность граждан в социально-политической концепции Б.Н. Чичерина. В статье авторы рассматривают соотношения политических прав и свободы граждан с их способностями и ответственностью в организации общественной и государственной жизни, как они представлены в социально-политической концепции Б.Н. Чичерина.

УДК 316.7

ББК С55.56 + Ю717

Ольховиков К.М., Ольховикова С.В. Актуальные перспективы социологии духовной жизни. Социологические исследования духовных проблем тесно связаны с философским пониманием. Социология духовной жизни — это не просто группа специальных социологических теорий. Классическая социология сочетала феноменологию духовной жизни с критическими интерпретациями духовности как таковой. Современная социология стремится концептуализировать духовность как социальное установление. В случае социологии морали очевидно, что современная социология несет духовную миссию — компенсировать резкий формализм культурных воззрений, порожденный теистической традицией.

УДК 316.346.2-055.1 + 316.346.2-055.2

ББК С55.53 + Ф3(2)1

Попова Л.А. Гендерные отношения в современном обществе. Статья посвящена исследованию

гендерных отношений в Российской Федерации. Автор попытался показать роль экономических и социальных реформ на формирование гендерных отношений в современном обществе.

УДК 316.346.2-055.2

ББК С55.553 + Ф3(2)117

Рыбцова Л.Л. Феномен советской женщины, или особенности гендерной системы советского периода. В статье показаны генезис гендерной системы в советский период, уникальность феномена советской женщины, его положительные и отрицательные стороны. Подчеркивается, что советская программа гендерной эмансипации имела как концептуальные, так и практические проблемы.

Изменение гендерной системы в советском обществе не привело к преодолению подчиненного положения женщины в системе общественных отношений, но привело к появлению феномена советской женщины, который существенно влияет и на современных российских женщин.

УДК 316.277 + 811.161.1

ББК Ш141.2 + С55.563:Ш141.2

Сергиева Н.С. Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских. Статья посвящена исследованию языкового сознания и его этнокультурной специфики с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. Рассматривается проблема выделения ядра русского языкового сознания на материале «Русского ассоциативного словаря». Структура ядра исследуется по методу ассоциативного гештальта. Автором представлен глубинный анализ содержания ядерных лексем, составляющих семантическую зону жизнь.

УДК 947(С17) + 364.6 + 316.7

ББК Т3(2Р36)6 + С55.56(2Р36)

Тимофеев А.А. Социально-культурные последствия строительства Транссиба на Южном Урале. В статье проанализированы изменения в социокультурной сфере на Южном Урале после строительства Транссиба, развитие образования, здравоохранения и других сфер культуры, показан начальный процесс рационализации сознания городского населения.

УДК 316.32 + 316.422

ББК С55.55 + Ч34:С55

Файзуллин Ф.С., Шафиков М.Т. Особенности динамики научно-образовательного потенциала в условиях глобализации. Статья посвящена анализу методологических основ изучения особенностей динамики научно-образовательного потенциала в условиях глобализации. Особое внимание уделяется характеристике современного цивилизационного движения, содержащего диалектику взаимодействия глобализационных и локализационных социальных про-

цессов. Обоснована идея о необходимости оптимальной регионализации научно-образовательного потенциала в условиях глобализации.

УДК 316.7

ББК С55.66 + Ю66

Южалина Н.С. Проблема региона как социокультурного пространства. В современной гуманитаристике происходит становление и определение регионалистики в статусе научной интегративной дисциплины. Это требует теоретической и методологической концептуализации ее категориального аппарата. В связи с этим, автором рассматриваются базовые понятия современной регионалистики (регион, региональная культура, региональное самосознание, региональная идентичность), раскрывается их значение в различных исследовательских концепциях в настоящее время. В результате, актуальным представляется введение понятия «региональный менталитет» в качестве фундаментальной категории региональной науки.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.356.2 + 364.6

ББК С55.537 + У9(2Р36)-94

Антонова Н.Л. Потребности семьи в социальных услугах. Успешное функционирование и развитие системы социального обслуживания в России требует обращения к анализу потребностей населения в социальных услугах. В статье представлены результаты исследования, проведенного в 2005 году в г. Первоуральске (Свердловская область), основной целью которого выступило изучение потребности семьи в социальных услугах. Результаты проведенного исследования показали, что семьям как благополучным, так и тем, в которых имеется трудная жизненная ситуация, необходимы социальные услуги, прежде всего, медицинского, экономического и правового характера.

УДК 364

ББК С55.47 + У9(2)278

Бабкина Л.Ф., Власова А.В. Место благотворительности и ее форм в системе социальных ценностей. В статье рассматриваются место, роль и значение такого института гражданского общества, как благотворительность, его основные современные характеристики. Приводятся результаты общероссийских социологических исследований по изучению мнений населения о благотворительной деятельности. Также приводится анализ социологического исследования, проведенного среди студенческой молодежи по вопросу возможности их участия в социально значимых благотворительных акциях, стимулах и мотивах. Приводится характеристика исследования на основе гендерного

анализа опрошенного студента. Делаются выводы о развитии благотворительности на уровне Челябинской области и в Уральском социально-экономическом институте.

УДК 316.334.52

ББК С55.6 + С73(2Р5)

Ганопольский М.Г. Структура расселения как основа формирования региональной общности. Работа посвящена вопросам воздействия структуры расселения на формирование региональной общности в районах, сформировавшихся в ходе нового индустриального освоения. Исследование опирается на опыт массированного освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, почти полностью уместившейся в границах Тюменской области. Тюменская область является в данном случае и единичным объектом изучения региональной общности, и своеобразным объектом-представителем в теоретическом обобщении полученных результатов.

УДК 316.334.56

ББК С55.661

Заборова Е.Н. Феномен города с точки зрения теории социального пространства. В статье обосновывается и интерпретируется сущность и основные характеристики понятия «социальное пространство». С позиции теории социального пространства рассматривается феномен города, раскрывается взаимосвязь глобализационных и внутригородских процессов.

УДК 364.2

ББК С55.54(2Р-4Че) + С55.663

Москвичева М.Г., Бредихина Н.В. Проблема здоровья и здоровый образ жизни современного человека (социологический анализ). В статье рассматривается отношение населения Челябинской области к своему здоровью и ориентация на здоровый образ жизни. Основной акцент делается на отношении сельского населения области, поскольку исследований по селу по данной проблеме ранее не проводилось.

УДК 316.74:796

ББК С55.451 + Ч510

Паначев В.Д. Проблемы управления социальным институтом спорта. В последние годы спорт изучается разными отраслями научного знания, каждая из которых создаёт своё представление о нем как предмете исследования. Однако, социологический ракурс проблемы спорта особенно социальные процессы его управления, остается недостаточно исследованным.

Проблемы современного процесса управления этим специфическим социальным институтом и его роль в развитии личности являются центральными и доминирующими факторами спортивных

достижений и управляющей модели современного мирового спорта. Феномен спорта как социального явления чаще всего определяют через ценностные ориентации. Современное понимание проблематики управления спортом как социального института, а также цель нашего исследования управления спортом как социальным институтом и его роль в развитии личности предполагают использование теории социального развития, социального статуса, социальных отношений, группового поведения, системного и целостного подхода к раскрытию этого управляемого явления как феномена.

Социально-управленческие основы развития студенческого спорта необходимо рассматривать как совокупность государственных и общественных форм деятельности, осуществляемых в целях физического и спортивного совершенствования студенческой молодежи, удовлетворения ее интересов и потребностей, подготовки спортивного резерва для сборных команд РФ.

УДК 316.346.32

ББК С55.4/.5 + С55.325

Петрова Л.Е. Молодые взрослые: типология стратегий совладания с жизненными трудностями. Статья посвящена типологии стратегий совладания с жизненными трудностями молодых взрослых — маргинальной группы, находящейся на границе молодости и зрелости. На основе анализа глубинных интервью выделены жизненные трудности в сфере реализации смысложизненных ценностей: работа, здоровье, дети; экзистенциальные трудности; конкуренция целей и ресурсов. К детерминирующим факторам жизненных трудностей отнесены: набор ресурсов, включая умение гибко ими распоряжаться; наличие детей школьного возраста; структура семейной поддержки; состояние здоровья; ориентация на достижение.

УДК 332.834 + 365.2

ББК С55.42 + Х621.143

Придвижкин С.В. Эффективность механизмов реализации национального проекта «Доступное жилье — гражданам России»: федеральный и региональный уровень. В статье анализируются организационные механизмы реализации национального проекта «Доступное жилье — гражданам России» на федеральном и региональном уровнях. Выявляются несовершенства механизмов управления, способные затормозить реализацию важнейших социальных инициатив, даются рекомендации по их устранению.

УДК 316.74

ББК С55.67 + С73(2) + С73(5К23)

Семенов М.Ю. Социально-демографические характеристики стабильности российско-казахстанской приграничной территории. В статье рассматривается демографическая характеристика российско-казахстанской границы, приводятся данные нескольких источников социологических опросов, на основе которых представлены основные тенденции, влияющие на формирование безопасного пространства этой части российской границы.

УДК 364 + 364.4

ББК С55.4/.5 + С55.321 + Ф3(2)1

Старшинова А.В. Социологические аспекты исследования процесса становления и функционирования идеологии социальной работы. В статье рассматривается идеология социальной работы как система ценностей и ценностных ориентаций, на основе которых происходит интеграция основных социальных групп общества. Показано, что российское общество в современных условиях нуждается в объединительной идеологии, роль которой в историческом и актуальном аспекте выполняет идеология социальной работы. Предложена модель идеологии социальной работы, модель ее развития и функционирования, раскрыты основные структурные элементы идеологии.

УДК 314.7

ББК С73(2)-25 + Х621.16

Федюнина С.М. Восприятие процессов миграции населением и сотрудниками органов внутренних дел: по данным социологических опросов. Автором проводился опрос сотрудников органов внутренних дел крупных промышленных центров России по проблемам миграции. В дополнение привлекались данные опросов населения крупными социологическими центрами страны, чтобы провести сравнительный анализ установок сотрудников силовых структур и восприятия населением ситуации с мигрантами по сопоставимым индикаторам.

УДК 882 (09) (045)

ББК Ш5 (2 Р36) 6

Багдасарян О.Ю. Экспрессивный потенциал образов времени и пространства в драматургии «новой волны».

В статье рассматриваются некоторые особенности пространственно-временной организации пьес «новой волны» в их связи с конфликтом и драматическим действием: соотношение сценического (реального) и внесценического (воображаемого) времени и пространства, эмоциональный ореол хронотопических образов и их метафорические смыслы.

SUMMARY

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SOCIOLOGY

Bykov A. To the question on «information» concept. In article the basic approaches to interpretation of the term in humanitarian and technical science are considered. The result of acquaintance to the various points of view is allocation of essential characteristics by a phenomenon of the information.

Vesselkova N. V. The attitudes towards the future: strokes to process temporal subjectivity. The article discuss a range of types of the attitudes towards the future («mysticism of prophecy» and «prevision's ratio») as well as towards the uncertainty of the future using students' essays analysis. Idea of temporal subjectness as a basis of temporal competence is suggested.

Glazyrin V. Methodological basis of study of law in sociology. The article is devoted to the bases of the necessity in the systematic analysis of the sociological methology of study of law. Besides, the author dwells upon the seminal points of this methodology and the main research approaches in the sociology of law for the study of the social and law problems of the contemporary Russian society.

Komleva N.A. Russia and the West: the relation of the homomorphism. This article analyzes relations between the political homomorphism and Russia as political homomorphous on the basis of the conception of the «homomorphous» and «pseudomorphose». This article proves features of a the historical way of Russia and first of all — the development of Russia as cultural catastrophes.

Levchenko V.V. Competition and its basic determinants. The author's conceptual scheme of the analyze of competition relations is showed in this article, the dynamics and the basic tendencies in changing of competition types in a modern Russian society for more than 20 years and the factors causing their forming and development are considered.

Malikova N.N. The sociological research as the communicative process. In the article one of forms of the communicative process (clienteles relations) is analyzed. This article constructs the scheme of research as the interaction between two subjects — the Sociologist and the Client. The article gives recommendations for increase of efficiency of interaction of the customer and the Sociologist.

Mansurov V.A. «Sociology and society: problems and interactions». In the article a difficult problem of necessity of a fundamental sociological theory (metat-

heory) is discussed. In spite of the fact that there are a lot of attempts to create new modern theoretical schemes and conceptions, none of them can be considered to be a theoretical basis of sociological science, which still remains a «provincial» science. The author gives a brief review of recent works written by Russian sociologists, which are of a paradigm character and can make up the foundation for working out of actually dimensioned methodology and theory of sociology.

Maslakov I.K. The occurrence of the clinical approach in medicine and sociology. In the article the history of occurrence and development psychology-sociology as theories and as practical activities reveals. The essence of the clinical approach, epistemology and a subject of clinical sociology proves.

Richkov D. A. Property as an Integral Form of Social and Individual Human Existence. The article deals with anthropological property configurations as a way of human existence and cognition of the world. The property appears to be a key for discovering, mastering and creating new philosophic reflection space of man-to-the world relations.

Slusarjansky M.A. Methological aspects of research of social-labor relations in the process of transformation of Russia society. Based upon the facts of the sociologic research of social-labor relations of workers of enterprises in Perm krai the author retraces the dynamics of social-transforming processes, their influence on the character, conditions and the level of the adaptation to a social environment.

SOCIELOGI POLITYKE

Zyrianov S.G. The formation of new institutions of regional elections. The article is devoted to the analysis of the formation of new institution of regional elections. In 2005 during the elections to the Legislative Assembly of the region deputies were elected not in majority electoral districts but according to the mixed election system.

Nikonov A.I. Problems of forming the political process in modern Russia. The article reviews and evaluates the political process in Russia. Great attention is paid to the activity of the state as the main subject of the political process. A number of problems and flaws emerging in the course of forming the political process are picked out. The article points out the possibility of negative consequences while realizing ineffective and untargeted policy of the state. The analysis of forming and realizing the political process in postwar Germany, its experience is of real interest to Russia.

Summary

Rudenko V.N. The Russian bureaucracy: quantity and quality. This article analyzes a problem of quality of the Russian bureaucracy, the reason of poor quality of work of the Russian officials, the decision of this problem in the countries of the Europe and America. This article gives concrete measures on improvement of quality of the Russian bureaucracy.

Chramsova N.G. Manipulative characteristics of a legal discourse during the political-legal communications (on an example of pre-election campaign in Kurgan area). This article is based on the results of made by the author content-analyzes. The author analyzed pre-election speeches for electors of governor candidates of Kurgan region and their interviews published in the local press.

ECONOMIC SOCIOLOGY

Ziryanov V.V. Zhelannova E. A. The cognitive approach in studying efficiency of tax reforms. This scientific work is made on a very actual theme for Russia — the hiding profits from taxes in a mass scale. This research seems to be important and interesting because of making the scheme of interaction between different parts of the tax system and determining the direction and kind of this interaction. The main aim is to forecast the effect of reforms made and planning for the realization of the tax system.

Ivanov O.P. National Happiness as a Social Phenomenon. This article considers evolution of basic criteria and trends in solving strategic objectives connecting with management development of social and economic systems. There is a transfer from gross planning criteria and assessment of development results to criteria typical of population standard of living and further to the idea of «national happiness». On the basis of real data analysis the principal approaches and practical actions aimed at the most important task solving — an improvement of population wellbeing — are considered.

Kozlov V.N. Young workers, white-collar workers, and office workers: self-comprehension and comprehension of and societies. This article gives conclusions about the sociological research of the satisfaction of young workers, white-collar workers, and office workers of the cities of the Chelyabinsk Province the maintenance, the organization, conditions and a payment. This article analysis relations between young workers and they enterprises administration. Results of research have shown necessity of the differentiated address approach for the youth policy for the whole, and to working youth, in particular.

Lavrentieva I.V., Varnavskaya L.P. Social and economic problems of realization of strategy of reproductive work in economy. This scientific article is dedicated to the historical and sociological analysis

of territorial socio-economical behavior of the Ural population in XX century, as a region playing from XVIII century and nowadays an important role in the socio-economical development of the whole country. The suggested analysis gives the opportunities to understand the reasons of modern Ural regional development problems and to conceptualize the possible ways of objectivation and optimization the socio-economical processes in the region for day-to-day and far away perspectives.

Nesterova N.V. The «sociocultural» (sociological-cultural science) poli-aspection of the enterprise activity as a condition of success. This article given is the complex consideration of a category of business activity (from the point of view of the system approach) with the purpose of fixing of the basic directions of studying of success as socialcultural phenomenon methods of sociological research.

Nosyrev N.A. The Renaissance of nuclear power and corporate system of a professional training for the nuclear industry. The article deals with the basic tendencies in development of atomic engineering in the beginning of XXI century. Perception by the world community of nuclear technologies, re-structuring of the nuclear industry and an opportunity of reception of work in atomic engineering are considered. Processes of globalization which lead to essential transformation of the market of a manpower are estimated. Increase of a role of the intellectual capital in modern corporations which leads to necessity of their transformation in constant «the trained organization» is analyzed. The processes are realized in the nonconventional form — in the form of corporate university. In the article activity of an educational Consortium «the Russian Nuclear Innovative University», its programs, the purposes, projects and priorities is analyzed.

Razinsky G.V. To the question about the type of management of the industrial socium. Based upon the facts of empiric research the analyze of dominating types of management and their influence on a social development of industrial community and the social-labor behavior of workers are given in this article.

Umansky A.S. «Functions and properties of policiess of the plant during realization of strategy». In the article the administrative contents of such instrument of realization of strategy of the plant, as policies is esteemed. The political processes in an organization structure of the plant execute major functions of check, adapting, progressing of strategy as systems of the contracts. The concept of policiess of article is uncovered through functions and properties of the rules in management of the plant. The stands of different schools of strategic management are analysed, the author's classification of the rules is offered.

Shaykin D.N. Social-economic problems of youth in a labor market. In the article problems of youth connected with vocational guidance, vocational training, and adaptations at the enterprise and with employment are considered. In the article demographic development and social dynamics of youth of the Ministry of Labor and Social Protection of the population of Republic Kazakhstan are analyzed.

SOCIOLOGY OF A SPIRITUAL LIFE

Antonova O.V. Scientific schools of the South Ural State University (SUSU). This article analyzes problems of occurrence and development of scientific schools in the «sociocultural» (sociological – culture science) context of Urals Region in the XX century. The article gives features of interaction of scientific leaders and their pupils, «the scientific school» and «a scientific direction» in the SUSU.

Balakin V.S., Balakina L.P. The Science as the professional communications. This article analyzes the scientific communications as a kind of the social communications, communicative features of development of the Soviet science, the importance of an electronic format of the scientific communications and a role of informal associations of the scientists working in one subject domain.

Ganopolsky M.G. The resettlement structure as the base of forming of the regional community. The paper deals with the problems of the impact of the resettlement structure on forming regional community in the territories formed in the process of new industrial development. The research is based on the experience of massive development of the West Siberian oil-and-gas-bearing province which lies almost entirely within the boundaries of the Tyumen Region. In this case the Tyumen Region is both the unique object of investigating a regional community and a specific object-representative in the theoretical generalization of the results.

Glucharev D.S. The intercultural communications of Finno-Ugric peoples of Ural. The author by the example of the Ural region considers ethnic processes at Finno-Ugric peoples. As a result of a national politics these peoples assimilated the Slavic population.

Zuyeva N.V. Cultural sector within the context of state reforms. The present paper is dedicated to the first results of reforming of state administrative system, and focuses on the issues appearing from delineation of powers between various levels of authority.

It examines the problem of assessment of work effectiveness of cultural institutions.

Iogolevich N.I. Zimina E.U. Use abilities of vocational education typological models in the

specialist training and forming process. In the article typological modes of vocational education analysis is being carried out on basis of qualification factors of main vocational training paradigms and opportunity of their use in the process of specialist training and forming is being viewed. Vocational education variety will allow to increase the efficiency of professional training and will provide with fulfillment of social order of the community on specialist training in competitive market economy conditions.

Kolchinskaya V.U. The art creativity as a way of self-identification. The article is devoted to theoretical problems of creative activity's analysis as the way of constructing of identity. The creation is considered as an attribute of a human activity which is condition and means of identification. The author describes the peculiarities of art creation as the way of identification.

Korshunova N.V. Reforms in Russia in last third of XVIII centuries — the first quarter of XIX centuries: problems of the theory and practice. In article the basic problems of preparation and carrying out of reforms in Russia, including in the end XVIII — the first quarter of XIX century are examined. The author analyzes concept «reform» and features of reforms in Russia. Characteristic features of planned and provisable transformations to the specified period are revealed. As a result the author comes to conclusion, that to one of consequences of spent transformations became genesis of liberalism and conservatism in Russia.

Lesnyak V.I. Patriotic upbringing in law machinery: current state and factors of influence. The current state and outlooks of heroic-patriotic upbringing of Russian militiamen are analyzed in the article written by the author from Chelyabinsk. Such personal qualities as heroism and patriotism are peculiar not only to power structures officials, though these features are compulsory for their vocational training. According to Gallup poll, carried out on 29 April 2005 the author reveals a wide range of opinions and problems connected with the forming of professional patriotism of inner affairs department officials. It has been noticed, the standard of patriotism of militiamen exceeds average figures in the country (according to the information of All-Russian center of studying of public opinion). It should be the norm if we take into consideration the specific character of law machinery.

Lipskaya L.A. Anthropological orientation of contemporary education. In the article from the social-anthropological point of view characteristic features of education as a social phenomenon are revealed. The author characterizes the crisis of modern education as a crisis of objective reality. Reasoning from the principles of postnonclassical science, the author proves the possibility of existence, interaction and partly

Summary

synthesis of basic anthropological approaches (objective and subjective) to education and presupposes evolutionary changing of educational paradigms instead of revolutionary one. There can be found a forecasting model of contemporary education based upon united social-anthropological space. The model reflects the process of socialization of a person as an integral bio-psycho-sociocultural-spiritual phenomenon.

Maltseva L.P. The cooperation of Russian Orthodox church and high school. This article analyzes cooperation of Russian Orthodox church and the Chelyabinsk state university in cultural, educational and social sphere. This article gives the sociological analysis of religion and the attitude of students to religion.

Mironov E.V. «Spontaneous» and «organized» beginnings of the Russian society in Russian sociopolitical idea of XIX century. In the article the author considers a mutual relation «spontaneous» and «organized» beginnings in history of becoming of the Russian state as they have been presented in a sociopolitical ideas of XIX century, and in particular, in B.N.Tchitcherin's political concept. It is shown also, that the analysis of these concepts is again actual now which is characterized by transformation of the Russian state.

Mironov E.V., Troshkin E.I. The political rights and the responsibility of citizens in B.N. Tchitcherin's sociopolitical conception. In the article authors consider parities of the political rights and freedom of citizens and their abilities and the responsibility in the organization of a public and state life, as they has been presented in sociopolitical conception of B.N. Tchitcherin.

Olkhovikov K.M., Olkhovikova S.V. The actual perspectives of sociology of spiritual life Sociological studies of spiritual problems are closely linked with philosophical comprehension. Sociology of spiritual life is more than a simple group of special sociological theories. Classical sociology combined phenomenology of spiritual life with critical interpretations of spirituality as such. Modern sociology seeks to conceptualize spirit as a social institution. In case of sociology of moral it is obvious that contemporary sociology bears spiritual mission to compensate sharp formalities of cultural outlook which comes from theistic tradition.

Popova L.A. Gender relations in a modern society. The article investigates fundamental relations in the Russian Federation. The author has tried to show the impact of economic and social reforms on the formation of gender relations.

Rybtsova I.I. A phenomenon of the Soviet woman or feature of gender system of the Soviet period. In

this article it is told about the genesis of gender system in the Soviet Period, about the uniqueness of the phenomenon of a Soviet woman, about its positive and negative sides. It is underlined that Soviet programme of gender emancipation had both conceptional and practical problems.

The changes of gender system in the Soviet society didn't help to overcome the submitted status of a woman in the system of social relations, but it was the ground on which the phenomenon of a Soviet woman appeared, which influences greatly modern Russian women as well.

Sergieva N.S. Semantic Gestalt and Russian Verbal Consciousness Core. The paper deals with the problem of verbal consciousness and its ethnic and cultural specificity investigated with associative experiment. The author presents the lexical core of verbal consciousness from «The Associative Thesaurus of Russian». The structure of this core is investigated with the semantic Gestalt method. The author offers a pattern of semantic analysis of the words of the Gestalt LIFE zone.

Timofeev A.A. Sociocultural consequences building of Transsib in South Ural. The article is has analysed changes of sociocultural sphere in South Ural after building Transsib, development of education, public health and other sphere of cultural, achieved beginning process rationalization city population.

Faizullin F.S., Shafikov M.T. Features of the dynamics of scientifically-educational potential in conditions of globalization. Features of dynamics scientific-educational potential in condition of globali-zation are considered in this paper. Authors paid much attention to characteristics of modern civilization movement. The necessity of optimal realization of scientific-educational potential in regions are explained.

Yualina N.S. The region's problem as socio cultural sphere. Nowadays the regional study becomes an integral science that requires forming theoretic and methodological conceptions of categorical system. It follows that the author examines basic items of modern regional logic (region, regional culture, regional self consciousness, regional self-identity) and now their meanings analyze in different research concepts. Therefore the item of regional mentality as a fundamental category of regional science.

APPLIED ASPECTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES

Antonova N.L. Necessities of a family for social services. Successful functioning and development of system of social service in Russia demands the reference to the analysis of needs of the population in social services. In clause results of the research lead per 2005

---

in Pervouralsk (Sverdlovsk area) as which basic purpose studying need of family in social services has acted are presented. Results of this research have shown, that both safe families and families with a difficult vital situation too are need in social services, first of all, medical, economical and legal.

Babkina L.F., Vlasova A.V. A place of charity and its forms in system of social values. The article deals with the place, role and meaning of charity, an institute of the civil society, its main modern characteristics. It gives the results of all-Russian sociological research of the population's opinion on the charity activity. The article also gives the analysis of the sociological survey carried out among students about the possibility of their participating in socially important charitable actions, their incentives and reasons. The characteristic of research on the basis of gender analysis of the interrogated students is adduced. The conclusions about charity development in the Chelyabinsk region and the Ural social-economic institute are made.

Zaborova E.N. The Phenomena of a city from the point of view of the theory of social space. In the article the basic characteristics of the conception of the «social space» proves and interpreted. In the article the phenomenon of city is considered. In the article the interrelation globalizes and intercity processes are analyzed (from a position of the theory of social space).

Moskvicheva M.G., Bredikhina N.V. Problem of health and a healthy way of life of the modern person (the sociological analysis). In article the relation of the population of the Chelyabinsk area to the health and orientation to a healthy way of life is considered. The basic accent is made on the attitude of agricultural population of area as researches on village on the given problem earlier it was not spent.

Panachev V.D. Problems social management of sport. At the last years sport is studied by miscellaneous branch scientific knowledge, each of which creates its belief about him, as subject of the study. However sociological forshortening of the problem of the sport particularly social process of its management remains it is not enough explored.

The problems of the modern process of management this specific social institute and its role in development of the personalities are central and dominant factor of the athletic achievements and controlling models of the modern world sport. The phenomenon of the sport as social phenomena most often define through values of the orientation. Modern understanding the problem of governing the sport as social institute, as well as purpose

of our study of sport management as social institute and its role in development of the personalities expect use to theories of the social development, social status, social relations, group behaviour, system and holistic approach to opening this operated phenomenas its as phenomenon.

Social-management bases of the development of the student sport necessary to consider, as collection state and public forms to activity, realized in purpose physical and athletic improvement student youth, satisfactions its interest and need, preparing the athletic reserve for assembly commands of Russia.

Petrova I.E. Young adults: the typology of the strategy struggle with vital difficulties. Article is devoted to typology of strategy coping behavior with vital difficulties young adult — the group which are taking place on border of youth and maturity. On the basis of the analysis of deep interviews vital difficulties in sphere of realization values are allocated: work, health, children; existential difficulties; a competition of the purposes and resources. To factors of vital difficulties are referred: a set of resources, including skill it is flexible them to dispose; presence of children of school age; structure of family support; a state of health.

Semenenko M.U. Socially-demographic characteristics of stability Russian-Kazakhstan border. The article examines demographic characteristics of the Russian-Kazakhstan border. Based on data obtained from several sociological surveys, the author discerns basic tendencies, which influence the formation of safe space in this part of the Russian border.

Fedyunina S.M. Recognition of migration processes by the population and by the officers of law-enforcement bodies: according to sociological interrogations. The author carried out interrogation of law-enforcement officers of large industrial centers of Russia concerning the processes of migration. Involving the data of interrogations of the Russian population carried out sociological centers of the country she gives the comparative analysis of situations with migrants through the perceptions of the local population and law-enforcement officers.

Bagdasaryan O.Yu. Emotional content of the chronotopic images in new wave drama (post-Vampilov generation).

The article observes some particular features of the chronotope in plays of so called “new wave” (or post-Vampilov generation) according to their connection to the conflict and dramatic action: the correlation between stage (real) and out-of-stage (imagined) time and space, emotional aura of the chronotopic images and their metaphorical meanings.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВА Наталья Леонидовна, доцент кафедры социологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), кандидат социологических наук. Область научных интересов: социология здоровья, социология социальной сферы, социальная работа, методология и методика социологических исследований. E-mail: n-tata@mail.ru

АНТОНОВА Ольга Викторовна, родилась в 1959 году. В 1983 году окончила Челябинский государственный институт культуры. В ЮУрГУ работает с 2003 года в качестве старшего преподавателя кафедры «Телевизионная и радиожурналистика», с 2004 года — директор Центра информации и связей с общественностью вуза. Научные интересы: история науки, развитие науки в вузах, люди науки.

БАБКИНА Людмила Федоровна, родилась в 1947 году, закончила Удмуртский педагогический институт (1971), 1972 — поступление в аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова, 1975 — защита кандидатской диссертации. Зав. кафедрой общественных дисциплин, кандидат исторических наук, профессор Уральского социально-экономического института (ф) Академии труда и социальных отношений. Научные интересы: теория и практика благотворительности, развитие высшей школы, история государственного управления в России. E-mail: Bochilo@ursei.ac.ru.

БАГДАСАРЯН Ольга Юрьевна, аспирант кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: драматургия второй половины 20 века, история театра и кино. Курсы, читаемые преподавателем: литература народов России и ближнего зарубежья, история театра, введение в филологию, филологический анализ текста.

БАЛАКИН Виктор Сергеевич, родился в 1955 г., в 1978 г. с отличием окончил Челябинский педагогический институт, в 1985 г. в МГУ им. М. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 г. в Институте истории и археологии УрО РАН — докторскую диссертацию «Отечественная наука в 1950-е — 1970-е гг.: Динамика социокультурных процессов». Декан социально-гуманитарного факультета, зав. каф. «История», профессор. Автор более 60 научных работ по проблемам теории и методологии истории, истории науки и науковедению, истории Урала, интеллектуальной истории, истории городов Урала. E-mail: gum@susu.ac.ru.

БАЛАКИНА Людмила Павловна, родилась в 1957 г., в 1980 с отличием окончила Челябинский педагогический институт, в 1994 г. в МГУ им. М. Ломоносова защитила кандидатскую диссертацию «Советская научная интеллигенция в 1960-е гг.:

социальное развитие и общественно-политическая деятельность». Доцент кафедры «История», автор более 30 научных работ по проблемам социальной истории, истории общественных наук в СССР.

БРЕДИХИНА Наталья Васильевна, ассистент кафедры социологии социально-гуманитарного факультета Южно-Уральского государственного университета. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Ориентации населения на здоровый образ жизни: региональный аспект». Круг научных интересов — социология международных отношений; социологический подход к проблемам здоровья и здорового образа жизни населения России в современных условиях; культурология.

БЫКОВ Алексей Юрьевич родился в 1973 г. Окончил факультет журналистики УрГУ (1995), аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Пресса Соединенных Штатов Америки о политических и социально-экономических проблемах современной России» (2001). Доцент кафедры истории журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького (2002). Кандидат политических наук. Сфера научных интересов — теория коммуникации, зарубежные СМИ в их взаимосвязи с государственными и общественными институтами. E-mail: aybykov@yahoo.com

ВЕСЕЛКОВА Наталья Вадимовна, родилась в 1967. В 1989 г. закончила с отличием философский факультет Уральского государственного университета. В 1995 г. в Институте Социологии РАН защитила кандидатскую диссертацию («Теоретические основания и методологические принципы полужурналистского интервью»). Научные интересы: методология и методы, социология времени и памяти, социология возраста и взросления. Доцент кафедры прикладной социологии факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького, доцент кафедры социальной работы Социального института РГППУ. E-mail vesselkova@yandex.ru

ВЛАСОВА Анна Владимировна, родилась в 1977 году, закончила Челябинский юридический техникум (1995), в 2000 — Челябинский государственный университет, 2000—2004 — аспирантуру Челябинского государственного университета, 2004 — защита кандидатской диссертации. Кандидат исторических наук, доцент кафедры профсоюзного движения Уральского социально-экономического института (ф) Академии труда и социальных отношений, руководитель Научно-исследовательского гендерного центра УрСЭИ (ф) АТиСО. Научные интересы — теория и история благотворительности, гендерные проблемы, политико-правовые процессы современной России. E-mail: Bochilo@ursei.ac.ru, avlasova74@mail.ru

---

ГАНОПОЛЬСКИЙ Михаил Григорьевич, д. ф. н., проф., гл. научн. сотр. Института проблем освоения Севера СО РАН.

ГЛАЗЫРИН Валерий Алексеевич, родился в 1959 г. Заведующий кафедрой социологии ГОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия» (г. Екатеринбург), кандидат философских наук, доцент. E-mail: glaz@e66.ru

ГЛУХАРЕВ Дмитрий Сергеевич, 1974 года рождения, старший преподаватель кафедры «Политология». Окончил в 1997 году Челябинский государственный университет. Научные интересы: национальная политика, генезис и динамика этносов, демография. E-mail: gds1974@gambler.ru

ЖЕЛАННОВА Евгения Алексеевна, родилась в 1980 г. Студентка Самарского государственного технического университета, филиал в г. Сызрани. Сфера научных интересов: экономическое поведение. E-mail: pikul_80@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург. E-mail: zaborova@bk.ru

ЗИМИНА Елена Юрьевна — ассистент кафедры экономики и менеджмента Челябинского института Уральской академии государственной службы. За время работы в вузе подготовила и издала методическое пособие, имеющее гриф УМО вузов России по образованию и 7 научных публикаций. Область научных интересов — подготовка и переподготовка персонала в современных деловых организациях. Является директором Челябинского филиала бизнес-школы компании «Росгосстрах». E-mail: Elena_Zimina@chel.rgs.ru

ЗУЕВА Надежда Владимировна, первый заместитель министра культуры Челябинской области. В 1986 году закончила Челябинский государственный институт культуры. С 2005 года является соискателем при кафедре культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств. Научные интересы связаны с изучением вопросов управления в сфере культуры. E-mail: Ucult@incompany.ru.

ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович, родился в 1955 г. В 1980 г. окончил Казахский ГУ по специальности «политэкономика», в 1990 г. завершил обучение в аспирантуре Московского экономико-статистического института защитой диссертации, к. э. н. С 1997 года — доцент, в 1999—2003 заведовал кафедрой экономики в Самарском ГТУ, с 2004 года — доцент кафедры экономической социологии и маркетинга МГУ им. М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: социология регионального и городского

развития, экономическое поведение. E-mail: zyryanov@socio.msu.ru, rosa@socio.msu.ru

ЗЫРЯНОВ Сергей Григорьевич, родился в 1950 году в с. Сосновка Каменск-Уральского района Свердловской области. В 1975 году окончил философский факультет Уральского государственного университета. С 1990 года кандидат философских наук, доцент, председатель бюро Челябинского областного отделения Российского общества социологов. В 1992 году назначен на должность директора Уральской академии государственной службы в г. Челябинске. В 1999 году избран действительным членом Российской академии естественных наук по Южно-Уральскому центру геополитики и управления. Основные социально-значимые направления научной, творческой и общественной деятельности (более 70 публикаций) связаны с изучением региональных политических процессов. E-mail: wadim@urags-chel.ru

ИВАНОВ Олег Петрович, родился в 1949 г., к. т. н., с. н. с., доцент, декан факультета Управления Челябинского института Уральской академии государственной службы, руководитель Президентской программы подготовки управленческих кадров для народного хозяйства Российской Федерации (при ЧИ УРАГС). Основное научное и педагогическое направление: управление развитием социально-экономических систем. E-mail: oliva77@yandex.ru

ИГОЛЕВИЧ Наталья Ивановна, кандидат психологических наук, доцент по кафедре «Прикладная психология». За время работы в вузе ей подготовлено и издано 7 учебно-методических пособий, два из которых имеют гриф УМО вузов России по образованию и 52 научные работы, среди них монография «Психология личности и деятельности менеджера». Область научных интересов — психология личности менеджера. Является региональным представителем кафедры управления персоналом института повышения квалификации госслужащих (ИПК госслужбы, г. Москва), руководителем экспертной группы г. Челябинска (аттестованной Федеральной службой по делам несостоятельности и финансовому оздоровлению), осуществляющей психологическую оценку антикризисных управляющих. E-mail: iva@chel.surnet.ru

КОЗЛОВ Вадим Николаевич, родился в 1939 г., с 1989 г. — завсектором социологии Челябинского филиала ЧЭУРО РАН, с 1995 г. — заведующий кафедрой социологии ЧелГУ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

КОЛЧИНСКАЯ Вероника Юлиевна, родилась в 1973 г. В 1998 г. окончила Уральский государственный университет им. Горького в г. Екатеринбурге. С 1998 по 2001 гг. обучалась в аспирантуре. В 2001 г. защитила диссертацию по теме: «Музыкальное самодетельное творчество как фактор социализации молодежи». Сфера научных интересов: социология

Сведения об авторах

искусства, проблемы социализации личности. С 1998 г. по 2002 г. преподавала на кафедре социологии Российского профессионально-педагогического университета г. Екатеринбург. С 2002 — доцент кафедры социологии ЮУрГУ. E-mail: kolvu@mail.ru

КОМЛЕВА Наталья Александровна, доктор политических наук, доцент, профессор факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького. E-mail: komleval@yandex.ru

КОРАБЛЕВА Галина Борисовна, родилась в 1949 г. Окончила Уральский государственный университет. Профессор кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета. Научные интересы: проблемы социальной дифференциации, изучение профессиональных общностей. E-mail: korablevag@mail.ru

КОРШУНОВА Надежда Владимировна, родилась в 1973 г., в 1996 г. закончила с отличием исторический факультет Челябинского государственного университета. В 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию. С 1998 г. работает на кафедре истории, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета, доцент (с 2004 г.). Область научных интересов: история реформ, зарождение либерализма и консерватизма в России.

ЛЕВЧЕНКО Валерий Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета. E-mail: socio@pstu.ac.ru

ЛЕСНЯК Виктор Иванович, родился в 1951 году, окончил Академию МВД СССР. Специальности — «Правоведение», «Организация правоохранительной деятельности». Работал начальником УВД г. Копейска и г. Челябинска. Кандидат юридических наук, доцент, Министр внутренних дел республики Тыва. Полковник милиции.

ЛИПСКАЯ Лариса Алексеевна, родилась в 1957 г., кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, философии и права Уральского государственного университета физической культуры. Научные интересы: проблемы социологии и философии образования, антропологических оснований образования, современные подходы и концепции образования. E-mail: lipskaya@mail.trigor.ru

МАЛИКОВА Наталья Николаевна, родилась в 1953 г. Кандидат философских наук; доцент кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Генеральный директор Центра Социальных Технологий «ОПТИМА». Прошла российско-канадский семинар по теме «Методы обработки результатов социологических исследований в пакете SPSS», проходила стажировки в Карлетонском Университете (Канада), а также в Университете штата Флорида

(США) по проблемам методики и техники изучения общественного мнения. Научные интересы: методика социологических исследований, социология культуры, исследование общественного мнения. E-mail: Natalya_Malikova@optima-ekb.ru

МАЛЬЦЕВА Людмила Павловна, родилась в 1939 году, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Челябинского государственного университета. E-mail: soclab@econ.cgu.chel.su

МАНСУРОВ Валерий Андреевич, родился в 1937 г. Руководитель сектора «Изучение проблем интеллигенции» Института социологии Российской академии наук, Президент Российского общества социологов (РОС). Доктор философских наук (1982). E-mail: rss@isras.ru, isras@isras.ru

МАСАЛКОВ Игорь Константинович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник социологического факультета Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова, кафедра методологии социологических исследований, представитель России в исследовательском комитете по «Клинической социологии» Международной социологической ассоциации. E-mail: home@home.soc.msu.su

МИРОНОВ Евгений Владимирович, родился в 1944 году. В 1972 году окончил философский факультет Уральского государственного университета в Екатеринбурге по специальности «Философия», обучался в философской аспирантуре МГУ. В 1984 году защитил диссертацию по теме «Гносеологические и социальные функции научной теории» по специальности «Философия». С 1991 года работает на кафедре социологии Южно-Уральского государственного университета. Заведующий кафедрой. Научные интересы: геополитические проблемы формирования регионов, теории конфликтов в мировой политике.

МОСКВИЧЕВА Марина Геннадиевна, первый заместитель Министра здравоохранения Челябинской области.

НИКОНОВ Анатолий Иванович, родился в 1945 г. В 1972 г. окончил естественно-географический факультет Челябинского педагогического института, в 1976 г. — аспирантуру по философии и защитил кандидатскую диссертацию по методологии научного познания. В 1985 г. окончил институт повышения квалификации при Киевском государственном университете. Проректор по учебной работе Уральского социально-экономического института АТиСО, кандидат философских наук, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Автор более 60 работ по философии, политологии, мифологии, философии человека и социальной философии. E-mail: rect@ursei.ac.ru

НЕСТЕРОВА Наталья Валентиновна, родилась в 1974 г., защитила кандидатскую диссертацию «Предпринимательство как социокультурный феномен» (2000 г.) Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Челябинской государственной академии культуры и искусств. Интересы: социология культуры, методология и методика соц. исследований; социокультурные процессы. E-mail: natali_nesterova@mail.ru

НОСЫРЕВ Николай Анатольевич, ректор Новоуральского государственного технологического института, к. ф.-м. н., доцент. Занимается проблемами социологии образования в ядерной промышленности, по данной тематике опубликовано 32 научных работы, в том числе и в центральной печати. E-mail: rector@npi.novouralsk.ru

ОЛЬХОВИКОВ Константин Михайлович, родился в 1961 году, доктор философских наук (2002), профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета (УПИ). Сфера интересов — социология духовной жизни. E-mail: ksoc@mail.ustu.ru

ОЛЬХОВИКОВА Светлана Валерьевна, родилась в 1961 году, кандидат философских наук (1997), доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета (УПИ). Сфера интересов — социология духовной жизни. E-mail: ksoc@mail.ustu.ru

ПАНАЧЕВ Валерий Дмитриевич, родился в 1946 году, в 1970 г. закончил Пермское высшее командно-инженерное училище, в 1982 г. — Пермский педагогический институт, в 1984 г. — Ленинградский дважды Краснознаменный военный институт физической культуры, в 1986 г. — Пермский институт патентования, в 1992 г. — Московскую академию управления имени С. Орджоникидзе; мастер спорта, председатель президиума олимпийской академии Прикамья, президент стрелкового союза Прикамья; член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой Пермского государственного технического университета. Автор 200 научных и научно-методических работ по физической культуре и спорту, социологии спорта, социологии управления. E-mail: panachev@pstu.ru

ПЕТРОВА Лариса Евгеньевна, родилась в 1966 г. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук защитила в 1998 г., ученое звание «доцент» получено в 2000 г. В настоящее время — заведующая кафедрой теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург. Автор более 90 работ, в том числе глав в 6 коллективных монографиях. Сфера научных интересов — методология и методика социологических исследований, социальная адаптация, в частности — совладание с жизненными трудностями. E-mail: kuzmin@isnet.ru

логических исследований, социальная адаптация, в частности — совладание с жизненными трудностями. E-mail: kuzmin@isnet.ru

ПОПОВА Людмила Александровна, родилась в 1950 году. В 1975 году окончила с отличием Челябинский политехнический институт им. Ленинского комсомола. Работает в Министерстве социальных отношений Челябинской области. Соискатель степени кандидата наук при кафедре общественных дисциплин Уральского социально-экономического института (филиал) Академии труда и социальных отношений. Научные интересы связаны с изучением проблем семьи и гендерных отношений. Автор восьми опубликованных работ. E-mail: Popovludm@yandex.ru

ПРИДВИЖКИН Станислав Викторович, родился в 1964 г., окончил УПИ им. С.М. Кирова в 1987 г., защитил кандидатскую диссертацию в 1991 г., кандидат физико-математических наук. Сфера научных интересов — экономика города, региональная экономика, экономика недвижимости. Директор по предпроектной подготовке и проектированию ЗАО «РЕНОВА-Стройгруп».

РАЗИНСКИЙ Геннадий Вениаминович, ст. научный сотрудник, зав. лабораторией социологии Пермского государственного технического университета. E-mail: labsoc@pstu.ac.ru

РУДЕНКИН Василий Николаевич, родился в 1959 г., кандидат философских наук (1985); доцент (1989); доктор политических наук (2002); профессор (2004). Научные интересы: проблемы гражданского общества и политической культуры. Уральский институт экономики, управления и права, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. E-mail: Rudenkin@mail.ru.

РЫБЦОВА Лариса Леонидовна, в 1976 защитила кандидатскую диссертацию, в 1998 г. — докторскую диссертацию, доктор социологических наук, профессор. С 2001 г. — заведующая кафедрой педагогики Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Научные интересы — гендерные исследования, социология семьи, демография. E-mail: Larisa.Rubtsova@usu.ru

РЫЧКОВ Дмитрий Алексеевич, родился в 1977 г. В 1998 г. с отличием закончил экономический факультет Челябинского государственного университета; в 2003 г. — юридический факультет ЧелГУ. В настоящее время работает преподавателем на кафедре «Методы математической статистики в экономике» на экономическом факультете ЧелГУ, является аспирантом кафедры философии ЧелГУ.

СЕМЕНЕНКО Марина Юрьевна, старший преподаватель кафедры политологии социально-гуманитарного факультета. Закончила Санкт-Петербургский университет, философский факультет, спе-

Сведения об авторах

циальность — политология. Научные интересы — геополитическое формирование регионов, трансграничное сотрудничество, иерархия территориальных идентичностей. Имеет 10 опубликованных работ.

СЕРГИЕВА Наталья Станиславовна, родилась в 1954 г., в 1978 г. закончила Ленинградский государственный университет, в 1984 г. — аспирантуру ЛГУ. Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета. Автор более 60 научных работ по проблемам диалектологии, лингвогеографии, психолингвистики. В настоящее время сферой научных интересов является психолингвистика, к защите готовится докторская диссертация по проблемам русского языкового сознания.

СЛЮСАРЯНСКИЙ Марк Абрамович, зав. кафедрой социологии и политологии Пермского государственного технического университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: labsoc@pstu.ac.ru

СТАРШИНОВА Алевтина Викторовна, родилась в 1953 году, окончила философский факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького в 1975 г. Кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы факультета социологии и политологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького. В настоящее время подготовлена к защите диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук, посвященная проблеме становления и функционирования идеологии социальной работы в современном российском обществе. E-mail: Alla.Starshinova@usu.ru, Stelena@mail.ur.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Анатольевич родился в 1962 г. В 2001 г. закончил исторический факультет Челябинского государственного университета. С 2001 г. ассистент кафедры «История» Южно-Уральского государственного университета. Занимается проблемой социальной модернизации Южного Урала конца XIX — начала XX вв. E-mail: a_timofeev@inbox.ru

ТРОШКИН Евгений Иванович, родился в 1948 г. Окончил философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1973 г., с 1991 года работает на кафедре социологии ЮУрГУ, доцент. E-mail: trinkin@icc.susu.ac.ru

УМАНСКИЙ Александр Степанович, родился в 1956 г. Окончил Академию народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). В настоящее время работает на должности арбитражного управляющего в г. Челябинске.

ФАЙЗУЛЛИН Фаниль Сантович, родился в 1942 году, кандидат философских наук (1972), доцент кафедры философии УГАТУ (1975), доктор

философских наук (1983), профессор кафедры философии УГАТУ (1984), с 1991 г. академик АН РБ и РАЕН. Заведующий кафедрой философии Уфимского государственного авиационного технического университета, академик-секретарь Отделения социальных наук АН РБ. Научные интересы: социология города, социальные последствия НТП, международные отношения, социальная структура, социальная философия.

ФЕДЮНИНА Светлана Михайловна, родилась в 1950 году, кандидат филологических наук (1988), доцент кафедры иностранных языков Саратовского государственного университета, руководитель Лингвистического учебно-научного центра, заведующая кафедрой «Русский язык, прикладная лингвистика и методика обучения» СГТУ, с 2005 г. — докторант кафедры «Социальная работа и социальная антропология» СГТУ. Участница трех международных проектов TEMPUS, ряда Федеральных проектов. Более 70 научных статей (6 — из списка ВАК), 18 учебных пособий. Научные интересы: социология, социолингвистика. E-mail: lunc@sstu.ru, aef@bk.ru

ХРАМЦОВА Наталья Геннадьевна, родилась в 1972 г., окончила филологический факультет Курганского государственного университета, аспирантуру Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва), защитила кандидатскую диссертацию в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (2000). Доцент кафедры социологии и социальной работы Курганского государственного университета. Научные интересы: теория правовой коммуникации, правовой дискурс, коммуникативная компетентность юристов, культура речи юристов. E-mail: sonm5@yandex.ru

ШАЙКИН Динмухаммед Нурланович, к. э. н., ст. преподаватель кафедры «Управление и бухгалтерский учет» Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, Республика Казахстан, г. Петропавловск. Shaikindimash2005@rambler.ru

ШАФИКОВ Мунир Тагдилович, родился в 1958 году. С 1986 по 1989 гг. — аспирант кафедры философии УГАТУ, с 1989 по 1996 гг. преподаватель кафедры философии УГАТУ, с 1996 г. — доцент кафедры УГАТУ, с 2000 по 2003 гг. — докторант кафедры философии УГАТУ. Научные интересы: мобильность трудовых ресурсов, социальная структура, образование и наука, научный и научно-образовательный потенциал.

ЮЖАЛИНА Наталья Сергеевна, кандидат культурологии, доцент кафедры искусствоведения и культурологии ЮУрГУ. Сфера научно-исследовательской деятельности связана с областью теоретической культурологии, в частности с разработкой понятия «региональный менталитет» и его теоретическим обоснованием в качестве культурологической категории.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАКО – Государственный архив Кировской области.
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области.
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан.
ПСЗ РИ I – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства.
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
СТО — Совет Труда и Оборона.
УНХУ — Управление народнохозяйственного учета.
УНЦ АН СССР — Уральский научный центр Академии наук СССР.
УрО АН СССР — Уральское отделение Академии наук СССР.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2(57) 2006

**Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»**

Выпуск 5

Отв. ред. серии *Балакин В. С.*
Корректоры *Выборнова Л. В., Гончарова В. Н., Двойнишникова М. П., Власова А. Ю.*
Компьютерная верстка *Феркель В. Б.*

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 14.09.2006. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 29,3. Уч.-изд. л. 32,3. Тираж 500 экз. Заказ 355/62.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76.